М.А. Полиевктов

НИКОЛАЙ I

Биография
и
обзор царствования

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге известного русского историка Михаила Александровича Полиевктова исследуется период царствования Императора Николая I; развитие российского государства, его внутренняя, и внешняя политики, войны, формирование бюрократического аппарата, как главной опоры государства.

- Михаил Александрович Полиевктов
  -
  -
  - Николай I. Биография и обзор царствования
    - Предисловие
    - Детство и годы учения Великого Князя Николая Павловича
    - Юность и женитьба (1814–1817)
    - Великий Князь Николай Павлович во вторую половину александровского царствования (1818–1825)
    - Вопрос о престолонаследии и вступление на престол Николая
    - Новое правительство
    - Внутренняя политика первых лет царствования
    - Внешняя политика императора Николая; восточный вопрос 1825–1829 гг.
  - Тридцатые и сороковые годы (1830-1848)
    - Тридцатые и сороковые годы (1830–1848); Июльская революция во Франции и революция в Бельгии
    - Царство Польское в начале царствования императора Николая I; польская революция 1830–1831 гг. и ее усмирение; последующая политика Николая I в Польше и западном крае
    - Внешняя политика императора Николая I в 30-х и 40-х годах
    - Личная жизнь государя в 30-х и 40-х годах
    - Николаевская система
  - Государственные учреждения в царствование Императора Николая I
    - Государственные учреждения в царствование императора Николая I
    - Народное просвещение и вероисповедная политика в николаевское царствование

        - Николай I и искусство
        - Кодификация
        - Экономическая политика, пути сообщения и финансы
        - Николаевское законодательство о государственных состояниях
    - Военное дело и флот
        - Военное дело и флот
        - Кавказ в царствование Николая I
        - 1848 год. Внешняя политика и внутренние мероприятия
        - Восточный вопрос в начале 50-х годов и крымская кампания; последние годы жизни императора Николая Павловича
    - Послесловие
    - Приложение. Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71

- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

Михаил Александрович Полиевктов Николай I. Биография и обзор царствования с приложением

© М.А. Полиевктов 1918
© Изд-во «Сатисъ» 2003

* * *

Император Николай I

В основу настоящей книги легли два различных текста: составленная автором для Биографического словаря Императорского Русского Исторического общества биография

императора Николая I и курс, посвященный обзору николаевской эпохи, читанный им на Петроградских Высших женских курсах и застенографированный. Курс помог автору установить его основные точки зрения на николаевское царствование и определил построение книги; биография дала фактическое содержание. Курс был рассчитан на два года. В первый год удалось сделать лишь обзор правительственной деятельности; второй год предполагалось посвятить обществу и течениям общественной мысли в николаевское царствование. Изменение в учебном плане преподавания русской истории на курсах помешало выполнить в целом намеченную программу. Это заставляет автора отказаться на время от мысли – дать обзор николаевской эпохи, и ограничиться на первых порах более скромной задачей – биографией и обзором царствования императора Николая I.

Под Москвой в Петровском-Разумовском, май 1916

Николай I. Биография и обзор царствования

Предисловие

Царствование императора Николая I – определенная эпоха в русской истории, эпоха прежде всего в истории абсолютной монархии в России. С середины XVII века московское государство начинает приближаться к тому типу абсолютной монархии, который сложился к этому времени и на Западе, а со времени Петра Великого и в течение всего XVIII века окончательно облекается в формы западно-европейского полицейского государства. Этот процесс заканчивается к началу XIX века, когда, после реформы центральных учреждений в царствование Александра I, в России устанавливается бюрократическая система управления. Окончательное завершение этого процесса и относится ко времени царствования императора Николая I.

Каждая форма государственного устройства обладает известной долей политической косности: возникнув в свое время в силу реальных потребностей данного исторического момента, она постепенно принимает традиционный характер и, как таковая, отстает от вновь слагающихся экономических, социальных и интеллектуальных условий. В свое время прогресс политической эволюции, полицейское государство в чистом виде к началу XIX века не покрывало уже собой усложнившихся к этому времени форм общественной жизни. На этой почве в течение всего XVIII и начала XIX вв. слагаются различные политические течения, ставящие себе задачей смягчение чистых форм абсолютизма, течения, временами и чем дальше, тем сильнее уклоняющиеся в сторону политического конституционализма. Сама эволюция форм абсолютной монархии в направлении к большей закономерности тем самым создавала почву для роста конституционных идей. Таково значение на русской почве петровской коллегиальной системы, попытки верховников в 1730 году начал, возвещенных в «Наказе» императрицы Екатерины II, политической программы Сперанского и, наконец, того движения, которое охватило некоторую часть русского общества в исходе царствования Александра I. В силу целого ряда условий это последнее движение пришло, как известно, в резкое столкновение с существующим политическим строем в момент вступления на престол императора Николая I, и из этого столкновения абсолютная монархия вышла победительницей. Царствование императора Николая I и имеет прежде всего исторический интерес, как такой период в истории абсолютной монархии в России, когда эта политическая форма стала боевым лозунгом,

торжествующим свою победу, и из простого исторического факта окончательно превратилась в санкционированный политический принцип.

Провозглашенный как принцип, политический абсолютизм никогда, ни до ни после этого царствования, за исключением, пожалуй, эпохи Петра Великого, не проводился и так последовательно, как при Николае I. Жизнь в течение XVIII и начала XIX веков выдвинула целый ряд крупных очередных задач, остававшихся к моменту вступления на престол императора Николая неразрешенными. Провозгласив принцип всесторонней государственной опеки, николаевское правительство попыталось взять в свои руки разрешение всех этих задач, но в это разрешение неуклонно вносило всегда одну и ту же политическую окраску. В области внешней политики перед Россией начала XIX века раскрывались две основные задачи: привести в ясность русско-польские отношения и закрепить за собой то благоприятное положение на Востоке, которое начало к этому времени там для нее складываться. Польский вопрос разрешался николаевским правительством исключительно в смысле отрицания за польской национальностью прав на политическое самоопределение и полного подчинения Польши России, подобно тому как в самой империи каждый гражданин находился в абсолютном подчинении у государственной власти. В восточном вопросе покровительство христианским народностям Востока не мыслилось иначе как в форме безраздельного вмешательства в их внутреннюю жизнь русской государственной власти в видах охранения у этих народностей патриархального уклада; на другом форпосте русской восточной политики, в Закавказье, задачи государственной власти понимались, главным образом, в смысле насаждения на этой окраине общеимперского бюрократического строя. В области внутренней политики основными задачами были: разрешение финансового кризиса и поднятие производительных сил страны, устранение тех сословных противоречий, которые создавались на почве крепостного права, введение в общую систему государственного управления такого мощного фактора, как народное образование, до этого времени остававшееся в промежуточном состоянии. В области финансовой и экономической политики в деятельности Канкрина николаевское царствование дает нам яркий образец протекционизма, экономической системы, выросшей в атмосфере полицейского государства. Крепостной вопрос разрешается в духе ослабления личной крепостной зависимости крестьянина от помещика, как противоречащей принципу государственности, но в то же время и в духе сохранения над личностью крестьянина

известной опеки. Народное образование складывается в определенную систему с последовательно проводимым принципом самого строгого правительственного надзора, и главной задачей народного просвещения провозглашается воспитание умов в правительственном духе. Само государственное управление в николаевское царствование развивается в сторону дальнейшей бюрократизации: проведенный в сфере высшего управления принцип бюрократической централизации распространяется теперь на органы местного управления. Начало XIX в. поставило русскому государству и еще одну, новую для него, проблему: русский государственный организм осложнился к этому времени рядом областей, живших своим историческим прошлым – Финляндии, Польши, Бессарабии, Грузии. Стал на очередь окраинный вопрос. Не ставя этот вопрос в целом, николаевская правительственная система в отдельных случаях последовательно проводит на окраинах обрусительную политику. Николаевское царствование не только провозгласило принцип абсолютизма, но и формулировало последовательную систему абсолютно-монархического управления. И как сам по себе этот принцип к данному времени стал консервативным началом, так и николаевская правительственная система стала как бы формулой консервативной бюрократической программы.

В пределах очерченных им политических рамок императору Николаю I удалось во всяком случае кое-что сделать. Николаевское царствование далеко не пустое место в истории русского правительства, и нет ничего более неисторичного, как рассматривать всю правительственную деятельность этого царствования под углом зрения «краха николаевской системы». Наследие николаевского царствования далеко не сводилось к одним язвам бюрократического режима; это была эпоха и многих действительно положительных достижений. Все эти достижения не служат, конечно, доказательством жизненности самой николаевской правительственной системы в ее основаниях. Эта система сама по себе для данного времени была уже изжитым прошлым, и в этом таились корни ее разложения, того, действительно, краха, который раскрывается во всей полноте главным образом во вторую половину николаевского царствования. Отдельные положительные достижения этого царствования, быть может, лишь ускоряли этот процесс разложения. В эпоху Петра Великого абсолютизм и полицейская система управления были творческим началом; в николаевское царствование они стали уже устаревшим оружием. Победа абсолютизма, николаевское царствование было, в сущности

говоря, в то же время последней эпохой в истории русской абсолютной монархии. Определяя николаевское царствование как известный момент в истории русской абсолютной монархии, мы не получаем еще полного определения «николаевской эпохи». Русское общество жило в это царствование своей особой от правительства и по своему очень полной жизнью. Оно пережило за это время большой период и своего экономического и социального роста и усложнения, и своего духовного созревания. И только из совокупного рассмотрения и правительственной деятельности, и общественной жизни за данное время складывается полная картина николаевской эпохи. Данное выше определение представляется, однако, достаточным, поскольку мы ограничиваемся обзором николаевского царствования в собственном смысле этого слова, т.е. обзором правительственной деятельности в это царствование. Зато из такого обзора не может быть исключена личная биография императора Николая I. Никогда и нигде абсолютная монархия не была так далека от известного положения «государь царствует, но не управляет», как при нем, в его царствование. Недостаточно сказать, что в николаевское царствование управление принимает личный характер. Абсолютная монархия при Николае I воплощается в его личности. Само свое бытие на троне Николай понимает прежде всего как осуществление определенного принципа. Правительствуя и являясь представителем своей страны, в минуты гнева и милости, снисходя до шуток и детских забав с воспитанниками кадетских корпусов, Николай I никогда не упускает случая дать почувствовать сан государя. Правительственная система в николаевское царствование и биография императора Николая I – две стороны одного и того же исторического явления. А в то же время, углубляясь в эту биографию в ее повседневных проявлениях, мы извлекаем из нее много ценного для понимания отдельных моментов этого царствования. Жизнь государя Николая Павловича уясняет нам многое в правительственной деятельности императора Николая I.

Детство и годы учения Великого Князя Николая Павловича

Третий сын цесаревича Павла Петровича, великий князь Николай Павлович родился в последний год царствования императрицы Екатерины II, 25 июня 1796 года. Первое время после своего рождения Николай Павлович, как в свое время и его старшие братья Александр и Константин, был взят на попечение самой императрицей[1].

Имевшая обыкновение лично присутствовать при рождении своих внуков, императрица на этот раз прибыла в покои, занимаемые великой княгиней в Большом Царскосельском дворце, лишь после того, как эта последняя разрешилась от бремени. С самого своего рождения Николай Павлович поражал своим большим ростом (14 верш.) и прекрасным здоровьем. 6-го июля 1796 г. состоялся обряд крещения; восприемниками были великий князь Александр Павлович и великая княжна Александра Павловна, заступавшая у купели место императрицы Екатерины. Обряд крещения совершал духовник императрицы протоиерей Савва Исаев. 7 ноября т.г. Николай Павлович был назначен шефом лейб-гвардии Конного полка и первому батальону этого полка присвоено было его имя. В этот же день был назначен штат новорожденного великого князя, который постепенно составился из следующих лиц: статс-дама Шарлотта Карловна Ливен, три дамы-гувернантки – Юлия Федоровна Адлерберг, Е. Синицина и Е. Панаева; няня – англичанка Евгения Васильевна Лайон, кормилица – красносельская крестьянка Евфросинья Ершова, две камер-юнгферы – Ольга Никитина и Аграфена Черкасова, две камер-медхен – Пелагея Винокурова и Мария Перьмякова и два камердинера – Андрей Валуев и Борис Томасон. Кроме того, при великом князе состояли: лейб-медик доктор Бек, аптекарь Ганеман и зубной врач Эбелинг.

Воспитание великого князя Николая протекало всецело в тесном домашнем кругу царского семейства, в обстановке гатчинской придворной жизни, со всеми теми характерными особенностями, какие эта жизнь приняла в царствование императора Павла. Сам Павел Петрович питал к своим младшим детям теплое искреннее чувство и влагал в свои отношения к ним и к их воспитателям много непринужденности. У великих князей Николая и Михаила Павловичей в их раннем детстве установились доверчивые отношения к их отцу. Николай Павлович особенно пользовался его любовью и сам был очень к

нему привязан. Наоборот, в отношениях императрицы Марии Феодоровны к ее младшим детям преобладал официальный тон. Не обладавшая большой сердечностью, императрица Мария Феодоровна подчинила воспитание своих младших детей, особенно вначале, строгому этикету, была с ними суха и холодна и редко выходила из пределов известного церемониала: по заведенному императрицей порядку младшие великие князья и княжны лишь в течение немногих часов в день видели своих родителей. У Николая Павловича в его отношениях к матери первоначально преобладало чувство учтивости, лишь позднее уступившее место более теплому чувству.

Первоначальное воспитание Николая Павловича было доверено, главным образом, двум лицам: статс-даме Шарлотте Карловне Ливен и англичанке мисс Лайон. Обе они были назначены еще самой императрицей Екатериной, но сумели снискать расположение и ее невестки. Ливен скоро стала личным другом Марии Феодоровны, что в данном случае имело немалое значение ввиду тех натянутых отношений, какие существовали между императрицей и великокняжеской четой. Курляндская уроженка, рожденная баронесса Гаугребен, г-жа Ливен как нельзя более пришлась по душе Марии Феодоровне. Обе они вносили в дело воспитания известную чисто немецкую аккуратность, чисто немецкую сдержанность и некоторую узость педагогических взглядов. Как человек, Ливен отличалась, по-видимому, большей сердечностью, и, быть может, под ее влиянием развилась у Николая большая любовь к уюту, к частной жизни, к семейному очагу, что впоследствии постоянно так сильно выдвигалось у него на первый план. С раннего детства в нем стал складываться человек частной жизни, подготовлялся семьянин. Позднее и к вопросам государственного характера он зачастую подходил с меркой частной жизни, а такая мерка, в свою очередь, вполне совпадала с известной узостью его взглядов, стремлением все свести к элементарным основаниям, не осложнять чересчур разрешения вопросов. Особенно сильное влияние на развитие характера Николая Павловича оказала его няня, шотландская уроженка мисс Лайон (Jane Lyon; впоследствии по мужу Вячеслова). Прямая, смелая и решительная, мисс Лайон нередко брала на себя идти вразрез с данными ей инструкциями и даже отваживалась иногда противоречить императрице Марии Феодоровне, на что решались очень немногие. Помимо воспитания характера, мисс Лайон привила своему питомцу и определенные симпатии и антипатии. До приглашения ее к великому князю она служила в семействе Чичериных. С ними ей пришлось быть в 1794 г. в Варшаве во время вспыхнувшего там

восстания против русских. Николай Павлович часто слышал от мисс Лайон о пережитых ею в это время страшных сценах и унаследовал от нее на всю жизнь неприязненное чувство к полякам и евреям. Позднее на почве этого чувства развились определенные политические принципы.

Из других воспитательниц великого князя можно отметить еще Ю.Ф. Адлерберг (урожденную Багговут). Она была назначена уже после смерти императрицы Екатерины, в 1797 г., по рекомендации доверенного секретаря императора Павла барона Николая. Адлерберг оставалась в должности гувернантки великих князей Николая и Михаила Павловичей до 1802 г., когда была назначена начальницей Смольного института. Ее сын, граф Владимир Федорович, скоро стал товарищем детства великого князя.

С 1800 г. воспитание Николая Павловича перешло в мужские руки. Есть известие, что первоначально заходила речь о назначении его воспитателем гр. Сем. Ром. Воронцова, бывшего в то время посланником в Англии; император Павел был против этого назначения, так как не доверял Воронцову, зная его англоманство. Выбор императора пал на генерала Матвея Ивановича Ламздорфа, незадолго до этого назначенного директором сухопутного кадетского корпуса (нынешний Первый в Петрограде). По общему отзыву, Ламздорф, не отличаясь широким образованием, не отличался и педагогическими способностями, обращался со своим воспитанником не только сурово, но и жестоко и ставил своей главной целью переломить его на свой лад. Жестокая и грубая педагогика Ламздорфа столкнулась, однако, в данном случае с очень неподатливым элементом – упрямым и резким характером подрастающего великого князя, что вряд ли могло принести благие результаты. Одновременно с назначением Ламздорфа к великому князю были приставлены «кавалеры»: генерал-майор Н.И. Ахвердов и полковники П.И. Арсеньев и П.П. Ушаков, вносившие в воспитание более кроткие меры и имевшие (особенно Ахвердов) больше влияния на своего воспитанника[2].

Первоначальное образование Николая Павловича носило довольно случайный характер. Те лица, в чьих руках сосредоточивалось воспитание Николая Павловича, были отчасти и его первыми учителями. Так, первым молитвам (по-русски) его обучила мисс Лайон; только с 1803 г. уроки Закона Божьего стал давать ему его духовник Павел Криницкий. Русским языком занимался с великим князем очередной кавалер. Ахвердов давал, кроме того, уроки русской истории и географии, а с 1804 г. обучал арифметике и сообщал первые сведения по

артиллерийскому и инженерному искусству. Первые уроки французского языка давала сама императрица Мария Феодоровна; в 1802 г. на эти уроки был приглашен эмигрант француз дю-Пюже (du Puget), преподававший также всеобщую историю и всеобщую географию, а также и чистописание. Немецкому языку (а позднее, с 1813 г., также латинскому и греческому) обучал Аделунг, известный историк и археолог. Уроки английского языка, начавшего входить в моду после свержения Наполеона, Николай Павлович начал брать с июля 1813 г. у Седжерса. Уроки музыки, которую вначале очень не любил Николай Павлович, давал с 1804 г. Теппер. Рисование, любимое искусство Николая Павловича, преподавал сначала (с 1804 г.) проф. Акимов, а с 1810 г. проф. Шебуев. Танцам обучали Лепик и Юар (Huard), верховой езде – берейтор Эггер и фехтованию (с 1809 г.) – Сивербрюк.

С 1809 г. возникает мысль заменить первоначальное преподавание более серьезным систематическим курсом, который приближался бы к университетскому типу. Помимо общих соображений, здесь играло роль стремление императрицы Марии Феодоровны ослабить чрезмерное увлечение играми военного характера и вообще военными занятиями, естественно развивавшееся в младших великих князьях в условиях тогдашней придворной жизни, и оживить в них мало развитый интерес к наукам. Одно время предполагалось даже отправить великих князей Николая и Михаила Павловичей слушать лекции в Лейпцигский университет, но эта мысль не встретила сочувствия у императора Александра Павловича. Вместо этого он находил возможным, чтобы его младшие братья посещали лекции в учреждаемом в то время Царскосельском лицее. Последовавшие вскоре за этим события 1812 г., однако, и этому послужили помехой. Все ограничилось лишь тем, что занятия великого князя как в классах, так и во внеклассное время приняли систематический характер, были начаты высшие науки и сверх лиц, уже преподававших, было приглашено несколько профессоров. Сравнительно широко было обставлено преподавание политических наук. С 1809 г. Аделунг начал свои лекции по логике и морали; и с 1810 г.– проф. Шторх свой курс политических наук. Этот курс подразделялся на науку общежительную, куда входили философия истории, государственное и народное право и политическая экономия, и правительственную, куда входили теория правительственных форм и политика; последняя обнимала учения о законодательстве, администрации, суде, полиции, военном управлении, государственном хозяйстве, народном просвещении

и духовном управлении. Наряду со Шторхом следует упомянуть проф. Кукольника, читавшего великому князю естественное право, и известного юриста того времени, чье имя ставят иногда наряду со Сперанским, проф. Балугьянского, читавшего ему энциклопедию и историю права, а несколько позднее, в 1815 и 1816 гг., науку о финансах. Сравнительно с такой постановкой преподавания политических наук приходится отметить крайне слабую постановку исторического образования. Изучение русской истории не пошло дальше элементарных уроков Ахвердова, оборвавшихся к тому же в 1816 г. на эпохе Иоанна Грозного и смуты, а изучение всеобщей – дальше уроков дю-Пюже. Наоборот, на преподавание точных наук и военного искусства было обращено, по-видимому, гораздо больше внимания. Первоначальное преподавание алгебры, геометрии, физики и инженерного искусства было поручено известному ученому, профессору и академику Крафту[3].

С конца 1808 г. Крафт начал свой курс высшей математики и опытной и теоретической физики, куда были включены также сведения по механике, технологии, фортификации и артиллерии. С конца 1809 г., по предложению Крафта, было решено выделить и поставить более систематично преподавание военных наук. Организацией преподавания этих наук заинтересовался сам государь Александр Павлович – почти единственный случай его вмешательства в воспитание его младших братьев. Выработать программу и вести преподавание военных наук было поручено инженерному генералу К.И. Опперману, который предложил в свои помощники полковника артиллерии А.И. Марковича и полковника-лейтенанта Джанотти. Опперман и Джанотти являлись видными силами в области военной техники; благодаря их преподаванию молодой великий князь, всей окружающей его атмосферой все более и более увлекаемый на путь военной выправки, посвятил в свое время немало часов изучению более насущных вопросов военного искусства. Под влиянием Оппермана, с именем которого мы встретимся еще ниже, военно-инженерное искусство стало любимым делом Николая Павловича; из него выработался на всю жизнь хороший военный инженер. На уроках Джанотти, отличавшихся большой серьезностью, а также Марковича Николай Павлович ознакомился с началами стратегии. Уроки сводились к чтению и разбору различных сочинений об отдельных кампаниях (между прочим, Жиро и Ллойда – о последних кампаниях 1814 и 1815 гг.), а также к разбору самостоятельных проектов, темы которых носили иногда довольно злободневный характер. Так, в начале 1815 г. Николай Павлович давал отчет Опперману о составленном им «Трактате о

войне против соединенных сил Пруссии и Польши» и около этого же времени разбирал с Джанотти проект «Об изгнании турок из Европы при известных данных условиях».

Вообще, надо заметить, что общераспространенное мнение, будто бы великий князь Николай Павлович получил гораздо более скудное и одностороннее образование, чем его старшие братья, следует принимать с большими оговорками. Трудно даже ответить определенно, воспитывали ли его как простого великого князя или уже теперь принимали в расчет его предназначение? Программа курса профессора Шторха заставляет предполагать последнее. Рассматривая в целом программу образования великого князя, нельзя не признать, что перед нами программа, в которой политические науки занимают видное место. Правда, наряду с этим видное место занимают и науки военные. Надо, однако, помнить, что в глазах самого императора Александра военное дело получает к этому времени все большее и большее значение в общей системе государственного управления. К началу XIX в. государственное управление сравнительно с восьмидесятыми годами XVIII в. милитаризируется, и это не могло не отразиться и на системе воспитания лиц императорской фамилии. Новое поколение великих князей, к которому принадлежал Николай Павлович, проходило иную школу, чем его старший брат, школу, на которой сказалось влияние не столько века политических мыслителей, сколько века воинских потрясений наполеоновской эпохи. В глазах самого императора Александра, однако, это и была теперь та школа, которую должен был пройти будущий правитель государства. Образование великого князя Николая Павловича не было скудно, но его учителя, при всей своей эрудиции, зачастую оказывались плохими преподавателями, и это прежде всего относится к его преподавателям политических наук. Отдавая должное учености Шторха, Кукольника и Балугьянского, Николай Павлович сам отзывался впоследствии об их лекциях как о чересчур отвлеченных и сухих. Среди остальных учителей, по-видимому, лишь Опперман и Джанотти выделялись талантливостью и живостью преподавания. Идеи Шторха могли оказать влияние на великого князя лишь позднее, в более зрелом возрасте. В данный момент военное дело должно было стать его любимым занятием. Систематическое обучение великого князя к тому же окончилось довольно рано – к середине 1813 г. Императрица Мария Феодоровна не прочь была его несколько продолжить; современные политические события с этого времени все более и более начинают нарушать правильный ход занятий. Занятия почти совершенно прерывались в 1814 и в начале 1815 г. С 1815

г. и в течение 1816 г. читались лишь некоторые курсы.

Сохранилось довольно много данных, рисующих ту обстановку, в какой протекли детские и юношеские годы Николая Павловича, те отношения, какие сложились у него к его окружающим, а также его собственный характер, его вкусы и наклонности. Выше было сказано о его отношениях к отцу и матери. Его старшие братья выросли под влиянием тяжелых отношений между их отцом и бабкой. Родившись в последний год царствования Екатерины, Николай не мог, конечно, сознательно воспринимать эту семейную драму. Память о покойной императрице оставалась, однако, тяжелым воспоминанием в царской семье, и отсюда – то неприязненное отношение к бабке, которое Николай Павлович унаследовал, очевидно, от своих родителей и которое сохранилось у него до конца его жизни. Детство самого великого князя протекло под влиянием гнетущих воспоминаний об обстоятельствах вступления на престол его старшего брата, в той тяжелой атмосфере, которая создалась во дворце после 11 марта 1801 года. Пятилетним ребенком Николай был свидетелем тех тягостных сцен, которые разыгрались тогда во дворце. Затем последовали первые годы царствования Александра, обрисовывавшиеся перед младшим поколением великих князей опять-таки, конечно, не как время широких преобразований, но как годы тяжелого семейного разлада, прежде всего между государем и императрицей-матерью, когда Александр, как бы отлученный в своем собственном семействе, встречал глухую оппозицию всем своим начинаниям среди своих близких. Разница в летах между Николаем Павловичем и его старшими братьями и сестрами была слишком велика для того, чтобы в юном возрасте у него могла установиться с ними настоящая близость. Строгостью установленного Марией Феодоровной этикета объясняется почти полное отсутствие у Николая Павловича в его детстве товарищей в играх и занятиях[4]
.

Все его детство протекало исключительно в обществе его младшего брата Михаила Павловича и их младшей сестры Анны Павловны, с которыми у него на всю жизнь остались искренние дружеские отношения. Это было младшее поколение царской семьи, тот детский мир, который стоял в стороне от протекавших событий, но в котором постепенно складывалось к этим событиям определенное отношение, не раз сказывавшееся позднее, когда Николаю приходилось выступать в зрелом возрасте.

В характере Николая Павловича с детства замечалось сочетание сердечности и прямоты с жестокостью и угловатостью. Он был ласков и внимателен к окружающим, но проявлял в то же

время иногда излишнюю резкость. Совершенно чуждый жестокости, он мог быть подчас довольно грубым. Вспыльчивый и стремительный, он обладал и большой долей настойчивости, но не всегда умел быть достаточно сосредоточенным, что отражалось в известной степени на его занятиях. Шумный в забавах и играх, он обыкновенно был серьезен и задумчив, и только порой, по отзывам его воспитателей, на него находили периоды неудержимой веселости. Отмечают, кроме того, его излишнюю робость и застенчивость, а также, по-видимому, чисто нервную трусливость, проявлявшуюся, однако, крайне неровно. Так, в детстве он очень боялся грозы и фейерверков и долго не мог побороть страх, слыша выстрелы. Напротив, с самого начала он не обнаружил ни малейшей боязни ездить верхом и с детства смело садился на лошадь. Из игр великие князья Николай и Михаил Павловичи любили почти исключительно военные, начиная их чуть ли не с постели. В то же время Николай Павлович очень любил шахматы. Он любил рисовать, рисовал хорошо и занимался даже гравированием. Музыку в детстве и юношеские годы Николай Павлович, по его собственному признанию, совершенно не любил. Любовь к этому искусству развилась в нем лишь значительно позднее. Но он всегда любил хорошее церковное пение; сам пел иногда с певчими и много занимался придворным хором. В своих учебных занятиях он предпочитал, по-видимому, науки точные и практические, мало проявляя склонности к отвлеченным и умозрительным дисциплинам. Чистая математика и политические науки в одинаковой степени не пользовались его симпатиями. Зато прикладная физика и механика возбуждали в нем большой интерес. Особенно он любил инженерное искусство, знал его хорошо и позднее любил говаривать про себя: «Мы, инженеры…» Вообще, как в детстве военные игры, так в юношеском возрасте военные занятия делались все более и более предметом его увлечения. К гражданским наукам он чувствовал всего менее склонности. Это постоянно озабочивало его воспитателей, и прежде всего императрицу-мать, всячески старавшуюся отвлечь своих младших сыновей от исключительного пристрастия к военному делу и всегда поэтому неохотно соглашавшуюся на долгое пребывание великих князей в военной среде. В 1810 г. Николаю Павловичу было даже предложено его воспитателями написать сочинение на тему «доказать, что военная служба не есть единственная служба дворянина, но что и другие занятия для него столько же почтенны и полезны». Великий князь не написал ничего, и дело кончилось тем, что Ахвердов сам должен был продиктовать Николаю Павловичу все сочинение.

Юность и женитьба (1814–1817)

Приблизительно с 1815 года начинается новый период жизни великого князя Николая Павловича. Правильный курс его учения к этому году прерывается. С этого времени начинаются его поездки за границу и по России, а в 1818 г. он вступает в брак с прусской принцессой.

С 1814 по 1817 год великий князь трижды побывал за границей: в 1814, 1815 и 1816–17 годах. Две первые его поездки стояли в связи с военными действиями того времени. В третью поездку он посетил Англию. Между второй и третьей поездками за границу летом 1816 года он совершил большое путешествие по России.

Когда возгорелась Отечественная война, Николай Павлович сильно порывался на театр военных действий, но его желание встретило решительный отпор со стороны государя и императрицы Марии Феодоровны. Только в 1814 году младшие великие князья получили разрешение отправиться в армию. Перед их отъездом императрица-мать напутствовала их пространным письмом (от 5 февраля 1814 г.) – руководством на первых шагах их самостоятельной жизни. Указывая, что все их слова и поступки будут строго, но справедливо судимы («car l'opinion de l'armee est presque toujours impartiale et elle fixera sur Vous celle de Votre patrie»), она рекомендовала им следовать во всем советам сопровождавшего их генерала Ламздорфа и доверяться во всем старшему брату-императору. Упомянув о том, что им будет назначен особый руководитель по военной части, она советовала им остерегаться чрезмерного увлечения военными мелочами («bagatelles militaires»). Далее следовал ряд общих советов, заканчивавшихся пожеланием «отправляться и вернуться с Богом» («allez avec Dieu et revenez avec Dieu»).

Великие князья выехали из Петербурга 5 февраля 1814 г. в сопровождении генерала Ламздорфа, кавалеров Саврасова, Алединского и Арсеньева, полковника Джанотти и доктора Рюля. Их путь шел через Веймар, где они посетили свою сестру великую княгиню Марию Павловну, бывшую замужем за Карлом-Фридрихом, наследным принцем Саксен-Веймарским. Дальнейший их путь замедлился из-за распутицы, и император Александр, начавший в это время движение на Париж, распорядился, чтобы великие князья ждали его дальнейших повелений в Базеле. К этому времени состоялось назначение руководителем по военной части к великим князьям генерал-адъютанта П.П. Коновницына, по личному выбору государя,

одобренному императрицей Марией Феодоровной. По дороге в Базель великие князья посетили в Брухзале императрицу Елизавету Алексеевну, гостившую там в то время у своей матери. Только 16 мая, уже после вступления армии в Париж, они, покинув Базель, поехали в столицу Франции, где и оставались до начала июня. Они осматривали здесь различные учреждения, преимущественно военные: Дом Инвалидов, казармы, Политехническую школу и т.п. Предполагалось уже тогда, что великие князья после Парижа посетят Англию, но это не осуществилось: одной из причин к этому было, по-видимому, желание императрицы-матери, чтобы великие князья скорее вернулись домой, к правильным занятиям. Их обратный путь лежал через Брюссель, Гаагу, Амстердам (отсюда они ездили в Заандам) и Берлин. Здесь, в Берлине, Николай Павлович впервые познакомился со своей будущей супругой, прусской принцессой Шарлоттой. К концу 1814 г. великие князья вернулись в Россию.

Дома они оставались, однако, недолго. После того как Наполеон покинул Эльбу и начались новые военные действия, император Александр позволил своим младшим братьям снова отправиться в армию. Императрица Мария Феодоровна снова напутствовала своих сыновей письмом (от 12 мая 1815 г.), в котором, наряду с общими советами обогащать свой ум занятиями и т.п., по-прежнему читаем увещевание – не увлекаться военным режимом. «J'espere, mes chers enfants, – писала она, – que le regime militaire que vous aurez sous vos yeux, ne vous fera pas adopter le ton brusque, dur, ni imperieux; il deplait chez tout le minde, mais il est insupportable dans des personnes de votre naissance, qui meme dans le moment ou elles sont dans le cas de reprimer une erreur ou une faute ne doivent employer que celui de fermete, qui reprime infiniment mieux, que la vivacite et l'emportement»[5]. Одновременно с этим она обращалась с особым письмом (от 11 мая) и к ген.-ад. Коновницыну, которому поручено было на этот раз всецело руководить великими князьями во время их пребывания за границей. Николай и Михаил Павловичи покинули Петербург 13 мая в сопровождении ген. Ламздорфа, кавалеров Саврасова, Алединского и Ушакова и доктора Рюля. Их путь шел на этот раз на Берлин и Гейдельберг, где в то время находилась русская главная квартира. Здесь ген. Ламздорф их покинул, передав на попечение Коновницыну. С ним в течение всего дальнейшего пребывания великих князей за границей императрица Мария Феодоровна находилась в постоянной переписке, давая всевозможного рода указания и высказывая различные свои опасения. Великие князья сопутствовали государю во время его похода на Париж и прибыли

туда на другой день после него, 29 июня 1815 г. На этот раз они оставались в Париже около трех месяцев и покинули его 20 сентября. Их дальнейший путь шел на Баден, где они посетили императрицу Елизавету Алексеевну, Франкфурт-на-Майне, где произошла встреча с цесаревичем Константином Павловичем и великой княгиней Екатериной Павловной, бывшей замужем за Вильгельмом, наследным принцем Вюртембергским, и на Веймар. Отсюда через Лейпциг они двинулись на Берлин, куда и прибыли 10 октября. Здесь 23 октября состоялась помолвка Николая Павловича с принцессой Шарлоттой, которую в своих письмах к сыну императрица Мария Феодоровна давно уже называла русским именем «Alexandrine». Покинув после помолвки, в самом конце октября, Берлин, Николай Павлович вместе с братом вернулся в ноябре в Петербург.

Расставшись с великими князьями, генерал Коновницын в начале 1816 года обратился к ним, в свою очередь, с письмом. В этом письме, среди целого ряда пунктов, особенно характерны те, в которых затрагивается вопрос о взаимоотношении военных и гражданских обязанностей правителя. Представитель старшего поколения, герой «священной памяти двенадцатого года», Коновницын шлет в этом письме своим питомцам завет-предостережение против надвигающегося призрака мертвящей чиновничьей военщины, убивающей и дело государственного строительства, и истинный подъем воинского духа. В шестом пункте его письма мы читаем: «умеряйте честолюбивые желания, буде б они в вас вкрались. Они могут привести к желанию пролития крови ваших ближних, за которую никто вознаградить не в силах. Помните непрестанно, что вступать в войну надобно всегда с сожалением крайним, производить оную как возможно короче и в единственных видах продолжительного мира; что и самая обязанность командования армиями есть и должна быть обязанностью начальственной, временной и даже неприятной для добрых государей. Что блаженство народное не заключается в бранях, а в положении мирном; что положение мирное доставляет счастье, свободу, изобилие посредством законов, и, следовательно, изучение оных, наблюдение за оными есть настоящее, соответственное и неразлучное с званием вашим дело. В прочих же бранях, могущих касаться до спасения отечества, славы и независимости его, идите с твердостью, как славный род предков ваших подвизался». Несколькими строками ниже, в восьмом пункте, он отвечает на вопрос, в чем должно заключаться командование войсками. «Если придет время командовать вам частями войск, – пишет он, – сколько бы велики они или малы ни были, да будет первейшее ваше старание о содержании их вообще

и о призрении больных и страждущих. Старайтесь улучшить положение каждого, не требуйте от людей невозможного. Доставьте им прежде нужный и необходимый покой, а потом уж требуйте точного и строгого исполнения истинной службы. Крик и угрозы только что раздражают, а пользы вам не принесут. По службе надобно неминуемо людьми запасаться… Следуйте за ними в делах, им поручаемых. Не теряйте их никогда из вида. Знайте, что они делают, приказывайте им отдавать вам отчет в их поручениях. Вы увидите их свойство по тому обороту, какой они примут и дадут каждому делу».

Во время своих первых двух заграничных путешествий великий князь Николай Павлович действительно сталкивался по преимуществу с военным миром. Теперь, после его возвращения в Петербург, начались приготовления к его путешествию по России, долженствовавшему несколько ознакомить его со страной, которой ему намечено уже было со временем править. Дополнением к этому путешествию должна была служить новая намеченная в дальнейшем его поездка за границу – в Англию.

Императрица Мария Феодоровна принимала ближайшее участие в организации обеих этих поездок. По ее поручению была составлена (по-видимому, при участии В.П. Кочубея) записка, в которой излагались главнейшие черты провинциального управления России, и перечислялось все, что могло встретиться интересного на пути великого князя в историческом, географическом, бытовом и промышленном отношении. Самой императрицей были составлены, кроме того, еще две записки (от 15 и 30 апреля 1816 г.), намечавшие маршрут, общую программу и главные частности путешествия. Ввиду назначения к этому времени Коновницына военным министром, возникал вопрос, кто будет теперь сопровождать великого князя. Для путешествия по России намечались генералы Н.Н. Раевский и И.В. Васильчиков и сенатор Львов, заведовавший в то время Воспитательным домом. Предпочтение императрицы было на стороне Львова, как сведущего в гражданском управлении, «comme le voyage du G.D. Nicolas n'est pas un voyage militaire, mais un voyage d'instruction statistuque»[6], – не преминула подчеркнуть она по этому поводу. Государь предпочитал Васильчикова, а в случае его отказа предлагал со своей стороны ген. А.А. Вельяминова или ген. Н.И. Демидова. Ни одно из этих лиц почему-то назначено не было. Сопровождать великого князя было поручено ген.-адъют. П.В. Голенищеву-Кутузову. Из кавалеров сопровождали Глинка и Саврасов.

Первоначально предполагалось, что путь великого князя пойдет через губернии: Петербургскую, Псковскую, Смоленскую,

Калужскую, захватив из Московской Можайск и Верею, Тульскую, Орловскую, Черниговскую, Киевскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую; отсюда через Керчь, Азов, Таганрог и Область войска Донского на Воронеж, Моршанск, Арзамас, Макарьев и Нижний Новгород; от Нижнего – Волгой до Мологи и отсюда каналами на Вытегру, Петрозаводск и Новую Ладогу. Тогда же, однако, возникало сомнение, хватит ли на это времени, так как на все путешествие предполагалось уделить не более трех-трех с половиной месяцев. При путешествии маршрут был несколько сокращен и изменен. Выехав из Петербурга 9 мая 1816 г., Николай Павлович через Лугу, Порхов и Великие Луки проехал на Витебск, Смоленск, Бобруйск и Чернигов и следовал далее по намеченному маршруту, захватив по пути из Полтавы в Екатеринослав Харьков, посетив Елизаветград, Николаев, Одессу, Херсон, Перекоп, Симферополь и Севастополь и проехав по южному берегу Крыма до Керчи. С Воронежа путь прошел на Курск, Орел и Тулу. В Туле великий князь получил повеление отправиться в Клин и там дожидаться государя, чтобы сопровождать его в Москву, куда они и прибыли к 15 августа. В этот день Николай Павлович сопровождал государя в его торжественном шествии в Успенский собор. К 26 августа он вернулся в Петербург.

Во время путешествия великий князь осматривал различные правительственные учреждения – гражданские и военные. Местные власти были, однако, предупреждены, что великий князь не уполномочен принимать какие бы то ни было просьбы. Во время пути Николай Павлович вел, как было намечено императрицей-матерью, два журнала, в которые заносил все, что встречал достойного внимания: «Общий журнал по гражданской и промышленной части» и «Журнал по военной части». Первый заключал в себе заметки, относящиеся ко всему пути; второй – только губернии: С.-Петербургскую, Псковскую, Витебскую, Смоленскую, Могилевскую, Черниговскую, Киевскую, Херсонскую, Полтавскую и Харьковскую. В силу самого характера путешествия эти заметки кратки, отрывочны и заключают в себе, главным образом, те сведения, какие великий князь получал от местной администрации. Личная наблюдательность великого князя и его умение обращать внимание на практическую сторону дела нашли, тем не менее, в этих заметках свое место. О «Журнале по военной части» биограф Николая Павловича бар. Корф дает следующий отзыв: «Все почти замечания относятся до одних неважных внешностей военной службы, одежды, выправки, маршировки и проч. и не касаются ни одной существенной части военного устройства, управления или морального духа и

направления войска. Даже о столь важной стороне военного дела, какова стрельба, нет нигде речи, о лазаретах же, школах и тому подобном упоминается лишь вскользь, чрезвычайно кратко».

Почти тотчас же после своего возвращения в Петербург Николай Павлович отправился вновь за границу. Главной целью заграничной поездки на этот раз было посещение Англии, «этой достойнейшей внимания страны» (слова императрицы Марии Феодоровны). Попутно с этим, ввиду того что от сокращения маршрута путешествия по России удлинялся срок возможного пребывания великого князя за границей, предполагалось доставить Николаю Павловичу возможность подольше оставаться в Берлине в семейном кругу его невесты. С великим князем на этот раз отправлялись ген.-ад. П.В. Голенищев-Кутузов, кавалеры Саврасов и Глинка и доктор Крейтон (Grighton) и, кроме того, так как никто из названных лиц Англии не знал, бар. П.А. Николаи, служивший раньше в лондонской миссии при гр. С.Р. Воронцове и знавший хорошо эту страну. Ламздорф сопровождал великого князя до Берлина, куда Голенищев-Кутузов должен был приехать несколько позже. Во всем, что касалось этикета и т.п., великий князь должен был следовать указаниям нашего посла в Лондоне гр. Х.А. Ливена, с которым императрица Мария Феодоровна, снова принявшая на себя все подготовительные по этому путешествию заботы, вступала теперь в длительную переписку. Отправляя великого князя в Англию с целью всестороннего ознакомления его с этой страной, видимо, несколько опасались увлечения с его стороны своеобразным укладом английской государственной жизни и английскими государственными учреждениями. Предохранить Николая Павловича от подобного рода увлечений было поручено гр. Нессельроде, которым и была составлена для этой цели особая записка. Свою записку Нессельроде начинает с указания на трудность для всякого наблюдателя-путешественника вообще, а для юных принцев в силу понятных причин и тем более, разбираться в своих впечатлениях в чужой стране и делать на основании этих впечатлений правильные суждения и выводы. Для правильного суждения о быте каждой страны и ее укладе надо рассматривать этот быт и этот уклад в связи с местными историческими условиями. Такому рассмотрению и подвергает далее Нессельроде английские государственные учреждения, наиболее оригинальные в Англии, что прежде всего бросается в глаза путешественнику, посещающему эту страну. Его вывод: английская конституция так своеобразна и так тесно связана с историческими условиями страны, что всякая попытка пересадить английские учреждения на другую почву всегда приведет лишь к

перенесению внешних форм, но не духа этих учреждений; мало того, сами основные принципы этой конституции, несмотря на то что они имеют значение вечных истин, поддаются заимствованию лишь путем подготовительных мер и будучи зрело обдуманы и комбинированы («meme les principes, sur lesquels elle se fonde et qui cependant sont d'une verite generale, ne sauraient etre adoptes sans des mesures preparatoires et murement combinees»). Императрица Мария Феодоровна, вообще хлопотавшая о том, чтобы у великого князя поменьше уходило времени на официальные приемы и торжества, желала, чтобы путешествие совершалось инкогнито. Государь был против этого; лишь в исключительных случаях Николаю Павловичу разрешено было наименоваться графом Романовым.

Николай Павлович выехал из Павловска 13 сентября 1816 г., прибыл в Берлин 21 сентября и пробыл там до 15 октября. Дальнейший путь шел на Веймар, где великий князь снова посетил свою сестру Марию Павловну, и дальше через Кассель, Кобленц, Кельн, Ахен и Льеж на Брюссель, где он посетил другую свою сестру, друга своего детства Анну Павловну, вышедшую к этому времени замуж за наследного нидерландского принца Вильгельма Оранского. Проехав отсюда на Кале, Николай Павлович на королевской яхте «Royal Sovereign» (адм. Кекберн) переправился в Англию и высадился 6 ноября в Диле (Deel), откуда в экипаже через Дувр прибыл 9 ноября в Лондон. Прием, встреченный Николаем Павловичем со стороны английского принца-регента Георга, не расположенного к России и лично к императору Александру, на первых порах был довольно холодный и не всегда даже отвечал требованиям этикета. Лишь позднее установились более дружелюбные отношения. Во время своего пребывания в Лондоне Николай Павлович дважды (17 ноября 1816 г. и 15 января 1817 г.) посетил дочь принца-регента, принцессу Шарлотту, бывшую замужем за Леопольдом Кобургским (впоследствии – король бельгийский) и жившую в то время в загородном замке Кларемон. После второго из этих посещений он проехал в Брайтон к самому принцу-регенту, где и оставался пять дней. В самом Лондоне великим князем были осмотрены многие достопримечательности под руководством капитана Конгрева (Congreve). Несколько раз его спутником и руководителем был герцог Веллингтон.

Из Лондона Николай Павлович совершил две значительные поездки по Англии. Первая поездка была на север и в Шотландию, во время которой великий князь посетил Ливерпуль, Эдинбург и Глазго. Шотландия произвела особенно сильное впечатление на Николая Павловича. Во время второй поездки, на

юг Англии, он осмотрел Портсмут, Плимут и Бристоль. По официальным отзывам лиц, сопровождавших великого князя, он всюду встречал весьма дружелюбный прием и везде завоевал себе симпатии как своим обхождением, так и той внимательностью, с какой он все осматривал. В своих частных записках один из сопровождавших Николая Павловича кавалеров, Глинка, однако, жалуется на то, что осматривается чересчур много различных местностей, а поэтому и чересчур быстро, вместо того чтобы подольше остановиться на немногом, но наиболее интересном.

3 марта 1817 г. Николай Павлович покинул Лондон и через Дувр и Кале проехал во Францию, в Мобеж, где стоял в это время русский оккупационный корпус. Дальнейший путь шел в Штутгарт через Брюссель, где великий князь еще раз навестил свою сестру Анну Павловну, и Франкфурт. В Штутгарте великий князь пробыл некоторое время у другой своей сестры Екатерины Павловны, муж которой вступил к этому времени на престол (Вильгельм I Вюртембергский).

Из Штутгарта великий князь направился через Веймар в Берлин, куда и прибыл 3 апреля. В Берлине Николай Павлович оставался на этот раз около трех недель. Его пребывание здесь носило теперь уже совершенно интимный характер; его принимали как родственника. 22 апреля Николай Павлович покинул Берлин и 27 апреля прибыл в Петербург. Через два месяца после этого состоялось его бракосочетание с принцессой Шарлоттой.

Во время поездок великого князя Николая Павловича за границу довольно ярко сказались некоторые черточки его характера; с другой стороны, сами эти поездки способствовали выработке в нем определенного отношения к отдельным западным странам, главным образом к Франции, Англии и Пруссии. Поездки во Францию стояли в значительной степени в связи с той борьбой, какую заканчивала в это время Европа и оружием, и дипломатическими происками против Наполеона, и с теми реставрационными планами, какие к этому времени уже назревали. Самому Николаю Павловичу принять участие в главных грандиозных событиях того времени не удалось. Он не участвовал, как мы сейчас видели, ни в военных действиях 1814 г., ни в торжественном вступлении союзников в Париж. Тем не менее, прибыв туда, он, по-видимому, попал в сферу тех происков и интриг, которые группировались вокруг вопроса о низложении Наполеона и восстановлении династии Бурбонов. Второе пребывание Николая Павловича в Париже в 1816 г. имело для него еще большее значение по тем впечатлениям, какие ему пришлось теперь здесь пережить. Это было время второй

реставрации. Впервые младшие братья императора Александра приняли теперь личное участие в происходивших в Париже постоянных смотрах и парадах, долженствовавших иметь значение внушительной политической демонстрации и перед французским населением, и перед общественным мнением Европы. На смотру 29 августа в Вертю Николай Павлович впервые командовал 2-й бригадой 3-й гренадерской дивизии и вел Фанагорийский полк. К этому времени начал сказываться уже истинный характер той политики, какой был вдохновлен Венский конгресс, и есть известие, что император Александр ознакомил своего брата Николая с текстом задуманного им Священного Союза, сказав будто бы ему при этом: «Помните, что с сегодняшнего дня вы примкнули к нему. Мне хотелось бы думать, что со временем вы в свою очередь будете его твердой опорой». Любопытно то, что в это же время окружающим бросилась в глаза другая черта в поведении великих князей Николая и Михаила Павловичей. Во время своего пребывания в Париже император Александр как будто стыдился того, что он – правитель России, относился с явной нелюбовью ко всему русскому и держался несколько заискивающего тона перед своими союзниками. В противоположность ему великие князья восхищались «всем тем, что есть русского», гордились памятью 12-го года и явно тяготились и относились с неприязнью к той пестрой толпе иностранцев, которая постоянно окружала Александра.

Еще во время первой своей поездки в Париж Николай Павлович познакомился с герцогом Орлеанским, впоследствии королем Людовиком-Филиппом, и, как есть известие, с госпожой де Сталь. На всю жизнь он сохранил любовь к французской культуре, но в его глазах это была прежде всего культура старой Франции и режима реставрации. И тем сильнее была его нелюбовь к новой Франции. После 1816 г. Николаю Павловичу не довелось больше никогда побывать в Париже, и то, что с этого времени здесь происходило, то, что подготовляло 1830-й год и еще больше 1848-й, весь тот лихорадочный темп политической жизни, каким стала жить теперь Франция, пробуждал в нем к себе одно только отрицательное отношение[7].

Столь же двойственное впечатление вынес, по-видимому, великий князь Николай Павлович и от своего посещения Англии. Его поездка в Англию в 1817 г. имела определенное политическое значение: предстояло упрочить соглашение между Россией и Англией, несколько поколебавшееся после Венского конгресса. Как было сейчас сказано, первый прием, оказанный Николаю Павловичу принцем-регентом, был довольно холодный. Есть известия, что Николай Павлович обнаружил при этом много

такта, сумел охранить свое достоинство и таким путем наладил более дружелюбные отношения, завоевал всеобщие симпатии своим обхождением. Пребывание в Англии дало ему возможность до известной степени ознакомиться с теми кружками русских англоманов-аристократов, к которым примыкал и наш представитель при лондонском дворе князь Ливен и которые группировались главным образом около дочери гр. С.Р. Воронцова, бывшей замужем за лордом Пемброк[8].

Высокий уровень английской культуры произвел на Николая Павловича сильное впечатление, и известного рода англоманство всегда оставалось ему присущим. Как и увлечение французской культурой, это англоманство носило, однако, чисто платонический характер. Политический строй Англии, по-видимому, не пробудил в нем глубокого интереса. 16 января великий князь присутствовал на открытии парламента и вечером в тот же день был на заседании верхней палаты и согласительной между обеими палатами конференции. Ни из чего не видно, чтобы эти посещения оставили в нем глубокое впечатление. Время его пребывания в Англии совпало к тому же с политическим возбуждением страны ввиду переживаемого в это время экономического кризиса[9].

Особа самого принца-регента возбуждала к себе неприязненное отношение: его появление на улицах Лондона вызывало враждебные демонстрации. Те формы, в какие выливалось все это движение, политические собрания и митинги вызывали в Николае Павловиче определенное отрицательное к себе отношение; в его уме, должно быть, невольно напрашивалось при этом сопоставление с тем, с чем ему пришлось встретиться во Франции, когда Александр I ввел его в семью европейских государей как будущего защитника начал Священного Союза. Есть известия, что однажды он сказал сопровождающему его Голенищеву-Кутузову: «Если бы, к нашему несчастью, злой гений перенес к нам все эти клубы и митинги, делающие больше шума, чем дела, то я просил бы Бога повторить чудо смешения языков или, еще лучше, лишить дара слова всех тех, которые делают из него такое употребление».

Но если к Англии и Франции у Николая Павловича сложилось двойственное отношение, то его сердце вполне отдыхало, когда он попадал в Берлин. Здесь он чувствовал себя в своей среде, в близкой его сердцу атмосфере военного командования. Исам он был принят в Берлине сперва как дорогой гость, скоро окончательно как родной. Еще задолго до первого посещения Николаем Павловичем Берлина в 1809 г., во время пребывания в Петербурге королевы Луизы, у императрицы Марии

Феодоровны явилась мысль о браке своего третьего сына с прусской принцессой Шарлоттой, что должно было упрочить династическую связь между русским и прусским дворами. 23 октября 1816 г. состоялась, как было уже сказано, их помолвка. В январе 1817 г. император Александр и прусский король обменялись письмами, как бы подтверждающими решение об этом браке, и в Берлин был послан протоиерей Н.В. Музовский ознакомить принцессу с учением Православной Церкви и давать ей уроки русского языка. С этого времени Берлин – неизменный пункт остановки Николая Павловича во время его поездок за границу. В конце 1816 г. он пробыл здесь около месяца, проведя все это время, за исключением, пожалуй, четырех дней – 24, 25 и 26 сентября и 6 октября, посвященных парадам и маневрам, – почти исключительно в кругу королевской семьи в Шарлоттенбурге. К своему будущему тестю у него быстро устанавливается чисто сыновняя почтительность; с братом невесты, принцем Вильгельмом (впоследствии император Германский Вильгельм I) у него завязываются дружеские отношения. Во время следующего его посещения Берлина он был назначен шефом Бранденбургского кирасирского полка. Во время большого парада Николай Павлович сам вел свой полк перед королем и вообще поразил своих немецких сослуживцев знанием в совершенстве прусского воинского устава. Обстановка, при какой совершилась поездка нареченной невесты Николая Павловича в Россию, раскрывает перед нами точно так же некоторые не лишенные интереса подробности.

Принцесса покинула Шарлоттенбург 31 мая в сопровождении своего брата принца Вильгельма. Ее свиту составляли: обер-гофмейстерина графиня Трухсес, графиня Гааке, бывшая гоф-дама королевы Луизы, воспитательница принцессы Вильдермет, обер-гофмейстер фон Шильден, камергер Латтум, протоиерей Музовский, лейб-медик Буссе и секретари Шамбо и Шиллер. В свите принца находились: его воспитатель ген. Ольдвиг фон Нацмер, полковник Грабов, майор Лукаду, лейтенант фон Мутиус и личный адъютант принца поручик гр. Шлифен. Сопровождавший принца ген. Нацмер имел от короля инструкцию политического характера, содержание которой не совсем как-то вязалось с радостным настроением момента. Он должен был всеми силами отклонять императора Александра от мысли о войне с Турцией и успокаивать его относительно возможности революционного движения в Пруссии, что является-де для России лишь предлогом держать громадную армию. Одновременно с этим Нацмер имел поручение от прусского генерального штаба… собирать сведения о русских пограничных укреплениях. 8 июня

принцесса приехала в Мемель, а на другой день прибыл сюда Николай Павлович. В этот же день состоялся переход принцессы через границу. По обеим сторонам границы были выстроены прусские и русские войска. Николай Павлович, поздоровавшись с пруссаками, сказал: «Мои друзья, помните, что я наполовину ваш соотечественник и, как вы, вхожу в состав армии вашего короля». Принцесса перешла границу пешком. Представляя ее русским войскам, Николай Павлович сказал офицерам: «Это не чужая, господа, это дочь вернейшего союзника и лучшего друга нашего государя». Все это не было лишено большого политического значения. Мечты об упрочении династической связи между Россией и Пруссией, которые лелеял в свое время император Павел и которые как его завет сберегла для его детей императрица Мария Феодоровна, теперь были близки к осуществлению. Дружба с Пруссией надолго с этого времени становится заветом русской правительственной политики, как бы одним из официально санкционированных устоев русской государственности. Сам Николай Павлович долго твердо держался этого начала, и только в эпоху 1848 года симптомы нового курса в прусской политике заставили его насторожиться и как измена легитимизму, и как первые провозвестники будущей мощи объединенной Германии.

В Полангене принцессу ожидал ее русский штат, состоявший из княгини Е.А. Волконской, фрейлин граф. Шуваловой и Ушаковой, обер-мундшенка гр. Г.И. Чернышева, гофмейстера П.Р. Альбедил, камергера кн. В.В. Долгорукова и камер-юнкера гр. Соллогуба. Дальнейший путь шел через Ригу и Дерпт (Юрьев). Император Александр, императрица Мария Феодоровна и великий князь Михаил Павлович встретили принцессу в Коскове 18-го июня. 19-го июня прибыли в Павловск, где произошла встреча принцессы с императрицей Елизаветой Алексеевной. 20-го был торжественный въезд в Петербург. 24-го июня, во время миропомазания, принцесса Шарлотта была наречена великой княжной Александрой Феодоровной. 25-го июня (день рождения Николая Павловича) состоялось обручение, а 1-го июля (день рождения Александры Феодоровны) в церкви Зимнего дворца – бракосочетание. Первые дни после свадьбы новобрачные жили в Аничковом дворце, а затем переехали в Павловск[10].

От этого времени дошло два описания современниками внешности и общего облика великого князя Николая.

Одно из них принадлежит иностранцу, лейб-медику принца Кобургского Штокмару, видевшему Николая Павловича в замке Кларемон. Он так описывает его внешний вид и манеры: «Это – необыкновенно пленительный юноша; он выше принца

Леопольда, не очень худ и прям, как сосна. Его лицо – юношеской белизны, с необыкновенно правильными чертами: красивым открытым лбом, красиво изогнутыми бровями, необыкновенно красивым носом, изящным маленьким ртом и тонко очерченным подбородком… Его манера держать себя полна оживления, без натянутости, без смущения и тем не менее очень прилична. Он много и прекрасно говорит по-французски, сопровождая слова недурными жестами. Если даже не все, что он говорил, было очень остроумно, то, по крайней мере, все было не лишено приятности; по-видимому, он обладает решительным талантом ухаживать. Когда в разговоре он хочет оттенить что-либо особенное, то поднимает плечи кверху и несколько аффектированно возводит глаза к небу. Во всем он проявляет большую уверенность в самом себе, по-видимому, однако, без претенциозности. Он не очень много занимался принцессой (т.е. женой принца Кобургского), которая чаще обращалась к нему, чем он к ней. Он был очень умерен для своего возраста в еде и к тому же не пил ничего, кроме воды. Когда после обеда графиня Ливен сыграла на фортепиано, он поцеловал ей руку, что показалось английским дамам крайне странно, но встречено с сочувствием. Мне говорили, что когда все разошлись спать, то для великого князя был принесен кожаный мешок, набитый его людьми сеном на конюшне, на котором он всегда спит. Наши англичане увидели в этом желание порисоваться».

Другой отзыв принадлежит перу соотечественника, известного Ф. Вигеля, более субъективен и отражает на себе те думы, какие волновали в то время русское общество. «Два года, – пишет Вигель про Николая, – провел он в походах, за границей, в третьем проскакал он всю Европу и Россию и, возвратясь, начал командовать Измайловским полком. Он был несообщителен и холоден, весь преданный чувству долга своего; в исполнении его он был слишком строг к себе и к другим. В правильных чертах его белого, бледного лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которые в первой молодости облегли чело его, были как будто предвестием тех напастей, которые посетят Россию во дни его правления… Сие чувство не могло привлекать к нему сердец. Скажем всю правду: он совсем не был любим».

Великий Князь Николай Павлович во вторую половину александровского царствования (1818–1825)

После своей женитьбы великий князь Николай Павлович начинает все чаще и чаще выступать в определенных случаях и перед русским обществом, и перед лицом Европы рядом с государем как представитель императорской фамилии, а в отсутствие своего старшего брата и прямо заступает его место. В эти же годы определяется и круг его государственных обязанностей.

Нельзя сказать, что этот круг, отмежеванный для великого князя государем, был очень широк. К делам высшего государственного управления он привлечен не был[11].

Его служебные обязанности ограничивались исключительно сферой военного управления. Один из занимаемых им в этом управлении постов был, впрочем, довольно ответственный. 3 июля 1817 г. великий князь был назначен на вновь учрежденную должность генерал-инспектора по инженерной части[12].

Отвечавшая его постоянной склонности к инженерному искусству, эта деятельность доставляла ему большое удовлетворение и не прошла бесследной в истории военно-инженерного управления в России.С учреждением этой должности в руках Николая Павловича сосредоточилось, в сущности, все дело государственной обороны. Реформы, проведенные в этой части им или, во всяком случае, под его именем, были далеко не незначительны: им, можно сказать, была создана военно-инженерная часть в России.

Уже само по себе учреждение генерал-инспекторской должности по инженерной части имело существенное значение. До этого времени инженерные войска, будучи подчинены начальнику инженерного департамента Военного министерства, находились тем самым в подчинении у начальника Главного штаба (должность, учрежденная в 1815 г.). С учреждением генерал-инспекторской должности начальник инженерного департамента терял значение как начальник инженерных частей, и эти последние, теперь подчиненные генерал-инспектору, становились в более независимое положение по отношению к начальнику Главного штаба[13].

21 августа 1818 г. великим князем был представлен доклад об устройстве инженерного корпуса на новых основаниях, чему и

была посвящена его дальнейшая деятельность. Генерал К.И. Опперман, бывший начальником инженерного департамента, с учреждением новой должности терял свое значение; в силу своих прежних отношений к великому князю он и теперь, однако, остался его приближенным, и именно при содействии Оппермана Николаем Павловичем были проведены главные реформы по военно-инженерному управлению. Предстояло прежде всего уничтожить двойственность в подчинении военно-инженерных частей, создавшуюся с учреждением должности генерал-инспектора. Вопрос этот был разрешен в смысле большего подчинения этих частей генерал-инспектору за счет власти начальника Главного штаба. Отчасти это предусматривалось уже в новом, утвержденном 19 августа 1817 г., положении об инженерных частях. Еще более это достигалось сведением инженерных батальонов в бригады и введением бригадного управления, утвержденного 7 марта 1819 г. Значение этой меры сказывалось особенно в тех случаях, когда инженерные батальоны отряжались от корпусов в крепости и здесь становились в полное подчинение особому инженерному начальству. Власть бригадных командиров росла за счет власти общего корпусного начальства. Через это, в свою очередь, умалялось значение начальника Главного штаба, и инженерные части, получая большую независимость от общего военного управления, становились в более тесную зависимость от своего генерал-инспектора, получившего теперь, наряду с начальником Главного штаба, право доклада у Государя Императора.

Сосредоточив в своих руках управление инженерными войсками, Николай Павлович поставил себе двоякую цель: создать русский военно-инженерный корпус и тем избегнуть необходимости обращаться к иностранным силам и развить военно-инженерное строительство – крепостное и казарменное. Красной нитью через все его мероприятия проходит взгляд на военных инженеров как на офицеров, а не чиновников. Достижение намеченных целей осуществлялось двумя путями: развитием учебной части и собственно новым устройством инженерного корпуса. 23 августа 1818 г. генерал-инспектор вошел с докладом к начальнику Главного штаба, в котором сообщал высочайшее соизволение на учреждение, кроме существовавшего Военно-ученого комитета, особых ученых комитетов по инженерной, артиллерийской и квартирмейстерской части. Следующей мерой за учреждением Ученого инженерного комитета было преобразование существовавшей инженерной школы в Главное инженерное училище. Исходя из предположения, что техники, хотя бы и

стоящие на высоком уровне, но прошедшие гражданскую школу, не пригодны для военно-инженерного дела, великий князь представил план об учреждении Главного инженерного училища, подготовленный Опперманом и ген.-майором гр. Е.К. Сиверсом; этот план и был учрежден государем 24 ноября 1819 г.[14]

Приступая к новому устройству инженерного корпуса, Николай Павлович обратил прежде всего внимание на увеличение окладов чинов корпуса. Для достижения этой цели было признано необходимым уменьшить численность личного состава и найдено возможным сократить инженерный штат некоторых из крепостей, терявших теперь уже свое значение вследствие продвижения границы. Существовавшее по штату 1810 г. число крепостей – 54 – было сокращено до 43, и, кроме того, 3 крепости (Динамюнде, Тирасполь и Аккерман) были оставлены без собственного инженерного штата. Был упразднен Астраханский инженерный округ. Некоторые крепости были понижены в классе. В первом классе вместо 19 было оставлено 14[15]; во второй включено 19 вместо 18; в третьем оставлено 13 вместо 25. Все это дало возможность провести к 1 января 1819 г. новые штаты инженерного корпуса. Крепостное строительство в бытность Николая Павловича генерал-инспектором сосредоточивалось, главным образом, в Бобруйске и Динабурге (Двинск), в гораздо меньшей степени – в Свеаборге, Кронштадте и Севастополе. Вне ведения генерал-инспектора оставалась лишь постройка крепостей в Грузии, что с 1819 г. было поручено командиру тамошнего корпуса ген. Ермолову. Ввиду сильного развития казарменно-строительной части в столице и ее окрестностях и неудовлетворительной постановки этого дела, 3 декабря 1820 г. была учреждена Гвардейская казарменная комиссия, и в ее ведение была передана постройка казарм из рук городской комиссии о строениях. Офицерский состав при начальнике этой комиссии был сформирован в корпус гвардейских инженеров, бывших одновременно с этим полевыми инженерами гвардейских войск. Для подготовки личного рядового состава к положению 19 августа 1818 г. было приложено наставление для обучения инженерных войск, что вносило в это дело, зависящее до этого исключительно от усмотрения ротных командиров, больше единообразия. Наконец, состав инженерных войск пополнился учреждением в 1819 г. конных пионеров (первая попытка устройства их принадлежала в 1812 г. Кутузову) и созданием в 1820 г. учебного саперного батальона; учреждением в 1821 г. запасных инженерных парков был облегчен обоз инженерных войск.

Одновременно с должностью генерал-инспектора инженерной

части великий князь занимал более скромный пост – командира одной из гвардейских бригад, а несколько позднее – 2-й гвардейской дивизии[16].

Деятельность Николая Павловича как бригадного генерала имеет, конечно, гораздо меньше общего значения, чем его деятельность в должности генерал-инспектора[17]. Эта деятельность имела зато большое значение для него лично, так как ставила его лицом к лицу с тогдашним гвардейским офицерством как раз в те годы, когда среди этого последнего началось уже политическое брожение. Отношения, установившиеся теперь между великим князем и гвардейским офицерством, во многом помогают уяснить как ту позицию, какую занял Николай Павлович в 1825 году, когда встал вопрос о престолонаследии, так и ту оценку, какую встречала его личность в известных кругах русского общества.

Вступив в должность бригадного командира, Николай Павлович, как это видно из его собственных записок, старался поднять во вверенной ему части дисциплину, сильно порасшатавшуюся вообще, по его мнению, в войсках после возвращения армии из Франции. По существу, в своем командовании он, по общим отзывам, придерживался тех же начал по преимуществу фронтовой выучки, которые возобладали к этому времени в нашей армии и которые вызывали резкое на себя нарекание со стороны боевых генералов александровского времени, как, например, Ермолова, и даже – в то время еще – со стороны Паскевича. Будучи очень требователен, Николай Павлович, как и его младший брат Михаил, часто бывал резок и недостаточно сдержан, обнаруживая при этом крайне мелочную придирчивость. На этой почве у него постоянно происходили столкновения и неприятные истории с сослуживцами и подчиненными.

Приведенный выше отзыв о Николае Павловиче Ф. Вигеля, при всей своей субъективности, отражает действительное отношение к нему офицерства, а через это последнее – и других кругов общества. Интересно, с другой стороны, отметить, что сам Николай Павлович уже в то время в отдельных проявлениях нарушения дисциплины усматривал нечто большее, чем простую распущенность, истолковывал протест против фронтовой муштры как симптом более серьезной оппозиции, подмечал в этом связь с тем недовольством, которое распространялось в обществе, и как бы вел с нарастающим движением определенную борьбу. В собственных записках Николая Павловича читаем: «По мере того как я начал знакомиться со своими подчиненными и видеть происходившее в других полках, я возымел мысль, что под сим,

т.е. военным распутством, крылось что-то важное, и мысль сия постоянно у меня оставалась источником строгих наблюдений. Вскоре заметил я, что офицеры делились на три разбора: на искренне усердных и знающих, на добрых малых, но запущенных и на решительно дурных, т.е. говорунов, дерзких, ленивых и совершенно вредных; но сих-то последних гнал я без милосердия и всячески старался от оных избавиться, что мне и удавалось. Но дело сие было нелегкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь через все полки и в обществе имели покровителей, коих сильное влияние сказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне оплачивалось». Оставляя в стороне ту личную оценку назревающего движения, которая ясно сквозит в этих словах великого князя, мы не можем отказать ему в верном понимании внутренней связи между теми явлениями, которые ему приходилось наблюдать.

Нелюбимый офицерством и обществом, великий князь Николай Павлович с 1817 года постоянно живет под гнетом мысли, что готовится что-то, с чем ему придется, быть может, со временем сводить счеты. Эта мысль должна была тревожить его все более и более по мере того, как перед ним обрисовывалась перспектива вступления на престол. Прежде чем, однако, перейти к вопросу о том, как состоялось назначение Николая Павловича наследником престола, будет не лишним отметить те случаи, когда он выдвигается прямо и в силу естественных условий как заместитель государя, и обрисовать вместе с этим ту группировку, какая к этому времени начинает слагаться между отдельными членами царской семьи.

С 30 сентября 1817 г. до половины июня 1818 г. Николай Павлович с супругой провел время в Москве, где присутствовал 12 сентября вместе с государем на закладке храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. 17 апреля 1818 г. в кремлевском дворце (Николаевском) у великокняжеской четы родился первый ребенок – сын, будущий Царь-Освободитель Александр II. Император Александр покинул к этому времени Москву, отправившись в Варшаву на открытие польского сейма и затем в Бессарабию. Лишь к июню государь вернулся в Москву, куда вскоре после этого прибыл и тесть великого князя Николая Павловича – прусский король с наследным принцем: принц Вильгельм все еще, со времени бракосочетания его сестры, оставался в России.

К 22 июня 1818 г. двор переселился в Петербург. Вскоре после этого, 27 августа, государь снова уехал на конгресс в Ахен, где и оставался до декабря. Обе императрицы также отправились

за границу: Мария Феодоровна – повидать своих дочерей в Веймар, Штутгарт и Брюссель, а Елизавета Алексеевна к своей матери в Баден; великий князь Михаил Павлович также путешествовал в это время за границей. Николай Павлович с супругой остались единственными представителями царской семьи в Петербурге. Местом пребывания великокняжеской семьи в Петербурге был Аничков дворец; здесь 6 августа 1819 года у великого князя родился второй ребенок – дочь Мария Николаевна. За этим следует сравнительно долгий период – с лета 1820 г. до начала 1822 г. – отсутствия Николая Павловича в Петербурге. В июле 1820 г. великокняжеская чета отправилась за границу, на этот раз для поправления здоровья великой княгини: 20 июня этого года она разрешилась от бремени мертвым ребенком. Зиму Николай Павлович с супругой провел в Берлине, а лето 1821 г. – в Эмсе. Настоящее пребывание великого князя в Берлине, совпавшее с теми событиями, какие разыгрывались в это время в Германии и вообще в Европе, имело, по-видимому, большое для него значение в смысле развития в нем охранительных взглядов. На этот раз он имел случай и более непосредственно соприкоснуться с политикой: в феврале 1821 г. по поручению императора он приезжал из Берлина в Петербург, чтобы подготовить гвардию к предполагавшемуся выступлению в поход ввиду итальянских событий (революция в Пьемонте), а по возвращении ездил в Троппау, где в то время был на конгрессе император Александр, получивший здесь известие о беспорядках в Семеновском полку. В то же время пребывание в Берлине еще более упрочило родственные и дружеские симпатии Николая Павловича к берлинскому двору и его расположение к прусской армии, а отсюда и вообще к военному режиму. «Здесь порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого; никто не приказывает прежде, чем не научится повиноваться; никто без законного основания не становится вперед другого; все подчиняется одной определенной цели, все имеет свое назначение», – так определял он впоследствии свое предпочтение военного начала гражданскому. К концу лета 1821 г. великий князь вернулся в Россию, заезжая по дороге к цесаревичу Константину Павловичу в Варшаву. Зимой с 1821 г. на 1822 г. Николай Павлович проживал большей частью в Вильне, где находилась в это время квартира 1-й гвардейской дивизии и была расположена его бригада, лишь временами наведываясь в Петербург. Зато часть этой зимы вся царская семья провела вместе: в Петербурге гостил цесаревич Константин Павлович, с 1816 г. живший постоянно в Варшаве. Это продолжалось, однако,

недолго. К концу января 1822 г. цесаревич уехал, а в конце лета того же года уехал за границу на Веронский конгресс и сам государь. До января 1823 г. Николай Павлович снова оставался в Петербурге как представитель царской семьи[18].

В августе этого года Николай Павлович сопровождал государя при осмотре Бобруйской крепости и после этого был вместе с ним в Брест-Литовске на смотре польских войск и войск литовского корпуса. Сюда прибыл к этому времени прусский принц Вильгельм, и к ноябрю все они вместе вернулись в Царское Село.

Летом 1824 г. Николай Павлович совершил свое последнее путешествие в Берлин как великий князь[19]. За это свое пребывание в Берлине ему пришлось выступить в роли посредника в некоторых довольно деликатных династических и дипломатических вопросах между Берлинским и Петербургским дворами. Король Фридрих-Вильгельм III вступил в брак с графиней Гаррах, получившей титул княгини Лигниц, графини Гогенцоллерн. В то же время принц Вильгельм предполагал вступить в брак с княжной Елизаветой Радзивилл, и король решил обратиться к императору Александру, как к старшему представителю Гольштейн-Готторнского дома, с просьбой об адаптации княжны Радзивилл, чтобы сделать ее равноправной Гогенцоллернам. С этим намерением и вместе с тем извещением о своем собственном браке король отправил в Петербург Николая Павловича. Александр благосклонно принял извещение о браке короля, но отказал в адаптации Радзивилл, и брак принца Вильгельма не состоялся. Великий князь с супругой покинули Берлин в январе 1825 г. и только 25 февраля прибыли в Петербург: по дороге они посетили снова в Варшаве цесаревича и его вторую супругу, княгиню Лович.

С апреля по июнь Николаю Павловичу снова пришлось оставаться старшим представителем царской семьи в России: государь уехал в Варшаву на открытие польского сейма. 12 июня 1825 г. родилась третья дочь великого князя – Александра Николаевна. Осенью этого года Николай Павлович совершил в последний раз как великий князь инспекторский смотр войска и укреплений в Бобруйске. На этом смотре, как и на всех предыдущих смотрах и маневрах, он обращал главным образом внимание на фронтовую часть, был особенно строг в этом отношении и обнаруживал лично прекрасное знание ружейных приемов.

Так протекала жизнь великого князя Николая Павловича во вторую половину царствования Александра I. Одновременно с этим в царской семье начинала все яснее намечаться вполне

определенная группировка. Цесаревич Константин Павлович за это время все более и более отстраняется от непосредственного участия в государственной жизни империи и отходит от общего круга царской семьи. Живя почти постоянно в Польше, он как бы остается в тени. Когда говорят о братьях государя, имеют в виду прежде всего Николая и Михаила: цесаревич Константин идет особняком. Интересно, что уже с 1814 года, со времени первых поездок младших великих князей за границу, там привыкли видеть и слышать о двух братьях императора Александра: старшем – Николае и младшем – Михаиле, а в 1816 году, во время пребывания Николая Павловича в Лондоне, в толпе его прямо уже называли «наследником русского императора». В семейном отношении только брак великого князя Николая Павловича можно было назвать счастливым. Еще с 1806 года, ввиду «особенных обстоятельств, сопровождавших рождение дочери императрицы Елизаветы Алексеевны, великой княжны Елизаветы Александровны»[20], трудно было рассчитывать, что у императора будут еще дети. Брак – с 1796 года – цесаревича Константина Павловича с принцессой Юлианой Кобургской (великая княгиня Анна Феодоровна) был несчастлив. Детей у них не было. С 1801 года великая княгиня жила отдельно от своего супруга за границей; 20 марта 1820 года последовал манифест о расторжении этого брака, и 12 мая того же года цесаревич вступил в морганатический брак с польской графиней Иоанной Грудзинской, получившей титул княгини Лович и наименование Светлости. Великий князь Михаил Павлович лишь в феврале 1824 года вступил в брак с принцессой Шарлоттой Виртембергской (великая княгиня Елена Павловна). Только Николай Павлович к этому времени был уже отцом многочисленного семейства и являлся действительно представителем императорской фамилии и династии; через него прежде всего устанавливалась связь династии и с европейским коронованным миром. К концу александровского царствования вполне определенно уже чувствовалось, что прямым наследником после Александра является Николай, и при таких условиях вполне понятным становится то внимание, какое император Александр оказывает своему второму брату, не упуская случая подчеркнуть это внимание публично. В то же время у Константина Павловича, особенно со времени его пребывания в 1821 и 1822 годах в Петербурге, устанавливаются более близкие отношения с младшим братом Михаилом, и жизнь обоих великих князей принимает все более частный характер. По отношению к Николаю цесаревич усваивает тон благожелательной и дружелюбной почтительности старшего брата к младшему по возрасту, но

старшему по положению. При свойственном Константину Павловичу юморе этот тон выражается иногда в шутливой форме. Нет-нет, при встрече во дворце с Николаем, цесаревич станет перед ним во фронт или, как бы обмолвившись, титулует его «Императорским Величеством». Тот смущен и удивляется, а цесаревич отшучивается: «Это – потому, что ты у нас Николай Чудотворец». С 1819 года император Александр определенно заговорил с Николаем Павловичем и его супругой о возможной для великого князя в будущем необходимости принять бразды правления.

Вопрос о престолонаследии и вступление на престол Николая

Фактически данные об отречении цесаревича Константина Павловича от престола и о назначении наследником великого князя Николая Павловича представляются в следующем виде. Старшие сыновья императора Павла Петровича никогда не обнаруживали большого влечения принять на себя и нести бремя правления. Александр Павлович при жизни отца не раз высказывал вслух мечтания вести впоследствии жизнь частного человека. В свое время, однако, эти мечты должны были уступить место действительности; позднее, под влиянием событий 1812–1815 гг., надломивших дух императора, эти юношеские мечтания приблизительно к 1817 г. возрождаются в нем уже в несколько иной форме. Около этого времени Александр I нередко высказывал мысль о том, что государь «должен оставаться на своем месте лишь до тех пор, пока его физические силы будут ему позволять это… После этого он должен удалиться». Высказывая эту мысль, он распространял ее и на самого себя. Что касается цесаревича Константина Павловича, то тотчас после трагической смерти его отца он вполне определенно заявлял (в разговоре с полковником Н.А. Саблуковым), что если бы престол и достался когда-нибудь ему, то он, конечно, его не принял бы. При том же мнении оставался Константин Павлович в течение всего царствования своего старшего брата. При вступлении на престол Александра I в текст присяги была внесена оговорка, в сущности противоречащая закону о престолонаследии, и присяга была принесена государю и наследнику престола, «который назначен будет»: по закону о престолонаследии несомненным наследником являлся цесаревич Константин. В суете событий первых дней нового царствования многие этой оговорки не заметили, и только много позднее, через двадцать пять лет, как сейчас увидим, цесаревич Константин Павлович раскрыл ее смысл. Первым определенным намеком на то, что престол со временем, может быть, не перейдет к Константину, было дополнительное постановление к «Учреждению императорской фамилии», изданное одновременно с манифестом 20 марта 1820 года о расторжении первого брака цесаревича, которое гласило: «Если какое лицо из императорской фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, т.е. не принадлежащим ни к какому царственному или владетельному дому, в таком случае лицо императорской фамилии не может

сообщить другому прав, принадлежащих членам императорской фамилии, и рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследие престола». Вскоре последовал второй брак цесаревича – с графиней Иоанной Грудзинской, и все, конечно, поняли, что указанная поправка относится именно к нему, хотя сама по себе, так, как она была редактирована, она не лишала еще самого его династических прав, но могла касаться лишь его будущего потомства.

Нельзя сказать положительно, пошло ли в тесном кругу царской семьи дальше общих заявлений отдельных лиц о своем нежелании царствовать или сама эта поправка побудила наконец цесаревича принять окончательное решение. Во всяком случае, вскоре после второго брака он привел в исполнение свою постоянную мысль и отказался и за себя лично от права на престол. О своем намерении он сообщил своему брату Михаилу Павловичу в бытность последнего в Варшаве еще летом 1821 г. и окончательно объявил о своем решении государю императору и императрице Марии Феодоровне во время своего пребывания в Петербурге в январе 1822 г. Это решение было оформлено им перед его отъездом в Варшаву письмом к государю от 14 января, в котором цесаревич просил передать его право на престол «тому, кому оно принадлежит после него». Утвердительный ответ на это со стороны государя, и опять-таки в форме частного письма, последовал 2 февраля т.г. При таких условиях естественно возникал вопрос о переходе престола к Николаю Павловичу, имя которого все еще прямо не называлось.

В семейном кругу, как мы видели выше, давно уже предусматривалась возможность перехода к нему престола. На это указывает прежде всего программа того образования, которое было дано великому князю. Плохо поставленное, еще хуже выполненное, отражающее в своей односторонности дух придворной среды своего времени, это образование было во всяком случае образованием наследника престола, а не простого великого князя. Уместно будет в данном случае вспомнить ту записку о преподавании Николаю Павловичу политических наук, которую проф. Шторх представил в 1810 г. императрице Марии Феодоровне и которая заканчивалась следующими словами: «Que Votre Majeste se represente la satisfaction avec laquelle un citoyen eclaire, aimant son souverain et sa patrie, verrait consignees dans cet ouvrage les grandes verites morales et les maximes conservatrices des etats. Ces verites, dirait-il, ont ete reconnues par celui, qui probablement nous gouvernera un jour; ces maximes sont les siennes; c'est d'apres, qu'il s'engage a regner, puisqu'il a consenti, qu'elles ussent publiees sous son nom»[21]. Еще в 1807 г. императрица

Мария Феодоровна, по словам ее секретаря Г.И. Вилламова, говорила, что «она предвидит, что престол все-таки со временем перейдет к великому князю Николаю»[22].

Этим объясняются, по-видимому, отчасти и ее постоянные заботы дать в воспитании своего третьего сына преобладание гражданского и политического элемента над военным.

С другой стороны, вся жизнь великого князя с 1814 года, характер его поездок за границу и по России, его брак и та роль, какую он начинает играть с 1817 года в царской семье, – все это ясно говорит о вполне назревшем, хотя и не сформулированном еще решении. И подобный взгляд на Николая Павловича начинал устанавливаться, как мы видели, к этому времени и в обществе, и притом, по-видимому, раньше за границей, чем в России. Первое время этот взгляд мог не связываться непременно с мыслью об отречении Константина и естественно вытекал из положения Николая Павловича среди других членов императорской фамилии при отсутствии мужского потомства у его старших братьев.

Когда вопрос о разводе Константина Павловича стал приближаться к разрешению и цесаревич начал подготавливать исполнение своего давнишнего желания, государь счел нужным подготовить к этому и самого Николая Павловича. 13 июля 1819 г. он имел разговор с великокняжеской четой, во время которого сообщил Николаю Павловичу и его супруге о своем решении отречься со временем от правления и о нежелании Константина наследовать престол и предупредил, что великий князь Николай Павлович призывается на царское достоинство и что это должно совершиться еще при жизни его, императора. По собственному свидетельству великого князя и его супруги, разговор этот очень их смутил. Когда в январе 1822 г. происходили переговоры между государем, императрицей-матерью и цесаревичем, то Николай Павлович не был к ним привлечен. После письма цесаревича к государю от 14 января 1822 г. императрица Мария Феодоровна, однако, в разговорах с Николаем Павловичем начала упоминать об акте отречения Константина в его пользу, и Николай Павлович в своих записках сам не отрицает того, что о существовании этого акта было ему известно. Государственный вопрос огромной важности, затрагивающий основной закон империи, обсуждался и решался, таким образом, чисто по-семейному и даже без привлечения к его обсуждению того представителя младшего поколения своей же семьи, который был прежде всего здесь заинтересован. Ив этом нельзя не видеть влияния императрицы Марии Феодоровны, вообще так много содействовавшей в детях императора Павла быстрому и прочному росту привычки вносить

в государственные дела тон семейного вопроса. Только через полтора года после того, как цесаревич и государь обменялись своими письмами и когда вопрос был уже окончательно решен, акту отречения Константина и назначения наследником престола Николая была придана форма акта государственного. Летом 1823 г. московским митрополитом Филаретом, при содействии кн. А.Н. Голицына, был составлен манифест об отречении Константина Павловича и о назначении наследником Николая Павловича («Наследником нашим быть второму брату нашему, великому князю Николаю Павловичу»), подписанный Александром 16 августа 1823 г. И теперь, как и на всех предшествующих стадиях этого вопроса, была усвоена строгая келейность. Манифест 16 августа 1823 г. остался необнародованным: 27 августа т.г., в бытность государя в Москве, манифест с приложением письма Константина Павловича от 14 января 1822 г. был передан государем тому же митрополиту Филарету в запечатанном пакете с собственноручной надписью государя: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору в Успенском соборе прежде всякого другого деяния». При этом государь через Аракчеева изъявил митрополиту свое желание, чтобы это дело не предавалось огласке. 29 августа Филарет, в присутствии протопресвитера, саккелария и прокурора синодальной конторы, показав им пакет и подпись и объявив волю государя о строжайшем соблюдении тайны, положил пакет в ковчег государственных актов в алтаре Успенского собора, запер и запечатал ковчег. Копии манифеста, собственноручно переписанные кн. А.Н. Голицыным, в пакетах за императорской печатью были разосланы в Государственный Совет, Сенат и Синод. На пакетах были сделаны собственноручно государем надписи: «Хранить в (название учреждения) до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть прежде всякого другого деяния в чрезвычайном собрании». О необнародованном манифесте не было официально известно никому, кроме трех только что названных лиц.

Тайна не была, однако, вполне сохранена самим Александром Павловичем. Уже 5-го ноября 1823 г. он сообщил о своих распоряжениях, упоминая вполне определенно имя Николая Павловича, бывшему в то время в России прусскому принцу Вильгельму, брату супруги Николая Павловича. По своему возвращению в Берлин принц не замедлил сообщить об этом своему отцу, королю Фридриху-Вильгельму III. Вскоре после этого государь говорил о том же с историком Карамзиным, а в 1825 г.

с наследным нидерландским принцем Вильгельмом Оранским, супругом сестры государя Анны Павловны. Что касается самой императрицы Марии Феодоровны, то нельзя сказать вполне утвердительно, было ли ей известно только об акте отречения Константина или и о манифесте 16 августа 1823 г. О назначении Николая Павловича наследником престола знали, во всяком случае, лица, наиболее близкие к великому князю. С принцем Вильгельмом у Николая Павловича, как мы знаем, давно уже существовали дружеские отношения; нельзя предположить, чтобы принц, зная, что готовится в России, зная, что тут затрагиваются интересы семьи его сестры (с которой он точно так же был очень дружен), не предупредил бы об этом свою сестру и ее мужа. Скоро дело получило еще большую и как бы уже официальную огласку: в придворном берлинском календаре на 1824 год – а вряд ли у Николая Павловича на письменном столе не было придворного берлинского календаря – он прямо был назван наследником русского престола. Все это приводит к заключению, что Николай Павлович не мог не знать не только об отречении его брата Константина, но и о своем назначении наследником, хотя, быть может, и не представлял себе вполне определенно ту форму, в какую были облечены относящиеся до этого акты. Ввиду того, однако, что эти акты не были обнародованы во всеобщее сведение, он находил возможным не считаться с ними, как с теряющими силу в момент смерти государя. Мог он почесть себя и обиженным тем, как вопрос о его назначении наследником престола обсуждался на семейном совете – без его участия, между матерью и старшими братьями. Эти выводы находят себе подтверждение и в образе действий вел. кн. Николая Павловича в первые минуты после получения в Петербурге известия о смерти государя.

В первых числах сентября 1825 г. император Александр Павлович и императрица Елизавета Алексеевна выехали из Петербурга в Таганрог. Государя сопровождали между прочими министр двора кн. П.М. Волконский и начальник Главного штаба бар. И.И. Дибич. Великий князь Николай Павлович, как бывало не раз и раньше, остался в столице единственным представителем царской семьи (великий князь Михаил Павлович гостил у цесаревича в Варшаве). Главное управление в столице было в руках военного губернатора гр. М.А. Милорадовича, героя 1812 года, в последние годы александровского царствования несколько опустившегося и относившегося довольно легко к тем слухам о заговоре среди офицеров, которые к этому времени ходили уже довольно упорно в городе. Командиром гвардейского корпуса был ген. А.Л. Воинов. С 18 ноября в столицу начали приходить

известия о болезни государя, с 25 ноября быстро принявшие крайне тревожный характер. Узнав в этот день вечером, что надежды на выздоровление почти нет, великий князь Николай Павлович совещался с Милорадовичем и Воиновым и предложил им, при получении известия о кончине государя, немедленно провозгласить императором Константина Павловича, говоря, что он первый принесет ему присягу[23].

27-го утром происходили молебствия о здравии государя: в Зимнем дворце для царского семейства и приближенных и в Александро-Невской лавре для военных и гражданских чинов. Во время молебствия во дворце было получено известие (от Волконского и Дибича) о смерти государя. Присутствовавшим в церкви это известие принес великий князь Николай Павлович. С императрицей Марией Феодоровной сделалось дурно, ее вынесли из церкви. Вернувшись в церковь, Николай Павлович принес присягу «государю императору Константину Павловичу» и тотчас же после этого привел к присяге роту Его Величества л.-гв. Преображенского полка, занимавшую внутренний дворцовый караул. Во дворце тотчас за великим князем присягнули Милорадович, ген.-ад. кн. В.Б. Трубецкой и многие другие из свиты и приближенных. Одновременно с этим великий князь приказал дежурному генералу А.Н. Потапову привести к присяге главный дворцовый караул. Адъютант великого князя А.Ф. Адлерберг был послан с таким же поручением в инженерное ведомство, а ген. А.И. Нейдгард в Александро-Невскую лавру – поручить ген. Воинову привести к присяге все гвардейские полки. Только после этого великий князь сообщил обо всем происшедшем императрице Марии Феодоровне. Императрица крайне этим встревожилась и поспешила сообщить Николаю Павловичу, что существует акт, по которому он сам назначен наследником престола. «S'il y en a un, il ne m'est pas connu, personne ne le connait; mais nous savons tous que notre maitre, notre souverain legitime est mon frere Constantin et nous avons rempli notre devoir: arrive ce qui pourra»[24], – отвечал ей Николай Павлович. Вслед за этим сообщил великому князю о существовании акта (вполне определенно имея уже в виду манифест 16 августа 1823 г.) прибывший к этому времени во дворец из лавры кн. А.Н.Голицын.

В тот же день, в два часа, состоялось в Зимнем дворце заседание Государственного Совета. На этом заседании возникли разногласия по вопросу, распечатать ли предварительно пакет, о котором сообщили собранию председатель Совета кн. Лопухин и кн. Голицын, или начать с присяги Константину. Первое мнение одержало верх, и пакет был распечатан. Ознакомление с

манифестом и письмом Константина от 14 января 1822 г. вызвало новое разногласие, и для разрешения своего недоумения Совет in corpore отправился к великому князю. Николай Павлович убеждал Совет принести присягу его старшему брату, заявив при этом, «что он все это знает, что дело это для него не было скрыто, но что он и тогда дал себе клятвенное обещание поступить в случае подобного несчастья по тем правилам, по коим он ныне поступил». Совет, «услышав непреложную волю» великого князя, решил принести присягу и для этого снова собраться в тот же день в семь часов вечера. К этому времени, к пяти часам вечера, присяга во всех гвардейских полках уже была принесена. Вечером принес присягу Государственный Совет, о чем и был составлен журнал. На другой день копия с журнала Совета была послана с адъютантом великого князя Лазаревым в Варшаву к Константину Павловичу. Отправляя Лазарева, Николай Павлович вручил ему, кроме того, свои личные письма к обоим своим братьям. В тот же день было послано уведомление от Милорадовича к московскому генерал-губернатору кн. Д.В. Голицыну и финляндскому А.А. Закревскому о приведении к присяге Москвы и Финляндии и были разосланы повсеместно о том же курьеры. В Москве, куда вести о смерти государя стали доходить 28 ноября, митрополит Филарет сообщил генерал-губернатору о существовании пакета в Успенском соборе; после некоторого колебания было решено действовать сообразно с тем, как поступят в Петербурге, и после получения официального уведомления Москва 30 ноября спокойно присягнула Константину. В других местах присяга прошла точно так же, без каких бы то ни было осложнений. Пакеты в Сенате и Синоде были оставлены нераспечатанными.

В Варшаве известие о смерти государя было получено 25 ноября. По получении этого известия цесаревич тотчас же написал письма к императрице Марии Феодоровне и Николаю Павловичу, в котором заявлял, что уступает свои права брату «в силу рескрипта императора Александра от 2 февраля 1822 г.». Он ссылался, таким образом, на документ, безусловно известный Николаю. С этими письмами 26 ноября был отправлен вел. кн. Михаил Павлович. Михаил Павлович приехал в Петербург 3 декабря. По общему совещанию между императрицей и обоими великими князьями было решено, что так как письма Константина, привезенные Михаилом Павловичем, были написаны цесаревичем до получения им известия о принесении ему присяги, то они и не могут считаться решающими. В Петербурге «без опасности» их во всяком случае нельзя обнародовать: Константин должен издать от себя, уже как государь, манифест, в котором будет окончательно решен вопрос,

кому царствовать. С этим решением в Варшаву был послан в тот же день фельдъегерский офицер Белоусов. В городе начали уже распространяться слухи о том, что Михаил Павлович не присягал, и потому было сочтено за лучшее, чтобы он оставил Петербург. 5 декабря он выехал в Варшаву под предлогом сообщения Константину Павловичу сведений о здоровье императрицы-матери. Лазарев прибыл в Варшаву 2 декабря. Узнав о том, что произошло в Петербурге, Константин Павлович на другой же день отправил письмо к председателю Государственного Совета, в котором очень резко высказывался по поводу поведения Совета. Это письмо – прямой выговор Совету за незнание государственных законов, выговор, с юридической стороны, построенный безукоризненно. Цесаревич указывал, что Совет не имел права приносить присягу, зная, что присяга вообще «не может быть сделана иначе, как по манифесту за императорским подписанием», и что, кроме того, Совет забыл свою собственную присягу покойному государю, когда присягали императору и наследнику, «который назначен будет»; для этого же надо было первоначально ознакомиться с распоряжением покойного государя. Вместе с этим Константин Павлович, отвечая на письма брата, заявлял, что его решение непоколебимо, отклонял приглашение приехать в Петербург и предупреждал, что «удалится еще далее, если все не устроится согласно воле покойного нашего императора». Одновременно с этими письмами на имя Государственного Совета и брата, цесаревич письмом от 4 декабря указал Дибичу обращаться к великому князю Николаю как к государю.

Эти письма были отправлены с тем же Лазаревым. На станции Ненналь (в 260 верстах от Петербурга) с Лазаревым, везшим ответ Константина Павловича на письмо Николая Павловича от 28 ноября, встретился великий князь Михаил Павлович и, поняв, в чем дело, решил не ехать дальше от Петербурга и ждал здесь возвращения из Варшавы Белоусова. В Петербург Лазарев прибыл 9 декабря. Ознакомившись с полученным ответом, а также с письмом Константина Павловича к председателю Государственного Совета, Николай Павлович точно так же решил ждать следующего курьера.

12 декабря положение дел, однако, еще более осложнилось. В этот день Николай Павлович получил от Дибича пакет из Таганрога с подробным сообщением о заговоре тайных обществ[25] . Николай Павлович немедленно посвятил в это сообщение Милорадовича, кн. А.Н. Голицына и ген.-адъют. А.Х. Бенкендорфа, еще в 1821 г. представившего государю записку о тайных обществах. В этот же день прибыл из Варшавы Белоусов с

письмом, содержавшим решительный отказ вел. кн. Константина Павловича. Непреклонность брата и известие об опасности заставили Николая Павловича уступить. 13 декабря был составлен от имени Николая Павловича манифест (помеченный при обнародовании 12-м декабря) с извещением о ходе последних событий, об отказе Константина Павловича и о принятом Николаем Павловичем решении. Фактическая часть манифеста была редактирована Адлербергом, которому Николай Павлович сам продиктовал главные положения, общая часть – Сперанским (после того как не удостоился одобрения более обширный проект Карамзина, в котором предполагалось наметить характер нового царствования). Одновременно с манифестом решено было опубликовать манифест покойного государя от 16 августа 1823 г., письма цесаревича и государя от 14 января и 2 февраля 1822 г. и оба письма Константина Павловича к императрице Марии Феодоровне и Николаю Павловичу от 26 ноября 1825 г. На вечер 13 декабря Николай Павлович запиской на имя председателя Государственного Совета просил назначить секретное заседание, «имея поручение от Государя Императора сообщить высочайшую волю Государственному Совету». Заседание открылось очень поздно, так как Николай Павлович желал присутствия на нем Михаила Павловича, которого ждали с минуты на минуту. Не дождавшись брата – Белоусов проехал по другому тракту, и Михаил Павлович был вызван лишь 12-го, – Николай Павлович решил начать заседание без него в первом часу ночи. Заняв первое от председателя место, он, начав словами: «Я выполняю волю брата Константина Павловича», прочел манифест о своем вступлении на престол и «попросил» министра юстиции кн. Лобанова-Ростовского (как генерал-прокурора) тотчас этот манифест и все подлежащие бумаги напечатать, обнародовать и наутро привести всех к присяге.

Неопределенным положением, создавшимся вследствие всех этих событий, решили воспользоваться члены тайных политических обществ, ставивших себе целью государственный переворот и перемену образа правления: Северного, состоявшего главным образом из офицеров гвардии, и Южного, в которое входили прежде всего офицеры расположенной на юге 2-й армии. Существование этих обществ было раскрыто еще при жизни императора Александра I доносами унтер-офицера 3-го Украинского уланского полка И.В. Шервуда, елизаветградского помещика А.К. Бошняка и капитана Вятского полка А. Майбороды[26]. История возникновения и характеристика этих обществ не входят в данный момент в нашу задачу. Присматриваясь к их взаимоотношениям, особенно в те моменты,

когда в Петербург по делам обществ приезжал глава Южного общества полковник Вятского полка П.И. Пестель, можно заметить, что Северное общество находилось как бы под некоторым моральным давлением Южного, правильнее говоря – прежде всего самого Пестеля. «Южане» были более сорганизованы и более деятельны и упрекали «северян» за недостаток активности. В то же время внешние условия – близость двора и высших государственных учреждений – сами по себе как бы вызывали к действию прежде всего Северное общество. Среди «северян» к этому времени начало создаваться настроение некоторой угнетенности, сознание, что сделано мало, и отсюда – желание сделать хоть что-нибудь. План действий в обществах до самого последнего момента окончательно выработан не был. Арест некоторых из видных членов (в том числе Пестеля) заставлял торопиться. Слухи о том, что будет вторичная присяга, создавали, как казалось, благоприятный момент. Решено было, что офицеры, участники обществ, будут отговаривать в своих частях солдат от присяги Николаю и, выведя их на Сенатскую площадь и тем отрезав сообщение между Сенатом и Зимним дворцом, заставят Сенат, как верховное учреждение, провозгласить конституцию.

14 декабря к 7 часам утра собрались для присяги Сенат и Синод, а к 11 часам был назначен съезд для молебствия в Зимний дворец. Одновременно с этим начали приводить к присяге отдельные войсковые части. Во время присяги в л.-гв. Московском полку, расположенном в то время на Фонтанке у Семеновского моста, офицеры этого полка, штабс-капитаны кн. Щепин-Ростовский, М.А. Бестужев и брат последнего Александр, штабс-капитан л.-гв. Драгунского полка, уговорили часть солдат не присягать. Пытавшиеся вмешаться полковой командир ген.-майор бар. Фредерикс, бригадный – ген.-майор В.Н. Шеншин и полковник Хвощинский были тяжело ранены саблями, и кн. Щепин-Ростовский, захватив знамя и выведя часть полка из казарм, повел солдат по Гороховой улице на Сенатскую площадь.

Одновременно с этим в л.-гв. Гренадерском полку, расположенном в то время, как и теперь, на Петербургской стороне, подняли возмущение поручики А.Н. Сутгоф и Н.И. Панов, и часть полка, со знаменами, но не построенная, перейдя по льду Невы, была приведена ими несколько позднее также на Сенатскую площадь[27].

Наконец, значительно позднее, лейтенант Арбузов привел сюда же по Галерной улице часть Гвардейского экипажа, расположенного в то время, как и теперь, на углу Екатерининского и Крюкова каналов[28].

Собравшиеся на площади войска построились в каре, причем руководство всеми действиями принадлежало главным образом поручику л.-гв. Финляндского полка кн. Е.П. Оболенскому. Сюда же явились некоторые из штатских членов общества, как, например, В.К. Кюхельбекер, отставной поручик П.А. Каховский и др. К собравшимся начали примыкать и посторонние, и вскоре площадь, примыкающие к ней улицы, соседние здания и леса строившегося в то время Исаакиевского собора покрылись густой толпой.

Узнав о возмущении[29], Николай Павлович довольно быстро выработал общий план действий. Обозревая мысленно расположение военных сил в городе, он совершенно верно принял в соображение то обстоятельство, что наибольший резерв в его распоряжении был в районе Миллионной улицы, Литейного проспекта, Кирочной и Таврического сада. Здесь были расположены военные части, на которые он прежде всего мог рассчитывать, – саперы и преображенцы. В этой же стороне был расположен л.-гв. Павловский полк и, наконец, внушительная кавалерийская сила в лице кавалергардов. Заняв площадь, мятежники, в сущности, отрезали Зимний дворец прежде всего от прямого сообщения с Конной гвардией, Семеновским и Егерским полками. В то же время Измайловский полк был ненадежен. Части, расположенные в сторону Миллионной улицы и Литейного проспекта, и должны были, по плану Николая Павловича, составить главную силу, предназначенную для охраны дворца и активного выступления против мятежников. Остальным предстояло играть роль резервов и вспомогательной силы.

Поставив у главного входа во дворец 9-ю стрелковую роту л.-гв. Финляндского полка, только что вступившую в караул, Николай Павлович распорядился вызвать 1-й батальон Преображенского полка (расположенный, как и теперь, на Миллионной улице) и Кавалергардский полк, а также 2-й батальон преображенцев и л.-гвардии и учебный саперные батальоны. Саперам была вверена охрана дворца. Кавалергарды и 2-й батальон преображенцев заняли Дворцовую площадь. Вызванная и прибывшая почти в полном составе Конная гвардия, обогнув Исаакиевский собор, выстроилась со стороны Адмиралтейства от собора до набережной Невы. Вверив защите 1-го батальона преображенцев 7-летнего наследника престола, Николай Павлович повел их лично и выстроил на углу Вознесенского и Адмиралтейского проспектов. Одновременно с этим он распорядился, чтобы его дети были перевезены из Аничкова дворца в Зимний[30].

Семеновский полк был послан в обход Исаакиевского собора

к Конногвардейскому манежу. Часть Павловского полка заняла мосту Крюкова канала и Галерную улицу. Измайловский полк, приведенный вел. кн. Михаилом Павловичем, был выстроен в резерве по Вознесенскому проспекту от Синего моста до Адмиралтейского проспекта. Вызван был точно так же Финляндский полк, расположенный тогда, как и теперь, на Васильевском острове; но когда полк вступил на Исаакиевский мост, командовавший первым взводом поручик барон А. Розен, один из участников заговора, скомандовал: «Стой», и это остановило дальнейшее движение всего полка; только та часть его, которая еще не взошла на мост, по льду перешла реку и присоединилась к войскам, стоявшим у Крюкова канала. Сам Николай Павлович в течение всего дня занимал место во главе 1-го батальона Преображенского полка на углу Вознесенского и Адмиралтейского проспектов. Главное командование со стороны Почтамтской и Галерной улиц и Крюкова канала было поручено им вел. кн. Михаилу Павловичу.

Против мятежников были двинуты, таким образом, очень внушительные силы: почти вся масса столичного гарнизона. Можно было подумать, что на улицах Петербурга готовятся к правильному сражению. Значительная часть дня прошла, однако, в нерешительных действиях. Попытки увещания возмутившихся не имели результатов. Выехавший к ним в самом начале Милорадович был смертельно ранен; та же участь постигла командира л.-гв. Гренадерского полка полковника Стюрлера (раны тому и другому были нанесены Каховским). Угрозами выстрелов был встречен и вел. кн. Михаил Павлович. Не имела успеха и попытка увещевания, сделанная митрополитом Серафимом, вышедшим в полном облачении, с хоругвями и в сопровождении дьяконов. К трем часам дня решено было приступить к действиям, начав с кавалерийской атаки. Однако атаки Конной гвардии, а вслед за ней кавалергардов, имели мало успеха: из-за сильной гололедицы лошади падали, палаши оказались не отпущенными, и выгода оставалась на стороне противника, открывшего уже ружейный огонь. Николай Павлович долго не решался, со своей стороны, открыть огонь и, только уступая настояниям ген.-ад. Васильчикова, выдвинул артиллерию. Одно орудие было послано к вел. кн. Михаилу Павловичу; три орудия были поставлены перед 1-м батальоном преображенцев, на углу Адмиралтейского проспекта. Было сделано четыре выстрела картечью; первый был взят слишком высоко и ударил в крышу Сената; следующие – два из орудий у Адмиралтейского бульвара и один из орудия у Семеновского полка – расстроили каре. Главная масса искала спасения через

Неву по Исаакивскому мосту и по Английской набережной, некоторая часть – по Галерной. В преследование за бежавшими были двинуты через Неву измайловцы и преображенцы, по Английской набережной – Конная гвардия. Часть бывшего в каре Московского полка спустилась на лед, и здесь Михаил Павлович попытался построить колонну, чтобы идти на Петропавловскую крепость: орудийный огонь артиллерии, выдвинутой к этому времени к Исаакиевскому мосту и стрелявшей теперь уже ядрами, и открывшаяся на льду полынья расстроили этот замысел.

Когда восставшие были окончательно рассеяны, главные силы Гвардейского корпуса расположились бивуаком вокруг Зимнего дворца и заняли все проезды на Дворцовую площадь. Команда на этой стороне Невы была поручена ген.-ад. князю Васильчикову, на Васильевском острове – Бенкендорфу.

Так кончился в Петербурге день 14 декабря[31].

Тотчас после подавления восстания начались розыск и следствие над его участниками. Вечером в этот день, по возвращении государя во дворец, было отслужено молебствие, назначенное еще на 11 ч. утра, но отложенное ввиду происшедших событий. Вскоре после этого во дворец стали привозить арестованных участников восстания, а также других членов тайных обществ. Первоначальный допрос вел в значительной степени сам государь; его помощники были генерал-адъютант гр. К.Ф. Толь и В.В. Левашов. Уже в эту ночь были взяты и подверглись допросу некоторые из главных участников тайных обществ: Рылеев, кн. Оболенский, кн. Трубецкой и др. Допрос продолжался всю ночь и до полудня следующего дня. По мере того как шло расследование, Николай Павлович извещал о его ходе цесаревича Константина Павловича письмом, которое им писалось одновременно с допросом. Уже 15 декабря в газетах появилось сообщение о событиях предшествовавшего дня. 17 декабря был учрежден Особый комитет для следствия о тайных обществах (получивший вскоре название Следственной комиссии) под председательством военного министра Татищева. Членами комитета были назначены: вел. кн. Михаил Павлович, князь А.Н. Голицын и генерал-адъютанты Голенищев-Кутузов, Бенкендорф и Левашов (позднее в него вошли начальник Главного штаба Дибич, ген.-ад. Чернышев и дежурный генерал А.Н. Потапов); правителем дел комитета – состоящий при военном министре А.Д. Боровков, его помощником – флигель-адъютант государя Адлерберг[32].

Следственная комиссия вела свои занятия непрерывно до конца мая 1826 г. Уже к январю стали привозить в Петербург взятых на юге участников тайных обществ, в том числе

полковника П.И. Пестеля и кн. С.М. Волконского. Первый допрос снимал обыкновенно Левашов; по получении показаний о них немедленно сообщалось государю, который и сам лично принимал по временам участие в допросе. Как во время первоначального допроса 15 декабря, так и во всем дальнейшем ходе дела о «декабристах» Николай обнаружил, с одной стороны, очень суровое к ним отношение, с другой – большое умение применяться к личным особенностям каждого из них. С одними он говорил очень мягко, стараясь пробудить к себе доверие; на других пытался воздействовать угрозами и гневом, иногда в довольно грубой форме. Заключенные в Петропавловской крепости содержались очень сурово. В целях розыска к ним применялись и крайние меры строгости и устрашения: многие из них приводились на допрос со связанными руками, некоторые были закованы в кандалы; прибегали даже к угрозе пыткой. К отдельным заключенным, по личному указанию Николая Павловича, применялся разный режим и различные меры воздействия. 20 декабря 1825 г. на первом приеме дипломатического корпуса государь в своей речи подробно сообщил иностранным дипломатам о совершившихся событиях и о своем решении произвести строгий суд над участниками заговора. Позднее он особенно часто говорил о происходившем следствии с французским послом гр. Лаферроне.

К 30 мая 1826 г. Следственная комиссия закончила следствие и составила свое «Донесение» о тайных обществах. Акт этот отличался большой односторонностью. В основу его легла подготовленная по поручению министра иностранных дел Д.Н. Блудовым статья о ходе следствия, предназначавшаяся для печати, главным образом заграничной, и составленная на основании материалов, представленных Блудову правителем дел Следственной комиссии Боровковым. Этот акт и должен был лечь в основу приговора суда. 1 июня 1826 г. был назначен Верховный уголовный суд над обвиняемыми, составленный из членов Государственного Совета, Сената и Синода. Председателем суда был назначен председатель Государственного Совета кн. П.В. Лопухин; на министра юстиции кн. Лобанова-Ростовского возлагались обязанности генерал-прокурора. Членами от Государственного Совета были назначены: кн. Куракин (который должен был замещать председателя на случай его болезни), адм. Мордвинов, гр. Морковь, кн. Лобанов-Ростовский 2-й, Ланской 1-й, гр. Толстой, Карцов, Сукин, Балашов, Васильчиков, гр. Нессельроде, Шишков, гр. Воронцов, кн. Салтыков, гр. Ливен, Болотников и Сперанский. От Сената: Фенш, царевич Мириан, кн. Гагарин, Ададуров, Обресков, Васильчиков, Михайловский,

Гладков, гр. Хвостов, Энгель, Нелидов, гр. Орлов, кн. Шаховской, Хитрово, Грушецкий, Мертенс, гр. Кутайсов, Баранов, Дивов, Корнилов, Батюшков, Ланской, Безродный, Дубенский, Мечников, Сумароков, кн. Куракин, Хвостов, Щулепов, Болгарский, Маврин, Мансуров, Лавров, Полетика, Вистицкий и Казадаев. От Синода: митрополит Серафим, митрополит Евгений и архиепископ Авраам. Сверх этого были назначены к участию в Верховном суде гр. Головкин, гр. Ланжерон, бар. Строганов, Воинов, Опперман, гр. де-Ламберт, Сенявин, Паскевич, Эмманюэль, гр. Комаровский, Башуцкий, Закревский, Бистром и Кушников. Суду были преданы 121 человек.

Ознакомившись с результатами следствия и выслушав чтение тех показаний, которые были даны обвиняемыми в комиссии, суд, со своей стороны, не вызывал снова подсудимых и не подвергал их новому допросу[33], но ограничился лишь тем, что избрал из своей среды новую комиссию для проверки произведенного следствия. В эту комиссию вошли: гр. Ливен, ген.-ад. Балашов, кн. Салтыков, Баранов, Болгарский, Лавров, гр. Головкин, ген.-адъют. гр. Ламберт и Бороздин. Эта комиссия, в свою очередь, ограничилась лишь тем, что, ознакомившись со всеми документами, относящимися к делу, предложила каждому из подсудимых удостоверить своей подписью его показания и очные ставки. Многие из подсудимых не поняли даже, что над ними совершается суд, и предполагали, что они допрашиваются лишь той же Следственной комиссией, но в другом составе. К 10-му июня эта комиссия закончила свою работу, и Верховный суд избрал новую комиссию (гр. Толстой, ген.-адъют. Васильчиков, Сперанский, гр. Кутайсов, Баранов, Энгель, Кушников, бар. Строганов, ген.-ад. Комаровский) для распределения виновных по разрядам и для назначения каждому разряду степени наказания. Все виновные были разделены на 11 разрядов. Первый разряд (31 чел.) был приговорен к смертной казни отсечением головы; остальные – к различным наказаниям, начиная от вечной каторги до отдачи в солдаты с выслугой. Пять главных виновных: Пестель, Рылеев, С. Муравьев-Апостол, Мих. Бестужев-Рюмин и Каховский были поставлены вне разрядов и приговорены к мучительной казни четвертованием. Доклад о приговоре, составленный Сперанским, Казадаевым и Бороздиным, был представлен 9 июля государю, который указом 10 июля даровал жизнь преступникам первого разряда, смягчил всем разрядам степень наказания (дальнейшее смягчение последовало через месяц после этого по случаю коронации), а поставленных вне разряда предал «решению Верховного уголовного суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится». В этот же день

он писал императрице-матери: «Ужасный день настал, милая матушка, и, согласно вашего приказания, я сообщаю вам о происшедшем. Сегодня я получил доклад Верховного суда, составленный кратко, и он дал мне возможность, кроме пяти человек, воспользоваться данным мне правом немного убавить степень наказания. Я отстраняю от себя всякий смертный приговор, а участь пяти наиболее жалких предоставляю решению суда». Суд приговорил их к повешению. Есть известие, что Николай Павлович, узнав об этом, заметил, что офицеров не вешают, но расстреливают, но на этом позорном виде казни настоял Бенкендорф. В ночь на 13 июля на валу кронверка Петропавловской крепости приговор над осужденными был приведен в исполнение[34].

Вскоре после этого двор начал готовиться к коронации и переселился в Москву[35]. В половине августа здесь собралось все царское семейство: совершенно неожиданно прибыл 14 августа цесаревич Константин Павлович, до этого времени упорно отказывавшийся покинуть Варшаву. Приезд его очень обрадовал государя. Цесаревич оставался вплоть до коронации. Коронация состоялась 22 августа. В этот день был обнародован манифест о назначении вел. кн. Михаила Павловича, на случай смерти императора, правителем государства до совершеннолетия наследника. 23 августа цесаревич Константин Павлович выехал в Варшаву; государь к 6 октября вернулся в Петербург.

Новое правительство

Постараемся теперь дать себе отчет в том, какое же значение могли иметь события 14-го декабря для последующего времени, и прежде всего для правительственной деятельности николаевского царствования.

Первое, что приходится здесь отметить, это то, что 14 декабря Николаю, до сих пор стоявшему несколько в стороне от течения государственной жизни, пришлось выступить защитником определенного государственного порядка. 14-е декабря было, прежде всего, борьбой против определенного политического строя. Этот строй сложился издавна, рос и креп в течение XVII и XVIII веков, а со второй половины XVIII века стал подвергаться колебаниям. В кратковременное царствование императора Павла была сделана попытка реставрировать абсолютную монархию, очистив ее и от «вольного духа», и от самоволия сильных мира сего, и провозгласить абсолютизм как единственно мыслимый принцип русской государственной жизни. Уродливые проявления этого принципа в павловское царствование привели лишь к новым, и на этот раз более сильным его колебаниям – то в сторону преобразования в духе либерального конституционализма, то в сторону упрочения абсолютной монархии. До самого конца александровского царствования, даже во вторую половину его, носившую определенно реакционный характер, абсолютизм оставался, однако, скорее лишь известного рода фактом, к которому допустимо было различное отношение. Теперь в лице Николая выступал вполне определенный защитник абсолютной монархии, и 14 декабря этот порядок как бы получил высшую санкцию. В свое время император Александр, узнав о зревших замыслах тайных обществ, сказал, что не ему их осуждать, так как сам он повинен в этих увлечениях. Великий князь Николай никогда в подобных увлечениях повинен не был; конституционализм и либерализм всегда были чужды его мышлению. 14 декабря 1825 г. он победил своих политических противников, и консервативная программа, получившая свою принципиальную формулировку еще в 1811 г. в «Записке о древней и новой России» Карамзина, становится теперь окончательно единственно приемлемым для правительства принципом. Отныне все преобразования, поскольку они будут носить на себе окраску конституционализма, заранее будут провозглашаемы как неприемлемые, как бы ни была очевидна их практическая необходимость.

Ниже нам придется еще остановиться на конкретном

содержании правительственной программы николаевского царствования; теперь же необходимо отметить другую сторону в событиях 14 декабря. Присматриваясь к тому, как лица, наиболее заинтересованные в вопросе о престолонаследии, относятся к этому событию, как говорят они о самом престолонаследии, мы замечаем одну любопытную черту. Вопрос о престолонаследии для них – прежде всего вопрос династический. Идея закона о престолонаследии мыслилась в конце XVIII в. как одно из условий обеспечения закономерности в абсолютной монархии. Теперь, через четверть века, первый казус, возникший на почве практического осуществления этой идеи, превращает закон о престолонаследии из государственного акта в семейное распоряжение. Необнародованный манифест Александра от 16 августа 1823 г. отступает на задний план перед теми частными письмами, какими перед этим обменялись братья Константин и Александр: после этих писем этот манифест – простая формальность. Мятеж 14 декабря, с такой точки зрения, прежде всего посягательство на права династии. Приглядываясь к тому, как велось следствие по делу о декабристах, нетрудно заметить, как этот последний пункт постоянно выдвигается на первый план и как, в зависимости от этого, отдельные участники мятежа понесли более суровое, сравнительно с другими, наказание. После 14 декабря определенный государственный порядок стал рассматриваться прежде всего как один из устоев династии, а охранение этого порядка как ее традиция.

Какое впечатление мог вынести император Николай из хода событий 14 декабря и из той картины, какая перед ним в этих событиях раскрылась? Известно, что он неверно представлял себе характер отношений декабристов к западно-европейским тайным обществам. Эти отношения не выходили, по-видимому, за пределы чисто идейных влияний. Император Николай в заговоре декабристов усмотрел ответвление одного общеевропейского заговора, охватившего все страны – точка зрения Александра на историю в 1820 г. в Семеновском полку, – и в нем проснулся сторонник Священного Союза, в свое время обещавший императору Александру охранять начала этого союза. Отсюда прямой переход к определенным легитимистическим принципам внешней политики императора Николая; отсюда та роль защитника Священного Союза, которая так последовательно и неуклонно проводится им в его политике, отсюда то, как – хочется сказать «те выходки, какими»… – Николай I реагирует на каждое известие о новой вспышке революционного движения в других странах.

С другой стороны, император Николай преувеличенно

представлял себе серьезность заговора и того мятежа, в который этот заговор вылился, а отсюда преувеличивал и значение своей победы над этим мятежом. Его победа 14 декабря была, в сущности, легкая победа. Против нескольких батальонов двух-трех гвардейских полков был двинут весь столичный гарнизон. Участники мятежа были как бы задавлены лавиной войск, обрушившейся на Сенатскую площадь. Но император Николай вынес из этой победы над революционной вспышкой преувеличенное представление о своем могуществе, и эта переоценка, при той позиции, какую, как сейчас было указано, он занял в международных вопросах, отразилась опять-таки прежде всего на его внешней политике. Дело в том, что сложившееся под впечатлением событий 14 декабря у императора Николая преувеличенное представление о своей мощи могло поддерживаться в нем и еще одним обстоятельством. Николаевское царствование, как мы еще увидим ниже, вовсе не представляет из себя на всем своем протяжении такой однообразной печальной картины разложения, каким его обыкновенно рисуют. Картина внутреннего упадка и распада, чем обыкновенно характеризуется николаевское царствование, относится главным образом ко второй половине этого царствования. Упадок и распад начались с сороковых годов. В первое десятилетие своего царствования императору Николаю, безусловно, удалось сделать немало в смысле упорядочения и укрепления сил государства сравнительно с тем развалом, какой раскрывается перед нами в последние годы александровского царствования. Укрепившись внутренне, он усвоил себе мысль о том, что он может обрушиться на европейскую революцию и задавить европейское движение, как 14 декабря ему удалось обрушиться и задавить мятежников на Сенатской площади. Взгляд на себя, как на защитника принципов 1815 г., которому должны повиноваться не только народы, но и цари, при таких условиях стал приводить императора Николая во вторую половину его царствования к чересчур смелым и решительным шагам – шагам, быть может, в сторону весьма насущных для России достижений, но не имевших за собой к данному моменту достаточно реальной опоры.

Почувствовавший себя защитником определенного политического порядка, как оплота династии, и переоценивавший значение своей победы над противником, император Николай вынес, кроме того, из событий 14 декабря чувство глубокого недоверия к русскому обществу и окружающей его среде. Мятеж 14 декабря рисовался ему как стоящий в прямой связи с тем глухим недовольством, которое широкой волной

распространилось в данное время в русском обществе, переходя далеко круги тайных обществ. С другой стороны, участниками мятежа в преобладающем большинстве явилось гвардейское офицерство, выступавшее обыкновенно традиционным выразителем настроения дворянской среды. Все русское интеллигентное общество, все русское дворянство было повинно, в его глазах, за события, разыгравшиеся на Сенатской площади (и в данном случае он был недалек от истины), а после 14 декабря, сурово покарав своих политических противников, он читал в глазах этого общества молчаливый упрек по своему адресу. Ибыло повинно не только молодое поколение русского общества, не только те поручики и подпоручики, именами которых пестрит список «декабристов»: еще неизвестно, во что отлились бы в более зрелом возрасте эти молодые силы. Недоверие Николая должно было распространяться и на такие общественные слои, на те отдельные личности, которые, так сказать, уже органически срослись с государственным механизмом. Среди самих декабристов были не одни поручики и подпоручики. Было и шестнадцать полковников, и два генерал-майора. Глава Южного общества, наиболее крупная фигура среди всех заговорщиков, полковник Пестель был командиром полка (Вятского). Был осужден и прямой начальник Пестеля, бригадный генерал свиты Е. В. ген.-майор кн. С. Волконский. Среди декабристов пять человек было в генеральских чинах, и из них трое были осуждены по первому разряду. Своим духовным отцом сами декабристы считали Сперанского, секретарем которого (по сибирскому комитету) был незадолго до этого декабрист Батенков, автор одного из многочисленных проектов конституции, составляемых членами тайных обществ. Сами эти проекты по форме были прямым продолжением тех проектов, которые в таком количестве в александровское царствование выходили из-под пера государственных сановников. К кружкам декабристов был близок и председатель департамента экономии Государственного Совета адм. Мордвинов. В Польше при Константине Павловиче состоял Н.Н. Новосильцев, деятель первых лет александровского царствования, душа Негласного комитета, автор уставной грамоты 1818 г. Решительно разорвав с конституционной традицией и положив предел конституционным колебаниям в правительстве, император Николай не мог опереться на общество и должен был проводить свою программу исключительно с помощью бюрократических сил, чиновничества. За немногими исключениями он искал не столько сотрудников, сколько беззаветных исполнителей своей воли среди лиц, по своему происхождению и положению чуждых тех политических традиций

конца XVIII и начала XIX вв., которые из среды высшего русского общества проникали в русское сановничество.

Общество отвечало правительству тем же недоверием. 14 декабря из целого ряда семей выхватило близких и дорогих. Суд был проведен формально. Наказание поразило своей суровостью, а назначение коронации почти непосредственно после совершения казни усугубило неприязненное отношение общества к правительству и сферам. Не до ликования было в Москве в августе 1826 г. Николай не был любим, будучи еще великим князем. Катастрофа 14 декабря окончательно отпугнула от него русское общество. С другой стороны, как консервативная программа стала с этого времени правительственной традицией, так и в русском обществе стали развиваться с этого времени определенные политические традиции, связывавшиеся точно так же с декабрьскими событиями 1825 г. Эти традиции, основываясь на живых симпатиях и личных отношениях, связывали оставшихся с теми, кто ушел за Урал, в Сибирь, в каторжные рудники. В то же время ушедшее в самого себя русское общество в николаевское царствование ближе соприкоснулось с государственным охранительным началом и правительственным бюрократизмом. В александровское царствование это была отдаленная бюрократическая машина в центре; на местах жили екатерининские учреждения, в которых как-никак жив был еще дух сословных организаций и коллегиальности. В николаевское царствование местное управление бюрократизируется и приводится в согласование с центральным управлением. Наряду с органами областного управления, в лице чинов жандармского ведомства, появляются на местах агенты правительственного досмотра. Правительство отстранило от себя общество, проникаясь к нему недоверием, и общество пошло своим путем. Как для Николая консервативная программа приняла династический характер, так и общество приучилось отождествлять данный порядок с идеей государственности вообще и воспитало в себе огульно отрицательное отношение к государственному началу. Отстраненное от практической деятельности, общество теряло в своих программах реальную почву. Но также теряло реальную почву и правительство, замыкаясь и затериваясь в бюрократическом бумагопроизводстве. И правительство, и общество в николаевское царствование утрачивали чувство жизни. В этом отношении система секретных комитетов приводила правительство к тому же, к чему приводили общество кружковые беседы притаясь. 14 декабря разобщило правительство и общество, и это разобщение не принесло пользы ни правительству, ни обществу.

Николаевское царствование принято делить на периоды – до 1830 г.,с 1830 г. по 1848 г. и с 1848 г. по конец царствования. Первый из этих периодов характеризуется обыкновенно как «якобы преобразовательный и, по крайней мере по внешности, не противный прогрессу». Второй – как такой, когда после «quasi-реформаторского периода своего царствования» под влиянием европейских событий 1830 года император Николай «как бы нашел самого себя. Взяв отныне новый, строго консервативный курс, он не допускал уже от него никаких уклонений». Инаконец, последний – как ознаменовавшийся после французской революции «той системой реакций, которая обусловлена была этими событиями». Такую характеристику трех указанных периодов николаевского царствования дает в последнее время профессор А. Корнилов[36].

Как мы сейчас видели, сами условия вступления на престол императора Николая бесповоротно предопределили характер правительственной программы нового государя. Николаю не приходилось искать себя около 1830 г.: он нашел, а еще правильнее сказать – «формулировал» себя в декабре 1825 г. Историю николаевского царствования в этом отношении правильнее не дробить на периоды, но брать всю за одни скобки: это – единое последовательное осуществление консервативной программы, последняя в русской истории попытка практического обоснования и проведения в жизнь без каких-либо уступок начал абсолютизма. Каких-либо принципиальных колебаний в правительственной системе Николая I за все его царствование нет. Из той характеристики, какую дает отдельным периодам николаевского царствования сам проф. Корнилов, видно, как бледны оттенки этой характеристики. До 1825 г. это «quasi-реформаторский период». После 1848 г. это та же «система реакции», от которой, в сущности, император не допускал уклонений и раньше. Указанная периодизация имеет за собой некоторое основание, если мы будем принимать во внимание не курс николаевской программы, но те способы и приемы, к каким в отдельные моменты прибегало правительство для ее осуществления. Время до начала тридцатых годов придется тогда действительно выделить, но не столько как время, характеризующееся какими-либо колебаниями в духе либеральных начинаний, сколько как период, когда на правительственной деятельности лежит отпечаток некоторой спешности и когда принимаются исключительные репрессивные меры как ответ на революционное движение 1825 г. Учреждение III отделения, цензурный устав 1826 г. и рескрипт 19 августа 1827 г. на имя министра народного просвещения гораздо более

характерны для этого периода, чем «Комитет 6 декабря 1826 г.» Такими рисовались эти годы и современникам, как, например, Никитенко. С другой стороны, последние годы николаевского царствования, после 1848 г., рисуются скорее как годы правительственной растерянности, когда – и действительно прежде всего под влиянием февральской революции – началась реакционная горячка, вовсе не бывшая показателем силы правительства и иногда даже в глазах людей весьма правого образа мыслей, как, например, Корф, свидетельствующая скорее о нарушении, чем о завершении правильной правительственной системы, какая до этого последовательно проводилась.

С другой стороны, если мы будем рассматривать николаевское царствование с точки зрения достигнутых результатов, то правильнее окажется разделить его на два периода, гранью между которыми лежит начало сороковых годов. К середине тридцатых годов императору Николаю, безусловно, удалось достигнуть немалых результатов в своей внутренней и внешней политике: Свод законов 1833 г., устройство государственных крестьян к 1837 г., финансовая реформа 1839 г.; с другой стороны, Адрианопольский мир 1829 г. и Унхиар-Скелессийский договор 1833 г. – все это несомненные крупные успехи николаевского царствования. Напротив, с начала сороковых годов картина изменяется. Редеет количественно и падает качественно состав сотрудников государя; после 1842 г. Киселев считает крестьянский вопрос проигранным; финансовые меры принимают более рискованный характер. Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. – начало упадка международного престижа России. С этого же времени император Николай начинает чувствовать, что борьба с нарастающим новым движением в Европе скоро ему станет не под силу. С начала сороковых годов, главным образом после перехода европейских армий на более скорострельное вооружение и главных мировых флотов на паровые двигатели, Россия начинает быстро отставать от своих соседей в военном и морском отношениях. Изучая отдельные стороны николаевского царствования, мы постоянно испытываем ощущение какого-то перелома, который начинается с конца тридцатых годов, который совпадает с переломом и в личной жизни, и в личном настроении государя, а с другой стороны – и с началом перелома в настроении русского общества.

Первые годы николаевского царствования ознаменовались целым рядом весьма показательных перемен в правительственных сферах. Эти перемены, с одной стороны, были как бы завершением тех перемен, какие произошли в 1823 г., когда после отставки кн. А.Н. Голицына и назначения на пост министра

народного просвещения А.С. Шишкова, министра финансов Канкрина и начальника Главного штаба бар. И.И. Дибича окончательно определился охранительный характер александровской политики. С другой стороны, правительство как бы подчеркивало теперь свою решимость разорвать со всем тем, что напоминало временщичество и туманный ханжеской мистицизм предшествующей эпохи. Отмечая все эти перемены, удобно будет попутно с этим вообще охарактеризовать круг тех лиц, которые начинают выступать теперь как сотрудники нового государя.

На первом месте здесь надо поставить полное удаление от дел всесильного графа Аракчеева. Высочайшим рескриптом от 20 декабря 1825 г. он был уволен от занятий делами Собственной Е. И. В. Канцелярии и от заведывания канцелярией Комитета министров, а в апреле 1826 г., по собственному прошению, и от управления военными поселениями. Потерял теперь всякое значение и известный Фотий. В 1826 г. последовало падение вдохновителей реакции в деле народного просвещения, попечителей петербургского и казанского учебных округов Рунича и Магницкого, причем над первым был назначен суд, а второй выслан в Ревель. Недолго сохранял свой пост и сам министр народного просвещения адм. А.С. Шишков. В мае 1828 г. он был заменен гр. К.А. Ливеном. Это назначение имело скорее временный характер. Зарекомендовавший себя перед этим как гуманный и просвещенный попечитель дерптского округа, Ливен не проявил себя ничем как министр. В 1833 г. он был заменен гр. С.С. Уваровым, одним из самых типичных идеологов николаевского режима.

Весьма существенные перемены происходили одновременно с этими в военном ведомстве. Уже в конце александровского царствования в военном деле сталкивались как бы две школы. Одна олицетворяла собой традиции широкого боевого опыта и специальной научной подготовки. Выразителем такого направления являлся в то время начальник кавказского корпуса А.П. Ермолов; подобные взгляды разделяли в значительной степени и начальник Главного штаба кн. П. М. Волконский, и военный министр Татищев. Вторая школа обнаруживала увлечение давно уже отжившей свой век и теперь реставрируемой линейной фридриховской тактикой, выдвигала на первый план внешнюю выправку, а к боевому делу относилась даже с некоторым недоверием, как к порождающему в войсках сознание своей силы, что может представлять опасность в политическом отношении. Это направление возобладало уже в последние годы александровского царствования, когда в 1823 г. Волконский

получил отставку и начальником Главного штаба был назначен бар. И.И. Дибич. Дибич был ставленником Аракчеева. После доноса Шервуда он собрал все сведения о заговоре и тогда же послал об этом рапорт Николаю Павловичу. После 14 декабря Дибич принял энергичные меры к аресту важнейших из заговорщиков, а Николай Павлович отвечал Дибичу на его рапорт весьма милостиво и после своего вступления на престол не забыл о нем. Впавший в немилость при Александре кн. Волконский снова был удостоен знаками внимания, но получил теперь только почетное назначение – на вновь учрежденный в 1826 г. пост министра Императорского Двора. Начальником Главного штаба оставался Дибич, который и сохранял за собой этот пост до своего отъезда в 1828 г. на театр военных действий. Около этого же времени вышел в отставку, правда весьма отмеченный знаками высочайшего внимания, военный министр гр. Татищев и управляющим военным министерством был назначен генерал-адъютант гр. (с 1841 г. – светлейший князь) А.И. Чернышев, находивший поддержку у Дибича, вообще быстро начавший возвышаться после вступления императора Николая на престол и неизменно пользовавшийся его благосклонностью до конца царствования. Чернышев был в милости еще у императора Александра с 1809 г., когда он был послан к Наполеону и проявил большие дипломатические способности. Он был постоянно при покойном государе во время его поездок на европейские конгрессы. Благосклонность Николая он снискал главным образом после того, как был назначен в следственную комиссию по делу декабристов; здесь Чернышев проявил себя как самый придирчивый, безжалостный и коварный судья. После отъезда Дибича на театр военных действий Чернышев был назначен управляющим Главным штабом с оставлением в должности военного министра. Этим назначением как бы завершились те перемены в сфере высшего военного управления, которые начались в 1823 г. и знаменовали собой победу аракчеевских традиций. Чернышев оставался военным министром почти до конца царствования Николая I (до 26 авг. 1856 г.; после него – кн. П.А. Долгорукий) и все время неуклонно держался той системы военного управления, какая окончательно установилась с конца двадцатых годов. К начальствовавшему над войсками на Кавказе Ермолову Николай всегда, еще до вступления на престол, питал недоверие и прямо неприязненное чувство, что выразилось наконец в 1826 г. в замене Ермолова Паскевичем, к которому государь был расположен еще со времени их первого знакомства в Париже и который принимал видное участие в антиреволюционных репрессиях в войсках в последние годы

александровского царствования. С самого начала николаевского царствования получил большое значение кн. А.С. Меншиков, назначенный в 1828 г. на вновь учрежденную должность начальника Морского штаба и фактически ставший во главе всего морского ведомства.

Одновременно с этим произошли перемены в Министерстве внутренних дел, где высшие посты точно так же были поручены двум генерал-адъютантам, пользовавшимся большим доверием нового государя: в 1828 г. министром внутренних дел на место безличного В.С. Ланского (по словам Вигеля, он «казался быть более призраком министра, чем настоящим министром») был назначен весьма энергичный финляндский генерал-губернатор – генерал-адъютант гр. А.А. Закревский. Государственная полиция с 1826 г. была поручена ген.-ад. гр. А.Х. Бенкендорфу. Петербургским генерал-губернатором после Милорадовича был назначен генерал-адъютант П.В. Голенищев-Кутузов.

Управляющий Министерством иностранных дел гр. К.В. Нессельроде сохранил свое положение в течение всего царствования Николая I. Вначале государь предполагал вверить управление иностранными делами бар. Г.А. Строганову (двоюродный брат известного александровского деятеля гр. П.С. Строганова, члена Негласного комитета), но успехи нашей внешней политики в первые годы царствования в восточном вопросе упрочили положение Нессельроде. «Не менять ничего в установившейся политике Нессельроде» было одним из заветов и цесаревича Константина Павловича своему брату в его последнем отказе от престола. С именем Нессельроде связывалось то направление, какое приняла русская политика во вторую половину александровского царствования. Определенный сторонник идей так называемого легитимизма, Нессельроде являлся, однако, не столько оригинальным истолкователем этих идей, сколько их добросовестным исполнителем. Он не столько наложил определенный отпечаток на внешнюю политику николаевского царствования, сколько сам в области этой политики отражал те руководящие начала, какие были положены в основу всей правительственной программы.

Назначенный в 1823 г. министром финансов Е.Ф. Канкрин, выдвинувшийся еще с 1812 г. в должности генерал-интенданта и стяжавший к этому времени европейскую известность познаниями в области политической экономии и военного хозяйства, был оставлен на своем посту и долгое время пользовался большим доверием и уважением со стороны нового государя. Типичный консерватор в области финансовой науки и практики, Канкрин стоит несколько особняком среди других

сотрудников императора Николая, совершенно чуждый той самоуверенности, которая так характерна для всего николаевского режима. Деятельность Канкрина в известной степени улучшила положение русских финансов в первую половину николаевского царствования. Позднее, однако, Николай начал тяготиться большой несговорчивостью Канкрина, особенно когда дело шло о крупных экстренных расходах на военные предприятия. К сороковым годам значение Канкрина начинает падать, и в 1844 г. он выходит в отставку. Финансовая политика николаевского царствования делается с этого времени менее осторожной, что в связи с последовавшими за этим европейскими событиями имело немалые общегосударственные последствия.

Сотрудниками нового государя вообще выступают люди более практического склада; из деятелей предшествовавшего царствования сохраняют свое значение либо те, кто расстался к этому времени со своими политическими мечтаниями, либо те, в чьих государственных взглядах эти мечтания всегда занимали второстепенное место. Теряют свое значение те, кто помнил еще «дней александровых прекрасное начало», и в особенности те, кто был на подозрении в глазах государя за свои отношения к его «les amis du quatorze», как называл иногда Николай декабристов. Александровский сановник, в котором не умер еще екатерининский вельможа и жил дух «вольности дворянской», уступает место николаевскому чиновнику, остающемуся чиновником и на высших ступенях своей служебной карьеры. Недоверчивое вначале отношение императора Николая к Сперанскому вскоре уступило место полному благорасположению. По подозрению в сношениях с декабристами о Сперанском, как и об адмирале Мордвинове, было произведено секретное следствие; оно установило полную несостоятельность этих подозрений. Давно уже во взглядах Сперанского произошли к этому времени большие перемены: после крушения его конституционных планов он с 1810 г. сосредоточивается на мысли утвердить законность при сохранении самодержавия. «Были и другие черты, – говорит биограф Сперанского проф. С.М. Середонин, – сблизившие его (т.е. Николая) со Сперанским: вера в форму, вера в силу предписания, приказы, стремления к наибольшей централизации». Сохранил свое значение, а вначале играл даже довольно видную роль и бывший сотрудник Александра I по Негласному комитету гр. В.П. Кочубей, в 1827 г. назначенный председателем Государственного Совета и Комитета министров. Наиболее сдержанный даже в те годы Кочубей в Негласном комитете гораздо больше интересовался и работал не столько над вопросами политическими, сколько над вопросами

администрации и государственного хозяйства. Теперь он окончательно ушел в них и в этой области был очень ценим, как опытный советник. Напротив, другой участник Негласного комитета, Н.И. Новосильцев, не пользовался никаким значением в николаевское царствование и был прямо антипатичен лично Николаю. Утратил теперь всякое значение и последний представитель правительственного либерализма александровской эпохи адмирал Мордвинов. Особняком стоит граф П.Д. Киселев, главный сотрудник Николая I по крестьянскому вопросу, долгое время пользовавшийся большим с его стороны доверием, человек широких государственных взглядов.

Сотрудники императора Николая далеко не всегда были его лично приближенными. Говорить о каких-либо сторонних влияниях в николаевское царствование вряд ли приходится; роль этих влияний в общем направлении правительственной деятельности, во всяком случае, невелика. Зато в это время мы сталкиваемся нередко с другим явлением – личным воздействием государя на политику, шедшим иногда вразрез с тем курсом, которого держались его официальные сотрудники. Экстренные дипломатические миссии, специальные посылки и поручения, отдельные выступления с ведома государя в Государственном Совете и Комитете министров – излюбленные приемы Николая I. Итут выступают на сцену его приближенные. Николаю нельзя отказать в умении подбирать, в пределах заявленной им программы, талантливых сотрудников. Сперанский, Канкрин, Киселев и даже Уваров – все это государственные деятели недюжинного порядка. Знакомясь с его приближенными, мы попадаем в другую среду. В большинстве случаев это люди, всем своим воспитанием и жизнью сросшиеся с придворной сферой, с частной жизнью царской семьи. Другие из них чужды русской жизни по своему происхождению и с чувством культурного превосходства относятся с некоторым оттенком презрения к тому народу, участь которого теперь в их руках. Третьи, наконец, беспрекословные и усердные исполнители воли своего господина. Из самих сотрудников Николая I дольше других сохранили свое значение люди такого типа, как Чернышев, Меншиков, Паскевич, во вторую половину его царствования совершенно заслонившие собой тех, в сотрудничестве с кем Николай начинал свое правление. И еще одно любопытное явление раскрывается перед глазами наблюдателя, когда он знакомится с послужными списками этих людей. С падением Аракчеева не пали аракчеевские традиции: перед нами то и дело мелькают лица, в свое время выдвинутые Аракчеевым, пользовавшиеся его доверием. Таковы Дибич и Клейнмихель.

Наиболее близким к государю лицом, пользовавшимся его исключительным доверием в течение всего царствования, оставался друг его детства, ген.-ад. гр. В.Ф. Адлерберг, после смерти Волконского занявший пост министра Императорского Двора. Быстро начали возвышаться после 14 декабря два лица: ген.-ад. гр. А.Х. Бенкендорф, только что упомянутый начальник 1-й кирасирской дивизии, и командир лейб-гвардии Конного полка А.Ф. Орлов, возведенный к Рождеству 1825 года в графское достоинство. Еще в 1821 г. гр. Бенкендорф представил покойному государю записку с обстоятельными сведениями о «Союзе Благоденствия», о его организации, целях и составе, и тогда же рекомендовал строгие меры, которые могли бы еще, по его мнению, пресечь движение, пока оно не приняло еще широкого распространения. Записка Бенкендорфа была оставлена в то время без внимания. События 14 декабря как бы оправдали его предсказание, и с этого времени начинается его быстрое возвышение и близость к новому государю. До 1837 г. Бенкендорф почти неотлучно находился при особе государя, сопровождал его в походе 1828 г., в его многочисленных путешествиях и был поверенным многих его предположений. Остзеец по происхождению, Бенкендорф по своим отношениям был чужд тех традиций, какими жило в двадцатых годах русское общество. Строгий начальник III отделения Собственной Его Величества Канцелярии, усмиритель крестьянских волнений в Лифляндии в 1841 г., Бенкендорф лично, по отзывам многих, не был жестоким человеком. И однако, с его именем молва связала тот позорный вид казни, какому были подвергнуты жертвы 14-го декабря. С 1837 г. Бенкендорфа начинает постепенно заслонять другой приближенный императора Николая, гр. А.Ф. Орлов, брат декабриста М. Орлова. Орлов совершенно не разделял взглядов своего брата. В свое время он принял в своей части строгие меры против начавших возникать среди офицеров литературных обществ и проявил большую твердость в 1820 г., когда в гвардейских частях стало неспокойно вследствие известной истории в Семеновском полку. 14 декабря Орлов первый привел свой полк, первый же двинулся в атаку против мятежников и вообще своей энергией и решительностью много способствовал быстрому усмирению возмутившихся. После декабрьских событий он с особым рвением старался проявить свою преданность престолу и существующему порядку, как бы стараясь заставить забыть о своем родстве с одним из участников движения. Николай Павлович возлагал обыкновенно на Орлова чрезвычайные миссии, когда не хотел поручать то или другое деликатное дело обыкновенным дипломатическим агентам, и

Орлов всегда точно выполнял высочайшие повеления, избегая проявлять свою личную инициативу.

С первых же дней нового царствования стал выдвигаться и П.А. Клейнмихель. С 1812 г. Клейнмихель служил у Аракчеева и быстро начал возвышаться, главным образом с 1819 г., когда он был назначен начальником штаба военных поселений. Первое знакомство с Клейнмихелем Николая Павловича относится, как было сказано выше, еще к 1814 г. Генерал-адъютант с 1826 г., дежурный генерал Главного штаба Е. В. с 1831 г., Клейнмихель был ближайшим помощником Николая как член многочисленных комиссий по вопросам о перереформировании армии и флота и как заведывавший различными сооружениями и постройками. Когда в конце тридцатых годов возник вопрос о сооружении в России железных дорог – дело, которое близко принимал к сердцу император Николай, – Клейнмихель был один из немногих, высказывавшихся за этот новый способ сообщения, чем окончательно завоевал доверие государя. В 1845 г., после смерти Толя, Клейнмихель был назначен главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями. С этого времени значение Клейнмихеля чрезвычайно вырастает и выходит далеко за пределы сферы его непосредственного управления, покрывая собой тот развал, к какому приходит теперь вся николаевская система. В лице Клейнмихеля как бы возрождается Аракчеев.

С обоими своими братьями Николай Павлович в течение всего своего царствования сохранил теплые дружеские отношения. Что касается цесаревича Константина Павловича, то в отдельных случаях приходится отмечать его влияния на политику Николая. Михаил Павлович, напротив, держался в стороне от большой политики, замкнувшись в сферу артиллерийского управления и забот о военно-учебных заведениях.

13 июля 1826 года правительство обратилось к обществу с манифестом о совершении суда над участниками заговора 14 декабря. Этот манифест заключал в себе как бы программу предстоящего царствования. Оповещая об очищении общества «от следствий заразы, столько лет среди него таившейся», от «зла долголетнего», манифест объявлял «умысел, составленный горстью извергов», «не в свойствах, не во нравах русских»: «сердце России для него было и всегда будет неприступно». Одновременно с этим предуказывались и те средства, какими, по мнению правительства, зло могло бы быть предупреждено в будущем. Родителям рекомендовалось обратить «все их внимание на нравственное воспитание детей. Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, – недостатку твердых познаний должно приписать сие

своевольство мыслей». Домашнему воспитанию ставилась цель «приуготовлять нравы и содействовать видам…» правительства. «Дворянство, ограда Престола и чести народной», должно было стать «и на сем поприще, как на всех других, примером всем другим состояниям» и способствовать «усовершению отечественного, природного, не чужеземного воспитания». Государственная служба указывалась как род занятий, предпочтительно свойственный дворянству: «Для него отверзты в отечестве Нашем все пути чести и заслуг. Правый суд, воинские силы, разные части внутреннего управления – все зависит от ревностных и знающих исполнителей». «Все состояния» призывались «соединиться в доверии к Правительству». Опираясь на положение, что в России «любовь к Монархам и преданность к Престолу основаны на природных свойствах народа», манифест провозглашал начало реформ сверху и определял ту сферу и ту ступень сотрудничества, которая оставлялась за обществом. «Не от дерзновенных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усовершаются постепенно отечественные установления… В сем порядке постепенного усовершения всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к Нам путем законным, для всех отверзтым, всегда будут приняты Нами с благоволением».

С манифестом 13 июля интересно сопоставить другой документ. Указанными в начале настоящего очерка результатами не исчерпывается значение для политики николаевского царствования «дела декабристов». Знакомство с этим делом, те показания, какие давали обвиняемые, не ограничивавшиеся иногда ответами на предлагаемые им вопросы и излагавшие в пространных письмах к самому государю мотивы, приведшие их к образованию тайного общества, и недостатки государственного и общественного строя – все это раскрыло перед глазами Николая широкую картину современной русской жизни в ее отрицательных сторонах. По поручению государя в конце 1826 г. правителем дел Следственной комиссии А.Д. Боровковым был составлен свод показаний декабристов по вопросу о внутреннем состоянии государства, который и был представлен им 6 февраля 1827 г. Этот свод всегда находился с этого времени в кабинете у Николая, и он часто его перечитывал; два других его экземпляра были переданы им цесаревичу Константину Павловичу и председателю Государственного Совета и Комитета министров кн. Кочубею. Достигший уже к этому времени видного положения, не чуждый литературе и переживший свою пору довольно невинного либерализма, а теперь исполнительный чиновник, Боровков

использовал для своего свода показания, главным образом Пестеля, А. Бестужева, Батенкова и Штейнгеля. Сохраняя зачастую не только их мысли, но и выражения, он систематически излагает все те причины современного неустройства, на которые указывали декабристы. Резюмирует он и те пожелания, которые высказывали декабристы, но значительно смягчает их, придает им субъективное освещение и совершенно обходит вопрос о политическом переустройстве («откинув, как он выражается, пустословие»). В этой своей части свод Боровкова может быть, таким образом, рассматриваем скорее как план тех преобразований, которые признавались правительством как приемлемые, в пределах провозглашенной им программы. Не преминув воспользоваться соответствующими указаниями декабристов, чтобы подчеркнуть, что «в течение двадцати четырех лет само правительство, как млеком, питало юношество свободомыслием», Боровков отмечает прежде всего недостаток в России «твердых, ясных и коротких законов» и «чрезмерную сложность судопроизводства». Следующая причина неустройства – недостаток в управлении «твердого положительного плана». «Учреждение о губерниях изменилось в существенных основаниях: губернаторы присвоили себе всю местную власть»; «коллегии уничтожены»; «сенат, это хранилище законов… обращен в простую типографию, подчиненную каждому лицу, пользующемуся доверенностью монарха»; «учреждение министерств… составлено было на скорую руку»; «ничего невозможно было придумать лучшего к прикрытию всех беспорядков перед государем и выставке одного его лица перед народом», как Комитет министров; к тому же «по множеству частных случаев учреждали разные комитеты с такой же силой, как и главный». Вследствие всего этого «верховное правительство в последние годы… расшаталось, потеряло единство и представляло нестройную громаду». С другой стороны, недостаточность и неравномерность распределения жалованья чиновникам порождает среди них неудовольствие и способствует взяточничеству.

Столь же неправильно поставлено дело распределения и взимания податей и несения различных повинностей: вся податная система сводится к стремлению «выколотить недоимку». Столь же вредно для народной жизни развитие казенных монополий, в особенности винной и соляной: «под видом хозяйственных способов правительство мало-помалу отделилось от народа; оно лишило пропитания целые семьи, отнимая у них промышленность». Торговля не могла развиваться вследствие шаткости тарифной системы. Флот, в особенности в управление

морским министерством маркиза де-Траверсе, пришел в полный упадок. Вместо здравой реформы воинской повинности, в смысле подготовки запаса, были устроены дорого стоившие и вызвавшие всеобщий ропот военные поселения. Дворянство, в особенности мелкопоместное, развращено крепостным правом; язву этого сословия составляет также быстро увеличивающийся класс личных беспоместных дворян. Сельское духовенство всецело зависит от милости прихожан. Купечество разорено, а присвоение прав, облагораживающих граждан, не лицу, а капиталу, порождает массу несправедливостей. «Класс мещан… почтенный в других государствах, у нас ничтожен, беден». Казенные крестьяне зависят от многочисленных начальников и в то же время разорены: о них никто не печется. Свод заканчивается следующим заключением, далеко не всегда, как легко заметить, вытекающим из предшествовавшего. «Надобно даровать ясные, положительные законы, водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства, возвысить нравственное образование духовенства, подкрепить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвещение юношества сообразно каждому состоянию, улучшить положение земледельцев, уничтожить унизительную продажу людей, воскресить флот, поощрить частных людей к мореплаванию… словом – исправить неисчисленные беспорядки и злоупотребления».

Свод Боровкова и манифест 13 июля, действительно, стали как бы канвой всей внутренней политики императора Николая, но канвой, далеко не целиком заполненной узором. Основные начала, провозглашенные в манифесте, неуклонно проводились в течение всего царствования. Положительные задачи, намеченные в своде, нашли свое отражение лишь в отдельных мероприятиях.

Внутренняя политика первых лет царствования

Внутренняя политика первых лет николаевского царствования слагается под живым впечатлением тягостных событий дня вступления на престол нового государя. Она характеризуется за это время прежде всего рядом мер полицейского характера, направленных на охранение государственной безопасности и порядка и на борьбу с нежелательными для правительства политическими идеями. За этим следуют попытки ответить на наиболее назревшие общественные и государственные нужды, остававшиеся в забвении в последние годы предшествовавшего царствования.

Из мероприятий репрессивного характера на первом месте надо поставить новую организацию государственной полиции. В январе 1826 г. ген.-ад. Бенкендорф представил проект о восстановлении Министерства полиции, существовавшего с 1811 по 1819 гг., и об организации особого корпуса жандармов. Последний должен был объединить в себе жандармский полк, несший с 1815 г. при отдельных войсковых частях военно-полицейскую службу, и жандармские части корпуса внутренней стражи, существовавшие с 1817 г. по отдельным местностям в ведении местной администрации. Корпус жандармов, по проекту Бенкендорфа, должен был подчиняться министру полиции, которому присваивалось звание инспектора корпуса жандармов. Сочувственно отнесясь к мысли Бенкендорфа, император Николай не пожелал, однако, учреждать особое Министерство полиции, но предпочел сосредоточить новое ведомство при своей собственной канцелярии. 25 июня 1826 г. Бенкендорф был назначен шефом жандармов и командующим Императорской Главной квартирой. 3 июля того же года Особая канцелярия при Министерстве внутренних дел была преобразована в III отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии (о II отделении этой канцелярии будет сказано ниже). Шеф жандармов Бенкендорф был поставлен во главе этого отделения; директором канцелярии отделения был назначен М.М. Фок. Особый корпус жандармов был образован значительно позднее – в 1836 г.; со времени его образования окончательно сливаются: должность шефа жандармов с должностью главного начальника III отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии и начальника штаба корпуса жандармов с должностью управляющего этим отделением.

В ведении III отделения были: 1. Все распоряжения и известия

по делам высшей полиции. 2. Сведения о сектах и расколах. 3. Известия о фальшивых ассигнациях, монетах, документах и т.п., дальнейшее разыскание о которых оставалось в ведении Министерств внутренних дел и финансов. 4. Сведения и распоряжения о всех лицах, состоявших под надзором полиции. 5. Высылка подозрительных лиц. 6. Заведывание всеми местами заключения, где находились государственные преступники. 7. Все постановления об иностранцах в России. 8. Ведомости о всех происшествиях. 9. Статистические сведения, до полиции относящиеся. 10. Театральная цензура (с 1828 г.).

Для управления жандармскими командами вся Россия делилась на 5 округов (к 1843 г.– на 8); каждый округ подчинялся особому генералу. Округа делились на отделения (2–3 губернии), во главе которых стояли штаб-офицеры. На офицерские должности должны были назначаться лица благонадежные, отличавшиеся обхождением, имевшие связи в обществе, с помощью чего им было легче следить за настроением умов. В инструкции жандармскому полковнику Бибикову, повторявшейся затем и при других назначениях, обязанности жандармов определяются так: 1. Следить во всех учреждениях и состояниях о всех злоупотреблениях и закону противных поступках. 2. Наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не были нарушены какой-либо личной властью, сильными лицами или пагубным направлением злоумышленных людей. 3. Предупреждать и пресекать всякое зло, поселять в заблудших стремление к добру и выводить их на путь истинный. 4. Стараться приобрести уважение и доверие всех сословий и внушать уверенность, что через посредство новой должности голос всякого гражданина может дойти до царского престола. 5. Отыскивать и отличать скромных вернослужащих. Со времени учреждения III отделения начальники губерний по всем делам, входящим в ведение этого отделения, должны были доносить уже не министру внутренних дел, а непосредственно Государю Императору, с надписью: «в III отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии». С учреждением же должности шефа жандармов ему было подчинено, непосредственно и независимо от местной администрации, все жандармское ведомство.

Свой проект об организации государственной полиции Бенкендорф мотивировал необходимостью иметь более зоркое наблюдение за теми идеями, которые распространяются в обществе. Влиянием вредных, и притом чужеземных, политических идей объясняли и возникновение тайных обществ, и события, имевшие место 14 декабря. С целью борьбы с нежелательными политическими идеями, наряду с новой

организацией государственной полиции, в начале царствования Николая I был предпринят ряд мер в области вероисповедной политики, цензуры и народного просвещения.

Характерной особенностью всех эти мер, поскольку они были направлены на охранение веры и внедрение религиозного начала, был их вероисповедный оттенок. Космополитический мистицизм, столь характерный для последних лет александровского царствования, был признан теперь почвой слишком благоприятной для развития вольномыслия и антигосударственных целей. Выдвигалась защита учения и постановлений Православной Церкви. Весной 1826 г. было закрыто Библейское общество. После отставки Шишкова Главное управление иностранных исповеданий было отделено от Министерства народного просвещения, и во главе Управления иностранных исповеданий был поставлен статс-секретарь гр. Дм. Ник. Блудов, ревностно боровшийся против инославного прозелитизма. С 1825 года борьба с отдельными сектами начинает возлагаться на гражданские власти, «без всякого участия духовной власти». С 1827 г. было разъяснено, что отступление в раскол есть уголовное преступление.

10 июня 1826 г. был издан новый цензурный устав, очень обширный (более двухсот параграфов) и значительно превосходивший по строгости цензурные распоряжения второй половины александровского царствования. Управление цензурой по-прежнему оставалось в ведении Министерства народного просвещения. Но теперь для высшего руководства цензорами учреждался особый верховный комитет, состоящий из трех министров – народного просвещения, внутренних и иностранных дел – сообразно трем главным задачам, возложенным на цензуру: 1) о науках и воспитании юношества; 2) о нравах внутренней безопасности и 3) о направлении общественного мнения согласно с настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства. Само управление цензурой сосредоточивалось в Главном цензурном комитете в Петербурге, непосредственно подчиненном министерству, и в комитетах в Москве, Дерпте и Вильне, подчиненных местным попечителям учебных округов. После отставки Шишкова и назначения министром народного просвещения кн. Ливена цензурные строгости были несколько смягчены, а в 1828 году (22 апреля) появился и новый цензурный устав, отступавший несколько от строгих требований 1826 г. и рекомендовавший цензорам принимать за основание прямой смысл речи, не позволяя себе произвольно толковать его в дурную сторону. Одновременно, однако, с изданием устава 1828 г. по жандармскому ведомству было сделано негласное

распоряжение, по которому лица, подвергшиеся цензурной каре, тем самым подпадали под негласный надзор полиции. Высшей инстанцией по делам цензуры стало теперь Главное управление цензуры при Министерстве народного просвещения, состоящее из президентов Академии наук и Академии художеств, товарища министра народного просвещения, представителей от духовного ведомства, Министерств внутренних и иностранных дел, управляющего III отделением Собственной Е. И. В. Канцелярии и попечителя С.-Петербургского учебного округа. Местные цензурные комитеты, под председательством попечителей учебных округов, были учреждены в С.-Петербурге, Москве, Риге, Вильне, Киеве, Одессе и Тифлисе, а должности отдельных цензоров – в Дерпте, Ревеле и Казани. Кроме того, был учрежден Комитет иностранной цензуры для привозимых из-за границы произведений.

В основу народного образования был положен принцип сословности и зависимости уровня образования от общественного положения лица; одновременно с этим был усилен надзор за частными учебными заведениями. Рескриптом 14 мая 1826 г. на имя министра народного просвещения адм. А. С. Шишкова учреждался под председательством министра Особый комитет устройства учебных заведений, в который вошли: кн. К.А. Ливен, Сперанский, гр. Ламберт, С.С. Уваров, Сиверс, Шторх, исправляющий должность попечителя Харьковского университета Петровский, фл.-ад. Перовский и гр. Строганов. Этот комитет должен был проверить уставы всех учебных заведений, определить точно курсы этих учебных заведений и указать книги для этих курсов. Это касалось учебных заведений как казенных, так и частных. Другим рескриптом (19 августа 1827 г.) на имя того же министра устанавливалось как основное требование, «чтобы повсюду предметы учения и сами способы преподавания были по возможности соображаемы с будущим предназначением обучающихся, чтобы каждый вместе со здравыми, для всех общими понятиями о вере, законах и нравственности приобретал познания, наиболее для него нужные, могущие служить к улучшению его участи, и, не быв ниже своего состояния, также не стремился через меру возвыситься над тем, в коем по обыкновенному течению было ему суждено оставаться». Находя, что в настоящем порядке многое противно предположенному правилу, рескрипт предписывал: чтобы в университеты и другие высшие учебные заведения, а равно в гимназии принимались только люди свободных состояний, не исключая, однако, и вольноотпущенных, чтобы крепостные крестьяне и дворовые люди обучались лишь в приходских и уездных училищах и частных

заведениях, не превышающих по объему своего преподавания уездные училища; чтобы крепостные допускались в заведения особого рода для обучения сельскому хозяйству и вообще земледельческому и промышленному искусству, но чтобы предметы общего преподавания в этих заведениях не превосходили по объему преподавание уездных училищ. Выполнение этого требования и легло в основу выработанного комитетом нового устава средних и низших учебных заведений 8 декабря 1828 г. Сохраняя три существующие ступени общей школы, этот устав предназначал приходские училища для лиц «самых низших состояний», уездные – для горожан, гимназии – для дворян и чиновников. При гимназиях учреждались дворянские благородные пансионы.

В системе государственных учреждений в первые же годы николаевского царствования наметилось одно характерное явление, указывавшее на стремление государя сосредоточить в своем непосредственном ведении все наиболее существенные очередные вопросы государственного устройства и управления, а именно – рост значения Собственной Е. И. В. Канцелярии. Только что было указано, при каких обстоятельствах возникло III отделение этой канцелярии. Почти непосредственно после вступления императора Николая на престол стал на очередь вопрос об издании свода законов. Этот вопрос обсуждался государем совместно со Сперанским, бывшим в то время членом Государственного Совета по департаменту законов. Рескриптом от 31 января 1826 г. на имя председателя Государственного Совета кн. П.В. Лопухина существовавшая под его ведением Комиссия составления законов была упразднена, а взамен ее 4 апреля того же года было учреждено II отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии. Начальником этого отделения был назначен старший член бывшей Комиссии М.А. Балугьянский[37].

После кончины императрицы Марии Феодоровны (24 окт. 1828 г.) ее канцелярия, ведавшая подведомственными императрице благотворительными и учебными заведениями, была переименована 26 октября в IV отделение, во главе которого был поставлен ст.-секр. Г.И. Вилламов с титулом статс-секретаря по делам управления учреждений императрицы Марии, и таким образом круг деятельности Собственной Е. И. В. Канцелярии еще более расширился.

В области министерского управления рост Собственной Е. И. В. Канцелярии отразился, главным образом, на Министерстве внутренних дел, компетенция которого значительно сократилась с учреждением III отделения. Зато в это время появился и новый орган министерского управления. В день коронации, 22 августа

1826 г., было учреждено Министерство Императорского Двора, к которому было присоединено, как отдельный департамент, Министерство уделов, театральная дирекция, а также Управление Кабинетом Его Величества. Новый министр был поставлен в несколько особое положение. Он, как говорилось в учреждении Министерства Двора, «имеет состоять под собственным ведением Государя Императора; следственно, дает отчет только Его Императорскому Величеству, равно и все повеления получает от Его Величества, а другое никакое правительство никакого отчета по делам, вверяемым его распоряжению, требовать и предписаний по оному чинить права не имеет». Первым министром Двора был назначен кн. П.М. Волконский.

К мероприятиям второй категории первых лет николаевского царствования, носящих определенно преобразовательный характер, надо отнести прежде всего так называемый «Комитет 6 декабря 1826 г.». Частью сведения, полученные от ознакомления с показаниями декабристов, частью многие оставшиеся после императора Александра невыполненными предположения и планы привели императора Николая к мысли предпринять пересмотр всего государственного устройства и управления. С этой целью был учрежден особый секретный комитет (именуемый обыкновенно по дате его учреждения – «Комитетом 6 декабря 1826 г.») под председательством кн. Кочубея; в состав комитета вошли: генерал гр. П.А. Толстой, ген.-ад. Ил. Вас. Васильчиков, кн. А.Н. Голицын, начальник Главного штаба ген.-ад. бар. Дибич и Сперанский (правителями дел комитета последовательно были: статс-секретарь А.Д. Блудов, Д.В. Дашков и бар. М. Кофт).

Сам государь так наметил программу работ комитета: 1. Рассмотрение бумаг, оставшихся в кабинете покойного государя. 2. Рассмотрение современного состояния государственного устройства. 3. Выяснение того, что предполагалось исполнить, что существует и что осталось выполнить. Кроме бумаг, находившихся в кабинете покойного государя, комитет получил на рассмотрение так называемые «Балашовские бумаги»[38].

«Уставная грамота Российской Империи» Новосильцева не была предложена на рассмотрение комитету. Главные вопросы, на которых остановил свое внимание комитет, были: вопрос о центральных государственных учреждениях и о ненормальных отношениях, установившихся к этому времени между Государственным Советом, Сенатом и Комитетом министров, вопрос о местном управлении и о проекте введения генерал-губернаторского управления, вопрос о положении и правах отдельных сословий.

Работы комитета продолжались до июля 1832 г.

Выработанные им проекты относятся, таким образом, уже к последующему периоду царствования Николая, где и должны быть рассмотрены характер работ комитета и их результаты. В первые годы николаевского царствования деятельность «Комитета 6 декабря» заслонялась, по крайней мере в глазах общества, до которого все же о нем доходили слухи, другими только что отмеченными мероприятиями. Тем не менее, за данное время можно отметить отдельные меры, в которых сказывались или те же побудительные причины, что привели к возникновению «Комитета 6 декабря», или влияние занятий этого комитета, как, например, только что указанные заботы о кодификации.

Особое внимание в первые годы николаевского царствования было обращено на флот, бывший в забвении и пришедший в упадок в предшествующие годы, особенно за время управления морской частью адм. маркиза А.А. де-Траверсе. Реформы в морском ведомстве в эти годы стояли в связи с осложнениями на Востоке и с военными действиями на Черном море. Уже в декабре 1825 г. был учрежден Комитет образования флота под председательством начальника Морского штаба вице-адм. А.В. Моллера, в который вошли вице-адмиралы: Д.Н. Сенявин, С.А. Пустошкин и А.С. Грейг, контр-адмирал П.М. Рожнов и капитан-командоры: И.Ф. Крузенштерн, М.И. Ратманов и И.Ф. Деллингсгаузен, а кроме того – ген.-ад. светл. кн. А.С. Меншиков. Этим комитетом было подготовлено утвержденное 24 августа 1827 г. «Предварительное образование Морского министерства». Этим образованием окончательно уничтожались теперь Адмиралтейств-Коллегия, превратившаяся в Адмиралтейств-Совет, совещательный орган при Морском министре, в канцелярии которого сосредоточивалось главное управление. В 1828 г. был учрежден «при Е. И. В. Морской штаб» (с 1831 г. – Главный Морской штаб), начальником которого был назначен кн. А.С. Меншиков, фактически ставший в николаевское царствование во главе всего морского ведомства. Начальник Морского Штаба входил с докладом непосредственно к государю. За морским министром (с 1828 по 1836 гг. – А.В. фон-Моллер) была оставлена власть, вообще присущая министерской должности. Он входил со всеподданнейшими докладами через начальника Морского штаба. Одновременно с этим была усилена корабельно-строительная деятельность, в интересах чего был образован в 1828 г. при министерстве особый департамент корабельных лесов и был учрежден корпус корабельных инженеров. Было обращено также внимание на учебно-морскую часть. Было улучшено преподавание в Морском корпусе и преобразованы на началах военного воспитания штурманские

училища. К 1827 г. были образованы корпус флотских штурманов и корпус корабельных инженеров. В 1829 г.при Морском корпусе были учреждены офицерские классы, из которых впоследствии развилась Морская академия.

Крестьянский вопрос, которому предстояло занять после 1830 года такое видное место во внутренней политике императора Николая, за данные годы почти совсем еще не выдвигался на очередь. Все дело ограничилось частичными мерами. 12 мая 1826 г. был издан манифест, которым рассеивались ложные слухи об освобождении помещичьих крестьян и об освобождении казенных от платежа повинностей, что давало повод к крестьянским волнениям. Двумя рескриптами на имя министра внутренних дел (19 июля и 6 сентября 1826 г.) предписывалось дворянству «христианское и сообразное с законами обращение с крестьянами». В первом из этих рескриптов находилось, однако, уже заявление, что «порядок в отношениях между крестьянами и помещиками, их заботливостью и предварениями соблюденный, всегда будет предметом… особенного внимания государя». В 1827 г. было запрещено отдавать крестьян в работу на горные заводы, а в 1828 г. было ограничено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь.

Внешняя политика императора Николая; восточный вопрос 1825–1829 гг.

Сделав обзор внутренней политики императора Николая I за первые годы его царствования, нам предстоит теперь рассмотреть его внешнюю политику приблизительно за то же время. Такому рассмотрению не мешает предпослать несколько общих замечаний о политической системе императора Николая I в области внешних отношений.

Подобно тому как внутренняя правительственная деятельность первых лет николаевского царствования рассматривается как период колебаний между преобразовательными начинаниями и определенно-консервативной программой, так и внешнюю политику императора Николая I до 1830 г. характеризуют иногда как временное отступление от того принципа легитимизма, который позднее окончательно становится руководящим началом его политической системы. Подобное отступление видят обыкновенно в соглашении 1826–27 гг. России с Англией и Францией и их совместном выступлении по греческому вопросу. Выступив-де в данном случае, согласно традиции русской политики на Востоке, защитником реальных интересов России, император Николай I после июльской революции 1830 г., не оставляя вполне в забвении задачи русской восточной политики, видит в себе прежде всего защитника старого порядка в Европе и, защищая отвлеченный принцип, идет в своей политике иногда вразрез с реальными интересами своей страны. Подобный взгляд на характер внешней политики императора Николая I требует, однако, значительных оговорок.

Само представление об «отвлеченном» характере начала легитимизма не только по отношению к политике императора Николая I, но и по отношению вообще к европейской политике первой половины XIX века, страдает большой односторонностью. В сущности говоря, не было ни одного момента в истории Европы, когда то или другое государство руководствовалось бы принципами Венского конгресса и Священного Союза исключительно как отвлеченными началами. Эти так называемые «принципы 1815 года» покрывали собой всегда вполне определенное реальное содержание. Легитимизм начала XIX века был своего рода новым обоснованием системы политического равновесия в интересах государств старого уклада. Теоретически принцип охранения старого порядка, практически он ставил себе

задачу положить преграду прежде всего новому политическому усилению Франции и становился на пути дальнейшего роста мирового значения Англии. Очаг революционных движений, Франция в начале XIX века как бы возвращается к своей традиционной агрессивной политике XVII–XVIII веков, что было теперь выражением мощи ее нового общественного уклада, только что пережившего внутреннее политическое обновление. С середины двадцатых годов эта политика принимает определенно колониальную окраску и, как таковая, сталкивается с новым фактором – экстенсивной колониальной политикой Англии. Одной из арен столкновения политического влияния Англии и Франции делается Ближний Восток – собственно Турция, Балканский полуостров и Египет. Две соперничающие между собой силы, английская и французская политика, идут под одним и тем же идейным флагом. Этот флаг – рождаемые в бурях французских революций идеи правового государства и демократического общества. На мало початой почве стран Востока и далекого Запада, в Египте и Турции, на островах Архипелага и в Морее, в латинских государствах Южной и Центральной Америки эти идеи прокладывают теперь новые пути и расчищают новые арены для приложения промышленных сил Англии и Франции; в центральной Европе они сметают обветшавшие политические и общественные формы и дают выход новым стремлениям европейских народностей, чающих создания национально более сплоченного и политически более обновленного государства.

Можно думать, что император Николай I весьма отчетливо понимал связь между факторами внутренней и внешней политики, между поступательным движением новых идей и ростом политического влияния стран, их породивших или воспринявших. Думать так дозволяют, по крайней мере, его собственные отзывы об отдельных дипломатических и политических осложнениях, бывших результатом революционных движений 1830 и 1848 гг. Характерны в этом отношении приводимые ниже его слова, сказанные им Муравьеву при отправлении последнего в Турцию в 1832 г., и в особенности его разговор с французским посланником Ламорисьером о германских событиях 1848–49 гг., а также циркулярная нота Нессельроде от 25 июня 1849 г. по поводу тех же событий. Поставив себе целью в своей внутренней политике охранение старого политического и общественного уклада и, следовательно, не веря в возможность противопоставить политическому влиянию западных держав мощь национального и политического обновления своей страны, он в своей внешней политике вполне

логически должен был держаться начал легитимизма и Священного Союза. Мы можем в настоящее время различно относиться как к этим началам, так и к самой политической системе императора Николая I; мы не можем не признать, что в его глазах борьба во внешней политике с революционными движениями и их последствиями имела значение не только борьбы за охранение определенного политического порядка, но и борьбы за реальные интересы России как европейской державы, и притом такие, ценность которых готовы, быть может, признать и мы, при всем различии наших взглядов со взглядами северного стража Священного Союза и при всем несогласии с теми путями, какими шла его дипломатия. Последовательным и безусловным защитником начал легитимизма в своей внешней политике император Николай I является с самого начала своего царствования, и даже те шаги его дипломатии в первые годы его царствования, которые и тогда истолковывались некоторыми как отступление от этих начал, для него самого были не чем иным, как их последовательным проведением.

Основной задачей внешней политики императора Николая I было окончательное упрочение положения России на Востоке, что в конечном результате должно было свестись к укреплению за ней соответствующей позиции на берегах Черного моря и обеспечению для нее свободного выхода через проливы. Исходным пунктом в данном случае должны были стать те территориальные и политические приобретения, которые были сделаны на Востоке в екатерининское царствование и приумножены к 1812 г. по Бухарестскому миру, но недостаточно использованы, а отчасти даже сведены на нет в александровское царствование в силу других задач, отвлекавших в это время от Востока внимание русской политики. К этой основной задаче присоединялась другая – поддержание в Европе безусловного престижа России путем защиты status quo с теми уступками, какие были сделаны новому порядку к 1815 г., но и в твердой решимости не идти на дальнейшие. Обе эти задачи – возвращение, с одной стороны, к традиционной восточной русской политике XVIII в. и продолжение, с другой, политики Священного Союза – в системе императора Николая I окрашивались в одну и ту же легитимистическую окраску, а общий характер его политики и ее отдельные проявления как на Западе, так и на Востоке отражали на себе отмеченную уже выше излишнюю уверенность императора в своих силах без достаточного на то основания.

Всеми сейчас указанными соображениями обусловливалось отношение императора Николая к отдельным европейским

державам и к Оттоманской империи. Верный своей основной точке зрения, он считал необходимым условием общественного спокойствия международную опеку над Францией. Такой опекой ему представлялись те границы, в какие была введена Франция на Венском конгрессе, и реставрированная династия Бурбонов. Франция, управляемая на основании хартии, отступления от которой он считал недопустимыми ни в ту, ни в другую сторону, и французская нация, сдерживаемая в своих порывах в сторону Бельгии, Рейна и северного побережья Африки легитимным правительством, в его глазах – необходимое условие для сохранения европейского спокойствия, условие, при наличии которого с Францией возможно то или другое соглашение. Июльский переворот 1830 года и новая орлеанская династия, воссевшая на обломках революции, а позднее в еще большей степени революция 1848 года снова превращают, в глазах императора Николая I, Францию в очаг революционных движений и новой, более смелой, внешней политики, что грозило для него новыми осложнениями на Востоке и могло найти отзвук в его собственных владениях в Польше. С резким осуждением относясь к каждому новому перевороту во Франции, император Николай I шел еще дальше в своем личном раздражении против тех, кто сочетал братанье с революцией с узурпацией монархической власти; таковыми в его глазах были Людовик-Филипп и Наполеон III, в сношениях с которыми он не всегда держался даже в пределах дипломатической корректности.

В противоположность такой политике по отношению к Франции, политика императора Николая I по отношению к Англии была скорее политикой практических соображений. От его внимания не ускользало то нарастание англо-русского соперничества, которое, по мере развития английских интересов в Леванте, Египте, Ост-Индии и Персии и поступательного движения России к Дунаю и в Закавказье, является крупнейшим фактом мировой истории, начиная с середины XVIII в., и которому именно в царствование Николая I суждено было пережить трагический кризис. По своему государственному укладу, с другой стороны, Англия оставалась для него, конечно, всегда страной неприемлемых политических принципов. Его отрицательное отношение к парламентаризму не только на континенте, но и на его родине как бы уравновешивалось, однако, в императоре Николае I верой в силу консервативных элементов в английской общественной и государственной жизни, его доверием к политике английских государственных деятелей типа герцога Веллингтона. Оставаясь постоянно настороже против Англии, как против своего наиболее сильного соперника,

император Николай I в гораздо меньшей степени, чем во Франции, видел в ней своего принципиального противника и, по-видимому, совершенно искренне готов был искать с ней соглашения по отдельным вопросам, и прежде всего по восточному, и не прочь был при случае подчеркнуть противоречие между английскими и французскими интересами.

Как бы различно ни относился император Николай I к Англии и Франции, это различие в его глазах сглаживалось при сопоставлении обеих указанных держав с Пруссией и Австрией. В противоположность первым, являвшимся в конце концов носительницами новых общественных и политических идей, эти последние, глава и наиболее значительное звено Германского Союза, вплоть до начала пятидесятых годов по своему укладу оставались воплощением «принципов 1815 г.». Неопределенный до этого времени по составу входивших в него участников, Священный Союз именно теперь, в царствование императора Николая I, окончательно откристаллизовывается в союз трех восточно-европейских монархий, как бы суживаясь до своего первоначального состава, Англия и Франция всегда остаются для императора Николая I отдельными державами, с которыми возможны те или другие отношения. Австрия и Пруссия для него – необходимые составные части его политической системы, которая для него немыслима без тесного с ними соглашения. Ииенно такая точка зрения заставляла его относиться очень чутко ко всему тому, что волновало политическую жизнь его ближайших соседей, и обнаруживать особое беспокойство, когда в правительственной политике кого-либо из них он усматривал малейшую уступку новым веяниям. Связанный близкими родственными узами с Берлинским двором и искренним расположением к прусскому королевскому семейству, император Николай I уже с начала тридцатых годов относится с некоторым недоверием к политике Пруссии, поскольку эта политика, при всем консервативном своем характере, пыталась использовать в традиционных целях монархии Гогенцоллернов нарастающее национальное движение Германии, а тем более взять на себя роль его руководителя. С осуждением относясь ко всем подобным выступлениям прусской политики, в особенности после 1840 г., когда на прусский престол вступил «мечтатель» Фридрих Вильгельм IV, император Николай I не только усматривал в них измену началам Священного Союза, но и провидел будущее создание единой Германии. Германия в состоянии того разъединения, в которое ее поверг Венский конгресс, во главе со слабой политически Австрией и при условии австрийской опеки над наиболее мощным национальным ее телом – Пруссией –

таков был идеал императора Николая I, не упускавшего из виду при этом и реальных интересов России и как бы продолжавшего по отношению к Германии ту традиционную политику поддержания соседа в состоянии политического рамолисмента, какая в XVIII в. проводилась по отношению к Польше и Швеции. Эти же соображения заставляли его в течение почти всего своего царствования искать и поддерживать тесное соглашение с Австрией и всегда выступать с одинаковой готовностью в роли защитника трона Габсбургов, как только в тех или других частях многоплеменной дунайской монархии проявлялись симптомы, грозившие ее ослаблением или распадом. Наиболее ярким проявлением такой готовности было, как известно, подавление венгерского восстания; таково же было отношение императора Николая I и к волнениям в итальянских областях, и к славянскому движению, причем отрицательное отношение к последнему обусловливалось, очевидно, и тем, что это движение ставило на очередь вопрос о пересмотре русской политики в Польше.

Таков был в общем характер отношений императора Николая I к его западным соседям. Обращаясь к Востоку, приходится прежде всего отметить, что, лелея, по-видимому, затаенную мысль о разделе в будущем Турции и даже заводя иногда речь о необходимости подумать о наследстве «больного человека», император Николай I не решался высказываться на этот счет вполне определенно. До поры до времени он ограничивался лишь тем, что всячески старался противоборствовать в Турции влиянию тех держав, чьи интересы и чье положение на Востоке наиболее могли бы помешать осуществлению его планов в целом, т.е. Англии и Франции. Влиянию этих держав, все более и более отвоевывающих себе экономическую позицию на Востоке, он противопоставлял традиционный принцип русской восточной политики – защиту православного исповедания и христианских народностей на Балканском полуострове и в Малой Азии. Покровительство этим народностям в его представлении отождествлялось с правом держать их под своей опекой и зорко следить за тем, чтобы во вновь слагающиеся политические организмы Балканского полуострова не проникла «зараза» новых идей и чтобы по своей государственной структуре эти организмы не приблизились бы к западно-европейскому парламентаризму, что открыло бы доступ к ним и англо-французскому политическому влиянию. Не раз он давал почувствовать, и притом очень сильно, эту опеку населению Греции, Сербии и Дунайских княжеств. Не менее зорко следил он и за тем, чтобы не произошло подобного же политического перерождения Турции

или ее отдельных, хотя бы и нехристианских областей, как, например, Египта. Политика его на Востоке в этом отношении до известной степени напоминала его политику по отношению к Германскому Союзу.

Державой, с которой он считал возможным идти рука об руку в своей восточной политике, как по ее естественному положению и характеру ее интересов на Востоке, так и по ее отношениям в Европе к Англии и Франции, была Австрия. Это не мешало ему в отдельных случаях вступать в соглашения с Англией и Францией, то стараясь противопоставить интересы одной интересам другой, как это было в египетском вопросе, то выступая с ними обеими заодно, как это было в греческом вопросе в первые годы его царствования. Подобные соглашения и возникавшее иногда на их почве временное охлаждение между Россией и Австрией, как это и имело место в первые годы николаевского царствования, были не более как частичные комбинации в пределах все той же системы Священного Союза, какие и раньше создавались между отдельными европейскими державами.

Первые годы внешней политики николаевского царствования не приходится, таким образом, рассматривать как время уклонения от общей политической системы, усвоенной императором. Это время должно быть, однако, выделено в истории его внешней политики в особый период по другим соображениям. Все достигнутое с 1825 г. по 1833 г. Россией на Востоке стало как бы исходным пунктом для всей дальнейшей политики по восточному вопросу европейских держав. Русская политика по восточному вопросу за это время получает в этом отношении большое общеевропейское значение. Те достижения России, которые знаменуются Адрианопольским и Туркманчайским мирными договорами и Унхиар-Скелессийским союзным соглашением, составляют объект той дипломатической борьбы между Россией и европейскими державами, которая заполняет собой тридцатые, сороковые и начало пятидесятых годов и приводит к Крымской кампании. Приступая к рассмотрению николаевской внешней политики за это время, мы должны поэтому прежде всего дать себе отчет в том, каково было положение дел на Востоке к исходу 1825 года.

Восточные дела сводились в это время главным образом к русско-турецким отношениям и к греческому вопросу. На ход этих дел имели влияние успехи России в Закавказье и то, как складывались в это время ее отношения с Персией.

Уже в последний год царствования императора Александра I намечался некоторый поворот в русской восточной политике. Недовольный результатами петербургских конференций (июнь

1824 и февраль 1825 гг.) по вопросу об умиротворении греков, император Александр заявил, что отныне он оставляет за собой свободу действия на Востоке. Одновременно с этим некоторые из русских представителей при иностранных дворах, будучи запрошены об этом вопросе, отнеслись отрицательно к тому курсу, какого держалась до этих пор в восточном вопросе русская политика. Таков был отзыв русского посла при Английском дворе гр. Ливена и, в особенности, посла при Французском дворе Поццо-ди-Борго, горячо настаивавшего на необходимости подкрепить заявление о свободе действия соответствующими решительными мерами и требовать от Турции удовлетворения русских претензий и интересов. Эти отзывы были получены в Петербурге, однако уже после отъезда императора Александра на юг России. В таком положении застал восточный вопрос при своем вступлении на престол Николай I. Склоняясь лично к тем взглядам, какие были высказаны Поццо-ди-Борго и Ливеном, он, со своей стороны, выдвигал при этом с еще большей силой на первый план вопрос об удовлетворении Портой русских претензий. В данный момент эти претензии сводились к следующим пунктам: Порта, вопреки тем трактатам, которыми определялись русско-турецкие отношения (Ясский мирный трактат 1791 г., торговый договор 1783 г. и Бухарестский мирный трактат 1812 г.), отказывалась вывести свои войска из Дунайских княжеств и нарушала привилегии, дарованные этим княжествам, а также сербам; она стесняла нашу торговлю на Черном мореи не соглашалась окончить споры о восточном черноморском побережье. С другой стороны, самое Порту беспокоило поступательное движение России в Закавказье, начавшееся со второй половины царствования Александра I. Что касается греческого вопроса, то к греческому восстанию император Николай по существу относился несочувственно, как к проявлению революционного духа, и видел в нем «мятеж» греков против своего законного правительства. Он находил, однако, что дарование грекам полной автономии при введении у них монархической формы правления может положить предел распространению в Греции революционно-демократических идей. В силу этого он находил желательным, добившись от Турции удовлетворения русских претензий, принудить ее удовлетворить в указанных рамках и пожелания греческой нации. С другой стороны, выдвигая на очередь греческий вопрос, он мог рассчитывать и на большое сочувствие русского общества, без различия направлений симпатизировавшего греческому движению, как движению единоверного племени против магометанского владычества. Что касается способов действия, то

в этом отношении император Николай I резко разграничивал вопрос о русских претензиях, как частное дело между Россией и Турцией, от греческого вопроса, как вопроса общеевропейского. Последний он считал необходимым разрешить в соглашении с другими европейскими державами, имея в виду таким путем, с одной стороны, не дать усилиться Турции, с другой – обезопасить себя от преобладания в Греции, как на новом поприще для европейской политики, исключительно английского и французского влияния, в ущерб русскому.

Аналогичные взгляды нашли себе выражение и во всеподданнейшем докладе (февраль 1829 г.) управлявшего Министерством иностранных дел гр. Нессельроде, точно так же отчетливо разграничивавшего теперь греко-турецкий спор от частных пререканий России с Портой и рекомендовавшего в случае неудачи переговоров по поводу русских претензий прибегнуть к военной силе. С другой стороны, эти взгляды встретили и сильное несочувствие в придворных и правительственных сферах, причем особенно сильно расходился с государем в своих взглядах на восточный вопрос цесаревич Константин Павлович. Только что изложенную точку зрения цесаревич считал нарушением принципов легитимизма; находил, что главная опасность России грозит не с Востока, но с Запада, очага революционных идей, и опасался, что осложнения с Турцией помешают оставить на западной границе количество войска, достаточное для того, чтобы держать в страхе Европу.

К решению императора Николая вмешаться в греко-турецкую распрю особенно несочувственно отнеслась Австрия. В дни русского междуцарствия в Вене, зная взгляды на восточный вопрос Константина Павловича, искренно желали, чтобы к нему перешел русский престол, а после вступления на престол Николая Меттерних отправил к Константину Павловичу особое посольство (гр. Бомбелль) в надежде, что цесаревич повлияет в желательном направлении на своего младшего брата. В этом же духе должен был действовать прибывший в Петербург для поздравления нового государя со вступлением на престол австрийский эрцгерцог Фердинанд Эсте. Все эти попытки не имели успеха, а одно обстоятельство – в доме австрийского посла гр. Лебцельтерна был взят его свояк, декабрист кн. Трубецкой , – даже до известной степени скомпрометировало Венский двор в Петербурге и повлекло за собой отозвание Лебцельтерна.

Совершенно иначе отнеслись к новому курсу русской политики в Англии. Глава английского министерства Каннинг считал в интересах Англии пойти навстречу России в греческом вопросе и тем нанести новый удар системе Меттерниха. В

Петербург для поздравления нового государя был послан герцог Веллингтон, который по своему прибытию (18 февраля 1826 г.) тотчас вступил в переговоры по греческому вопросу с самим императором и Нессельроде. Переговоры с Веллингтоном приняли особенно оживленный характер после того, как в Петербург прибыл из Лондона Ливен, и привели к так называемому Петербургскому протоколу, подписанному 23 марта 1826 г. Нессельроде, Ливеном и Веллингтоном, по которому Россия и Англия соглашались относительно условий умиротворения греков. По этому протоколу Греция должна была получить полную внутреннюю автономию и управляться властями, избираемыми самими греками; ей обеспечивалась свобода совести, торговли и внешних сношений, и ее зависимость от Порты делалась исключительно даннической. Петербургский и Лондонский дворы присваивали себе посредничество в Константинополе при выработке подробностей и заявляли о том, что они не ищут ни территориальных приобретений, ни каких-либо особых преимуществ.

По собственному признанию императора Николая, сделанному им несколько позднее, идя навстречу английским предложениям, он имел в виду тем самым склонить Англию к более умеренному образу действия относительно Турции и для этого противопоставил первоначальному английскому плану союза против Турции для поддержания греческого восстания путь совместных представлений перед Портой.

Согласившись с Англией относительно умиротворения Греции, император Николай и в своих непосредственных отношениях с Турцией взял более решительный тон сравнительно с тем, каким говорила до сих пор русская дипломатия. На другой день после подписания Петербургского протокола в Константинополе был передан ультиматум, которым Порте предлагалось в шестинедельный срок удовлетворить указанные выше русские претензии. Порта пошла на уступки, результатом чего был съезд русских и турецких уполномоченных в Аккермане (1 июля–25 сентября; с русской стороны гр. (впоследствии светл. кн.) М.С. Воронцов и наш посол в Константинополе гр. А.И. Рибопьер; с турецкой – Сеид Мехмед Хади Эфенди, дефтердар (генеральный контролер) анатолийский и Сеид Ибрагим Джаффер Эфенди, софийский кади); съезд закончился Аккерманской конвенцией (25 сентября 1826 г.).

Аккерманской конвенцией Порта обещала исполнять во всем его объеме Бухарестский договор 1812 г., а также постановления торгового договора 1783 г. и Ясского мирного трактата 1791 г. За Россией обеспечивалась полная свобода торговли и

мореплавания, а побережье дунайской дельты, во избежание споров между береговыми жителями, должно было оставаться незаселенным. Относительно Молдавии и Валахии Порта обязывалась восстановить гатти-шерифы 1802 г. о правах и преимуществах обоих княжеств и признавала за ними право избрания кандидатов из местных бояр в господари, которые назначались общим собранием дивана и должны были управлять, руководствуясь указаниями русского посланника. За Сербией признавались ее права на внутреннее управление; ей обеспечивалась свобода религии и торговли и должны были быть возвращены отнятые от нее Турцией земли. По особому акту, приложенному к конвенции, Порта обязывалась подтвердить все условия, относящиеся к Сербии, особым фирманом.

Аккерманской конвенцией разрешался, таким образом, вопрос о русских претензиях. Принужденная принять ее, Турция оказалась гораздо менее податливой в греческом вопросе. Петербургский протокол был сообщен венскому, берлинскому и парижскому кабинетам с предложением к нему присоединиться. В Вене и Берлине он был встречен весьма несочувственно, и Меттерних прямо заявил, что этот акт – оскорбление Священному Союзу. Напротив, в Париже отнеслись к этому акту совершенно иначе и выразили полную готовность к нему присоединиться, результатом чего был созыв в Лондоне конференции представителей трех согласившихся держав по греческому вопросу и превращение Петербургского протокола в тройственный между Россией, Англией и Францией договор об умиротворении Греции (Лондонский трактат 24 июня 1827 г. подписан кн. Полиньяком, Дедлей и Ливеном). Такова была почва, на которой в первые годы царствования императора Николая произошло охлаждение между Россией и Австрией и ее сближение с Англией и Францией. По Лондонскому трактату, заключению которого особенно содействовали Поццо-ди-Борго и французский посланник Лаферроне, союзные державы, повторяя почти целиком Петербургский протокол, условливались сделать Порте общее предложение о посредничестве и в то же время предложить обеим сторонам заключить перемирие, необходимое для ведения переговоров. Основанием этих переговоров должно было быть восстановление Греции под владычеством султана, что должно было выражаться в уплате ею определенного размера дани. В секретных статьях этого договора устанавливалось впервые принудительное воздействие на Турцию. Союзные державы соглашались объявить Порте, что существующее положение вещей на Востоке не согласно с их торговыми интересами и может вынудить их установить свои торговые

сношения с Грецией назначением туда консулов. В случае, если бы Порта или греки не приняли предложенных условий, державы решались принять общие меры к прекращению распри, не вмешиваясь, однако, во враждебные действия воюющих сторон, путем посылки соответствующих инструкций своим адмиралам, командующим эскадрами в водах Леванта.

Порта на предложения союзных держав о посредничестве отвечала отказом и обратилась за помощью к своему вассалу, египетскому паше Мегмету-Али. Энергичный правитель Египта, о котором придется еще говорить ниже, произвел перед этим ряд реформ в подвластной ему провинции (Александрийская военная школа по европейскому образцу и др.), за что был назначен правителем Аравии и получил титул защитника Мекки и Медины. Мегмет-Али согласился отправить войско и флот под начальством своего сына Ибрагима-паши для окончательного усмирения греков самыми жестокими мерами.

К 27 августа турецко-египетский флот собрался в Наваринской гавани[39].

Со стороны союзных держав точно так же, еще до заключения Лондонского трактата, были начаты военные приготовления. 9 июня балтийская эскадра под начальством ген.-ад. адм. Д.Н. Сенявина после смотра, произведенного самим государем, снялась с кронштадтского рейда и направилась в Портсмут, куда и прибыла к 27 июля и где от нее была отделена особая эскадра в составе 4 линейных кораблей, 4 фрегатов и двух бригов под начальством контр-адмирала гр. Л.П. Гейдена для защиты русской торговли в Архипелаге. 24 сентября эскадра Гейдена прошла Мессинский пролив и ко 2 октября соединилась около Наваринской гавани с находившимися уже там и начавшими блокаду турецко-египетского флота эскадрами английской (адм. Кодрингтон) и французской (адм. де-Риньи). Общее начальствование над соединенными морскими силами принял Кодрингтон, заявивший перед этим Ибрагиму-паше, что адмиралы эскадр берут на себя ответственность за выполнение Лондонского договора. 8 октября соединенный флот вошел в гавань Наварино, и, когда, во время бросания якорей, в английский фрегат «Дартмут» и французский «Сирена» с противной стороны были сделаны выстрелы, завязался бой, результатом которого после трехчасового сражения было полное уничтожение турецко-египетского флота[40].

Известие о Наваринском бое было встречено с открытым негодованием в Вене, и даже в Англии были несколько смущены тем, какой оборот приняло дело. Напротив, император Николай открыто выражал по этому поводу свое чувство полного

удовлетворения и пожаловал Кодрингтону Георгия 2-й степени. Исход Наваринского сражения еще более укрепил его в мысли перейти по отношению к Турции к более решительным мерам. На подобное решение могло повлиять и то, какой оборот к этому времени начали принимать наши дела в Закавказье и в Персии.

Еще в июле 1826 г. персы вторглись в русские пределы и заняли Ленкоран и Карабаг. Донося об этом, главнокомандующий кавказским корпусом ген. А.П. Ермолов просил о присылке ему подкрепления в составе двух пехотных и одной кавалерийской дивизии. Николай Павлович, издавна питая недоверие к Ермолову, назначил командующим кавказскими войсками ген.-ад. И.Ф. Паскевича, поставив его, однако, под главное начальство Ермолова. Одновременно с этим 20-й дивизии было предписано идти на усиление кавказских войск, причем государь выражал свое твердое намерение «наказать персиан в собственной их земле за наглое нарушение мира». Ненормальное положение, в которое был поставлен Паскевич, создало натянутые отношения между обоими военачальниками, что привело к посылке на Кавказ начальника Главного штаба гр. Дибича и к отставке Ермолова (март 1827 г.). Он был окончательно заменен Паскевичем. Между тем еще 13 сентября 1826 г. Паскевич одержал победу над персами при Елизаветполе. В апреле 1827 г. он вторгся в Эриванскую область, и 1-го октября был взят главный оплот Персии – Эриван. Вскоре за этим последовало взятие Тавриза, а в декабре – Мияна и Ардебиля, чем открывался для русских путь на Тегеран. Шах Фет-Али-Хан убедился в необходимости пойти на уступки, и 10 февраля 1828 г. между Россией и Персией был заключен мирный договор в Туркманчае, подписанный с русской стороны Паскевичем и русским представителем в Персии А.М. Обресковым, с персидской – сыном шаха Аббас-мирзой. По этому договору Персия уступала России ханства Эриванское и Нахичеванское, а также некоторую часть побережья Каспийского моря до р. Астары. Шах уплачивал военные убытки в размере 20 миллионов рублей и подтверждал за Россией исключительное право держать военные суда на Каспийском море, а также право назначать в Персию консулов. Особым актом выговаривалось покровительство русской торговле в Персии. Успешное окончание персидской войны и выгодное положение, создававшееся для России после заключения Туркманчайского мира на Каспийском море и в Закавказье, окончательно утвердили императора Николая в его решении объявить войну Турции.

Тотчас после Наварина в Константинополе завязались переговоры по поводу происшедшего события между

правительством султана и послами союзных держав, в которых послы настаивали на исполнении требований Лондонского трактата. Порта отвечала отказом, и в начале декабря Стрэдфорд Каннинг, Гильемино и Рибопьер оставили Константинополь. Император Николай пытался после этого склонить Англию и Францию к продолжению решительных действий против Турции, но не имел успеха. В Англии, где после смерти Каннинга (27 июля 1827 г.) получил главное значение противник столкновения с Турцией герцог Веллингтон, начало брать перевес более сдержанное отношение к восточному вопросу. Даже во Франции, где при новом министерстве Мартиньяка (декабрь 1827 г.) портфель министра иностранных дел получил Лаферроне, бывший в свое время горячим сторонником решительных действий против Турции, теперь высказывались более осторожно. На конференции в Лондоне (представители со стороны России: кн. Ливен и гр. Матушевич) в ноябре 1828 г. союзные державы, на случай возможности военных действий, взаимно обязались, что «успехи, которые обещает им превосходство сил в борьбе с Турцией, не побудят их искать какой-либо исключительной выгоды, ни торговых преимуществ, ни увеличения территории». В то же время Портой был предпринят ряд неприязненных действий, направленных главным образом против России. Начались притеснения русских купцов и судовладельцев, и проливы были закрыты. Султанским указом (байян-немэ 8 декабря 1828 г.) Порта объявляла Россию своим непримиримым врагом, обвиняла ее в подстрекательстве греков и отказывалась исполнять Аккерманскую конвенцию. Все мусульмане призывались к религиозной войне против России. Император Николай решил принять вызов. 14 апреля 1828 г. были обнародованы манифест о войне с Турцией, декларация русского правительства, мотивировавшая его действия и являвшаяся как бы ответом на султанский байян-немэ, и манифест о рекрутском наборе. Начальнику второй армии графу П.Х. Витгенштейну и Паскевичу повелевалось считать войну с Турцией с 25 апреля начатой.

Для войны предназначались: на европейском театре военных действий 2-я армия, по строевому рапорту располагавшая 113.920 чел. при 384 орудиях, на азиатском – Кавказский корпус. 2-ю армию предполагалось, кроме того, усилить гвардейским корпусом. Николай Павлович весьма желал, чтобы в войне приняла участие и польская армия, но это желание встретило решительное противодействие со стороны цесаревича Константина Павловича, и лишь незначительное количество польских офицеров (18 чел.) были прикомандированы к русской

армии. По плану кампании, выработанному Дибичем, предполагалось достаточным ограничиться занятием придунайских княжеств, переходом через нижний Дунай и взятием придунайских крепостей; одновременно с этим на кавказском побережье предполагалось взятие Анапы. Этот план встретил сильные возражения со стороны Витгенштейна и ген.-ад. П.Д. Киселева, настаивавших на необходимости более решительных действий, но эти возражения не были приняты во внимание. Государь пожелал сам отправиться в действующую армию в сопровождении начальника Главного штаба гр. Дибича, не принимая, однако, на себя главного командования. Сопровождавшая его главная квартира была очень многочисленна, включая в себя, кроме гофмаршальской части, некоторую часть дипломатического корпуса и значительное количество свиты. Ввиду возможности продолжительного отсутствия государя были предприняты экстренные меры по государственному управлению. 24 апреля 1828 г. была учреждена временная верховная комиссия, в которую были назначены гр. В.П. Кочубей, кн. А.Н. Голицын и гр. П.А. Толстой. Вел. кн. Михаил Павлович, на случай смерти государя, облекался «саном и властью правителя государства».

25 апреля армия перешла Прут, заняла Яссы, Галац, Бухарест и Крайову и обложила Браилов. В Молдавии и Валахии немедленно было введено русское гражданское управление. 7 мая Николай Павлович прибыл к Браилову. Переправу через Дунай решено было совершить у Сатунова (на нижнем Дунае), что давало возможность обеспечить флотом подвоз продовольствия с моря. Переправа была совершена 27 мая. 30 мая сдалась расположенная на другом берегу крепость Исакчи, и русская армия начала наступательное движение по Добрудже. Часть ее сил оставалась, однако, занятой у Браилова. Лишь к середине июня сдались Браилов (7 июня), Гирсов, Кюстенджи и Тульча, и в распоряжении русских оказались все придунайские крепости ниже Силистрии. К этому же времени (12 июня) на кавказском побережье была взята Анапа. К 29 июня главные силы армии были стянуты у Базарджика. Здесь дальнейший план действий, по мысли Дибича, одобренной самим государем, был изменен. Вместо движения всеми силами на Варну решено было двинуться на осаду Шумлы, где были сосредоточены главные силы турецкой армии под начальством Гуссейна-паши. К Варне была отряжена с обсервационной целью всего одна дивизия (под начальством ген. П.П. Сухтелена). Это сообщило дальнейшим военным действиям затяжной характер и было причиной малоуспешности всей кампании. Главные силы надолго задержались под Шумлой, не

имея в то же время, в силу местных условий, возможности совершенно отрезать ее от окружающего района. В тылу оставалась невзятая Силистрия, и русская армия попадала в треугольник между Шумлой, Варной и Силистрией, рискуя быть отрезанной от моря. Присутствие в армии самого государя стесняло к тому же самостоятельность главнокомандующего, а многочисленная главная квартира создавала значительные затруднения для провиантской и фуражной части. 21 июля государь оставил лагерь под Шумлой и к 24-му прибыл к Варне. Отсюда морем он совершил поездку в Одессу, где в это время находилось царское семейство, и вернулся к войскам к 27 августа. 14 августа под Шумлой Гуссейн-паша атаковал фланги наших войск, нанеся им значительный урон, что заставило Витгенштейна оставить позиции, занятые им в тылу турецкой армии. Это заставило отказаться и от мысли двинуть к Шумле прибывший в это время к Дунаю гвардейский корпус; он был направлен к Варне, к которой начали теперь снова стягивать главные силы.

С половины сентября, после прибытия лейб-гвардии Саперного батальона, было приступлено к более энергичной осаде этой крепости, и 28 октября последовала сдача Варны. К 4 октября началось отступление наших войск от Шумлы, а к началу ноября, за поздним временем года, решено было отказаться от дальнейшей осады Силистрии, чем и закончилась кампания 1828 г. Войска расположились на зимние квартиры на левом берегу Дуная и в занятой части Болгарии. Более успешно прошла кампания 1828 г. на азиатском театре военных действий. Здесь Паскевичем были взяты турецкие крепости Карс, Ахалцых, Баязет, Ардаган и окончательно заняты три пашалыка: Карсский, Ахалцыхский и Баязетский. На Черном море, кроме того, были заняты Поти и Сухум-Кале.

Ошибки кампании 1828 г. и ее малоуспешность, имевшие не только неблагоприятные стратегические, но и политические последствия, заставили императора Николая пересмотреть дальнейший план военных действий и обратить внимание на реорганизацию армии. Большую роль сыграла в данном случае записка ген.-ад. И.В. Васильчикова «Apercu sur la campagne de 1828», представленная им государю, в которой доказывался вред многоначалия в действующей армии, неуспехи кампании объяснялись столкновением двух властей – главнокомандующего и начальника штаба – и проводилась мысль о бесполезности главнокомандующего, раз в армии находится сам государь. Собранный в это время комитет, в который вошли Кочубей, Толь, Чернышев и Васильчиков, подверг разбору план кампании и

единодушно пришел, со своей стороны, к заключению о необходимости отказаться от мысли о систематической войне на Дунае и приступить к выработке плана забалканского похода на Адрианополь. 9 февраля 1829 г. главнокомандующий Витгенштейн получил отставку, о чем многократно просил уже раньше, и новым главнокомандующим был назначен Дибич, автор плана кампании 1828 г. и движения к Шумле, теперь отказавшийся от своих прежних мыслей и примкнувший к мнению комитета. Сам государь не отправлялся на театр военных действий.

В начале кампании положение дел едва не осложнилось событиями в Персии. 30 января 1829 г. в Тегеране произошло возмущение против русского посольства; был убит русский посланник, автор «Горя от ума» Грибоедов, и перебита вся миссия (кроме одного случайно спасшегося секретаря С.И. Мальцева). Персидское правительство поспешило, однако, принести свои извинения, снарядив в Петербург особое посольство с принцем Хозрев-мирзой во главе, и подвергло строгим наказаниям виновных. Благополучное разрешение тегеранского инцидента позволяло Паскевичу сосредоточить все свои силы на дальнейших действиях против турок. Одновременно с назначением главнокомандующим Дибича Паскевич получил звание главнокомандующего корпусом «со всеми правами, властью и преимуществами, учреждением о большой действующей армии званию главнокомандующего присвоенными».

Еще до назначения главнокомандующим гр. Дибича наши войска овладели крепостями Кале и Турно (за турками оставалось на левом берегу Дуная одно лишь Журжево), а наш флот захватил гавань и город Сизополь. В первых числах мая наша армия перешла Дунай у Гирсова и начала блокаду Силистрии. К этому времени главные силы турецкой армии под начальством нового главнокомандующего Решида-паши, собранные в Шумле, были выведены из крепости и совершили удачные действия против ген. Рота, охранявшего линию Силистрия-Варна. На соединение с Решид-пашой шел от Рущука Гуссейн-паша. Желая предупредить их соединение и не дать Решиду вернуться в Шумлу, Дибич отвел главные силы от Силистрии и двинулся против турецкой армии. Он встретился с неприятелем при Кулевче, где 30 мая было нанесено туркам решительное поражение. 18 июня сдалась Силистрия; освободившийся после этого корпус ген. А.И. Красовского был оставлен около Шумлы, и 5 июля Дибич с главными силами начал переход через Балканы, чем обманул ожидания Решида-паши, предполагавшего, что неприятель сосредоточит снова все свое внимание на Шумле. Переход был

совершен около Кепрекиоя. В течение июля были взяты Карнабат, Айдос, Ямболь и Славно, гавани Мессемврия, Ахиоло и Бургас. 8 августа сдался Адрианополь, и на другой день после этого был взят Люле-Бургас. Незадолго перед этим, еще 25 июня, в Азии Паскевичем был взят Эрзерум. Создавались благоприятные условия для вступления в мирные переговоры, почва для которых давно уже подготовлялась с различных сторон. К тому же положение Дибича продолжало быть очень серьезным: войска страдали от наступившей жары; в тылу оставалась Шумла. Необходимо было спешить воспользоваться благоприятным моментом.

Надо сказать, что открытое столкновение России и Турции было встречено в Европе несочувственно как со стороны Австрии, так и со стороны держав, подписавших вместе с Россией Лондонский договор – Франции и Англии. Австрия, в лице своего канцлера князя Меттерниха, всячески старалась выступить в роли посредницы и выдвигала мысль об общеевропейском конгрессе, что встречало самый решительный отпор со стороны императора Николая. Из двух его союзников большее сочувствие к его решительному образу действий проявляла, во всяком случае, Франция. Желание сохранить тройственный союз, ввиду положения, занятого Австрией, заставило императора Николая оставить без возражения принятое им с горечью возвращение в Константинополь английского и французского послов. В то же время в Лондоне продолжала заседать конференция по греческому вопросу. Постановлением этой конференции от 4 ноября 1828 г. и ее протоколом от 10 марта 1828 г. Морея, занятая в конце 1828 г. французами, с прилегающими островами, была объявлена под охраной союзных держав, а протоколом от 10 марта 1829 г. были выработаны детали будущего устройства Греции. Греция провозглашалась государством под верховенством султана; эта зависимость выражалась в уплате ежегодно дани в 1,5 миллиона пиастров. Ее внутреннее управление должно было быть независимым и вверено князю-христианину, не родственному династиям, правящим в Англии, России или Франции, причем государственное устройство по возможности должно было приближаться к монархической форме правления. Северная граница нового государства должна была идти от залива Воло (на Эгейском море) до залива Арта (на Ионическом).

Весной 1829 г., после коронации в Варшаве, Николай I неожиданно посетил своего тестя, прусского короля Фридриха-Вильгельма III, пробыв в Берлине с 25 по 31 мая. Во время пребывания государя в Берлине прусский король предложил свои услуги в качестве примирителя между Россией и султаном, на что

император Николай согласился. Результатом этого было отправление в Константинополь прусского генерала Мюфлинга. Еще в конце 1828 г. Порта через датского посланника в Константинополе барона Гюбша, несмотря на малоуспешность для русских кампании этого года, предлагала России вступить в непосредственные с нею переговоры, на что император Николай, в принципе, отвечал согласием. Успехи Дибича создавали благоприятную почву, и Мюфлингу удалось склонить Порту к признанию Лондонского трактата. После взятия Адрианополя английский и французский послы (Гордон и Гильемино) через прусского посланника Ройе уведомили главнокомандующего о том, что Порта просит пощады и выражает готовность вступить в переговоры. Переговоры велись в Адрианополе уполномоченными: с русской стороны ген.-ад. А.Ф. Орловым и т.с.гр. Ф.П. Паленом, с турецкой – Мехмед-Садик-Эфендием, действительным великим дефтердарем Порты, и Абдул-Кадир-Беем, кази-аскером анатолийским. Переговоры закончились мирным договором, подписанным этими представителями 2 сентября 1829 г.

Основным трактатом Адрианопольского мирного довогора определялись отношения России и Турции, а также права и преимущества Молдавии, Валахии и Сербии и провозглашалось признание Портой внутренней независимости Греции. Отдельным актом этого договора определялись новые преимущества Молдавии и Валахии. Границей между Россией и Турцией в Европе оставалась р. Прут, а дальше – самое южное (Георгиевское) гирло Дуная. Острова, образуемые различными гирлами этой реки, переходили к России с обязательством не возводить на них никаких укреплений, кроме карантинных. Турция, со своей стороны, обязывалась оставить незаселенным правый берег Георгиевского гирла (от той точки, где оно отделяется от Сулинского) на расстоянии двух часов пути от реки. Турецкие крепости на левом берегу Дуная, Браилов и Журжево, должны были быть срыты. Купеческие суда обеих держав получали право свободного плавания по Дунаю и всем его гирлам. Русские военные суда могли входить в Георгиевское гирло, но не могли ходить по Дунаю дальше впадения в него Прута. На Кавказе ив Азии Россия получала все Черноморское побережье отр. Кубани, на севере от Анапы, до пристани св. Николая, на юге от Поти, а также Ахалцыхский пашалык с крепостями Ахалцых и Ахалкалаки. Кроме того, Турция признавала за ней приобретенные от Персии ханства Эриванское и Нахичеванское. В возмещение военных расходов Турция обязывалась уплатить 10 млн. голландских дукатов (эта цифра

была определена особым соглашением), а в возмещение убытков, понесенных русской торговлей, 1,5 миллиона дукатов. Подтверждалась полная свобода русской торговли на Черном море и во всех турецких владениях. Русские подданные в Турции ведались в полицейском и судебном отношениях исключительно русским посланником и консулами. Русские суда освобождались от внутреннего досмотра турецких властей в открытом море и в гаванях. Проливы объявлялись свободными как для русских судов под купеческим флагом, так и для купеческих судов других держав. Относительно Молдавии и Валахии устанавливалось, что внутреннее управление в княжествах будет принадлежать господарям, избираемым не на семь лет, как это до сих пор было, но пожизненно, которые будут решать дела по совещанию с диванами. Жители княжеств освобождались от всех податей, даров и повинностей Порте, кроме определенной подати в установленном размере (на основании гатти-шерифа 1802 г.). Княжества могли устанавливать карантины, а для охранения границ, карантинов и внутреннего порядка господари могли иметь вооруженную стражу (земское войско). Жители княжеств получали право свободного плавания по Дунаю и свободной торговли в Турции. Магометане лишались права жительства в княжествах, а магометанские купцы допускались лишь по особым фирманам. В вознаграждение за прежние стеснения княжества на два года освобождались от податей.

Относительно Сербии Турция обязывалась немедленно привести в действие относящиеся сюда постановления Аккерманской конвенции и вернуть Сербии отторгнутые отнее округа. Относительно Греции Турция выражала свое согласие на постановление Лондонского трактата 24 июля 1827 г. и протокола Лондонской конференции 10 марта 1829 г.[41]

В истории русско-турецких отношений Адрианопольский мир был завершением той наступательной политики России на Черном море, которая была намечена еще Петром Великим и не забывалась при его преемниках и начало которой в широком масштабе было положено Екатериной II. От Кучук-Кайнарджийского мира до Адрианопольского – один определенный период. Когда через несколько лет после этого между Россией и Турцией было заключено союзное соглашение (Унхиар-Скелессийский договор) и Турция согласилась в случае войны России с кем-либо из европейских держав закрыть Дарданеллы для вражеского флота, положение России на Черном море окончательно упрочилось и успехи ее достигли здесь кульминационного пункта. Это положение начало представлять теперь серьезную опасность для Западной Европы. В истории

восточного вопроса начинается новый период борьбы европейских держав с русским влиянием на Востоке, во главе которых идет теперь Англия. Еще до Июльской революции начало подготовляться англо-французское сближение и охлаждение отношений между обеими этими державами и Россией. Июльская революция, ее отзвук в Бельгии и польское восстание, способствуя новому сближению России с Австрией и Пруссией, способствовали и окончательной кристаллизации нового международного положения. Нам и предстоит теперь перейти к разбору этих событий и их влияния как на внешнюю, так и на внутреннюю политику николаевского царствования.

Тридцатые и сороковые годы (1830-1848)

Тридцатые и сороковые годы (1830–1848); Июльская революция во Франции и революция в Бельгии

Европейские события 1830 и 1831 гг., Июльская революция во Франции, бельгийская революция и польское восстание, отчасти в связи с тяжелыми событиями, происходившими одновременно с этим в самой России (холерная эпидемия, бунт в Севастополе и в военных поселениях), окончательно определили то направление как внешней, так и внутренней политики императора Николая I, которое начало уже складываться в первые годы николаевского царствования. Все эти события пробудили в нем с новой силой решимость бороться с революционным духом и стать на защиту монархического принципа (что противополагалось им как республиканско-демократическому, так и конституционно-монархическому строю). Правительственная политика теперь под влиянием этих событий принимает большую устойчивость и окончательно складывается в консервативную программу. Во внешних сношениях это приводит к новому сближению с Австрией и Пруссией, поколебленному в первые годы николаевского царствования, к дальнейшему упрочению начал Священного Союза, к окончательному обращению этого акта в более осязательные международные соглашения. Во внутренней политике экстренные меры запретительного характера начала царствования уступают место последовательно развитой и последовательно проводимой охранительной системе. Прежде чем излагать внешнюю и внутреннюю политику тридцатых и сороковых годов, необходимо поэтому вкратце остановиться на отношении императора Николая к указанным европейским событиям и ознакомиться с польскими делами начала тридцатых годов, имевшими такое решающее значение для всей дальнейшей николаевской политики.

25 июля 1830 г. во Франции произошел государственный переворот. Нарушивший конституционную хартию король Карл X был низложен и принужден отречься от престола (30 июля). Предшествующая перевороту политика Карла X и его министра кн. Полиньяка, направленная к упразднению конституции, вызывала в свое время осуждение императора Николая I, советовавшего французскому королю через своего представителя во Франции соблюдать конституцию, раз она подтверждена его собственной присягой. Июльский переворот, сам по себе, вызвал тем не менее в нем сильное негодование, в особенности когда

стало известно, что дело не ограничилось после отречения короля простым переходом власти в руки его законного наследника, но что престол окончательно перешел к представителю младшей линии дома Бурбонов – герцогу Людовику-Филиппу Орлеанскому, вначале (30 июля) провозглашенному лишь наместником королевства, но вскоре (7 августа) избранному королем французов. Это негодование нашло себе официальное выражение в циркуляре от 4 августа 1830 г. Одновременно с этим было издано распоряжение о непризнании трехцветного флага и было решено порвать сношения с Францией и отослать паспорта французскому секретарю посольства Бургоэну, замещавшему в это время отсутствовавшего посла гр. Мортемара. Личная аудиенция Бургоэна у государя, относившегося к нему с большим расположением, имела своим результатом то, что эти меры не были приведены в исполнение. Однако и после этого Николай I не отказался от мысли о вооруженном вмешательстве в дела Франции и о выработке общеевропейских мероприятий на новом европейском конгрессе. Эти мысли находили сочувствие у некоторых из его приближенных: у военного министра Чернышева, у фельдмаршала гр. Дибича и у ген.-ад. А.Ф. Орлова. С целью ознакомить Австрию и Пруссию со взглядами государя и осведомиться о намерении их правительств, в августе (16 и 19) 1830 г. были посланы: Орлов – в Вену и Дибич – в Берлин. С другой стороны, предположения государя встретили сильное противодействие, главным образом в лице цесаревича Константина Павловича, находившего невозможным возвращение к политике 1813–1815 гг. и настаивавшего на политике невмешательства. К этому мнению примкнул и вице-канцлер Нессельроде, находившийся в то время в отпуске и имевший в конце июля в Карлсбаде разговор с австрийским канцлером кн. Меттернихом. Во время разговора Меттерних наметил следующие начала, на которых было бы возможно соглашение (так называемый «карлсбадский лоскут»): Австрия не склонна к активному вмешательству во французские дела, хотя и не против совместной конференции с Россией и Пруссией в интересах охранения мира в собственных владениях трех держав. Против последнего была Пруссия.

Когда Орлов и Дибич прибыли в Вену и Берлин, новое правительство во Франции было уже признано Австрией и Пруссией без предварительного соглашения с Россией. Еще до этого оно было признано Англией. Все это заставило Николая I отказаться от своих предположений и признать правительство Людовика-Филиппа: «правительство наместника короля, утвержденное Карлом X», делалось тем самым в его глазах

законным. Франция «не может оставаться без главы, а за отсутствием главы государства должна впасть в самую ужасную анархию; поэтому фактически наиболее близкий к трону, находящийся во Франции, за неимением тех, которые были до него, становится для нас фактически королем Франции; если же мои союзники находят единогласно, что мы должны помириться в этом отношении на герцоге Орлеанском, то, мне кажется, лучше признать королевскую власть, исходящую из подобного факта, чем королевскую власть по выбору народа: страшный пример, пагубный для всякого порядка и который подорвал бы наше собственное существование» —так объяснял перемену своего решения Николай I в письме к цесаревичу от 15 августа 1830 г. По существу, перемена, происшедшая во Франции, продолжала оставаться в его глазах «узурпацией герцога Орлеанского». В ответе на собственноручное письмо короля Людовика-Филиппа, врученное прибывшим в начале сентября 1830 г. в Петербург ген. Аталэном (Atthalin), государь отвечал письмом от 6 сентября. В этом письме, не называя короля французов «Monsieur mon frere» и признавая совершившиеся во Франции события «навеки прискорбными» (a jamais deplorable), он, «в согласии со своими союзниками», выражал готовность принять «желание короля поддерживать со всеми европейскими государствами мирные и дружеские сношения», пока эти сношения будут основаны на существующих договорах и «Европа усмотрит в них ручательство мира, столь необходимого даже для спокойствия Франции». Это письмо произвело крайне неблагоприятное впечатление во Франции, и до самого конца существования монархии Людовика-Филиппа отношения между обеими державами оставались крайне холодными.

Почти непосредственно вслед за Июльской революцией, под прямым влиянием событий во Франции разразилась бельгийская революция; Бельгия отложилась от нидерландского королевства (6 ноября 1830 г.), и король Вильгельм I Оранский обратился к русскому императору с письмом, прося вооруженной помощи в силу существующих трактатов. События в Бельгии снова вызвали в государе мысль о вооруженном вмешательстве в дела Европы. По получении письма короля Вильгельма было отдано распоряжение о переведении армии на военное положение. Об этом распоряжении был уведомлен находившийся в Берлине фельдмаршал Дибич для сообщения об этом тестю государя, прусскому королю Фридриху-Вильгельму III. Ина этот раз Пруссия отнеслась к предположениям русского государя весьма сдержанно. Прусский король одобрил мобилизацию русских корпусов на западной границе, но был против предполагаемой

мобилизации польской армии, пока Пруссия не мобилизует стоявший в одной линии с польской армией свой первый корпус, на что-де она решится только тогда, когда исчезнет всякая надежда на сохранение мира. Король, во всяком случае, находил необходимым предварительно обсудить создавшееся положение дел совместно с лондонским и венским кабинетами. Решительно против вмешательства высказался снова цесаревич Константин Павлович, а также и вице-канцлер Нессельроде, и министр финансов Канкрин, указавший на тяжелое положение государственных финансов и на полное отсутствие источников для займов и других чрезвычайных средств. Вспыхнувшая 17 ноября революция в Варшаве, помимо всего этого, заставила отказаться от военных приготовлений, после чего обсуждение бельгийских дел окончательно сосредоточилось на собравшейся в Лондоне конференции представителей от пяти великих держав (Австрия, Англия, Пруссия, Россия и Франция; от России – кн. Х.А. Ливен и гр. А.Ф. Матушевич) и от голландского короля Вильгельма. Протоколами 8 декабря 1830 г., 8 и 15 января 1831 г. конференция признала независимость Бельгии, ее отделение от Голландии и ее нейтралитет. 23 мая 1831 г. Бельгийское национальное собрание в Брюсселе, не дожидаясь решения конференции, избрало королем намеченного конференцией принца Леопольда Кобургского. Это избрание вызвало протест со стороны короля Вильгельма, вследствие чего Россия, Австрия и Пруссия воздержались от немедленного признания принца Леопольда бельгийским королем; он был признан на первых порах лишь Англией и Францией. Избрание Леопольда было неприятно для императора Николая, всегда неприязненно относившегося к кобургскому принцу и теперь в особенности недовольного им за принятие в бельгийскую армию эмигрировавших польских офицеров. 3 ноября 1831 г. на Лондонской конференции был подписан окончательный трактат между пятью державами и Бельгией, признававший независимость Бельгийского королевства, его вечный нейтралитет и определявший его границы с Голландией. 2 декабря того же года был подписан договор Бельгии с Англией, Австрией, Пруссией и Россией о срытии пограничных с Францией крепостей. Вопрос о ратификации договора 3 ноября вызвал новые недоразумения. Ратификация со стороны Англии и Франции последовала 19 января 1832 г. Король Вильгельм отказывался признать этот договор. Пруссия и Австрия заняли выжидательное положение. Император Николай решительно заявил, что он не признает договора, пока на него не последует согласия короля Вильгельма. Одновременно с этим он попытался

склонить короля дать свое согласие, для чего в Гаагу был послан ген.-ад. гр. А.Ф. Орлов. Миссия Орлова успеха не имела. Лишь после этой попытки и после того, как Австрия и Пруссия признали (6 апреля 1832 года) договор, заключенный конференцией, последовала (22 апреля т.г.) его ратификация и со стороны России. Дальнейшее упорство короля Вильгельма заставило Англию и Францию прибегнуть к принудительным мерам, которые и были направлены против Антверпена, находившегося в руках голландцев. Австрия, Пруссия и Россия не приняли в этом участия и вскоре после этого (25 февраля 1833 г.) заключили между собой секретный договор. По этому договору три державы, признавая необходимость принудительных мер, принятых Англией и Францией, в то же время соглашались: не возобновлять общих переговоров, пока будут приниматься эти меры; не допускать, чтобы голландский король был принуждаем принять более тяжелые условия, чем те, какие были уже выработаны; признать конференцию расторгнутой, если какая-либо держава попытается силой заставить голландского короля подписать те или другие условия; совместно защищать неприкосновенность голландских владений в тех границах, какие были определены договором 3 ноября 1831 г. Все эти недоразумения на почве бельгийских дел все более и более обостряли противоположность политики западных держав – Англии и Франции – и восточных – Австрии, Пруссии и России. Лишь к марту 1838 г. король Вильгельм согласился признать договор о независимости Бельгии, каковой и был подписан (с некоторыми изменениями, сравнительно с условиями 1831 г., относительно границ между Бельгией и Голландией) пятью державами, Голландией, Бельгией и, сверх того, Пруссией и Австрией, как уполномоченными от Германского Союза. 7 апреля 1839 г. 25 сентября 1840 г. король Вильгельм отказался от короны в пользу сына, принца Вильгельма, женатого на сестре Николая I Анне Павловне.

Царство Польское в начале царствования императора Николая I; польская революция 1830–1831 гг. и ее усмирение; последующая политика Николая I в Польше и западном крае

По акту Венского конгресса 28 мая (9 июня) 1815 г. бывшее Герцогство Варшавское, за исключением тех его частей, которые отходили к Австрии и к Пруссии, и города Кракова, составившего независимую республику, провозглашалось навсегда присоединенным к Российской Империи, «в силу своей Конституции… в неразрывной с Россией связи и во владении Е.В. Императора Всероссийского, наследников и преемников на вечные времена», «государством, имеющим состоять под особенным управлением». Часть территории старого польского государства признавалась, таким образом, по этому акту политическим телом, что и выражалось в его новом титуле – Царство Польское, который включался теперь в титул русского государя. Что касается будущих внутренних распорядков в Царстве и даже его территориальных пределов, то в этом отношении, как и в других подобных случаях (как, например, по вопросу о внутреннем устройстве государств Германского Союза), Акт ограничивался более неопределенными постановлениями. Употребленный им, как сейчас было цитировано, термин «конституция», при неопределенности этого термина в начале XIX века, и в особенности в той легитимистической среде, из которой вышел акт Венского конгресса, не должен вводить в какие бы то ни было заблуждения. Акт предоставлял «благоусмотрению» русского Императора определить «внутреннее распространение сему государству». Что же касается внутреннего устройства Царства Польского и тем более введения в нем представительных учреждений, то специально об этом Акт не говорил ничего; он ограничивался лишь общим заявлением об особом польском представительстве во всех трех государствах, поделивших между собой владения старой Польши, сообразно с особенностями государственного строя каждого из них[42].

Как известно, в силу этого последнего заявления Австрия и Пруссия ограничились введением в своих польских владениях лишь областных земских учреждений; Александр же даровал Царству Польскому конституцию с особым народным представительством, особой казной и особой армией. Это не

привело, однако, к окончательному разрешению польского вопроса.

Польская политика императора Александра отличалась, как известно, большой неопределенностью и неустойчивостью. В отдельных своих заявлениях он не раз говорил о своем намерении воссоединить области, отошедшие к России по разделам в XVIII в., с Польшей, и теперь некоторые из его мероприятий как будто подтверждали его слова. Так, главнокомандующий польской армией цесаревич Константин Павлович, кстати сказать прекрасно организовавший эту армию, командовал и литовским корпусом. В его же лице совмещалась и высшая гражданская власть как в Царстве Польском, так и в Западном крае. Все дальнейшие заявления на этот счет императора Александра отличались, однако, большой неопределенностью. Его личное отношение к дарованной им же полякам конституции далеко не всегда соответствовало сану конституционного монарха, а с 1820 г. в Польше окончательно наступает период реакции и административных нарушений конституции.

С другой стороны, образование Царства Польского и дарованная ему конституция не удовлетворили и поляков, независимо от характера дальнейшей политики императора Александра. Среди польского общества продолжала жить надежда на полную политическую и национальную независимость. Эта независимость должна была, по мнению сторонников польской национальной идеи, выразиться прежде всего в возвращении Царству областей, отошедших к России по разделам. Неопределенные на этот счет постановления Венского конгресса получили соответствующее истолкование, а такой факт, как присоединение в 1811 г. к Великому Княжеству Финляндскому Старой Финляндии, при всей исторической несоразмерности этого факта с вопросом о польских владениях России, получал в глазах польского общественного мнения значение знаменательного прецедента. По мнению новейшего польского историка, этот вопрос сыграл решающую роль, сравнительно с вопросом собственно конституционным, в развитии оппозиционного настроения в польском обществе и стал «одним из главных факторов Ноябрьского восстания 1830–1831 г.»[43]

Вступление на российский престол императора Николая I рассеяло последние надежды на возвращение Польше земель, отошедших от нее к России. Взгляды нового государя на Польшу и русско-польские отношения были вполне ясны и определенны. С детства воспитанный в чувстве антипатии к полякам, Николай их не любил и никогда этого не скрывал. Поляки прекрасно знали это и тоже не любили его. Николай в свою очередь прекрасно

знал об отношении к нему поляков и опять-таки не скрывал, что он знает, что поляки его не любят. Убежденный сторонник абсолютно-монархического начала, он не мог относиться с симпатией к польской конституции, тяготился своим положением в Польше как конституционного монарха – это стояло в слишком резком противоречии с его неограниченной властью в России – и не скрывал и в этом отношении своих чувств. С другой стороны, однако, унаследовав польскую конституцию от своего предшественника, он считал себя обязанным ее соблюдать и, действительно, вплоть до разрыва с Польшей в 1831 году ни в чем не отступил от своих обязанностей конституционного монарха; конституция переставала быть для него обязательной, раз она была бы нарушена с противоположной стороны. Все дело только в том, что при тех настроениях, какие жили в польском обществе, она не могла не быть рано или поздно нарушена. Со своей стороны Николай I всегда высказывался против воссоединения с Польшей земель, отошедших к России по разделам, и вполне определенно заявлял, что никогда не совершит подобного шага, который, по его мнению, в корне противоречил бы интересам России. «Пока я существую, я никаким образом не могу допустить, чтобы идеи о присоединении Литвы к Польше могли бы быть поощряемы, так как, по моему убеждению, это вещь неосуществимая и которая могла бы повлечь для империи самые плачевные последствия. При всем том это не мешает мне быть столь же хорошим поляком, как и хорошим русским; я доказал и при каждом случае буду доказывать это строгим и верным соблюдением и охранением привилегий, которые наш покойный ангел (так всегда называл Николай Павлович покойного государя в переписке с братьями) даровал королевству; но, пока я жив, я не могу терпеть ни малейшей попытки сверх этого, направленной ко вреду империи, в тесном смысле этого слова; вследствие этого я не могу питать, а еще менее поощрять какие-либо подобные надежды», – писал он в своем письме от 24 октября 1827 г. своему брату Константину.

При таких взаимных отношениях и настроениях некоторые другие причины, затруднявшие в самой Польше положение Николая как конституционного монарха, играли сравнительно второстепенную роль. Причины эти заключались главным образом в личном характере цесаревича Константина Павловича, главнокомандующего польской армией, получившего после смерти наместника Царства Польского князя Заиончека (28 июня 1826 г.) еще большее значение в управлении страной: в его руках фактически сосредоточилась теперь и гражданская власть. Взгляды Константина Павловича на русско-польские отношения

отличались гораздо меньшей последовательностью. Порой, как будто оправдывая стремления к воссоединению западных областей с Польшей, он в других случаях своими отзывами усиливал в государе крайнее недоверие к полякам. Выступая иногда перед своим братом защитником строгой конституционности, он при малейшем проявлении независимости со стороны польских органов управления не сдерживал своего негодования и проявлял его в весьма резких и порой обидных формах. Своими взглядами цесаревич Константин Павлович внес много путаницы в русско-польские отношения, а своим необузданным характером и своими выходками создал для самого себя крайне обостренные отношения с высшим польским обществом. Николай Павлович сознавал тяжелые стороны характера своего брата и проистекающие отсюда для него самого затруднения в Польше, но в то же время считал необходимым там его присутствие для противовеса притязаниям польской аристократии.

Еще в последние годы александровского царствования в Польше возникли тайные общества, постепенно сгруппировавшиеся вокруг организованного в 1821 г. майором Валерьяном Лукасинским Патриотического общества. Все эти общества преследовали, главным образом, идею полной польской национальной независимости. Уже в 1822 г. многие из членов этих обществ, и в том числе сам Лукасинский, были арестованы, судимы и заключены в крепость. Следствие по делу декабристов (показания члена польского тайного общества кн. Яблоновского) окончательно раскрыло личный состав этого общества и его сношения с русскими тайными организациями. 7 февраля 1826 г. в Варшаве по делу польского тайного общества особым царским рескриптом был учрежден следственный комитет. Этот комитет, составленный наполовину из русских и наполовину из поляков (Председатель Сената гр. Станислав Замойский, д.т.с. Н.Н. Новосильцев, сенаторы гр. С. и гр. Ф. Грабовские, ген.-лейт. гр. Д.Д. Курута, военный министр Царства Польского Гауке, ген.-лейт. А.И. Кравцов, дивизионный генерал польской службы Раутенштрух, бар. Моренгейм и адъютант цесаревича капит.-команд. П.А. Колзаков), закончил свое следствие лишьк30 декабря 1826 г. Николай вначале колебался, на каких основаниях возможно учредить суд, чтобы судить государственных преступников, ввиду отличия польского государственного устройства от русского. Только следуя в значительной степени советам Константина Павловича, он решил наконец действовать согласно польской Конституции, не распространяя ее, однако, на поляков, бывших в русском подданстве и привлеченных к

ответственности: эти последние еще в июле 1826 г. были отправлены в Петербург и заключены в Петропавловскую крепость. В начале июня 1827 г. в Варшаве, согласно Конституции, был учрежден особый Сеймовый Суд из всех членов польского Сената. Председателем суда был назначен сенатор Белинский. В то же время в Варшаву были откомандированы представители от Правительствующего Сената для суда над поляками, состоявшими в русском подданстве, которые к этому времени были снова привезены в Варшаву. Сеймовый Суд признал подсудимых виновными лишь в недонесении о преступных замыслах тайного сообщества российского (под чем подразумевался главным образом замысел на цареубийство) и к лету 1828 г. вынес полное оправдание почти всем подсудимым; лишь некоторые из них были приговорены к незначительному тюремному заключению. При этом председатель суда мотивировал приговор тем, что основные цели польского тайного общества не только не преступны, но и вполне согласны с постановлениями Венского конгресса и обещаниями покойного государя. Николай был очень недоволен таким результатом суда и, замедлив с конфирмацией приговора, запросил о приговоре административный совет Царства Польского в такой форме: «Следует ли приговор Сеймового Суда приписать ошибочным представлениям о существе государственного преступления или стремлению покровительствовать самым преступным замыслам». Совет пришел к заключению, что приговор следует приписать исключительно недостаткам действующего уголовного судопроизводства. В марте 1829 г. приговор Сеймового Суда был утвержден, но польский Сенат получил Высочайший выговор. Приговор Правительствующего Сената над поляками, состоявшими в русском подданстве, перешедший на рассмотрение Государственного Совета и утвержденный 24 февраля 1829 г., был гораздо суровее: подсудимые были подвергнуты различным строгим наказаниям – заключению в крепость, ссылке в Сибирь, отдаче в солдаты и т.п. Приговор Сеймового Суда и конфликт из-за него у монарха с польским Сенатом получили политическое значение и способствовали нарастанию в Польше оппозиционно-революционного настроения.

Суд над участниками польского тайного общества и создавшиеся на этой почве трения замедлили выполнение основного обязательства, возлагаемого на Николая I польской Конституцией, – коронование польской короной. Весной 1829 г. стало возможным совершить этот обряд. Выполнение этого обряда было ему очень не по душе; выполнить его, тем не менее, он считал себя обязанным. Воспользовавшись тем, что обряд, по

которому должна была совершаться коронация всех преемников Александра в Польше польскими королями, о чем говорила 45-я статья Конституции, остался до конца царствования Александра не установленным, он решил, однако, ограничиться возможно меньшими церемониями. Особенно смущала его духовная сторона обряда. Он решительно высказался против совершения духовной церемонии в католическом соборе и только по настоянию цесаревича согласился на молебствие в соборе, на котором он мог быть лишь в качестве присутствующего после того, как коронация будет совершена в королевском замке. В первых числах мая 1829 г. государь с государыней, наследником Александром Николаевичем и вел. кн. Михаилом Павловичем прибыли в Царство Польское. 5-го мая был совершен торжественный въезд в Варшаву. 6-го мая государь присутствовал на разводе на Саксонской площади, который производил цесаревич. 9-го мая сам государь производил смотр войскам, собранным в Варшаве. 12-го мая в королевском замке, в зале Сената, состоялась коронация. После произнесения архиепископом-примасом молитвы государь возложил на себя корону, принял регалии и возложил на императрицу знаки ордена Белого Орла. Затем им была принесена присяга Конституции. После этого архиепископ-примас провозгласил троекратно «Vivat rex in aeternam» и прочел молитву за короля и благоденствие его державы. По окончании обряда государь, в сопровождении государыни, наследника, великих князей, княгини Лович и всех присутствовавших на коронации, проследовал в собор св. Яна, где было совершено молебствие. В течение следующих дней происходили придворные и народные увеселения, закончившиеся 16 мая народным угощением на Уяздовском поле, которое посетили государь и государыня. 22-го мая государь выехал из Варшавы в Берлин. На обратном пути он пробыл в Варшаве с 4-го по 13-е июня. Здесь было им получено известие о победе при Кулевче, что и было отпраздновано молебствием в лагере при Повонзках[44].

На пути в Варшаву и от Варшавы он осматривал польские крепости и останавливался в целом ряде городов, где производил смотры и маневры (Калиш, Лович, Красностав, Замосц, Луцк); 19 июня он уже покинул пределы Польши. После смотра в этот день войск гвардейского корпуса в Тульчине он посетил Киев (23–26 июня) и отсюда, через Козелец и Чернигов, отправился в Бобруйск, где осматривал крепость (30 июня–3 июля). Отсюда, через Могилев, Витебск, Великие Луки и Старую Руссу, он вернулся к 11 июля в Царское Село. По отзывам современников, во время пребывания в Варшаве местное население принимало

восторженно государя и государыню; во время самой церемонии коронования чувствовалась, однако, холодность присутствовавших представителей польской нации.

Короновавшись польским королем и выполнив, таким образом, обязательство, возлагаемое на него Конституцией, Николай I решил осуществить и одно из основных прав, утвержденных этой Конституцией за польской нацией: на 1830 г. был назначен созыв польского сейма, который не собирался еще в его царствование и в последний раз созывался императором Александром I в 1825 г. Мысль о созыве сейма была встречена несочувственно цесаревичем Константином Павловичем, но государь остался тверд в своем намерении. В феврале 1830 г. происходили выборы, а 25 марта последовал манифест о созыве сейма, открытие которого было назначено на 16 мая. Правительственные проекты, которые предполагалось предложить на обсуждение сейма, сводились к предложению о сооружении народного памятника императору Александру I, как восстановителю отечества, к проекту нового закона об ограничении удобств к брачному разводу, к предложению о продолжении работ по изданию гражданского кодекса и к проекту, вносящему изменение в уголовное судопроизводство. Лично государь находил подобную программу работ сейма чересчур скромной; он не хотел, однако, отсрочивать открытие сейма, что было бы необходимо для выработки более широких проектов, и к тому же предпочитал обойти на первом сейме все, что могло бы создать повод к какому бы то ни было разладу или конфликту. Николай I лично присутствовал при открытии сейма и произнес свою тронную речь на французском языке. Приветствуя в этой речи народных представителей и указывая на предложенные законопроекты, государь подчеркнул, что им будут приняты благоприятно те «поправки, какие представители нации найдут нужным в них внести». Впервые в речи к польскому сейму были теперь затронуты, по поводу окончания войн с Турцией и Персией, вопросы международной политики. «Всемогущий, – говорилось в речи, – благословил наше оружие в двух войнах, которые империя только что должна была вести. Польше не пришлось нести их тягостей, однако она пользуется выгодами, которые явились следствием их, благодаря тому братству в славе и интересах, которое связуется отныне с ее неразрывным единением с Россией. Польская армия не приняла активного участия в войне; мое доверие указало ей другой пост, не менее важный: она составляла авангард армии, долженствовавший охранять безопасность империи…» Чтобы не стеснять работы сейма (его заседания должны были продолжаться 30 дней),

государь на все время сессии покинул Варшаву; он посетил за это время, с 25 мая по 7 июня, Елизаветград, Кременчуг, Козелец, Киев, Ковно и Брест-Литовск.

К созыву сейма в Польше, в принципе, отнеслись сочувственно. В глазах польского общества он получал значение главным образом как средство заявить о своих взглядах и выяснить свое отношение к правительству и его представителю в Польше цесаревичу Константину Павловичу, отношения к которому принимали все более и более натянутый характер. На самом сейме образовалась довольно сильная оппозиция. Сочувственно было принято упоминание тронной речи о событиях внешней политики; зато заявление о «неразрывном единении с Россией» было встречено с неудовольствием. Тот из правительственных законопроектов, которому государь придавал особое значение, об ограничении удобств к брачным разводам, был отвергнут, и правительство не встретило в данном случае поддержки со стороны католического духовенства, на которое оно рассчитывало. Тем не менее, сейм не был распущен до срока и мог закончить свои работы. Закрытие сейма последовало 16 июня. Закрывая сейм, Николай снова обратился к нему с речью, которая заканчивалась словами: «quoique eloigne de Vous, je veillerai perpetuellement a Votre veritable bonheur»[45]. С внешней стороны сессия окончилась благополучно. Оппозиционное настроение, однако, заметно нарастало, и холодность в отношениях между государем и его польскими подданными все увеличивалась.

Между тем идея полной национальной независимости среди поляков не умирала. Разочаровавшись в надеждах на добровольное воссоединение русским правительством западных областей с Польшей, сторонники национальной идеи окончательно вступили теперь на путь революционного разрыва с Россией. Почва к этому была уже подготовлена упомянутыми тайными обществами 20-х гг. Теперь эта идея получила широкое распространение среди мелкой шляхты, городского населения, учащейся молодежи, польского офицерства и интеллигенции. Полученные вскоре после этого в Варшаве известия о революции во Франции содействовали еще большему возбуждению умов: начались уличные движения, стали появляться прокламации, произносились речи. Известия о военных приготовлениях в России для подавления бельгийской революции дали последний толчок к революционному взрыву. К ночи 17 ноября 1830 г. толпа, состоящая преимущественно из студентов и воспитанников военной школы, ворвалась во двор Бельведерского замка, резиденцию цесаревича Константина Павловича. Предпринятая

одновременно с этим попытка обезоружить русские кавалерийские полки, захватив их в казармах, не удалась; зато мятежникам удалось захватить и разграбить богатый оружием арсенал. Быстро вся Варшава была охвачена мятежом. Вице-президент города Любовицкий, генерал Жандр, военный министр Гауке, генералы Трембицкий и Станислав Потоцкий и многие другие были убиты. Часть польского гарнизона оставалась еще спокойной и верной присяге. Русские кавалерийские войска успели стянуться к Бельведеру, а русская пехота заняла северную часть города. С трудом спасшийся из своего дворца цесаревич не пожелал, однако, усиливать кровопролития вмешательством в дело русских войск и, покинув город, расположился в его ближайших окрестностях.

Ввиду наступившей в городе дезорганизации, городской совет, в котором видную роль начали играть министр финансов кн. Любецкий и кн. Адам Чарторыйский, принял на себя временное правление «от имени короля Николая» и предполагал спасти положение и добиться известных результатов, вступив на путь переговоров через цесаревича Константина с русским правительством. К этой программе примыкали и многие из представителей высшей польской аристократии, и наиболее зажиточные слои городского населения. Быстро возобладало, однако, другое, крайне революционное направление, нашедшее себе выражение в возникшем в это время в Варшаве «патриотическом клубе», где главную роль играли теперь писатель Маврикий Мохнацкий, адвокат Броникoвский и в особенности историк Иоахим Лелевель, занимавший прежде кафедру в Виленском университете и удаленный оттуда в 1824 г. Это направление, надеясь на поддержку революционной Франции, было против каких бы то ни было переговоров и стояло за немедленный и полный разрыв с Россией. Любецкому удалось было вступить в переговоры с Константином Павловичем, и есть известие, что последний согласился ходатайствовать перед государем об амнистии мятежникам и о сохранении конституции, а также о присоединении к Польше русско-польских областей или по крайней мере о введении там «национальных учреждений». Эта попытка Любецкого была, однако, встречена несочувственно в Варшаве, где окончательно восторжествовала крайняя революционная партия. Цесаревич Константин Павлович решил покинуть Польшу, вывести оттуда русские войска и разрешил остававшимся при нем польским войскам вернуться в Варшаву. Ему был обеспечен за это свободный проход к границам империи. Польская государственная казна, польское войско, крепости Модлин и Замосц были в руках восставших. После удаления

цесаревича и русских войск было избрано временное правительство (23 ноября) под председательством кн. Ад. Чарторыйского, немедленно облекшее диктаторской властью ген. Иосифа Хлопицкого, популярного среди населения еще до восстания и выдвинувшегося во время последних событий. Одним из первых мероприятий диктатора была посылка депутатов в Петербург для переговоров с императором Николаем. Переговоры должны были вестись на началах сохранения конституции и воссоединении отошедших к России польских областей. Депутатами были избраны кн. Любецкий и гр. Езерский.

Первое известие о варшавских событиях Николай Павлович получил вечером 25 ноября; это было краткое донесение от цесаревича о возмущении войск с сообщением имен убитых генералов и указанием, какие войсковые части сохранили верность. Только на другой день пришло запоздавшее, более раннее, донесение от него, содержавшее в себе больше подробностей, а 27 ноября и третье – о решении цесаревича покинуть с русскими войсками Польшу. На другой день после получения первого из этих донесений государь, после развода 3-го батальона Преображенского полка, в манеже сообщил офицерам о возмущении в Варшаве. Это известие было принято с негодованием, и офицеры громко выражали свою готовность следовать повелениям государя. Генерал-адъютанту бар. Г.В. Розену тотчас же было повелено сосредоточить Литовский корпус в Бресте и Белостоке для немедленного движения в Варшаву; 1-й корпус должен был поддержать его. Через день, однако, это распоряжение было изменено, и решено было собрать против поляков сразу большое количество войск. 1 декабря фельдмаршалом действующей армии был назначен вернувшийся из Берлина гр. Дибич, а начальником штаба армии ген.-ад. гр. К.Ф. Толь. 5 декабря было издано воззвание к народу и войску Царства Польского (контрасигнированное ст.-секр. Царства Польского гр. Станиславом Грабовским), а 12 декабря манифест, коими обещалось прощенье под условиями немедленного возвращения к исполнению своего долга, отпуска пленных и восстановления законного управления. Прибывшие Любецкий и Езерский были приняты: первый лишь как член правительства императора Николая, а второй – как его спутник, и притом оба порознь. В переговорах с ними государь всецело остался на том, что было им заявлено в воззвании и манифесте.

В Варшаве, по получении известий о происходившем в Петербурге и о мероприятиях Николая, оставались непримиримыми. Собравшийся сейм начал с того, что одобрил восстание 17 ноября и издал «Манифест польского народа», в

котором заявлялось, что польская нация не положит оружия, пока не завоюет свою независимость и не освободит своих порабощенных Россией братьев. Хлопицкий при таком обороте дел сложил с себя диктатуру. 13 января 1831 г. сейм в соединенном заседании обеих палат провозгласил дом Романовых лишенным польского престола. Главой национального правительства был избран кн. Адам Чарторыйский, главнокомандующим польских войск – кн. Михаил Радзивилл. В ответ на это последовал манифест императора Николая от 25 января, в котором говорилось: «13 сего месяца среди мятежного противозаконного сейма, присваивая себе имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствование наше и дома нашего прекратилось в Польше и что трон, восстановленный императором Александром, ожидает иного монарха. Сие наглое забвение всех прав и клятв, сие упорство в зломыслии исполнили меру преступлений; настало время употребить силу против не знающих раскаяния, и Мы, призвав в помощь Всевышнего Судью дел и намерений, повелели нашим верным войскам идти на мятежников. Россияне! В сей важный час, когда с прискорбием отца, но со спокойной твердостью царя, исполняющего священный долг свой, мы извлекаем меч за честь и целость державы нашей, соедините усердные мольбы с нашими мольбами пред алтарем Всевидящего Праведного Бога. Да благословит Он оружие наше для пользы и самих наших противников; да устранит скорой победой препятствия в великом деле успокоения народов, десницей Его нам вверенных, и да поможет нам, возвратив России мгновенно отторгнутый от нее мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаниях прочных, сообразных с потребностями и благом всей нашей империи и положить навсегда конец враждебным покушениям злоумышленников, мечтающих о разделении». Личный взгляд императора Николая на создавшееся положение вещей и на будущее Польши и России выясняется из его переписки за это время с цесаревичем Константином Павловичем. В одном из его писем к цесаревичу (около 3 января 1831 г.) встречается такая фраза: «Кто из двух должен погибнуть – так как, по-видимому, погибнуть необходимо – Россия или Польша? Решайте сами».

28 декабря 1830 г. Дибич был уже в Гродно и 13 января вступил со своими главными силами в Польшу. Первые схватки приятны для поляков. Но уже 7 февраля было нанесено полякам чувствительное поражение у Вавра, что отдавало в руки русских высоты, с которых открывался путь на Варшаву. 13 февраля последовал решительный бой около предместья Варшавы – Праги, при Грохове. Поляки были разбиты наголову, в полном

расстройстве оставили Прагу и, перейдя мост, отступили за Вислу в Варшаву. Дибич не поспешил, однако, использовать результаты победы и вместо того, чтобы, преследуя неприятеля, вступить за ним и перенести бой в Варшаву или начать бомбардировку столицы, отдал приказ войскам расположиться в одной версте от Праги. Этот шаг главнокомандующего – причины его остаются до сих пор не вполне выясненными – имел решительное значение для всего последующего хода событий. Паника, наступившая в Варшаве при известии о поражении, начала проходить. Кн. Радзивилл, совершенно растерявшийся во время сражения, был отстранен, и главное начальствование над войсками перешло к ген. Яну Скржинецкому, сохранившему при Грохове полное самообладание: он выполнил тогда трудную задачу прикрытия отступления. Скржинецкому и ген. Прондзинскому удалось выиграть несколько сражений. Восстание начало распространяться в Литву, где вторгнувшиеся поляки встречали содействие у местного дворянства (гр. Цезарь Пляттер), и даже были попытки вторжения в Подолию, Волынь и Украину. Николай Павлович был очень недоволен мероприятиями Дибича после Грохова. В то же время последующие за этим события убедили его, что положение дел гораздо более серьезно и требует большего напряжения сил, чем это сперва казалось. Была организована резервная армия под начальством гр. И.А. Толстого. Не доверяя действиям и распоряжениям Дибича, государь сам со своей стороны выработал план дальнейших операций, разойдясь с главнокомандующим в вопросе о переходе через Вислу (Николай Павлович стоял за переход через нижнюю Вислу, ближе к прусской границе; Дибич предполагал перейти реку в ее верхнем течении). Этот план был сообщен государем Дибичу, однако с приказанием «руководствоваться исключительно личным убеждением». Одновременно с этим государь 5-го апреля вызвал из Тифлиса на театр военных действий фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Новая решительная победа, одержанная к этому времени над поляками, замедлила, однако, смену главнокомандующего. 14-го мая при Остроленке Дибич разбил Скржинецкого, начавшего наступательное движение против русского гвардейского корпуса, стоявшего в то время между Наревом и Бугом. Однако и после этого Дибич воздержался от дальнейших решительных действий, дал Скржинецкому отступить к Варшаве и расположился сам между Пултуском, Голыминым и Масковым, готовясь перейти Вислу. 29-го мая Дибич скончался от холеры, от которой в это время сильно страдала наша армия[46]. 4-го июня главнокомандующим был назначен Паскевич.

Прибывший в Петербург еще 12-го мая, Паскевич отправился к армии морем и, высадившись в Мемеле, к 14-му июня был в Пултуске. Паскевич принял план государя о переходе через Вислу в ее нижнем течении. Переход был совершен у Осьска близ самой прусской границы, при содействии со стороны Пруссии, насколько это было возможно без риска вызвать какие-либо дипломатические осложнения; так, провиант для русских войск доставлялся из магазинов Торнской области. К 9-му июля шестьдесят тысяч русского войска стояло на левом берегу Вислы. Не решив еще окончательно вопроса о штурме Варшавы и предполагая сначала взять город измором, Паскевич начал медленное наступательное движение и в 20-х числах июля расположился у Ловича. Положение поляков стало к этому времени окончательно критическим. Восстание в Литве в крупных размерах не удалось, и из трех оперировавших там военачальников удалось вернуться в Варшаву одному только Дембинскому. Выдвинувший против Паскевича войска главнокомандующий Скржинецкий, как со своей стороны и Паскевич, не был намерен решать дело открытым сражением. Его заподозрили в измене и лишили командования (29-го июля). В Варшаве началась анархия. В начале августа глава национального правительства кн. Чарторыйский покинул столицу. После этого власть окончательно перешла в руки крайней партии. Главой правительства был избран генерал гр. Ян Круковицкий. Главное командование в конце концов перешло к Малаховскому. На военном совете решено было ожидать штурма неприятеля за укреплениями Варшавы. К этому времени Паскевич окончательно собрал свои силы и старательными упражнениями подготовил войска к штурму. Перед штурмом была сделана последняя попытка вступить в переговоры. Переговоры состоялись 23-го августа между ген. Даненбергом с русской стороны и подполковником Прондзинским – с польской. Даненберг заявил, что он уполномочен обещать амнистию и сохранение конституции под условием сдачи и отвода польских войск к Плоцку. В Варшаве обсуждался вопрос о принятии русских предложений, но верх одержало мнение Бонавентуры Немоевского: переговоры могут вестись только на основаниях «Манифеста польского народа». Это решило судьбу столицы Царства Польского. После двухдневного штурма Варшава была взята. Часть польской армии (в Варшаве, Модлине и Замосце) сдалась; значительная часть удалилась за границу, в Пруссию и Австрию, куда эмигрировало и большинство из деятелей восстания, между ними кн. Ад. Чарторыйский, а также и последнее революционное правительство во главе с избранным на

место Круковицкого Бонавентурой Немоевским.

4-го сентября в Царском Селе было получено известие о взятии Варшавы. Паскевич был награжден титулом светлейшего князя Варшавского, 6 октября в Петербурге был парад и торжественное молебствие на Марсовом поле; в этот же день был обнародован манифест о прекращении «возжженной изменой войны».

Польское восстание 1830–1831 гг. имело глубокие исторические последствия. С первым его взрывом в русской правительственной политике надолго умерла мысль об исправлении «исторической несправедливости» польских разделов XVIII в., и политика суровой безжалостной действительности вступила в свои права. Известный разговор Александра с Чарторыйским весной 1796 г. в аллеях Таврического сада, когда будущий российский венценосец в беседе с польским магнатом осуждал польскую политику своей бабки, первое проявление мысли о необходимости загладить «вину» екатерининской политики, мысли, которой не чужд был император Павел и которая так много объясняет в его старших сыновьях, придавая им рыцарственный ореол, а через них всей русской политике начала XIX в. своеобразный романтический оттенок. Плохо усвоенная, не всегда искренне воспринимаемая, преисполненная недомолвок, столь характерных и для Александра лично и вообще для дипломатии его времени, эта мысль находит свое осуществление в Конституции Царства Польского 1818 г. Для людей иной политической школы, воспитанных в суровых принципах «raison d'etat»[47] XVIII века, эта мысль была прежде всего изменой политическим традициям той, чья политика на темном фоне павловского царствования, а позднее неудач эпохи Тильзита стала как бы заветом русской национальной политики. Резкая реплика, поданная только что назначенному министром иностранных дел кн. Адаму Чарторыйскому приближенным Александра кн. П. Долгоруким, была выражением этого настроения[48].

Это настроение было широко распространено среди старшего поколения александровских советников; оно было не чуждо друзьям государя по Негласному комитету, и прежде всего тому Н.Н. Новосильцеву, чье имя позднее предавалось в Польше проклятию, но кто в этом отношении оставался в 1815 г. тем же, каким он был десять лет тому назад. Оно заключало в себе зерно истины и прежде всего открывало глубокую пропасть, которая разделяла думы и чувства поляка и русского в то время и могла быть заполнена лишь много позднее, когда забудутся старые счеты и обиды. Вошедшее в credo русской консервативной

партии, это настроение в эпоху реакции было использовано европейской, прежде всего австро-германской дипломатией в целях, не имевших ничего общего с тем, за что стояли русские «националисты» начала XIX в. и наконец, после 1830 г., надолго стало русской правительственной действительностью. Польское восстание в этом направлении определило всю последующую политику Николая I и будущее положение Царства Польского как составной части единой Российской Империи. С другой стороны, оно явилось осложняющим фактом и в области международных отношений. Наряду с восточной политикой императора Николая I в первые годы его царствования оно стало как бы одним из исходных пунктов не только русской, но и общеевропейской политики последующего времени. Переплетаясь между собой, восточный и польский вопрос в середине тридцатых годов создают ту почву, на которой складываются международные комбинации тройственного соглашения (Россия, Австрия и Пруссия) и четверного союза (Англия, Франция, Испания и Португалия), что определяет, в свою очередь, весь дальнейший ход внешней политики императора Николая I.

С подавлением восстания польское национально-революционное движение не прекратилось. Значительная часть участников восстания, многие из польского войска, эмигрировав, нашли убежище за границей, главным образом во Франции. Здесь из своей среды им был избран центральный комитет под председательством последнего председателя революционного польского правительства Бонавентуры Немоевского. 19 октября 1831 г. императором Николаем был издан указ об общей амнистии, не распространявшийся, однако, на зачинщиков восстания, членов революционного правительства и сейма и офицеров, ушедших после сдачи Варшавы за границу. Указом об амнистии воспользовались сравнительно немногие. «Польская эмиграция» становится с этого времени известным реальным фактом в истории Европы. Воздействуя на западно-европейское общественное мнение в неблагоприятном для России направлении, она осложняет в известной мере и внешнюю политику императора Николая. В связи с общим демократическим движением, в 1833 г. создается общество «Молодая Польша», входящее в состав демократического союза «Молодая Европа». Это общество старается развить пропаганду польской национально-революционной идеи и в пределах России, где в его духе действовало также «Общество польского народа», возникшее еще в 1831 г. в Кракове. С 1835 г. это последнее начинает подчиняться влиянию другого, так называемого «Демократического общества», существовавшего за границей с

1832 г. и имевшего уже несколько социалистический оттенок. Это повлекло за собой реорганизацию устройства общества в смысле большей централизации, и с этого же времени усиленно начала пропагандироваться идея нового восстания: в 1839 г. в Вильне был расстрелян член общества Симон Конарский, с 1835 г. ведший в Литве пропаганду. В пределах России пропаганда в общем распространялась, однако сравнительно слабо; центром пропаганды и движения стал вольный город Краков.

Во время восстания поляки не раз обращались с просьбой о содействии к европейским правительствам, встречая, обыкновенно, на словах сочувственное отношение не только во Франции, где общественное мнение было на их стороне, но и у более консервативно настроенных держав, как, например, Австрии, которая вначале как будто была не прочь использовать движение в своих интересах, ввиду успехов России на Востоке. В июле 1831 г. Англия и Франция сделали совместное предложение о посредничестве, которое было самым решительным образом отклонено императором Николаем. Дальше слов, однако, дело не пошло, и какой-либо существенной поддержки в течение всего восстания поляки ни от кого не получили. После взятия Варшавы, что вызвало в Париже антирусские уличные демонстрации и дебаты в палате, правительство Людовика-Филиппа, в лице его министра Казимира Перье, точно так же не сочло возможным официально поддержать польских эмигрантов, не желая из-за этого нарушать только что кое-как наладившиеся добрые отношения с Россией. Тем не менее, по предложению того же Перье, палата вотировала ассигнование в известный фонд (до 3 миллионов франков) «на поддержку политических изгнанников»: фактически значительное большинство этих последних составляли поляки. После упразднения Конституции Царства Польского Англия и Франция сделали в Петербурге новое заявление о том, что присоединение Царства к России на Венском конгрессе было обусловлено дарованием Польше Конституции. В ответ на это последовала нота Нессельроде, заявлявшая, что польская Конституция – исключительно дар императора Александра, не гарантированный Венским конгрессом.

Со своей стороны император Николай, по мере того как шли военные действия, не раз задавался мыслью о будущей судьбе Царства Польского. Одно время он останавливался на мысли ограничиться присоединением к России польских земель до Вислы и Буга, предоставив остальные земли Австрии и Пруссии. Основания этой мысли были изложены государем в его собственноручной записке. Отвечая, по всей вероятности, на эти мысли государя, Паскевич в свою очередь развил подобный же

план в своей записке от 4 июня 1831 г. В противоположность мысли государя о безвозмездной отдаче части польских земель, Паскевич проектировал обмен. По его плану, Пруссии должны были быть предложены воеводства Мазовецкое, Калишское и Сандомирское, в обмен за что она должна была бы уступить нам крепость Торн, город Мемель и устья Немана. Австрия за уступку Краковского воеводства должна была бы уступить нам Тарнопольскую область. Все эти мысли не встретили, однако, сочувственного отклика со стороны наших соседей. Зато ко времени окончания военных действий, после взятия Варшавы, принципиальное сочувствие Берлинского и Венского дворов было уже всецело на стороне Николая. Общее настроение умов заставляло названные дворы опасаться, что движение в Царстве Польском найдет отзвуки в их собственных польских владениях. В тех соглашениях, какие в 1833 г., как мы увидим ниже, были вновь заключены на почве опасения революционных движений между Россией, Австрий и Пруссией, в противовес сближению Франции и Англии, нашел себе место и вопрос о Польше. Одновременно с заключением конвенции в Мюнхегреце между Россией и Австрией была заключена другая (7 сентября 1833 г.) – о взаимной гарантии польских владений и о выдаче политических преступников, вскоре (в октябре т.г.) подкрепленная общей конвенцией аналогичного содержания между Россией, Австрией и Пруссией. Создавалась как бы международная гарантия тому порядку, какой устанавливался после подавления восстания в русской Польше.

Несколько позднее, на свидании императора Николая с прусским королем и австрийским императором в Праге (23–25 сентября 1835 г.), в принципе было выражено согласие трех держав на присоединение к Австрии польского вольного города Кракова, оформленное секретным протоколом 2 октября т.г., подписанным в Берлине. Отказ около этого времени Кракова к выдаче эмигрантов послужил поводом к введению в Краков войск трех союзных держав. 3 апреля 1846 г. была подписана Россией (гр. Ф.Ф. Берг), Австрией (гр. Фикельмонт) и Пруссией (Каниц) конвенция об окончательном присоединении Кракова к Австрии.

Одновременно с этим в целом ряде мероприятий в самом Царстве Польском и Западном крае последовательно проводились начала более тесного объединения всего края с коренными областями империи и полного уничтожения местных отличий. Мероприятия эти выразились: в новом устройстве управления, постепенно приближавшемся к управлению в русских губерниях; в мерах по ограничению крепостного права; в ограничительных и исключительных мероприятиях в области народного

просвещения; в борьбе с влиянием католической церкви. После усмирения восстания Паскевич, наделенный очень большими полномочиями, был оставлен для управления краем. Временное управление делилось на 4 департамента: внутренних дел и полиции, просвещения и исповедания, финансов и юстиции. Когда был окончательно решен вопрос об упразднении Конституции, 26 февраля 1832 г. был издан так называемый Органический Статус, определявший новый порядок в Царстве Польском. Название Царства Польского сохранялось, равно как сохранялся и особый статс-секретариат Царства в Петербурге. Особое коронование польской короной, польское войско и сейм упразднялись. Внутреннее управление поручалось особому Совету управления Царства Польского, действовавшему именем Государя Императора под председательством наместника, и трем комиссиям: Внутренних дел и просвещения, Финансов и Суда. Для рассмотрения бюджета и законопроектов, касавшихся Царства, а также для разбора столкновений между отдельными органами управления и суда преступлений по должности учреждался особый Государственный Совет Царства Польского; но законодательные предложения, о которых было бы признано, что они должны быть соображены с общеимперскими постановлениями, должны были быть направляемы во вновь учрежденный особый департамент по делам Царства Польского при Государственном Совете Империи. Сохранялось деление на воеводства, в которых управление сосредоточивалось в особых воеводских комиссиях. Вскоре в Органический Статус были внесены дальнейшие изменения. К 1837 г. воеводства были обращены в губернии, а воеводские комиссии превращены в губернские правления с подчинением их губернаторам. В 1841 г. был окончательно упразднен Государственный Совет Царства Польского. Делопроизводство в канцелярии наместника и в Совете управления велось на русском языке; для непонимающих допускался перевод на французский язык. Постепенно Царство Польское объединилось с Империей и в юридическом отношении: в 1846 г. последовало издание нового свода наказаний уголовных и исправительных, представлявшее собой почти дословный перевод русского уложения о наказаниях 1845 г.

Сам Николай Павлович после восстания посетил Варшаву в 1835 г., на обратном пути из Австрии. Он прибыл в пределы Царства Польского 2 октября и к вечеру 4-го был уже в Варшаве, где остановился в Лазенковском дворце. На другой день он принял, в присутствии Паскевича и варшавского военного генерал-губернатора Панкратьева, депутацию от городского управления, долженствовавшую поднести верноподданический

адрес. Заранее предупредив, что он не желает, чтобы депутация произносила речь, и что он будет говорить сам, он при приеме обратился к представлявшимся с речью, в которой указал, что ему «нужны действия, а не слова». «Вам предстоит, господа, – говорил он, – выбор между двумя путями: или упорствовать в мечтах о независимости Польши, или жить спокойно и верноподданными под моим правлением. Если вы будете упрямо лелеять мечту отдельной национальности, независимой Польши и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастья. По повелению моему воздвигнута здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город; я разрушу Варшаву, и уж, конечно, не я отстрою ее снова». После приема депутации государь осмотрел сооружаемую Александровскую цитадель, которая, значительно расширенная, к тому времени была уже вооружена орудиями, направленными в сторону города; в тот же день государь оставил Варшаву. Осмотрев затем крепости Модлин, переименованный теперь в Новогеоргиевск, и Брест-Литовск, он к 10-му октября был в Киеве.

Приближая управление Царством Польским к общеимперскому, император Николай ставил одновременно с этим себе задачей борьбу с польскими национально-революционными идеями; предпринимаемые в этом отношении меры проводились им не только в Царстве, но и Западном крае, т.е. в тех областях, которые отошли к России от Польши по разделам. Можно даже сказать, что в этом отношении император Николай обращал гораздо больше внимания на Западный край, чем на Царство. Политика более тесного объединения и полной ассимиляции польских земель с коренными землями Империи именно здесь окончательно откристаллизовывается в это время в обрусительную программу со всеми отныне присущими ей приемами и методами. 1831 г. – дата рождения обрусительной политики на окраинах; Западный край – ее первая арена. 16 сентября 1831 г. был учрежден «Западный комитет», задачей которого было «сравнять» Западный край во всех отношениях с внутренними великорусскими губерниями. С 1834 г., как увидим ниже, мысль о согласовании литовского права с русским окончательно уступает место мысли о полной отмене действовавшего еще здесь Литовского Статуса, что и последовало в 1840 г. В своей обрусительной политике в Западном крае правительство старалось опереться прежде всего на крестьянство. В этом крае в царствование императора Николая были приняты довольно решительные меры для ограничения крепостного права, подготовившие, до известной степени, реформу 19 февраля 1861 г. Наиболее крупной мерой в этом отношении было введение так

называемых инвентарных комитетов. В 1840 г. гр. П.Д. Киселев подал мысль о введении в Западном крае инвентарей, которые законодательным путем определяли бы норму крестьянских повинностей. 15 апреля 1844 г. государем было утверждено выработанное действовавшим в то время комитетом о западных губерниях положение об учреждении губернских комитетов для введения инвентарей. Предполагалось сперва в течение шести лет составлять инвентари для каждого имения порознь, с тем чтобы по истечении шести лет были введены общие положения об инвентарях. Одновременно с этим положение об инвентарных губернских комитетах было распространено и на Юго-Западный край – губернии Киевскую, Волынскую и Подольскую. Назначенный в 1837 г. генерал-губернатором этого края ген. Д.Г. Бибиков, находя, что составление инвентарей по каждому имению в отдельности затруднительно, предложил в 1846 г. немедленное введение единообразной формы. Предложенный им проект правил об инвентарях был утвержден 26 апр. 1846 г. Эти правила, несколько измененные 29 декабря 1848 г., в свою очередь были распространены и на Северо-Западный край. Наибольшее сопротивление со стороны помещиков введение инвентарей встретило в Витебской и Могилевской губерниях. Назначенный в 1852 г. министром внутренних дел Бибиков предлагал распространить правила об инвентарях и на Виленское генерал-губернаторство, но эта мысль не осуществилась.

С другой стороны, борьба с польскими национально-революционными идеями вызывала и меры ограничительного и исключительного характера, главным образом в области народного просвещения и вероисповедной политики. В видах пресечения сношений с польской эмиграцией был значительно затруднен выезд за границу. Выезжать могли лишь лица не моложе 25 лет; заграничный паспорт оплачивался 25 рублями, позже – 100 р. Польская молодежь, получившая образование за границей без разрешения на то правительства, не могла занимать государственных должностей. Одновременно с этим была введена самая строгая цензура; в печати не разрешалось даже упоминать имена Мицкевича, Словацкого, Красинского и других представителей польской национальной идеи. В 1839 г. был учрежден Варшавский учебный округ; попечитель округа был подчинен непосредственно министру народного просвещения. В средне-учебных заведениях преподавание велось на русском языке. Варшавский университет был закрыт. Взамен этого при гимназиях, обращенных из семиклассных в восьмиклассные, были введены особые добавочные курсы по педагогике и юриспруденции. В 1846 г., однако, и эти курсы были упразднены,

и вместо этого в Петербургском и Московском университетах были учреждены кафедры польского гражданского и уголовного права. Особые меры были приняты точно так же относительно высших учебных заведений Западного края, конечным результатом чего было основание в Киеве университета Св. Владимира. Видный центр польского национального движения в последние годы александровского царствования, отозвавшийся в значительной степени на восстание 1831 г., Виленский университет указом 1 мая 1832 г. был закрыт, а его медицинское и богословское отделения были преобразованы в медико-хирургическую и римско-католическую Духовную академии. Взамен Виленского университета предполагалось первоначально устройство лицея в Орше. Через год после этого было упразднено и другое польское высшее учебное заведение – Кременецкий лицей. По мысли министра народного просвещения графа Уварова решено было перенести лицей в Киев с преобразованием его в университет Св. Владимира. Начатое устройство лицея в Орше было поэтому прекращено, и ассигнованные на это суммы были переведены на устройство Киевского университета. Университет Св. Владимира был открыт 15 июля 1834 г., первоначально в составе двух факультетов – историко-филологического и физико-математического. С 1841 г. был открыт медицинский факультет взамен закрытой медико-хирургической академии в Вильне. В 1838 г. вследствие польского движения университет временно был закрыт, и большинство поляков, профессоров и студентов, были из него удалены.

В области вероисповедной политики было обращено внимание на упрочение в Царстве Польском и в Западном крае Православия. В 1838 г. было образовано православное Варшавское епископство, переименованное в 1840 г. в Варшавское и Новогеоргиевское. Одновременно с этим были приняты ограничительные меры относительно католического духовенства: были запрещены съезды духовенства, усилен надзор за проповедью, запрещены общества трезвости. Многие из католических монастырей были упразднены. Учрежденная в 1836 г. Варшавская римско-католическая Духовная Академия была поставлена под контроль комиссии внутренних дел. В 1841 г. последовало обращение всех имений католической церкви в государственные имущества и католическому духовенству было назначено от казны жалованье. В Западном крае этим мерам соответствовала борьба с католическим влиянием в униатской церкви, закончившаяся воссоединением униатов с Православием, что подготовлялось еще с 1828 г., когда во главе управления духовных дел был поставлен Д.Н. Блудов. После восстания

воспитанники-униаты в местных учебных заведениях были отделены от католиков. Виленская римско-католическая Духовная академия была переведена в 1842 г. в Петербург; еще до этого в Жировицком монастыре, близ Слонима, была основана особая униатская. Многие униатские епископы были смещены. Высочайше утвержденным мнением 5-го марта 1832 г. особого комитета по делам возвращенных от Польши губерний было предписано на униатские священнические места назначать по преимуществу малороссиян. В 1831 г. на соединенную Брестскую и Литовскую епархии был назначен Иосиф Семашко, ревностный поборник воссоединения униатов с Православной Церковью. Еще ревностнее его действовал назначенный на православную Полоцкую епархию Смарагд Крыжановский, деятельность которого сам Семашко находил «торопливой». В 1833 г. Почаевский униатский монастырь был обращен в православный с переименованием в лавру; в это же время было закрыто до 15 базильянских монастырей. 13-го января 1833 г. были утверждены выработанные Семашко правила для постепенного воссоединения униатов с Православием. С 1-го января 1837 г. управление униатскими делами перешло к Синоду. Одновременно с этим сам Семашко энергично подготовлял почву для воссоединения, не брезгуя и мерами принудительного характера, как перевод неугодных священников, назначение их на причетнические места, ссылка в коренные русские губернии. 12-го февраля 1839 г. в Полоцке был подписан соборный акт о соединении униатской церкви с Православной. 26-го февраля акт был передан обер-прокурору Святейшего Синода Н.А. Протасову и 25-го марта получил утверждение[49].

Мероприятия относительно католической и униатской церкви вызвали недовольство со стороны римского первосвященника. Папа Григорий XVI громко осуждал воссоединение униатов[50] и отказывался утверждать кандидатов русского правительства на католические епископские кафедры, вследствие чего большинство кафедр пустовали. В конце 1845 г. император Николай Павлович, возвращаясь из Палермо, где должна была провести зиму императрица Александра Феодоровна, посетил Рим и имел 1-го декабря свидание с римским первосвященником в Ватикане. Свидание происходило в присутствии лишь русского посланника при папском дворе А.П. Бутенева и кардинала Антона. Во время свидания папа говорил о положении католической церкви в России, и государь обещал, что относящееся к этому вопросу законодательство будет пересмотрено. Весной 1846 г. в Петербурге был учрежден под председательством гр. К.В. Нессельроде комитет для рассмотрения папских жалоб.

Совещания этого комитета привели к миссии в Рим в 1846 г. Блудов прибыл в Рим уже после смерти Григория XVI, когда на папский престол вступил Пий IX. Переговоры затянулись, и лишь к 22-му июля 1847 г. закончились заключением между Россией и папским престолом конкордата. Главные основания этого конкордата сводились к следующим пунктам: 1. Число католических епархий было увеличено на одну: кроме существующих уже Могилевской архиепископии, Виленской, Самогитской, Минской, Луцкой и Каменец-Подольской епископий, учреждалась Херсонская – для юга России и Кавказа. 2. За папой признавалось право буллой определять пространство и пределы епархий. 3. Епископы и суффраганы назначались по соглашению между папой и русским правительством, после чего следовало со стороны папы каноническое утверждение. 4. Духовный суд и управление сосредоточивались в руках епископов, подчиненных папе в каноническом отношении. Консистории при епископах должны были иметь исключительно совещательное значение. 5. Епископ являлся руководителем в семинариях. Петербургская римско-католическая Академия отдавалась в ведение архиепископа Могилевского. На профессорские кафедры в Академии должны были назначаться исключительно католики.

Внешняя политика императора Николая I в 30-х и 40-х годах

Восточный вопрос и Польша – вот что дает объяснение внешней политике императора Николая в 30-х и 40-х годах. Постановка и разрешение восточного вопроса находились в это время в гораздо большей зависимости, чем в первые годы царствования, от того, как складывались отношения России к западным державам и к событиям, совершавшимся в Европе. В свою очередь, сами эти отношения мотивируются для императора Николая в значительной степени тем политическим курсом, какой он держит после 1830 г. в Польше.

Очевидными вопросами для русской политики на Востоке в 30-х и 40-х годах становятся вопросы об окончательном устройстве Греции, придунайских княжеств, Молдавии с Валахией и Сербии. На фоне этих вопросов обрисовывается и то явление, к которому сводится теперь постановка в целом восточного вопроса как вопроса общеевропейской политики – соперничество на Востоке России с Англией и отчасти с Австрией. Это соперничество – соперничество за упрочение своего влияния прежде всего на почве экономических отношений во вновь призванных к политической жизни областях. Отсюда острота вопроса о назначении на Востоке консулов и о тех политических формах, какие установятся в этих областях, – вопроса, в котором Англия и Николай заняли столь противоположные позиции. Коллизия интересов России и европейских, прежде всего двух указанных, держав начинается еще накануне войны 1828–29 гг.; она окончательно определяется к 1833 г., когда Унхиар-Скеллессийский договор закрепил за Россией ее преобладающее положение на Востоке, а, с другой стороны, конвенции этого года, покрывая собой недоверчивое отношение Австрии к русской политике на Востоке, наметили ту общую международную группировку в Европе, которая выражается в тройственном союзе России, Австрии и Пруссии и в четверном соглашении Англии, Франции, Испании и Португалии. Эта группировка делается, в свою очередь, отправной точкой всей дальнейшей политики императора Николая, которая с этого момента вступает в свой новый фазис и, соблазняясь мыслью о разъединении интересов Англии и Франции и о международном изолировании последней, оказывается в 1840 г. лицом к лицу с утратой своей позиции на Востоке. Таков смысл лондонских конвенций 1840 и 1841 гг. Можно сказать, что за все это время император Николай, в

политических заданиях которого на Востоке чудится последний отзвук широкого размаха русской политики конца XVIII в., тщетно стремится на западном побережье Черного моря к тем же достижениям, какие в более легких условиях, при отсутствии сложных противоборствующих сил, были в значительной степени достигнуты к этому времени в Закавказье. Выразителем традиций конца XVIII в. является в это время в его деятельности в придунайских княжествах Киселев. Новая школа русской дипломатии вырастает в лице бар. Бруннова. Когда к началу сороковых годов русской дипломатии оказались не по плечу традиции конца XVIII в., император Николай начинает останавливаться на мысли о более тесном соглашении по восточным делам с державами, наиболее в этих делах заинтересованными или территориально, как Австрия, или экономически, как Англия. События 1848 г., на время заслонившие восточный вопрос, сами в свою очередь ввели в его разрешение новый фактор, Францию второй империи, и подготовили ту его постановку, которая приводит уже непосредственно к заключительному акту николаевской эпохи – к Крымской кампании.

Уже во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. отношение к России ее вчерашних союзниц, Англии и Франции, совместно с ней подписавших Лондонский договор 1827 г., начало изменяться. Адрианопольский мир еще более усилил тревогу в Европе и был встречен одинаково неприязненно как в Вене, так и в Лондоне. Для Австрии основание Греческого королевства и создание автономных Молдавии, Валахии и Сербии, поставленных теперь в чисто номинальную зависимость от Порты, было равносильно сведению монархии Габсбургов на степень второстепенной державы и лишало Австрию надежды распространить свои пределы на Балканский полуостров и усилить там свое влияние. С другой стороны, усиление России в придунайских областях шло вразрез со стремлением Австрии обеспечить за собой судоходство по Дунаю и для того утвердиться на устьях этой реки. В Вене находили, что со времени подписания Лондонского протокола 1827 г. «великий союз» 1815 г. расторгнут, и только события 1830 г. создали, как было уже указано выше, почву для нового сближения обеих монархий. Англию тревожило главным образом усиление русского владычества на восточном берегу Черного моря, проистекающие отсюда для Англии затруднения в сношениях с азиатско-турецкими и персидскими областями, ограничение суверенных прав султана в области судоходства и торговли и льготы русским подданным в Турции. Встревоженные за судьбу Турции,

европейские державы после Адрианопольского мира усиленно стремятся взять в свои руки окончательное создание независимой Греции, видя теперь в этой последней оплот против дальнейшего усиления русского влияния на Востоке. Такова была точка зрения лондонского и парижского кабинетов, к которым в данном случае в значительной степени примыкал и венский. После подписания Адрианопольского договора вопрос об устройстве Греции по-прежнему составил содержание работы Лондонской конференции. Одновременно с этим Англия и Франция потребовали от русского правительства заявления о том, что 10 статья трактата (о признании Турцией Лондонского договора 1824 г.) «не упраздняет прав союзников императора, не препятствует совещаниям министров, собранных на конференцию в Лондоне, и не служит препятствием для решений, которые три союзные Двора с общего согласия признают наиболее полезными и всего лучше соответствующими обстоятельствам». Император Николай согласился на это требование своих союзников, и это согласие стало исходным пунктом для дальнейших совместных мероприятий держав относительно Греции.

Еще в 1827 г. избранный народным собранием в Трезене президент греческого правительства, статс-секретарь русской службы граф И.А. Каподистрия, живший с1822г. в Швейцарии, посетил для переговоров по греческим делам Петербург, Лондон и Париж. Оставя русскую службу, он прибыл в январе 1828 г. в Грецию, где и начал подготовлять почву для будущего устройства Греции в духе Лондонского трактата, стараясь в то же время сдерживать все нарастающее народное движение. Первый вопрос, с которым после заключения Адрианопольского мира пришлось столкнуться Лондонской конференции, был вопрос о кандидате на греческий престол. Выражалось опасение, что вряд ли кто-либо из европейских принцев согласится стать в зависимые отношения к турецкому султану. Ввиду этого, по предложению Англии, 22 января 1830 г. было постановлено требовать от Порты признания полной независимости Греции. Взамен этого северная граница Греции должна была быть отодвинута на юг и идти от устьев Астропотамоса до Зейтунского залива, оставляя во владении Турции Акарнанскую и Этолийскую области. Последнее изменение, внесенное конференцией в Лондонский протокол 10 марта 1829 г., подтвержденный уже Адрианопольским трактатом, в значительной степени шло уже прямо вразрез с мыслями императора Николая, в свое время в письме к Дибичу от 29 августа 1829 г. определенно заявлявшего, что ни на какую другую границу, кроме Арта и Воло, он не согласится. Постановление 22 января 1830 г. не встретило,

однако, теперь возражения со стороны русского правительства. Как бы желая подчеркнуть свою готовность содействовать разрешению трудного вопроса, император Николай проявил даже в это время, со своей стороны, большую уступчивость по отношению к Турции, стараясь склонить ее к принятию последнего постановления Лондонской конференции. В это время Турцией было снаряжено в Россию особое посольство (Галиля-паши) по вопросу об уплате контрибуции. Конвенцией 14 (26) апреля 1830 г. император Николай согласился на уменьшение военной контрибуции на два миллиона, отказался от права десятилетней оккупации придунайских княжеств, обещая вывести оттуда свои войска, как только будут возмещены убытки русских подданных, и удерживая за собой до окончательной уплаты контрибуции лишь крепость Силистрию и военную дорогу к ней через княжества. Сверх этого он обещал уменьшить контрибуцию еще на один миллион, если Порта признает полностью постановление Лондонской конференции о независимости Греции. Турция признала независимость Греции.

В самой Греции изменение северной границы было встречено с большим неудовольствием, которое разделял и Каподистрия. Он поставил об этом в известность избранного конференцией на греческий престол принца Леопольда Саксен-Кобургского, и после некоторых колебаний принц Леопольд отказался (3 мая 1830 г.) от греческой короны. Отказ Леопольда создал новые трудности в разрешении греческого вопроса и косвенно способствовал тому, что русское влияние в Греции, упрочившееся после Адрианопольского мира, начало теперь уступать место влиянию Англии и Франции, враждебно настроенных против России, в особенности после Июльской революции. В греческом движении наметились к этому времени как бы три партии: русская, опиравшаяся на простой народ, крепкий в Православной вере, в средних областях Греции, французская – сильная среди прибрежного населения западной и восточной Греции, и английская – сильная среди жителей островов. Отказ Леопольда поставил в затруднительное положение президента Каподистрию, опиравшегося на русскую партию. Считая президента виновником отказа Леопольда, Англия и Франция, опираясь на своих приверженцев, поддерживали назревшее против Каподистрии недовольство, которое к весне 1831 г. разразилось открытым восстанием, главным образом на островах Майне и Гидре. 27 сентября (9 октября) 1831 г. Каподистрия пал от руки убийц. Эти события заставили Лондонскую конференцию поспешить вернуться к вопросу о кандидате на греческой престол.

Новый выбор держав пал на принца Оттона Баварского (1/13

февраля 1832 г.). Инициатива избрания Оттона исходила от Русского двора. 25 апреля (7 мая) т.г. в Лондоне был подписан договор между Россией, Францией и Баварией. По этому договору второй сын короля Людвига, принц Фридрих-Оттон, вступал на греческий престол, и королевское достоинство объявлялось наследственным в его роде. До его совершеннолетия, которое определялось двадцатилетним возрастом (в момент избрания принцу Оттону было 16 лет), управление поручалось регентству из трех лиц, которые должны были быть назначены королем Баварским. Регентству предоставлялось навербовать в Баварии 3500 чел. войска, взамен остававшихся в Греции отрядов трех держав, и пригласить соответствующее количество баварских офицеров для формирования греческого национального войска. Три союзные державы гарантировали Греции заем в 60 миллионов франков. К исходу 1833 г. король Оттон прибыл в Грецию и избрал столицей Афины. Регентство составилось из бывшего баварского министра гр. Армансперга, профессора Мюнхенского университета Маурера и полковника баварской службы Гейдега. Вопрос о конституции в договоре 25 апреля был обойден молчанием. О ней упоминалось лишь в воззвании Лондонской конференции к греческой нации. Народное собрание созвано не было, а в первое министерство, составленное регентством, вошли исключительно видные представители английской и французской партии – и никто из сторонников России. Обещание, данное баварским правительством русскому, о том, что принц Оттон примет православную веру, исполнено не было. С представителями России, адмиралом Рикордом и вновь назначенным посланником Катакази, король и регентство обращалось с обидной холодностью.

Те формы, в какие к 1832 г. отлилось окончательно разрешение греческого вопроса, обусловливали до известной степени и ту политику, какую к этому времени император Николай усваивает по отношению к Турции. Отчасти под влиянием тех успехов, какие были достигнуты Адрианопольским миром, отчасти под влиянием тех неудач, какие постигли в конце концов русскую политику в Греции, и вытекающей отсюда необходимости противодействовать англо-французскому влиянию, он ставит теперь своей целью окончательное утверждение исключительно русского влияния в самой Турции путем защиты существования и целости Оттоманской империи.

Выступить в такой роли дало случай императору Николаю восстание египетского паши Мегмета-Али, который после унижения, понесенного Турцией в 1829 г., сделал теперь попытку выступить в роли истинного охранителя всего магометанского

мира и задумывал возродить всемирное значение Александрии. Взоры Мегмета-Али устремились на Сирию как первый шаг в осуществлении этого плана. В 1831 г. он потребовал отдачи этой провинции себе в управление. Не получая от султана Махмута согласия на свои требования, Мегмет-Али двинул в Сирию в конце 1831 г. войска под начальством своего сына Ибрагима-паши. К лету 1832 г. египтяне взяли Сен-Жан-д'Акр и Дамаск; разбив войска султана при Гомсе и Бейлане, они завладели всей Сирией и, заняв горные проходы в Тавре, тем самым были уже на пути в Малую Азию и в Константинополь. Султан обратился с просьбой о помощи к Англии, но английское правительство отклонило эту просьбу. Что касается Франции, то эта последняя вполне определенно склонялась на сторону Мегмета-Али, рассчитывая таким путем увеличить свое собственное влияние в Египте: это стояло в связи с той политикой укрепления своих позиций на африканском берегу Средиземного моря, которую Франция усваивает с начала 1830 г. (Алжирская экспедиция). С другой стороны, предложение о совместном вмешательстве в турецко-египетскую распрю, исходившее от Англии, Австрии и Франции, было отклонено русским правительством, и тогда Порта просила помощи непосредственно у России.

Император Николай отозвался на это охотно. Это соответствовало, во-первых, воспринятой им теперь политике по отношению к Турции. Кроме того, склонный видеть в египетском восстании мятеж вассала против своего законного государя, распространение шедшего из Франции революционного духа, он опасался как дальнейшего распространения революционных идей, так и дальнейших успехов политического влияния Франции на Востоке. Еще до обращения султана к России в ноябре 1832 г., генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев был послан государем к султану и Мегмету-Али. Первому он должен был вручить собственноручное письмо государя, порицавшего мятеж и подтверждавшего свою верную дружбу к турецкому правителю. Мегмету-Али высказывалось осуждение, и преподавался совет немедленно прекратить военные действия и вступить в мирные переговоры со своим сюзереном. Отправляя Муравьева, император Николай ему сказал: «Я хочу показать султану мою дружбу. Надобно защищать Константинополь от Мегмета-Али. Вся эта война не что иное, как последствие возмутительного духа, овладевшего ныне Европой, и в особенности Францией. Само завоевание Алжира есть действие беспокойных голов. Ныне они далее распространили влияние свое и возбудили египетскую войну. Надобно низвергнуть этот новый зародыш зла и беспорядка. Надобно показать влияние мое в делах Востока».

Одновременно с этим русскому консулу в Египте предписано было снять герб, спустить флаг и прекратить всякие сношения с местными властями, как с мятежными. Когда султан после поражения под Конией обратился с просьбой о помощи к России (22 января 1833 г.), эскадра контр-адмирала М.П. Лазарева в составе девяти судов вышла из Севастополя и 8 (20) февраля вошла в Босфор и стала в заливе Буюк-Дере. Кроме того, из Одессы под начальством вернувшегося Муравьева был отправлен десятитысячный десантный отряд, который и высадился 23 марта (4 апреля), расположившись лагерем в долине при Унхиар-Скелесси. В то же время командующему Дунайской армией генералу П.Д. Киселеву приказано было выдвинуть за Дунай двадцатитысячный корпус.

Все эти мероприятия вызвали сильную тревогу в Лондоне и Париже. Сама Порта отнеслась с недоверием и опасением к столь внушительной поддержке. Еще до прибытия русской эскадры в Босфор, Мегмет-Али по случаю военных приготовлений России дал приказ Ибрагиму приостановить наступление. Англия и Франция, ввиду появления русских судов в Мраморном море, поспешили послать туда свои эскадры. Этим эскадрам не удалось, однако, пройти Дарданеллы: английская была удержана от этого самим английским послом в Константинополе; французская же остановилась в заливе Вурла ввиду предупреждения русского правительства о том, что ее появление в Мраморном море будет сочтено Россией за объявление войны. Опасаясь, что турецко-египетская распря разгорится в общеевропейскую войну, европейские державы начали усиленно склонять султана и Мегмета-Али к взаимному примирению, что и было ими вскоре достигнуто. 24 апреля (6 мая) 1833 г. между султаном и египетским пашой был заключен мир в Кутахии, по которому Мегмет-Али снова признавал свою зависимость от султана, но получал во владение Сирию; Аданский же округ, на север от Тавра, отдавался в личное владение его сына Ибрагима.

Ещедо примирения Турции с Мегметом-Али возникла мысль о заключении нового союзного оборонительного и наступательного договора между Россией и Турцией. Мысль эта исходила из турецких сфер, была сообщена Муравьеву в первый же день после его прибытия с войском к Константинополю и встретила сочувствие у императора Николая. Пребывание русских войск в Турции создавало, по-видимому, благоприятную для этого обстановку. Ввиду близкого заключения мира между султаном и Мегметом-Али, дальнейшее пребывание русской эскадры и русских войск в водах и на берегах Босфора теряло свое оправдание; русские вооруженные силы должны были быть

отозваны, и мысль о союзном договоре могла остаться не приведенной в исполнение. Озабочиваясь тем, какой оборот начинали принимать дела в Турции, император Николай отправил в Константинополь генерал-адъютанта гр. А.Ф. Орлова, назначив его в то же время главнокомандующим русских сухопутных и морских сил на Босфоре и уполномочив его совместно с русским послом в Константинополе А.П. Бутеневым подписать союзный договор, редакция которого предварительно была выработана в Петербурге и одобрена самим государем. Орлов прибыл в Константинополь одновременно с заключением Кутахийского мира; он согласился на эвакуацию тех пунктов, какие занимали до этого русские войска, но еще за два дня до того, как эта эвакуация была закончена, 26 июня (8 июля) 1833 г., в Константинополе был заключен союзный договор, подписанный с русской стороны гр. А.Ф. Орловым и А.П. Бутеневым, а с турецкой – великим визирем и сераскиром регулярных войск Хосев-Мегмет-пашой, муширом и командующим гвардией Февзи-Ахмет-пашой и рейс-ефендием Хаджи-Мегмет-Акифом и получивший по месту стоянки русских войск наименование Унхиар-Скелессийского.

По этому договору, состоящему из шести основных статей, между Россией и Турцией заключался оборонительный союз на восемь лет и подтверждались предшествующие договоры, начиная с Адрианопольского. Россия обязывалась «в случае, если бы представились обстоятельства, могущие снова побудить Блистательную Порту требовать от России военной и морской помощи… снабдить Турцию сухим путем и морем таким количеством войск и сил, какое обе Высокодоговаривающиеся стороны признают нужным». Взамен этого Турция, со своей стороны, не имея возможности оказать России помощь войсками, отдельной и секретной статьей договора брала на себя обязательство в соответствующем случае «ограничить действия свои в пользу Императорского Российского Двора закрытием Дарданельского пролива, то есть не дозволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом». Через два дня после подписания договора русская эскадра и войска вышли с салютационной пальбой из Босфора. В память этих событий Орловым и Муравьевым на бугре Сельви-Бурун был поставлен камень, на котором с одной стороны русскими было высечено число рождения императора Николая (25 июня), а с другой – турками следующая надпись: «Сей отломок скалы воздвигнут в память пребывания русских войск гостями в этой долине. Да уподобится дружба между двумя державами твердости и незыблемости этого камня, и да будет она

долго воспеваема устами друзей».

Вмешательство императора Николая в турецко-египетскую распрю, военная и морская демонстрация России и заключение Унхиар-Скелессийского договора возбудили с новой силой тревогу в Европе. Франция и Англия заявили Порте, что они считают договор недействительным и оставляют за собой свободу действия. Такого же характера заявление было сделано английским послом в Петербурге в ноте от 17 (29) октября 1833 г., а также повторено и со стороны Франции. В ответ на это русское правительство заявило английскому и французскому послам, что оно не понимает причин неудовольствия, проистекающего, вероятно, оттого, что оба правительства не ознакомились с договором, составленным «в духе миролюбия и охранительных начал» (dans un esprit pacifique et conservateur). Со своей стороны, русское правительство подчеркивало свое намерение придерживаться указанного образа действий в своих сношениях с Турцией, не обращая внимания на ничем не мотивированные заявления (нота 24 октября т.г.).

Подобный ответ не удовлетворил Англию и Францию. Старания Англии подыскать себе в данном вопросе союзников не увенчались, однако, успехом. Само французское правительство не обнаруживало большой склонности идти на крайние меры. Что же касается Австрии и Пруссии, то ими Унхиар-Скеллесийский договор, правда, был признан без каких бы то ни было оговорок. Но зато, встревоженная этим договором не менее Англии и Франции, Австрия избирает иной путь действия: она стремится теснее связать русскую политику на Востоке с той политикой охранительных принципов, какой держался в это время, ближайшим образом из-за Польши, император Николай в Европе, и тем самым создает почву для замены исключительно русского влияния на Востоке влиянием общеевропейского соглашения. Июльская революция, бельгийский вопрос, восстание в Польше и сближение, создавшееся в 1832 г. между Англией и правительством Людовика-Филиппа во Франции, вызвали ряд дипломатических соглашений между Россией, Австрией и Пруссией, предпринятых в значительной степени по инициативе императора Николая и имевших своим результатом как бы возрождение тройственного монархического союза в Европе на почве охранения договоров 1815 г. и поддержания принципов консервативной политики. В этих соглашениях, прямо или косвенно, наряду с европейскими делами нашел себе место и восточный вопрос. В 1833 г. состоялся ряд свиданий между русским, австрийским и прусским государями. Первое такое свидание, между австрийским императором Францем и прусским

королем Фридрихом-Вильгельмом III, имело место в Теплице (в Богемии) с 26 июля по 4 августа. Приглашенный на это свидание император Николай задержался в России и прибыл в Богемию лишь в конце августа. По дороге туда он имел свидание с прусским королем в Шведте (24–28 августа), а 29 августа–8 сентября состоялось его свидание с австрийским императором в Мюнхенгреце; на этом свидании присутствовал и прусский наследный принц (впоследствии король Фридрих-Вильгельм IV). Результатом свиданий было заключение так называемых Мюнхенгрецких и Берлинской конвенций.

Первая Мюнхенгрецкая конвенция (6/18 сентября 1833 г., подписанная с русской стороны гр. Нессельроде, Д.П. Татищевым и гр. А.Ф. Орловым, с австрийской – кн. Меттернихом и гр. Фикельмоном) имела своим содержанием восточный вопрос и как бы распространяла на него соглашение, какое с 1815 г. установилось по европейским делам между русской политикой и австрийской. Во вступлении этой конвенции, напоминая, что в продолжение последних лет они «содействовали предохранению Оттоманской империи от угрожавших ей опасностей, а Европы от осложнений, которые могли от того последовать», «действуя в духе охранения, руководящем их общей политикой, и желая оберегать безопасность и спокойствие собственных сопредельных с Турцией владений», договаривающиеся стороны заявляли теперь о своем намерении «принять это начало единения за основное правило их будущего образа действий по отношению к делам Востока», чтои устанавливалось настоящей конвенцией. Содержание ее сводилось к следующему. Россия и Австрия взаимно обязуются поддерживать Турцию под управлением настоящей династии и согласовывать в этом отношении все свои действия, а посему не допускать ничего, что посягало бы на права султана, как, например, назначение регентства или перемена династии; в случае же, если бы нечто подобное совершилось, обе державы не будут признавать нового порядка вещей и примут самые решительные меры для охранения своих собственных владений, смежных с Турцией. Двумя секретными статьями конвенции устанавливалось, что обязательства, принятые договаривающимися сторонами, будут применены прежде всего к египетскому паше, как только он посягнет прямо или косвенно на европейские владения Турции, и что в случае, если бы, не взирая ни на что, в Турции был низвергнут существующий порядок, Россия и Австрия будут действовать в полном согласии между собой по отношению к новому порядку, какой установится в Турции, и «сообща будут иметь наблюдение за тем, чтобы изменения, совершившиеся во внутреннем строе этой империи,

не могли нанести ущерба ни безопасности их собственных владений, ни правам, обеспеченным за ними трактами, ни европейскому равновесию».

Вторая Мюнхенгрецкая конвенция (7/19 сентября 1833 г., подписанная Нессельроде, Татищевым и Меттернихом) имела своим содержанием, как было указано выше, польские дела. Встретив сочувственно русско-австрийское соглашение, поскольку оно имело в виду польские дела, Пруссия, тем не менее, некоторое время колебалась примкнуть к этому соглашению, несмотря на то, что основные начала этой конвенции, как можно предполагать, были установлены императором Николаем совместно с прусским королем во время их встречи в Шведте, еще до совещания с Меттернихом в Мюнхенгреце. Только после продолжительных переговоров Нессельроде и австрийского уполномоченного гр. Фикельмона состоялось присоединение Пруссии, что и выразилось в заключении в Берлине 3 (15) октября общей конвенции между Россией, Австрией и Пруссией (подписанной Нессельроде, Фикельмоном и Ансильоном). Эта конвенция являлась, по существу, восстановлением системы Священного Союза, хотя и в несколько смягченной форме. Заявляя, что «по зрелом обсуждении тех опасностей, которые продолжают угрожать порядку, установленному в Европе публичным правом и договорами, в особенности договорами 1815 г., они единодушно решили укрепить охранительную систему, составляющую незыблемое основание их политики», три договаривающиеся державы провозглашали как основное начало взаимную поддержку государствами друг друга для сохранения их независимости и вытекающих отсюда прав, в интересах общеевропейского мира. Каждая договаривающаяся держава могла просить у двух других помощи и содействия как в случае внутренних смут, так и в случае внешней опасности. Препятствие этому силой со стороны посторонних держав должно было рассматриваться как casus belli. Без приглашения самой заинтересованной державы две остальные не могли, однако, вмешиваться, хотя бы и в интересах своего третьего союзника. Этой последней оговоркой Берлинская конвенция существенным образом отличалась от Священного Союза. Переговоры, приведшие к заключению Берлинской конвенции, как бы наметили и распределили между тремя договаривающимися сторонами и их обязанности по охранению общеевропейского мира, что не было, однако, включено в текст конвенции. Предполагалось, что Австрия будет охранять безопасность Италии, Швейцарии, Испании и Португалии и защищать их на случай французского вторжения, почему Австрии принадлежал и

первый голос по вопросам, касающимся этих стран. Охрана северной Германии и Голландии поручалась Пруссии. Совместно Австрия и Пруссия должны были следить за соблюдением остальными германскими государями верности началам охранительной политики. Россия являлась как бы резервом союза и в то же время принимала на себя исключительный надзор за польскими областями и Венгрией и должна была охранять мир на всем протяжении Балканского полуострова от Прута и Дуная до Босфора.

Тройственное соглашение, окончательно установившееся таким образом к концу 1833 г., не замедлило сказаться на целом ряде дипломатических вопросов. Так, в бельгийском вопросе, как было уже сказано выше, Россия, Австрия и Пруссия еще к февралю 1833 г. пришли к соглашению между собой и стали, в противоположность Англии и Франции, на сторону интересов голландского короля. Одновременно с этим стал выдвигаться на очередь вопрос о пиренейских государствах. Ив Испании, и в Португалии шла в это время борьба за корону между различными претендентами, переплетавшаяся с борьбой политических партий: в Испании брат умершего короля Фердинанда III, дон Карлос, оспаривал престол у дочери короля (от четвертого брака), малолетней Изабеллы, до совершеннолетия которой должна была управлять ее мать Мария-Христина. В Португалии происходило движение против дона Мигуэля, младшего сына умершего в 1826 г. короля Иоанна IV: в 1828 г. дон Мигуэль занял престол, отстранив законную наследницу – донью Марию Браганцскую, дочь его старшего брата дона Педро, правившего в Бразилии. На стороне дона Карлоса и дона Мигуэля в обоих королевствах была так называемая апостолическая партия (сторонники абсолютной монархии), в то время как Изабелла и Мария находили поддержку у «либералов» (сторонники конституции). За либералами стояла Англия, стремившаяся прежде всего упрочить свое влияние в Португалии, а также Франция. Державы тройственного соглашения, не высказываясь открыто за дона Карлоса и дона Мигуэля, не признавали, тем не менее, обеих королев и во всяком случае определенно выражали желание, чтобы в обоих пиренейских государствах, независимо от того, кто займет престол, королевская власть осталась неограниченной. Разногласия по испанскому и португальскому вопросам окончательно подчеркнули то неприязненное положение, какое державы тройственного соглашения заняли по отношению к политике Англии и Франции, что и заставило эти последние теснее сблизиться между собой. К осени 1833 г. дело апостолической партии и обоих претендентов ив Испании, и в

Португалии было окончательно проиграно: в исходе августа донья Мария была провозглашена королевой в Португалии; в Испании, после смерти Фердинанда VII (29 сентября нов. ст.), Мария-Христина провозгласила себя регентшей до совершеннолетия своей дочери. 10 (22) апреля 1834 г., как бы в ответ на тройственный союз 1833 г., был заключен четверной союз Англии, Франции, Испании и Португалии. Это, в свою очередь, повлекло за собой со стороны держав тройственного соглашения ряд демонстративных действий, которые должны были как бы подчеркнуть ненарушимость и незыблемость соглашения 1833 г. и в которых видная роль принадлежала императору Николаю. В августе 1835 г. происходили в присутствии Николая и прусского короля большие маневры соединенных русских и прусских войск в Калише. После этих маневров государь император отправился в Теплиц, куда прибыл 14 (26) сентября и где имел свидание с новым австрийским императором, а также снова и с прусским королем. Это свидание было приурочено к празднествам по случаю закладки кульмского памятника в честь русской гвардии, состоявшимся 17 сентября стар. ст., по случаю чего в Теплиц съехались многие из германских государей. 23 сентября (4 октября) Николай Павлович приехал в Прагу и пробыл здесь три дня вместе с австрийским императором. 26 сентября он отправился инкогнито в Вену, где прожил два дня в доме русского посольства. Во время пребывания государя в Теплице в частных совещаниях Нессельроде, Меттерниха и Ансильона все время обсуждались текущие политические вопросы. Здесь снова был затронут бельгийский вопрос и было решено отклонить последовавшее в это время со стороны Англии предложение о сбавке Бельгии части недоимок, как нарушавшее права Голландии по трактату 3 ноября 1831 г. Затрагивался и испанский вопрос; решено было в случае успеха дона Карлоса признать его королем, а несколько позднее, в Вене, русское правительство согласилось с австрийским оказать дону Карлосу денежную помощь. Даже для одного из участников самого тройственного соглашения, именно для Пруссии, участие в этом соглашении знаменовало собой отказ от независимой политики в Германии, выразившейся к этому времени в создании Пруссией таможенного союза, и большее ее подчинение влиянию Австрии. Упомянутый выше Берлинский протокол о польском вольном городе Кракове был также одним из прямых последствий соглашения 1833–1835 гг.

Только что обрисованная международная обстановка стала, в свою очередь, отправной точкой для дальнейшей политики императора Николая и в значительной степени обусловливала

собой ход и направление этой политики во вторую половину 30-х и в начале 40-х годов как в Европе, так и на Востоке. Вопрос о придунайских княжествах, Молдавии и Валахии, и Сербии выдвигается теперь на очередь. То преобладающее влияние, какое упрочилось к1833 г.за Россией в Турции, создавало, казалось, благоприятные условия для устройства этих областей сообразно с интересами России.

Что касается придунайских княжеств, то здесь положение дел к данному моменту было следующее. С начала русско-турецкой войны 1828–29 гг. Молдавия и Валахия были заняты русскими войсками, господари – молдавский Иван Стурдза и валашский Григорий Гика – были отстранены от управления, и во главе местного управления был поставлен русский начальник в звании полномочного председателя диванов Молдавии и Валахии. Первым полномочным председателем был назначен гр. Ф.П. Пален, вскоре замененный киевским военным губернатором генералом П.Ф. Желтухиным. При заключении Адрианопольского мира для придунайских княжеств был выговорен, как было указано выше, ряд привилегий и устанавливались начала их внутреннего управления. После заключения мира был учрежден комитет в Бухаресте из выборных от молдавского и валашского диванов под председательством русского генерального консула в княжествах М.Я. Минчаки для выработки «органического регламента», который должен был стать основным законом для обоих княжеств. Инструкция для этого комитета была написана статс-секретарем Я.А. Дашковым, посетившим княжества в 1828 г. Одновременно с этим на пост уполномоченного диванов был назначен генерал-адъютант П.Д. Киселев, который до выработки органического устава и управлял княжествами. Воспитанный в духе политики XVIII в. и считавший, что пределом поступательного движения России рано или поздно должен стать Дунай, Киселев проводил в княжествах политику более тесного и прочного присоединения их к России. Это присоединение должно было, по его плану, подготовляться, во-первых, развитием торговых отношений с княжествами, для чего надо было выработать соответствующий тариф и бороться с конкуренцией Австрии, и, во-вторых, привлечением молдавской и валашской молодежи в русские учебные заведения. Одной из причин, вредивших русскому влиянию в княжествах, был, по мнению Киселева, неудачный состав нашего Генерального консульства, учрежденного там еще при Екатерине: с 1812 г. вошло в обычай назначать на должность русского Генерального консула в княжествах не из природных русских, но из греков-фанариотов, по своему происхождению зависящих от Турции и потому

недостаточно энергично отстаивающих русские интересы. Будучи сторонником окончательного присоединения княжеств к России, Киселев был против вывода оттуда русских войск.

К весне 1830 г. бухарестский комитет выработал проект устава, который затем был рассмотрен в Петербурге в Особой комиссии (председатель – статс-секретарь Дашков, члены: чиновник мин. ин. дел Г.А. Катакази, Минчаки и бояре Стурдза и Валори) и после этого направлен к Киселеву для пересмотра в «собраниях именитейших бояр» каждого из княжеств. Органический устав был принят валашским собранием в апреле, а молдавским – в октябре 1831 г. Содержание этого устава сводилось к следующему. Господари избирались пожизненно на чрезвычайных собраниях, состоявших из епископов, бояр первого и второго разрядов, депутатов от именитейших земельных собственников и городов, всего в Валахии в числе 190 и в Молдавии 132 членов. Для составления бюджета, поверки отчетов, обсуждения законопроектов и представления господарю адресов с жалобами и ходатайствами учреждалось обыкновенное собрание (в Валахии 43, в Молдавии 34 члена). Устанавливалась особая финансовая система. Для текущего управления учреждался административный совет из председателя – министра внутренних дел (ворника), министра финансов (вистиара), государственного секретаря (постельника), к которым в более важных случаях присоединялся министр юстиции и духовных дел (логофет), начальник земской стражи и государственный контролер. Судебная власть отделялась от административной, устанавливались три судебные инстанции. Устав определял порядок образования ополчения и заключал в себе постановления о торговле и путях сообщения, о порядке гражданской службы, об имениях духовенства, о народном образовании и о связи между обоими княжествами. Сам Киселев был недоволен первоначальной редакцией устава, находя, что он чрезмерно сохраняет боярские привилегии. Благодаря его настойчивости в устав были включены статьи, направленные к улучшению положения крестьян, постановление об общей поголовной подати и об определении отношений крестьян к земельным собственникам; последнее, правда, не в таком смысле, в каком находил это желательным Киселев.

После принятия устава собраниями, целью Киселева стало скорейшее утверждение устава Портой, что, по его мнению, должно было состояться до выхода русских войск из княжеств. Между тем 14 апреля 1830 года была заключена упомянутая выше конвенция с Турцией, по которой Россия отказывалась от десятилетней оккупации княжеств, но в которой ничего не

говорилось о предварительном утверждении устава Портой. По вопросу о дальнейшей оккупации княжеств русскими войсками Киселев разошелся во взглядах с Нессельроде и ведомством иностранных дел. Осложнение в 1832 г. дел в Греции и турецко-египетский кризис 1832–33 гг. временно, казалось, заставили русское правительство склониться на сторону его взглядов, и в октябре 1832 г. Нессельроде писал ему, что сам государь разделяет его взгляд и находит преждевременным ослаблять наше положение в княжествах. После заключения Унхиар-Скелессийского договора, однако, и после мюнхенгрецкого свидания снова возобладало мнение о необходимости скорейшего вывода русских войск из княжеств. В ноябре 1833 г. Киселев по его просьбе был уволен с должности полномочного председателя. Вскоре после этого в Петербург прибыл чрезвычайный турецкий посол Ахмет-паша, и 17 (29) января 1834 г. в Петербурге была заключена новая конвенция с Турцией. По этой конвенции Турция обязывалась утвердить органический устав и обнародовать его гатти-шерифом, через два месяца после чего русские войска должны были оставить княжества; русский гарнизон впредь, до уплаты контрибуции, должен был оставаться только в Силистрии. В виде уступки Турции император Николай согласился, чтобы на первый раз господари не были избраны чрезвычайным собранием, но были бы назначены султаном из лиц, указанных императорским кабинетом. В апреле 1834 г. Михаил Стурдза был назначен господарем молдавским, а Александр Гика – валашским, и русские войска выступили из Молдавии и Валахии. Это очищение княжеств рассматривалось в Европе как уступка русского правительства Австрии, продиктованная нежеланием усиливать тревогу в Вене.

Официальная точка зрения русского правительства рассматривала устройство, введенное в княжествах, как окончательное и не подлежащее дальнейшему расширению. По свидетельству бар. Бруннова, полное освобождение княжеств «отнюдь не согласовалось бы с намерениями императора. Напротив, Его Величество пользуется всяким случаем, чтобы подорвать и разочаровать тайную надежду молдаван и валахов на достижение совершенной независимости».

Более сложным в своей постановке и в своем развитии являлся в 30-х гг. вопрос о Сербии. Во исполнение постановлений Адрианопольского мира, касавшихся Сербии, 18 (30) сентября 1829 г. и 22 июля (6 августа) 1830 г. были изданы, на имя ставшего с 1815 г. во главе сербского восстания Милоша Обреновича, два султанских фирмана, определявших границы Сербии (с включением снова и белградского пашалыка),

устанавливавших внутреннее управление страной на началах Аккерманской конвенции и утверждавших самого Милоша в достоинстве наследственного князя сербского народа. И внутреннее устройство Сербии, полученное ею от Турции, и власть князя Милоша не встретили противоречия ни со стороны России, ни со стороны Австрии. Почти полная независимость, достигнутая теперь Сербией, находилась, однако, в противоречии с тем, что страна продолжала управляться на основании турецких гатти-шерифов прежнего времени, определявших как внутренний распорядок, так и сами устои государственного строя. Возникал вследствие этого вопрос о выработке органического государственного статуса. Примером в данном случае могли служить соседние Молдавия и Валахия, где как раз в это время был точно также введен Органический Статус. Крупные сербские землевладельцы (кнезы, великоши) особенно стремились к этому, опасаясь растущего самовластия Милоша, сильного своим тесным единением с народной массой, в глазах которой он продолжал оставаться борцом за национальную независимость. С другой стороны, и сам Милош пошел этому навстречу, опасаясь, что дальнейшее противодействие с его стороны в этом вопросе приведет лишь в конце концов к большему ограничению его власти. В 1835 г., когда дело дошло уже до серьезного столкновения между Милошем и кнезами, устав был издан и обнародован перед скупщиной в Крагуеваце 3 февраля того же года. Этот устав, составленный секретарем Милоша Давидовичем, получившим европейское образование, представлял собой сочетание, во многих отношениях неудачное, начал западно-европейских конституционных теорий с историческим правом Сербии и вводил, наряду с властью князя, власть державного совета, ответственного перед народной скупщиной.

Этот устав был встречен крайне неприязненно соседними державами – Турцией, Австрией и Россией. Турция находила его несогласным с формой правления в других ее провинциях и с существующими у Порты с соседними державами договорами о Сербии, что и дало повод Милошу вскоре частично изменить устав в смысле ограничения власти державного совета. Австрия видела в этом опасное для нее усиление Сербии и не допускала, с другой стороны, по соседству у себя существования конституционных учреждений. На эту же последнюю точку зрения стало и русское правительство. Положение России в Сербии затруднялось еще и тем, что у насне было там в это время своего представительства. Ввиду этого теперь был послан туда в качестве комиссара русский генеральный консул в Валахии бар. П.И. Рикман. С пренебрежением относившийся к сербскому

народу, раздраженный дошедшими до него насмешливыми о нем отзывами Милоша и встреченный с недоверием в Сербии, Рикман, по прибытии в Пожаревац, с самого начала повел дело очень резко, говорил властным тоном с Милошем и кнезами, требовал уничтожения устава и напоминал сербам об их обязательствах перед Портой и Россией. Миссия Рикмана не имела каких-либо осязательных результатов: 15 июля 1835 г. он оставил Пожаревац и лишь в начале 1836 г. сообщил Милошу неофициальной запиской «базис для устава Сербии», составленный в русском Министерстве иностранных дел. Этот «базис», исходя из начал русско-турецких договоров относительно Сербии, исключал все то, что казалось конституционными новшествами в уставе 1835 г., но вместе с этим уничтожал и скупщину. Базис не был принят Милошем и повлек за собой лишь дальнейшее взаимное охлаждение между Россией и Сербией. Это охлаждение было использовано Австрией и Англией, которые с 1836 г. учредили в Сербии своих постоянных агентов. Особенно сильное влияние получил назначенный летом 1837 г. в Сербию английский генеральный консул полковник Ходжест, быстро сблизившийся с Милошем, всячески старавшийся уронить значение России и начавший подготавливать почву для торгового и политического сближения Сербии с Англией. Чтобы противодействовать английскому влиянию, император Николай Павлович в октябре 1837 г. послал в Сербию с чрезвычайным поручением к князю Милошу своего флигель-адъютанта кн. В.А. Долгорукого. Долгорукий должен был настаивать перед Милошем на составлении устава на началах базиса и на учреждении Сената (т.е. совета старейшин), что соответствовало буквальному смыслу фирмана 22 июля 1830 г. Результатом этого был составленный в соответствующем духе указ Милоша Совету 16 октября 1837 г. и последовавшее за этим восстановление добрых отношений между Россией и Сербией. В феврале 1838 г. в Белграде было учреждено русское консульство и консулом был назначен Ващенко.

Одновременно с этим, однако, еще осенью 1837 г., последовало, с ведома России, требование от Порты снарядить в Константинополь сербскую депутацию для выработки при дворе султана сербского Устава. Русский посол при Порте А.П. Бутенев был с сентября 1837 г. в отсутствии: его поездка в Петербург стояла отчасти в связи с сербским вопросом и в Константинополе его заменял Рикман. Отсутствием Бутенева попыталась воспользоваться Англия, начавшая теперь убеждать султана в необходимости издать Устав на началах расширения прав князя, мотивируя это тем, что таким путем султан найдет в нем верного

сторонника своей власти в Сербии. Возвратившийся к тому времени на свой пост Бутенев со своей стороны официально заявил теперь о согласии русского правительства на составление сербского Устава в Константинополе, но настаивал на ограничении власти князя в пользу совета старейшин. Его настояния одержали верх. 13 (25) февраля 1839 г. был обнародован Устав, подписанный султаном в лице гатти-шерифа и фирмана совместно на имя белградского визиря и сербского князя. По этому Уставу вся исполнительная власть и внутреннее управление вверялись наследственному князю. Законодательная власть сосредоточивалась в руках Сената, или Совета старейшин, члены которого в числе 17 человек назначались, но, раз назначенные, не могли уже смещаться иначе, как по суду и с согласия султана. Равенство перед законом и неприкосновенность личности и собственности подтверждались, но о скупщине Устав не упоминал. 1-го июля 1839 г. Милош Обренович отрекся от престола и, за смертью его старшего сына Милоша, княжеская власть перешла к его младшему сыну Михаилу.

Отмеченное выше соперничество России и Англии не ограничивалось за данные годы одной только Сербией. То же самое наблюдалось за это время в Греции, где деятельность русского посланника Катакази встречала противодействие со стороны его английского коллеги Эдмунда Лайона, и в Турции, где соперником Бутенева явился английский посол Понсонби. У секретаря английского посольства в Константинополе Давида Уркварда находили поддержку боровшиеся в это время за свою независимость на Кавказе черкесские племена. В декабре 1836 г. в Сухум-Кале была задержана английская шхуна «Виксен», на которой был обнаружен транспорт пороха и оружия. Конфискация шхуны и груза повлекла за собой дипломатические осложнения, улаженные лишь после того, как наш посол в Лондоне Поццо-ди-Борго заявил Пальмерстону, что Сухум-Кале входит на неоспоримом праве в число русских владений. То же соперничество замечалось в это время и в Персии, где англичан тревожили начавшиеся сношения России с Афганистаном.

События, разыгравшиеся к этому времени на Востоке, новое восстание египетского паши Мегмета-Али, видоизменили европейские международные отношения и дали иное направление восточной политике императора Николая. Главным источником беспокойства для европейских держав был Унхиар-Скелессийский договор, относительно которого у европейской дипломатии давно уже зрела мысль, как выразился Пальмерстон, «погрузить его в какой-либо общий договор такого же рода». Это было достигнуто в так называемых Лондонских конвенциях, по

которым исключительное значение России в Турции к 1840 году уступило место общеевропейскому соглашению. Кутахийский мир не создал окончательного примирения между султаном Махмудом и его египетским вассалом. Мегмет-Али требовал, чтобы его власть в Египте была признана наследственной; султан Махмуд не расставался с мыслью отомстить своему вассалу и восстановить свою власть в Сирии. В апреле 1839 г. турецкая армия под начальством Гафиза-паши перешла Евфрат, но ее действия были неудачны: 12 (24) июня Ибрагим-паша нанес войскам Гафиза полное поражение у Незиба; шесть дней спустя султан Махмуд скончался и на престол вступил его шестнадцатилетний сын Абдул-Меджид. Еще через четыре дня турецкая эскадра под начальством Ахмет-Февзи-паши предалась на египетскую сторону. При первых известиях о событиях на Востоке английский министр лорд Пальмерстон, озабоченный, чтобы русские суда не появились снова, как в 1833 г., перед Константинополем, обратился к Франции, и между обеими державами скоро было установлено соглашение: Франция и Англия взаимно ручались за целость Турции, соглашались послать свои эскадры к Дарданеллам ив случае, если бы русские суда вошли в Мраморное море, готовы были точно так же пройти через пролив, хотя бы ценой открытого столкновения с Турцией. Перед этим соглашением отступал на время на задний план вопрос о самом Египте, по которому взгляды обеих держав расходились: Франция готова была поддержать Мегмета-Али, Англия была против него. Согласившись между собой, Англия и Франция вступили в переговоры по восточному вопросу с Австрией и Пруссией, и тогда Меттернихом было предложено созвать в Вене конференцию пяти великих держав по вопросу о Турции.

Известие о соглашении между Англией и Францией было встречено императором Николаем Павловичем с негодованием. В совокупном ручательстве европейских держав за целость и независимость Турции он видел посягательство на свои права. На приглашение участвовать в конференции последовал со стороны России отказ. Общеевропейскую гарантию Турции русское правительство считало направленной исключительно против России: требовать от нее подобной гарантии значило, по мнению императора Николая, требовать невозможного и безрассудного. Одновременно с этим нашему послу в Турции Бутеневу, на случай если Порта даст согласие на проход английских и французских судов через Дарданеллы, предписывалось немедленно оставить Константинополь. В это время новый султан вступил уже в переговоры с Мегметом-Али, предлагая ему удовольствоваться

признанием его наследственной власти только в Египте. Восставший паша не согласился, и тогда Абдул-Меджид обратился за помощью, но не непосредственно к России, а к представителям всех великих держав в Константинополе. Ввиду этого послы пяти держав собрались у австрийского интернунция, который, как есть известие, сообщил им, что по депешам, полученным им из Вены, между пятью державами установлено полное соглашение по делам Востока.

В этот же день Бутенев получил депешу от нашего посла в Вене Д.П. Татищева от 4 (16) июля, в которой этот последний, не имея еще из Петербурга инструкций с отказом России от участия в конференции, от себя извещал Бутенева, что согласие держав установлено и что Вена избрана центром соглашения. 15 (27) июля 1839 г. послы обратились к Порте с коллективной нотой, которая гласила: «Нижеподписавшиеся получили сегодня поутру инструкции от своих правительств, в силу коих они имеют честь сообщить Блистательной Порте, что согласие по восточному вопросу обеспечено между пятью великими державами, и пригласить ее приостановить какое бы то ни было окончательное решение в ожидании последствий участия, ими к ней питаемого». Эта нота была подписана австрийским интернунцием Штюрмером, английским послом лордом Понсонби, французским – Руссеном, прусским – Кенигсмарком и русским – Бутеневым.

Поступок Бутенева, как самовольный и шедший вразрез с только что принятым русским правительством решением, возбудил сильное негодование в императоре Николае. Не признать присоединения России к коллективному представлению держав Порте он не счел, однако, уже возможным: условия момента не позволяли думать о возвращении к политике 1833 г. С другой стороны, идя на соглашение по восточному вопросу, он думал отвлечь Англию от Франции и, подготовив сближение Англии с Россией, Австрией и Пруссией как по восточному вопросу, так и по вопросам европейской политики, тем самым как бы восстановить Шомонское соглашение, объединившее в 1814 г. четыре державы против Франции. После ноты 15 июля Англия, успокоившаяся относительно России, действительно, обратила свое внимание на Египет и готова была принять решительные меры против Мегмета-Али, что вызвало неудовольствие со стороны Франции. Учитывая это, император Николай в сентябре 1839 г. послал в Лондон нашего посланника при вюртембергском дворе бар. Ф.И. Бруннова, пользовавшегося личным доверием у государя. Бруннов прибыл в Лондон 3 сентября 1839 г., и завязавшиеся здесь переговоры отодвинули на задний план мысль о конференции в Вене; обсуждение восточного вопроса

сосредоточилось в Лондоне.

Инструкция, данная бар. Бруннову, уполномочивала его вести переговоры по турецкому, греческому и персидскому вопросам. Русское правительство шло на отказ от Унхиар-Скелессийского договора и на участие в общей гарантии турецко-египетского соглашения и брало на себя обязательство явиться, в случае надобности, на Босфоре не как независимая союзница Порты, но как уполномоченная представительница Европы. Взамен этого, однако, Англия и Франция должны были отказаться от объявления неприкосновенности Турции, согласиться на закрытие проливов как во время мира, так и во время войны для военных судов всех наций и отказаться от ввода своих судов в Мраморное море в случае, если бы русские суда появились у берегов Босфора. При этом Бруннов был уполномочен намекнуть, что государь ничего не имеет против того, чтобы согласие на этих условиях держав между собой состоялось и без участия Франции. Ведший с Брунновым переговоры Пальмерстон в общем встретил эти предложения сочувственно, но предложил, со своей стороны, поправку: флот западных держав на данный случай может войти в Дарданеллы, если бы русские суда появились в Босфоре. На будущее Пальмерстон обещал провести закрытие проливов, как общее международное постановление. Все пять держав должны согласиться о форме их содействия к улажению восточного кризиса. Насколько возможно, надо поддерживать Турцию под властью существующей династии. Если Мегмет-Али окажет сопротивление мерам, выработанным державами, то русские войска в Малой Азии идут, но не дальше Тавра.

С этими предложениями Бруннов в начале октября 1839 г. оставил Англию. Он оставался в Петербурге до октября т.г. За это время Австрия, обеспокоенная шедшими помимо нее переговорами между Россией и Англией, приложила все старания, чтобы снова войти в доверие у императора Николая Павловича, в чем и имела успех. Когда в декабре Бруннов, уполномоченный принять английские поправки и заключить на соответствующих основаниях договор, снова был отправлен в Лондон, в Вене к нему примкнул австрийский уполномоченный Нейманн.

В январе 1840 г. по почину Австрии в Лондоне открылась конференция великих держав по восточному вопросу, к которой Пальмерстон предложил привлечь и Турцию. Франция точно так же согласилась принять участие в конференции. Тем не менее, по вопросу о Египте разногласия между Англией и Францией, настаивавшей на признании за Мегметом-Али Сирии, все более и более увеличивались, и, несмотря на все убеждения

Пальмерстона, французское правительство оставалось непреклонным. Непреклонность привела к тому, что 3 (15) июля Австрия, Англия, Пруссия, Россия и Турция заключили между собой конвенцию, помимо и без ведома Франции. Эта конвенция сводилась к следующему: 1. Означенные европейские державы принимают на себя обязательство действовать в полном согласии и соединить их усилия к побуждению Мегмета-Али принять те условия уговора, которые предложил ему султан и о которых этот последний согласился с державами, заключившими конвенцию; при этом каждая держава предоставляет себе содействовать этой цели по мере средств, ею располагаемых. 2. Если Мегмет-Али откажется приступить к вышеозначенному уговору, то державы обещают, по предложению султана, принять установленные меры для приведения этого уговора в исполнение. Вследствие приглашения, сделанного уже султаном, присоединиться к нему для оказания ему помощи в пресечении сообщения морем между Египтом и Сирией, Англия и Австрия заранее обязуются дать немедленно нужные для сего приказания начальникам их морских сил в Средиземном море. 3. На случай, если Мегмет-Али, отказавшись принять условия уговора, направит свои силы на Константинополь, державы соглашаются, по требованию султана, содействовать защите проливов Босфора и Дарданелл, а также самого Константинополя. Назначенные для этого туда силы пробудут там лишь столь долго, сколь их присутствие будет требоваться султаном. 4. При этом постановляется, что означенная мера должна считаться лишь исключительной мерой, принятой в единственном выше означенном случае. Эта мера нисколько не нарушит древнего правила Турции, по которому военным судам иностранных держав всегда возбранялось входить в проливы Дарданеллы и Босфор. Султан, со своей стороны, объявляет, что он неизменно будет соблюдать это правило и, когда Порта будет находиться в мире, не будет допускать никакого военного судна в проливы. Австрия, Англия, Пруссия и Россия обещают уважать это решение и согласоваться с означенным началом. Особым актом, подписанным в тот же день, определялись условия уговора, который будет предложен султаном Мегмету-Али: 1. Мегмет-Али получает в наследственное владение Египет и в пожизненное – южную часть Сирии и крепость Сен-Жан д'Акр (т.е. Суэцкий перешеек и южную часть Палестины до Тивериадского озера). 2. Если в десятидневный срок Мегмет-Али не примет этого условия, то султан соглашается оставить за ним в наследственном владении только Египет. 3. Мегмет-Али уплачивает султану ежегодную подать, размеры которой зависят от той территории, которую он получит в

управление. 4. Мегмет-Али должен сдать турецкий флот. 5. Все трактаты и законы Турции будут относиться ко всем областям, которые получит Мегмет-Али, на тех же основаниях, как и к прочим частям Оттоманской империи. Но султан соглашается, чтобы под условием правильной уплаты вышеозначенной подати Мегмет-Али и его потомки от имени султана собирали все подати и налоги, которыми и должны покрываться все расходы по управлению означенными провинциями. 6. Сухопутные и морские силы означенных областей составляют часть сил Турции и считаются содержимыми для государственных нужд. 7. Если Мегмет-Али в двадцатидневный срок вовсе не примет условий этого договора, то султан вправе взять предложения обратно и избрать дальнейший путь сообразно своим интересам и советам своих сотрудников. Конвенцию и особый акт подписали: бар. Филипп Бруннов (Россия), Пальмерстон (Англия), бар. Филипп Нейманн (Австрия), бар. Генрих Вильгельм фон-Бюлов (Пруссия), Хекиб-Эффенди (Турция). 2 (14) августа Пруссия особым протоколом оговорилась, что ее участие в конвенции ограничивается нейтралитетом. 5 (17) сентября те же уполномоченные Англии, Австрии, Прусии и России подписали протокол, удостоверяющий, что заключением означенной конвенции державы не намерены искать никакого увеличения территории, никакого исключительного влияния, ни получения какого-либо преимущества в торговле.

Последствием Лондонской конвенции, вызвавшей, как и следовало ожидать, громкое негодование во Франции, были весьма решительные меры, предпринятые союзными державами на Востоке. Англо-австрийская эскадра блокировала берега Сирии. 21 октября (2 ноября) пала крепость Сен-Жан-д'Акр, и Ибрагим принужден был оставить Сирию. Прежде чем известия об этом дошли до Египта, английская эскадра под начальством Непира появилась у Александрии. 13 (25) ноября т.г. между Непиром и Мегметом-Али был заключен договор, по которому последний отказывался от Сирии и соглашался на возвращение турецкого флота, взамен чего его власть в Египте признавалась наследственной. Во всех этих мероприятиях против египетского паши Россия, согласно с постановлениями Лондонской конвенции, непосредственного участия уже не принимала. Султанским фирманом 1 (13) февраля договор Непира с Мегметом-Али был признан Портой.

После того как турецко-египетский кризис разрешился, Пальмерстон предложил Бруннову возобновить переговоры о заключении новой конвенции о проливах, привлекая к этим переговорам и Францию. Со стороны императора Николая на это

последовало согласие. Франция, со своей стороны, попыталась расширить программу переговоров, включив в нее вопрос об общей гарантии неприкосновенности Турции, о христианском населении Сирии, о суэцком торговом пути и о закрытии проливов. Из всех этих предложений Россией и Англией было принято лишь последнее. 1 (13) июля 1841 г. представителями России (бар. Бруннов), Австрии (Эстергази и бар. Нейманн), Англии (Пальмерстон), Пруссии (Бюлов), Франции (бар. Буркенэ) и Турции (Хакиб-Эффенди) была подписана 2-я Лондонская конвенция. По этой конвенции снова подтверждалось правило о воспрещении военным судам иностранных держав входить в Дарданеллы и Босфор, но султан оставлял за собой по-прежнему право выдавать фирманы на проход легких судов под военным флагом, состоящих в распоряжении посольств дружественных держав.

Лондонские конвенции 1840 и 1841 годов упразднили Унхиар-Скелессийский договор, существенно изменяли положение дел на Востоке и создавали, взамен исключительного влияния в Турции России, зависимость Оттоманской империи от европейского «концерна». Уже у современников эти конвенции находили самую различную оценку. Нессельроде видел в этом крупную победу русской дипломатии. В 1850 году во всеподданнейшем обзоре русской политики за истекшее двадцатилетие он писал: «Унхиар-Скелессийский договор, против которого тщетно протестовали Франция и Англия, хотя по виду и был отменен, но в существе дела был сохранен навеки под другой формой. Новый акт, заменивший этот договор и признанный всеми державами, воспретил вход в Дарданеллы иностранным военным судам и таким образом обеспечил нас на будущее время от какого бы то ни было нападения с моря. Замешательства на Востоке этого времени имели одним из важнейших для нас последствий распадение англо-французского союза, столь враждебного нашим политическим интересам, столь гибельного для консервативных правительств». Пальмерстон смотрел несколько иначе и, как кажется, был ближе к правильному пониманию дела. В письме к сэру Уильяму Темплю от 15 (24) июля 1840 г. по поводу первой конвенции он находил, что достиг трех существенных результатов: наказал Францию за ее попытку освободиться от английской опеки и следовать самостоятельной политике; добился добровольного отречения России от исторического преобладания в Турции; заставил Европу признать английскую указку в восточных делах и соответственное значение и влияние Англии на Востоке.

Внешняя политика императора Николая Павловича за

последние годы данного периода (до 1848 г.) как на Востоке, так и на Западе в значительной степени истекала из того положения, какое создавалось для России лондонскими конференциями. Хотя Россия и приняла участие в общеевропейском соглашении с фактической утратой своего исключительного влияния на Востоке, она оставалась в Европе изолированной. Напротив, значение Англии после 1840 г. какв Европе, так и на Востоке чрезвычайно возросло. Особенно натянутые отношения создались у России с Францией, правитель которой король Людовик-Филипп был склонен объяснять всю восточную политику России в 1839–1841 гг. личной непримиримой ненавистью к нему императора Николая. С конца 1841 г., когда русский посол в Париже, гр. П.П. Пален, отбыл в отпуск, петербургский и парижский кабинеты начали сноситься между собой через простых поверенных в делах, и такое положение оставалось до 1851 г.[51] В то же время временное удаление с конца 1841 г. по июль 1846 г. от дел Пальмерстона (падение кабинета Мельбурна), непримиримого противника французской политики, и переход в новом кабинете Роберта Пиля портфеля статс-секретаря иностранных дел к лорду Абердину создавали надежду на улучшение отношений между Англий и Францией: министерство Гизо делает в это время ряд уступок, чтобы снискать расположение лондонского кабинета. У самой России с Англией прочного сближения после 1841 г. не установилось. С другой сторон, обе союзницы России, Австрия и Пруссия, в эти годы часто меняющихся дипломатических комбинаций по отдельным вопросам проявляют солидарность с обеими морскими державами. Наконец, Австрия, пользуясь упадком значения России, старается теперь поправить то положение, какое в свое время создалось для нее после Адрианопольского мира: с 1840 г. ее значение, наряду с английским, на Востоке, главным образом на Балканском полуострове, усиливается.

Положение дел на самом Востоке с 1840 г. точно так же становилось для России более затруднительным. В 1839 г. в Турции, под влиянием Решида-паши и в значительной степени по внушению западных держав, был проведен ряд внутренних реформ, представлявших сочетание правил Корана с идеями европейского либерализма и имевших целью улучшить внутреннее устройство и управление. Внутренне несколько оправившаяся, Турция после Лондонской конвенции менее считается со своим союзником 1833 г. и больше следует советам и указаниям спасшей ее в 1840 г. Англии. В Константинополе получил теперь большое значение вновь назначенный английский посол Стрэдфорд-Каннинг (лорд Редклиф). Реформы,

проведенные в Турции, мало улучшили положение христианского населения на Востоке, по-прежнему страдавшего от притеснений магометанского чиновничества и терявшего теперь надежду на покровительство со стороны России. В то же время в государствах и областях Балканского полуострова в 40-х гг. происходят чисто политические движения, создававшиеся на почве недовольства различными сторонами того устройства, какое эти государства и области перед этим получили. К реформам в самой Турции император Николай относился несочувственно как потому, что они сулили возрождение Турции, так и потому, что он видел в них проявление «французских» революционных принципов. В своих отношениях к политическим движениям на Балканском полуострове он стоял вполне определенно на точке зрения Священного Союза, видел в них проявление мятежного духа, да и независимо от этого требовал признания за собой права на вмешательство.

В 1842 г. начались волнения в Валахии, где местное боярство было недовольно правлением господаря Александра Гики, не пользовавшегося симпатиями и в Петербурге за свою дружбу с французским генеральным консулом Билькоком. Местный диван представил ему длинный список его проступков и довел об этом до сведения как Турции, так и России. Император Николай настоял перед Портой, чтобы из Константинополя был назначен комиссар для расследования этого дела. Со своей стороны он послал в Бухарест в марте 1842 г. в качестве комиссара генерала А.Ф. Дюгамеля, который приехал в Бухарест раньше назначенного Турцией Хекиба-паши и еще до прибытия последнего успел расследовать дело. По настоянию русского правительства Гика был смещен и диваном был избран Георгий-Дмитрий Бибеско, в свое время выдвинувшийся благодаря Киселеву. Порта не решилась противоречить и утвердила избрание Бибеско. В том же 1842 г. вспыхнуло подготовлявшееся еще с 1840 г. восстание в Сербии, направленное против князя Михаила Обреновича и исходившее от либеральной партии «уставобранителей». Руководители восстания (Вучич и Петроневич) нашли поддержку у турецкого визиря белградской крепости Киамиля-паши. В августе 1842 г. князь Михаил удалился в Австрию; в Сербии созванная временным правительством скупщина избрала князя Александра Карагеоргиевича, тайно поддерживаемого Австрией. Порта утвердила это избрание без уговора с Россией и объявила Обреновича низложенным. Император Николай отправил в Константинополь своего флигель-адъютанта бар. В.К. Ливена с собственноручным письмом к султану и требовал отмены распоряжения относительно Сербии и наказания виновников

сербского восстания. Найдя поддержку у Франции и Англии, Порта воспротивилась этим требованиям. Австрия пыталась занять примирительное положение, стараясь сохранить в Сербии власть за Карагеоргиевичем. Переговоры затягивались; весной 1843 г. император Николай собирался уже ввести двадцатитысячный корпус войск в Сербию и вступил в переговоры с Австрией о пропуске этого корпуса через австрийские владения. Порта уступила. Избрание Карагеоргиевича было объявлено незаконным. Киамил-паша был смещен. На восстановлении в правах Михаила Обреновича Россия не стала настаивать. 3 (15) июля 1843 г. в присутствии вновь назначенного турецкого паши, русского генерального консула и бар. Ливена вновь собранная скупщина вторично избрала Александра Карагеоргиевича, который был снова утвержден Портой. Это утверждение не встретило на этот раз сопротивления со стороны России. Прежде чем, однако, это утверждение получило силу, император Николай настоял на другом своем требовании – на изгнании из Сербии Вучича и Петроневича. В то же время, стараясь создать противовес австрийскому влиянию в Сербии и Англии, сохранявшей протекторат над Ионическими островами, он начинает теперь покровительствовать «владыке» Черной горы Петру II Негошу.

Едва успел разрешиться сербский инцидент, как вспыхнула революция в Греции (сентябрь 1843 г.) и король Оттон вынужден был созвать Учредительное собрание. 18 (30) марта 1844 г. король присягнул выработанной этим собранием Конституции. Греческая революция была делом объединения трех оппозиционных партий, из которых две опирались на Англию и Францию, а одна – на Россию. Последняя в движении была самая значительная. В глазах самого императора Николая король Оттон и его правительство не заслуживали симпатии за поддержку протестантской пропаганды среди греческого православного населения. Тем не менее, когда вспыхнула греческая революция, русский посланник Катакази был тотчас же отозван из Афин и на его место был назначен лишь поверенный по делам И.Э. Персиани (с 11 ноября 1843 г.). Новое греческое устройство было признано Россией значительно позже, чем Англией и Францией. До конца царствования пост русского посланника в Афинах оставался незамещенным, что создавало для России затруднительное положение сравнительно с другими державами, имевшими в Афинах своих уполномоченных представителей. При новом порядке в Греции получили преобладание английская и французская партии. Все эти движения возбуждающим образом действовали на население христианских областей Турции. Ввиду

этого в 1844 г. нашим представителям в Турции и Греции вообще было предписано поставить на вид «старейшинам местных христиан», что они не должны надеяться на помощь России, которая не может одобрить их восстания против Турции.

Затруднительное положение дел на Востоке, постоянное сопротивление видам и действиям русского правительства со стороны Англии и Австрии и вопрос, что будет с Турцией и ее наследием, составляли к середине сороковых годов предмет постоянных забот и дум Николая. К этому времени у него начинает назревать мысль о новом, более тесном соглашении по делам Востока как с Англией, так и с Австрией. Эти попытки выразились в тех частных переговорах, которые государь вел во время своего пребывания в 1844 г. в Лондоне с лордом Абердином и в 1846 г. в Вене с кн. Меттернихом. Из тех известий, какие имеются в настоящее время в наличности об этих переговорах, трудно с точностью установить, насколько здесь имелось в виду действительно достигнуть нового соглашения и насколько – лишь успокоить союзников России относительно ее собственной политики на Востоке. Западноевропейским державам, и прежде всего Англии, действительно доставляли немало тревоги как отмеченные выше случаи вмешательства России в дела христианских народностей Балканского полуострова, так и то, что происходило в это время на Кавказе и в Средней Азии. На Кавказе после неудач 1843 г. с назначением гр. М.С. Воронцова снова начались более энергичные действия, направленные вглубь Чечни и Дагестана и имевшие на этот раз более счастливые результаты. Еще в 1831 г. закрытие транзита через Грузию, в связи с рядом поощрительных мер, создали более благоприятные условия для русской торговли в Персии. В Закаспийском крае, после неудачного похода В.А. Перовского (1839 г.), в начале сороковых годов дела складывались так же более благоприятно: в 1845 г. последовало подданство Большой орды, русские владения продвинулись до реки Или, и в 1847 г. были возведены укрепления в Конале и Верном.

Еще в конце 1843 г., в бытность свою в Берлине, император Николай в разговорах с королем Фридрихом-Вильгельмом IV высказывал желание согласиться с обоими своими союзниками на случай возможного раздела Турции и проектировал новое свидание трех монархов, быть может, с приглашением на него и английской королевы Виктории. К этому же вопросу он возвращается при встрече в Варшаве, на обратном пути из Берлина, с австрийским военным министром гр. Фикельмоном и снова заговаривает о том же в марте 1844 г. с австрийским генералом Колоредо. Все эти предложения встретили довольно

сдержанное отношение как в Берлине, так и в Вене.

Летом 1844 г. Николай Павлович неожиданно совершил поездку в Англию и пробыл здесь в гостях у королевы Виктории и ее супруга принца Альберта с 20 по 27 мая. Хотя эта поездка и носила частный характер и Нессельроде не сопровождал государя, главной ее целью было рассеять в Англии предубеждение против политики России на Востоке. Результат бесед государя по этому поводу с английскими министрами и государственными деятелями герц. Веллингтоном, Робертом Пилем и Абердином лег в основу меморандума, составленного Нессельроде по возвращении Николая Павловича в Россию и пересланного в Англию на имя статс-секретаря по иностранным делам лорда Абердина. В этом меморандуме намечались следующие начала и пункты соглашения. Исходя из признания необходимости поддерживать Оттоманскую империю, Россия и Англия находили нужным, не вмешиваясь в мелочи, всегда строго требовать от Порты соблюдения всех принятых ею договоров и обязательств. Что касается христианских народностей, подвластных султану, то относительно них принималось за принцип: защищать их путем представлений Порте сообща, но в то же время удерживать их в покорности султану. Отсюда вытекали два заключения: стараться поддерживать Турцию, пока это будет возможно, в случае если можно будет предвидеть ее падение, заблаговременно согласиться об учреждении нового порядка. В том же году, осенью, Нессельроде также был в Англии и, в свою очередь, имел разговор с Абердином об означенном меморандуме. Дальше этого документа соглашение не пошло: пересланный Абердину Нессельроде меморандум в Англии хранился отдельно от других бумаг и передавался, при смене министерства, каждому вновь вступающему в должность статс-секретаря лично: копия этого документа в делах министерства не хранилась.

В конце 1845 г. и в самом начале 1846 г. император Николай Павлович посетил, на обратном пути из Рима, Вену и здесь снова имел разговор о Турции с кн. Меттернихом. Государь повторил то же, что он говорил в 1844 г. в Лондоне, и посвятил Меттерниха в свои разговоры с английскими министрами. Эти переговоры точно также не привели к какому-либо формальному соглашению.

С другой стороны, восточный вопрос в глазах самого Николая с начала сороковых годов отодвигается несколько на задний план и уступает место соображениям иного характера. В Европе начинают показываться первые предвестники новой надвигающейся революционной бури. В Испании происки дона

Карлоса и слабость правительства королевы Изабеллы привели страну к 1840 г. в состояние полной анархии. В отдельных итальянских государствах начали усиливаться революционные вспышки: вступивший в 1840 г. на престол сардинский король Карл-Альберт все более и более склонялся к тому, чтобы стать во главе итальянского национального движения, и явно вступал на путь антиавстрийской политики. Политика Франции, готовой, казалось, в любой момент поддержать все эти движения, становится с этого времени главным предметом забот императора Николая, видевшего в себе охранителя начал Священного Союза, и эти заботы заслоняют теперь порой в его глазах другие очередные задачи внешней политики. Этими заботами определяются и его отношения к его ближайшим союзникам накануне 1848 года. В Пруссии после смерти Фридриха III и вступления на престол Фридриха-Вильгельма IV (1840 г.) начались новые веяния. В прусском обществе проявляются симптомы брожения; новый король готов был, казалось, пойти на уступки: к 1847 г. было возвещено о созыве прусского соединенного ландтага. Николай Павлович осуждал политику «мечтателя», как он называл Фридриха-Вильгельма IV. Считая, что с Пруссией дело кончено, он пытается теперь вступить в более тесное сближение с Австрией, как последним оплотом монархических начал в Европе. Такую попытку усматривали и в возникшем в это время проекте брака великой княжны Ольги Николаевны с австрийским эрцгерцогом Стефаном, чем объяснялась миссия в 1844 г. в Вену гр. А.Ф. Орлова. Этот проект был встречен несочувственно как со стороны римского папы, недовольного Николаем за меры, принятые в это время в Западном крае, так и в католически настроенных придворных кругах Вены. В 1846 г. великая княжна Ольга была выдана за кронпринца Виртембергского.

Личная жизнь государя в 30-х и 40-х годах

Година международных потрясений – 1830 и 1831 гг. были временем тяжелых событий и внутри самого государства, что, конечно, должно было доставлять немало волнений государю, утомляло его и отражалось на его характере. Еще в ноябре 1829 г. Николай Павлович перенес довольно тяжелую болезнь на почве переутомления, отголоском чего была, по-видимому, та крайняя раздражительность, быстро наступающая и быстро проходящая, которая зачастую проявлялась у него в начале 1830 г., когда еще ниоткуда не поступало никаких тревожных известий. В мае месяце 1830 г. произошли волнения в Севастополе среди матросов и жителей Корабельной слободы, недовольных строгими карантинными мерами, предпринятыми против занесения чумы из Турции, и протестовавших против предложенного их переселения на другое место. Эти волнения приняли довольно серьезный характер: временный севастопольский военный губернатор ген.-лейт. Н.А. Столыпин, полковник Воробьев и некоторые из чиновников были убиты. За участие в бунте было привлечено к ответственности особо назначенной следственной комиссией до 980 чел., 7 человек было расстреляно. С конца июня начала принимать угрожающие размеры холерная эпидемия.

Занесенная в 1829 г. в Оренбург из Бухары и Хивы, холера в 1830 г. проникла на Кавказ и в Астрахань, с необычайной быстротой стала распространяться по Волге, проникла в Москву (24-го сентября) и захватила почти всю Европейскую Россию[52].

В 1831 г. эпидемия, затихшая зимой, возобновилась с особенной силой, снова распространилась повсеместно, кроме Сибири, и захватила на этот раз, с 14-го июня, Петербург. Смертность от эпидемии была очень велика. В Петербурге число смертей доходило до 600 чел. в день. Общее число жертв исчислялось до 100 000 чел. Эпидемия распространялась среди всех классов населения. От холеры умерли фельдмаршал Дибич, цесаревич Константин Павлович, инженер-генерал Опперман, прусский фельдмаршал гр. Гнейзенау, статс-дама кн. Н.И. Куракина. С 1832 г. холера начала затихать ив 1833–1835 гг. появлялась лишь местами в слабой форме. В 1836–1838 гг. она разыгралась довольно сильно в Царстве Польском и Западном крае, проникнув сюда на этот раз из Австрии. Меры, принимаемые против эпидемии, оказывались малодейственными и сводились главным образом к полной изоляции очагов заразы, будь то целые селения или отдельные дома, а также к

насильственному водворению в больницы, иногда без достаточного различия между больными и здоровыми. Проводимые к тому же зачастую очень неумело, все эти меры вызывали против себя озлобление населения, часто переходившее в серьезные волнения. Ив 1830, и в 1831 гг. государь Николай Павлович лично находился в местностях, охваченных эпидемией. В 1830 г. при получении известия о холере в Москве, он сейчас же поспешил туда, оставался там до 7-го октября и сам едва не подвергся болезни, вовремя, однако, пресеченной. В Петербурге в 1831 г. холерный бунт достиг 22 июня угрожающих размеров. На Сенную площадь, где собралась пятитысячная толпа, были вызваны войска, но действовали вяло. При известии о волнениях государь, находившийся в то время в Петергофе, немедленно (23-го июня) прибыл в Петербург, появился сам среди бушевавшей толпы на Сенной площади и своей решительностью в значительной степени содействовал успокоению. Холерные беспорядки возникли в июле 1831 г. и в расположенных в Новгородской губернии военных поселениях, а также в Старой Руссе, скоро приняв здесь особенно серьезный характер и превратившись в бунт военных поселян против их начальства. Послав предварительно для расследования ген.-ад. гр. А.Ф. Орлова, государь и сам не замедлил прибыть в поселения почти непосредственно после петербургских волнений. Участвовавшие в бунте поселяне и войска, а также жители Старой Руссы были преданы военному суду и понесли суровое наказание[53].

К середине 1832 г. жизнь петербургского Двора, после тревожных событий последних двух лет, начала постепенно входить в обычную колею, и это заметно отражалось и на состоянии духа самого государя. Тридцатые годы вообще можно считать временем, когда личная жизнь Николая Павловича складывалась наиболее благоприятно. Это – время торжества двух начал и достижения тех задач, какие составляли содержание его внешней политики; это же – время и наиболее оживленной правительственной деятельности в области внутреннего управления.

Появление в Петербурге в мае 1832 г. польской депутации для принесения государю благодарности за дарованную жителям Царства амнистию создало чувство удовлетворения в высших петербургских сферах. В июне того же года прибыл английский чрезвычайный посол лорд Дургам; прием, оказанный послу государем, в значительной степени способствовал временному улучшению отношений между Петербургом и Лондоном, принявших было под влиянием предшествующих событий крайне натянутый характер. Начавшееся вскоре после этого

замешательство на Востоке закончилось к лету следующего года таким крупным успехом русской политики, как Унхиар-Скелессийский договор. Кодификационная деятельность Сперанского, привлекшая к себе живейшее внимание государя, завершилась к 1833 году изданием Свода законов. 18 августа 1833 г. государь выехал из Петербурга за границу для свидания и личного совещания по делам международной политики со своим тестем, прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III,ис австрийским императором Францем I.

С этого момента старания императора Николая I направляются главным образом к тому, чтобы упрочить занятое им в международных отношениях положение. Любопытно при этом наблюдать, как, стараясь восстановить Священный Союз, Николай вначале выступает очень робко и осторожно и как постепенно, по мере того как он находит окончательно почву, его голос начинает звучать все увереннее и увереннее, а обстановка его выступлений принимает все более и более внушительный характер. Шведтское и мюнхенгрецкое свидания 1833 г. и позднейшие свидания восточных монархов в 1835 г. в этом отношении сами собой напрашиваются на сопоставление. Пребывание государя в Шведте и Мюнхенгреце протекало в совершенно частной обстановке и было лишено какой-либо торжественности. В тиши велись, однако, весьма чреватые последствиями переговоры, которые и привели к известным конвенциям 1833 г. Во время пребывания Николая Павловича в Мюнхенгреце австрийский император назначил его шефом своего гусарского полка. Государь отнесся к этому назначению весьма серьезно и два дня спустя после этого произнес перед офицерами своего полка речь, в которой пояснял им их обязанности по отношению к монарху Австрии и заявлял о чувствах своей искренней к нему привязанности. Лично император Николай был вполне удовлетворен результатами мюнхенгрецкого свидания и, главным образом, тем полным согласием, какое удалось установить между тремя державами по польскому вопросу. Покинув 8 сентября Мюнхенгрец, Николай Павлович направился в Польшу. Он осмотрел Модлинскую крепость, переименованную им при этом в Новогеоргиевск, делал смотр местным войскам и обозревал сооружавшуюся в это время около Варшавы Александровскую цитадель. Посетить столицу Царства Польского государь не пожелал и после осмотра цитадели вернулся в Новогеоргиевск, откуда двинулся в дальнейший путь и прибыл 16 сентября в Царское Село. Пассивная роль, какую пришлось играть Пруссии во время предшествующих совещаний между тремя державами, настроила прусское общественное мнение против

императора Николая; сам прусский Двор, по-видимому, чувствовал себя несколько обиженным. Николай Павлович постарался рассеять неблагоприятное впечатление, посетив неожиданно осенью 1834 г. вместе с императрицей и наследником Берлин и пробыв там двенадцать дней, с 1-го по 13-е ноября. Во время этого посещения он вместе с наследником не упускал случая выразить перед берлинским обществом и прусскими войсками свою совершенно сыновнюю почтительность к прусскому монарху. Совершенно другая картина в 1835 г. Новые съезды трех монархов в этот год, маневры в Калише, теплицкие празднества по случаю открытия Кульмского памятника и пребывания императора Николая в Праге, в противоположность шведтскому и мюнхенгрецкому свиданиям, были обставлены чрезвычайно торжественно. Государь с исключительным вниманием старался относиться к новому австрийскому императору Фердинанду, слабому и телом и духом, как бы напоминая присутствующим об обещании, данном им покойному императору Францу, быть попечителем его сына и оплотом его империи. Совершенно неожиданно для всех окружающих и для самого императора Фердинанда Николай Павлович предпринял поездку в Вену, чтобы засвидетельствовать почтение вдовствующей австрийской императрице. Настоящее пребывание государя в Австрии содействовало новому сближению его с австрийским канцлером князем Меттернихом, к которому он питал теперь полное доверие. Настоящее свидание монархов как бы завершало то, что в свое время подготовили Шведт и Мюнхенгрец: оно должно было явить перед глазами Европы твердую решимость трех держав дать отпор надвигавшемуся с Запада либеральному брожению. В то же время это было новое торжество начал Священного Союза над тем, что стало теперь как бы синонимом революции – над польской национальностью. Занятие к началу 1836 г. города Кракова войсками союзных держав доставило в этом отношении императору Николаю немалое удовлетворение. В его глазах это было последним моментом окончательной ликвидации польского национально-революционного движения: падение Краковской республики было отныне вопросом времени.

Одновременно с тем, как определялось международное положение, внутри государства происходили торжественные события, долженствовавшие подчеркнуть прочность установившегося порядка после различных потрясений, пережитых за последнее пятилетие. Этот порядок теперь восстановлен, и Николай не боится больше своих «amis du quatorze», мысль о которых все же не давала ему покоя после 1825

г. и чей призрак восстал перед ним в событиях 1830 г. В день Пасхи, 22 апреля 1834 г., происходила церемония провозглашения исполнившегося в этом году совершеннолетия наследника престола и принесения им присяги. Государь поручил Сперанскому подготовить наследника к этому акту, а сама церемония, по его желанию, была обставлена особой торжественностью. 30 августа того же года с не меньшей торжественностью последовало, в присутствии прусского принца Вильгельма, открытие в Петербурге памятника императору Александру I (Александровской колонны). Перед началом церемониального марша государь во главе своего штаба, имея около себя принца Вильгельма, сам проследовал мимо памятника, опустил перед ним шпагу и, став возле него, пропускал мимо себя войска. Весной 1835 г. государь вместе со своим семейством посетил Москву, в которой в последние годы бывал по преимуществу проездом. На этот раз он пробыл в древней столице почти месяц, с конца апреля до 21 мая, поселившись в старом Кремлевском дворце и обозревая как сам город, так и некоторые из его окрестностей, старые царские вотчины, как, например, Царицыно и Коломенское. Происходило как бы примирение царя с древней столицей, в которой продолжала жить память о расплате за 1825 г. Восторжествовавший порядок облекался в реставрацию царской власти на исторических началах. И эта реставрационная власть не упускала случая проявить свое патриархальное попечительство в новых сферах современной общественности. Осматривая открытую в это время в Москве выставку мануфактурных и фабричных изделий, государь, как сообщает об этом в своих записках Бенкендорф, обратился к фабрикантам с речью и обращал их внимание на необходимость попечения о рабочих, «которые, ежегодно возрастая числом, требуют деятельного и отеческого надзора, без чего эта масса людей постепенно будет портиться и обратится наконец в сословие столько же несчастное, сколько опасное для самих хозяев».

Все указанные события несколько отвлекли государя в 1833, 1834 и частью в 1835 гг. от вопросов внутреннего управления. Уже с лета 1834 г., однако, в связи с возвращением в Петербург из дунайских княжеств П.Д. Киселева, мысль государя начинает с новой силой сосредоточиваться на крестьянском вопросе. С 1835 г. жизнь входит постепенно в свою обычную колею, и внимание императора Николая сосредоточивается теперь прежде всего на вопросах внутреннего управления. 1835–1840 гг. – пятилетие николаевского царствования, наиболее богатое крупными законодательными начинаниями, как бы продолжающими теперь

то, почин чему был положен изданием Свода законов. По возвращении государя в начале ноября 1835 г. из-за границы возобновляются его занятия с Киселевым по крестьянскому вопросу, и, начиная с 1836 г., этот вопрос на долгое время делается главным предметом забот императора Николая. К 1837–1842 гг. относятся главные мероприятия николаевского царствования по крестьянскому вопросу, как, например, учреждение Министерства государственных имуществ и Закон об обязанных крестьянах. К 1836 г. относятся и главные преобразования, произведенные в николаевское царствование в области военно-сухопутного и морского управления. В 1837 г. была произведена реформа местного управления. С 1839 г. внимание государя сосредоточивается главным образом на вопросах финансового управления. Из сотрудников государя министр финансов гр. Е.Ф. Канкрин начинает теперь все более и более привлекать к себе внимание общества. Одновременно со всеми этими начинаниями министр народного просвещения гр. Уваров проводит свою систему народного образования, одно из самых показательных явлений николаевского царствования, попытка в корень перевоспитать русское общество в духе правительственных взглядов, внедрить в его плоть и кровь правительственную систему.

По мере того как шла вся эта работа, сам император как бы знакомился со своей страной, старался дать подданным случай и возможность лицезреть своего монарха. В тридцатых годах он совершил ряд поездок по России. Эти поездки охватывали почти всегда довольно значительный район, но при той быстроте, с какой обыкновенно ездил Николай Павлович, бывали большей частью не особенно продолжительны; пребывание в отдельных городах и местностях точно так же было почти всегда очень кратковременным. Государь отправлялся, обыкновенно, в свои поездки по России ранней осенью, в начале сентября; к концу октября или в первых числах ноября он возвращался уже в столицу. Целью поездок было преимущественно смотры местных войск, осмотр крепостей и укреплений и т.п. Почти всегда, однако, государь успевал заглянуть в местные гражданские учреждения, особенно приказы общественного призрения, больницы, учебные заведения, различного рода благотворительные учреждения и т.п., а также осмотреть местные достопримечательности и памятники старины. За это время Николай Павлович объездил почти всю Европейскую Россию по ее главным трактам; побывал в Пскове, Новгороде, Смоленске, Бобруйске, Киеве, Полтаве, Харькове, Тамбове, Воронеже, Ор ле, Туле; дважды проехал по Волге: один раз от Ярославля до

Нижнего, другой – от Нижнего до Казани; посетил Крым и Кавказ и почти каждый раз заезжал в Москву. Самое большое путешествие было совершено в 1837 году. Государь выехал на этот раз из столицы довольно рано – 31 июля. Он проехал через Псков, Динабург, Ковно, Вильно, Бобруйск и Киев, осматривая по пути все эти города, в Вознесенск, куда прибыли посетившая за это время Москву императрица и наследник цесаревич, совершавший в этом году точно так же большую образовательную поездку по России. В Вознесенске происходили большие маневры в присутствии иностранных гостей: австрийского эрцгерцога Иоганна, прусских принцев Августа и Адальберта и мн. др. Эти маневры имели такое же политическое значение, какое в свое время имели Калаш и Теплиц. Государь оставался здесь более двух недель, с 17 августа по 4 сентября, и выехал отсюда, в сопровождении наследника, в Николаев и Одессу, а отсюда, уже и с императрицей, в Севастополь. Осмотрев 13 сентября Черноморский флот, государь посетил Бахчисарай и Симферополь и проехал отсюда через Артек и Массандру по южному берегу до Алупки. Оставив императрицу в Алупке, Николай Павлович вместе с наследником посетил Анапу, Геленджик и Керчь и отсюда уже один двинулся на Кавказ. Главной целью поездки на Кавказ было посещение Грузии и Армении и осмотр закавказских укреплений. Путь государя шел на Ретут-Кале, куда он прибыл 27 сентября, Поти и Кутаис, где ему был устроен торжественный прием князьями и дворянами Имеретии. Отсюда государь проехал на Ахалцих, Гумры, переименованный им в Александрополь, посетил Эчмиадзинский монастырь и Эриван, где принял наследника персидского трона семилетнего принца Валията, и двинулся отсюда в обратный путь на Тифлис, куда и прибыл 2 октября. В местном управлении, ревизуемом в это время сенатором Ганом, государь открыл большие недостатки и злоупотребления и некоторых лиц из высшей администрации тут же подверг строгой каре. С зятя главноуправляющего в то время краем бар. Розена, князя Дадиани, своего флигель-адъютанта, Николай Павлович во время развода сорвал аксельбанты и отправил его прямо с плац-парада в Бобруйскую крепость для предания военному суду. Вообще свое впечатление от посещения Закавказья государь в разговоре с Бенкендорфом выразил так: «Не могу иначе изобразить Вам радушие сделанного мне приема, как сравнив его со встречами, делаемыми мне здесь в Москве, и нельзя не дивиться, как чувства народной преданности к лицу монарха не изгладились от того скверного управления, какое, сознаюсь к моему стыду, так долго тяготеет над этим краем». Покинув 8 октября Тифлис, Николай

Павлович проехал на Владикавказ, Пятигорск, Георгиевск и Ставрополь в Аксайскую станицу, куда прибыл 19 октября и где его снова встретил наследник цесаревич, как атаман всех казачьих войск. 21 октября был торжественный выезд государя и наследника в столицу земли войска Донского, Новочеркасск, а 23 высокие путешественники выехали уже в Воронеж. 26 октября государь с наследником прибыли в Москву, где оставались шесть недель. К 10 декабря Николай Павлович вернулся в Царское Село. Обычным спутником государя во всех его поездках был гр. А.Х. Бенкендорф, ехавший обыкновенно вместе с ним в его коляске. В 1837 г. Бенкендорф был болен, и в только что описанном путешествии государя сопровождал гр. А.Ф. Орлов, который с этого времени и начинает постепенно заслонять своего предшественника.

С конца тридцатых годов в личной жизни императора Николая Павловича можно отметить как бы перелом, чему соответствуют новые затруднения в области внешних отношений и тревожные симптомы в делах внутренних. Главными заботами Николая делается отныне охранение начал Священного Союза, здание которого, окончательно, казалось, восстановленное соглашениями 1833–1835 гг., теперь снова начинает колебаться. Он с новыми силами, но на этот раз с гораздо меньшим успехом, направляет все свои заботы на охранение этого здания. Изолировать Францию, этот очаг революционных потрясений, становится главной целью политики Николая. Затруднения на Востоке рассматриваются им теперь точно так же прежде всего в связи с первыми признаками нового начинающегося революционного брожения в Европе. Именно с такой точки зрения прежде всего рассматривал он и разгоревшееся к 1839 г. второе восстание египетского паши, действительно поддержанного французским правительством. Политика Франции встретила противодействие со стороны Англии, и, пользуясь этим, Николаю Павловичу удалось поставить Францию в изолированное положение. Этот результат был куплен, однако, ценой фактического отказа от Унхиар-Скелессийского договора: заменившая этот последний Лондонская конвенция в глазах самого императора, по-видимому, не была такой блестящей дипломатической победой, какой ее считал, как мы уже знаем, Нессельроде. К тому же и само соглашение России, Австрии и Пруссии с Англией по делам Востока было соглашением лишь по частному вопросу, в котором менее всего можно было видеть возвращение к Шомонскому соглашению 1814 г., как того хотел бы Николай Павлович. А в то же время общественное брожение на Западе распространялось все шире и шире. Ото всех концов, из

Италии и из Франции, из Испании и даже из Пруссии, приходили постоянно дурные вести. С конца тридцатых годов в Кракове снова начало усиливаться польское национальное движение, находившее отзвуки и в русских пределах: еще в 1838 г. в Вильно был раскрыт заговор Конарского и происходили беспорядки в Киевском университете.

Здоровье самого государя, до этого времени вполне удовлетворительное, начинает теперь сдавать. Его личная жизнь в конце тридцатых и начале сороковых годов была омрачена рядом горестных и тревожных событий. Еще в 1836 г., 26 августа, во время поездки государя по дороге из Пензы в Тамбов, около Чембара его коляска опрокинулась и сам он получил перелом ключицы. Около двух недель, с 26 августа по 9 сентября, он принужден был оставаться в Чембаре в самых неблагоприятных условиях и двинулся в дальнейший обратный путь гораздо ранее, чем это позволяло, по мнению докторов, состояние его здоровья. По отзывам современников, государь после этого происшествия стал очень раздражителен. С этого времени, по-видимому, начало падать и его доверие к его лейб-медику доктору Арндту и расти доверие к доктору Мандту, приехавшему около 1837 г. из-за границы, пользовавшему в это время императрицу и назначенному лейб-медиком на место Арндта в 1839г. Во время своей поездки в следующем году на Кавказ Николай Павлович чувствовал себя точно так же не вполне хорошо и несколько раз недомогал. А вскоре после его возвращения на этот разв Петербург, в ночь с 17-го на 18-е декабря, произошел известный пожар Зимнего дворца. Государь с государыней были в это время на представлении в Большом театре. Узнав о пожаре, государь поспешил во дворец и лично распоряжался спасением бумаг и государственных и личный драгоценностей. Тем не менее в огне погибло многое, а тушение пожара стоило жизни нескольким десяткам человек. Николай Павлович переехал после пожара в Аничкинский дворец («Аничкинский дом», как он его обыкновенно называл), где и оставался до начала 1839 г., пока не был отстроен Зимний. Государь был очень расстроен этим событием и долгое время после этого обнаруживал нервную боязнь при малейшем виде огня и запахе дыма.

В начале 1838 г. Николай Павлович вместе с супругой и наследником, отправлявшимся в то время в свое заграничное путешествие, посетил Берлин, где пробыл с 7-го по 26-е мая. Дальнейший маршрут наследника цесаревича начинался со Швеции. Государь, в свою очередь, пожелал воспользоваться этим случаем, чтобы посетить лично шведского короля Карла-Иоанна, и вместе с наследником прибыл 29 мая в Стокгольм, где и

оставался два дня. Отсюда он вернулся к началу июня в Петербург, а наследник двинулся в свой дальний путь, в Данию. Здесь наследник сильно простудился, а так как и без того его здоровье было в это время неудовлетворительно (само путешествие его за границу имело, отчасти, целью лечение в Эмсе), то это обстоятельство тем более встревожило государя. Решено было, что наследник проведет зиму в теплом климате, в Италии. Чтобы повидать перед этим своего сына, Николай Павлович в этом году, в конце августа, вторично ездил за границу. В начале 1840 г. ухудшилось здоровье императрицы, и в мае месяце она также выехала в Эмс. Тотчас вслед за этим пришло известие об опасной болезни прусского короля, и Николай Павлович выехал поспешно в Берлин, где еще застал в живых своего тестя. Смерть Фридриха-Вильгельма (26 мая) глубоко огорчила государя. В то же время здоровье императрицы поправлялось медленно, и зима 1840–1841 гг. прошла для Николая Павловича в тревогах и волнении. Все это, между прочим, заставило несколько отсрочить брак наследника цесаревича с принцессой Гессен-Дармштадтской, решенный еще с начала 1839 г.: бракосочетание состоялось 16 апреля 1841 г. Приблизительно с этого времени Николай стал постепенно привлекать своего будущего преемника к делу управления, чтобы этот последний мог «изучить свое царственное ремесло». С конца 1839 г. наследник, по желанию государя, начал присутствовать в Государственном Совете, а с конца 1840 г. и в Комитете министров. В день бракосочетания наследника государь назначил его членом Государственного Совета. В августе 1841 г., ввиду отъезда государя на маневры в Ковно и Варшаву, рескриптом на имя председателя Государственного Совета кн. Васильчикова решения по делам Комитета министров в отсутствие государя возлагались на наследника цесаревича. Когда зимой 1845 г. государь отъезжал в Палермо, наследник был облечен такой властью, что за границу посылались лишь мемории общего собрания Государственного Совета и проекты Высочайших указов. С 1842 г. Николай Павлович постоянно назначал своего старшего сына в различные комитеты и, между прочим, в секретные комитеты по крестьянскому вопросу.

Жизнь при петербургском Дворе в 1842 г. прошла тихо. Государь заметно избегал торжественных приемов и выходов. В августе 1843 г. Николай Павлович уехал в Берлин для отдачи визита новому прусскому королю, бывшему в 1841 и 1842 гг. в России. Перед отъездом он сказал военному министру кн. Чернышеву, указывая на наследника: «В случае, если я не возвращусь, вот ваш командир». Было повелено в отсутствие

государя «во всех непредвиденных случаях испрашивать повеление государя-наследника». Летом 1844 г., после поездки государя в мае месяце в Англию, имевшей незначительные политические результаты, его семейная жизнь была омрачена смертью (29 июня) его младшей дочери вел. кн. Александры Николаевны, лишь незадолго до этого вступившей в брак с принцем Гессен-Кассельским. Зиму 1844–1845 гг. Николай Павлович чувствовал себя нехорошо; у него болели ноги, и он опасался, что у него начинается водянка. Летом 1845 г. снова ухудшилось и начало внушать сильные опасения здоровье императрицы. Было решено, что ближайшую зиму она проведет в Палермо. В августе государыня покинула Петербург, а через несколько дней после этого, 21 августа, и государь отправился в южные губернии для осмотра войск – в Елизаветград и Чугуев. Он посетил на этот раз Николаев и Севастополь, где свиделся с приехавшим из Тифлиса новым главноуправляющим Закавказского края кн. М.С. Воронцовым. На обратном пути государь из Харькова 16 сентября отправился за границу, прибыл к 5 октября в Милан, куда еще раньше приехала и императрица, и отсюда сопровождал ее в Палермо. К 30 декабря Николай Павлович был уже в Петербурге. Государыня вернулась лишь к лету 1846 г. Те разговоры, какие на обратном пути из Палермо в Вене Николай Павлович имел с кн. Меттернихом, обнаруживали в нем очень мрачный взгляд на современное положение дел в Германии. «Пока живы Вы, – говорил он Меттерниху, – государство продержится. Что будет, когда Вас не станет?» Несколько позднее, в разговоре с датским посланником Плессеном, он сказал: «Autrefois nous etions trois, a present nous sommes un et demi. Car la Prusse, je ne peux la compter, et l'Autriche ne compte au plus que pour demi»[54].

Зиму 1846–1847 гг. Николаю Павловичу пришлось провести в частых разъездах, что, в связи с новыми огорчениями (смерть в ноябре дочери вел. кн. Михаила Павловича, великой княжны Марии Михайловны), не могло не отразиться на здоровье государя. Он должен был оставить почти все дела. В марте 1847 г. государь страдал столь сильными головокружениями и приливами крови, что не был в состоянии принимать участие в выходе на Светлое Воскресенье. Летом здоровье государя несколько поправилось, и осенью он мог предпринять свою обычную поездку по России, но к декабрю наступило снова сильное ухудшение. Совершенно больной, утомленный пережитыми семейными невзгодами, преследуемый мыслью о скором конце, с мрачными взглядами на будущее встретил император Николай Павлович 1848 г.

А между тем внутреннее положение дел в государстве становилось все затруднительнее. Односторонность всей правительственной системы сказывалась все более и более, особенно теперь, с начала сороковых годов, когда в силу, главным образом, новых хозяйственных условий, России все труднее и труднее становилось идти вровень со своими европейскими соседями. Внешние условия, в каких протекала правительственная деятельность императора Николая с конца тридцатых и в сороковых годах, слагались точно так же менее благоприятно, чем в первые пятнадцать лет его царствования. Ряды лучших его сотрудников редели. С 1839 г. начали сходить в могилу те из его сподвижников, через которых создавалась связь николаевского царствования с александровской эпохой, и те, которых сближали с государем пережитые вместе трудные первые годы царствования, – те, в ком он мог встретить не только исполнителей своей воли, но и советников. В то же время успех предшествовавших начинаний питал в императоре уверенность в безусловной правоте своей личной инициативы.

11 февраля 1839 г. скончался Сперанский. Государь был глубоко огорчен этой потерей. «Сперанского, – сказал он по этому поводу бар. М.Корфу, – не все понимали и не все довольно умели ценить; сперва и я сам, может быть, больше других был виноват против него в этом отношении. Мне столько было наговорено о его либеральных идеях; клевета коснулась его даже и по случаю истории 14 декабря! Но потом все эти обвинения рассыпались, как пыль. Я нашел в нем самого верного, преданного и ревностного слугу, с огромными сведениями, с огромной опытностью. Теперь все знают, чем я, чем Россия ему обязаны – и клеветники умолкли. Единственный упрек, который мог бы я ему сделать, это чувство его к покойному брату; но и тут, конечно…» «Государь, – заносит в своей дневник Корф, – остановился, не окончив своей мысли». По распоряжению государя бумаги Сперанского были запечатаны, а несколько позднее для их разбора была назначена комиссия, в которую вошли статс-секретари Дашков, Корф и Танеев. Государь повелел при этом разделить все бумаги на три части: относящиеся ко времени до 1812 г., бумаги, относящиеся лично до государя и не касающиеся службы («Эти особенно важны», – добавил он при этом), и бумаги, касающиеся Государственного Совета, кодификации и проч. Место Сперанского по II отделению Собственной Е.И.В. Канцелярии занял тогдашний министр юстиции Д.В. Дашков, а после его смерти, в ноябре того же года – Д.Н. Блудов. Еще за год до смерти Сперанского, 8 апреля 1838 г., скончался председатель Государственного Совета Н.Н. Новосильцев, к смерти которого

Николай Павлович отнесся очень холодно. Преемником Новосильцеву был назначен кн. И.В. Васильчиков, принявший это назначение по личному настоянию Государя Императора. В лице кн. Васильчикова Николай Павлович имел искренне преданного ему сподвижника, ревностно отстаивавшего, однако, в то же время, во имя чести и славы самой верховной власти, достоинство и неприкосновенность Совета как законосовещательного учреждения. В этом отношении Васильчикову постоянно приходилось вступать в пререкания и прямые столкновения с попытками отдельных министров идти в обход Совета, к чему особенно были склонны Чернышев, Канкрин и даже Киселев, несколько позднее Перовский. Искренно благорасположенный к Васильчикову, Николай Павлович иногда тяготился той оппозицией, какую он встречал со стороны председателя Совета, и сам лично предпочитал зачастую более простой и быстрый способ разрешения того или другого вопроса. Это создавало холодность в отношениях государя к Государственному Совету, среди членов этого последнего – апатию.

Кн. Васильчиков 21 февраля 1843 г. скончался. В лице его преемника, назначенного к 1848 г. председательствующим Совета гр. Левашева, Николай Павлович нашел более беспрекословного исполнителя его повелений, в его собственных глазах, однако, стоявшего гораздо ниже, чем его предшественник. Отнесшись вначале с полным одобрением и доверием к финансовой реформе Канкрина, Николай вскоре начал тяготиться политикой своего министра, находя ее чересчур осторожной и в то же время слишком медленно приносящей свои результаты. Недовольство государя Канкриным стало сказываться уже к 1840 г. Государственная роспись на этот год была составлена с дефицитом до 21 млн. руб. В силу непреклонно выраженной воли государя Канкрин должен был примириться с назначением ему товарища в лице Вронченко. Последующие за этим годы Канкрину с трудом удавалось проводить свою систему осторожной финансовой политики, в особенности когда речь заходила о новых расходах на военные нужды. 1-го мая 1844 г. Канкрин получил, «по неоднократным его просьбам», увольнение от звания министра финансов, и «статс-секретарем, управляющим Министерством финансов», был назначен только что названный Вронченко, человек, по отзыву кн. Васильчикова, «неукоризненной честности правил, но больше чиновник, чем человек, способный к государственному делу».

Тяжелый в семейной жизни государя Николая Павловича 1844 год был ознаменован для него, кроме того, смертью двух его

приближенных. 11 сентября скончался долго пользовавшийся доверием государя, но в последнее время потерявший свое значение гр. А.Х. Бенкендорф; 22 ноября – кн. А.Н. Голицын. Состав сподвижников императора Николая Павловича постепенно менялся. После смерти Сперанского и Голицына, после отставки Канкрина из лиц, разделявших с государем в начале тридцатых годов его заботы по внутреннему управлению и бывших свидетелями его законодательных начинаний, оставались лишь министр государственных имуществ гр. П.Д. Киселев, положение которого с 1844 г. становилось все труднее и труднее, да постоянные противники последнего, по-прежнему пользовавшиеся доверием у государя: военный министр кн. А.И. Чернышев и светлейший князь А.С. Меншиков. Только в отдельных случаях во вторую половину николаевского царствования намечаются новые фигуры, которые частью не успели вполне обрисоваться за теми общими переменами, какие наступили после 1855 г., частью до настоящего времени недостаточно еще выяснены исторической наукой. К 1841 г. последовало назначение на пост министра внутренних дел гр. Л.А. Перовского. К декабрю 1844 г. кавказским наместником и главнокомандующим, после целого ряда назначений, не оправдавших надежд государя, был назначен гр. М.С. Воронцов.

Николаевская система

Даты 1830 и 1848 можно лишь с большими оговорками класть в основу периодизации николаевского царствования; систематический обзор внутренней деятельности императора Николая, тем не менее, очень удобно приурочивать к тому моменту, когда повествование о его царствовании доходит до начала тридцатых годов. Именно теперь можно говорить о том, что принято называть, обыкновенно, николаевской системой. Потрясения, переживаемые Западной Европой в эпоху Июльской революции, находившие отзвук и в России, оказали известное влияние на внутреннюю политику николаевского царствования в том смысле, что заставили Николая окончательно выдвинуть теперь на первый план охранение основ существующего порядка. Россия, оплот охранительных принципов в международных отношениях, сама по себе должна была являть всем своим бытием полное и последовательное доказательство незыблемости этих принципов – такова формула николаевской системы. Полицейско-охранительные и запретительные мероприятия, вызывавшиеся в первые годы исключительными условиями только что пережитых событий, с 1830 г. окончательно возводятся в систему управления. Последовательно проводя начала охранительной политики, Николай и после 1830 г. никогда не отказывался от разрешения назревших общественных и государственных нужд и вопросов. Ясно и отчетливо сознавая всю трудность положения дел, имея перед собой дилемму: или охранение основ существующего строя, или полная ликвидация крепостных отношений, он остановился на решении – поддерживать сложившийся порядок, внося в него частичные поправки, не идущие вразрез с основными устоями, и разрешать очередные вопросы, не допуская при этом каких-либо коренных изменений. Мысль о пересмотре всего государственного устройства и управления и о его окончательном упорядочении, хотя бы в духе консервативных начал, но зато как единая и всеобъемлющая мера, что выразилось в учреждении «Комитета 6 декабря 1826 г.», уступает после 1830 г. место отдельным частичным мероприятиям по различным отраслям управления, лишь в отдельных случаях прерывающимся крупными государственными актами, вроде издания Свода законов или учреждения Министерства государственных имуществ. На первый план выдвигаются при этом вопросы материального благосостояния общества и связанные с этим задачи финансовой и экономической политики. Борьба с нежелательными

политическими идеями и охранение господствующего православного исповедания, как основы существующего государственного строя, идут рука об руку с широким поощрением умственной деятельности в той сфере и в тех пределах, в каких эта деятельность не соприкасалась с областью религии и политики. Полное отстранение общественных сил от дела государственного устроения и осуществление правительственных начинаний исключительно бюрократическими средствами – главная характерная черта методов николаевской политики. Наряду с органами высшего государственного управления выступает значение экстренных учреждений, создаваемых ad hoc, секретных комитетов, совещаний и т.п. Закон, не соответствующий требованиям жизни или видам правительства, не отменяется прямо, но изменяется частично дальнейшими разъяснениями, дополнениями и отдельными, на отдельные случаи, распоряжениями.

В последнее время, как кажется, впервые проф. А.А. Корниловым, к николаевской эпохе был применен термин «просвещенный абсолютизм»[55]. Понятие просвещенного абсолютизма с научной точки зрения с трудом поддается отграничению от понятия абсолютизма вообще и полицейского государства. Ив таком случае правильнее будет назвать правительственную систему Николая одной из самых последовательных попыток осуществления идеи полицейского государства. Быть может, наиболее существенным признаком просвещенного абсолютизма приходится признать отказ государственной власти от конфессионализма и начало религиозной терпимости. Просвещенный абсолютизм – известная стадия в истории отношений между государством и Церковью, но в этом смысле это понятие неприменимо к николаевской эпохе. В это царствование вероисповедное начало неразрывно связалось с определенным политическим лозунгом и, взятое под защиту государственной власти, само придало этой последней конфессиональный оттенок. Вне этой сферы николаевская система, действительно, может быть характеризована теми чертами, какими, как всякое полицейское государство, характеризуется и просвещенный абсолютизм: народное благо, понимаемое прежде всего как удовлетворение материальных потребностей, как цель; последовательно проводимая правительственная опека как средство ее достижению. Заглушая все живое и искажая работу общественной мысли, николаевская система оказалась в конце концов бессильной выполнить взятую ею на себя задачу, и в этом, между прочим, а не в отдельных частностях причина краха, который пережила Россия в

пятидесятых годах девятнадцатого века. Взятая сама по себе, в пределах открывающихся перед ней возможностей, николаевская система выполнила все-таки известную положительную работу и в ряду других ей подобных систем отличалась и положительными качествами – отсутствием политического шатания и, во многих случаях, доброкачественностью, если можно так выразиться, предлагаемого ею материала. Взяв на себя поистине непосильную задачу, правительство в николаевское царствование старалось использовать, конечно неумолимо формуя их на свой лад, соответствующие духовные силы. Николаевское царствование – время чиновников – не всегда время посредственностей. Яркое выражение николаевской эпохи – уваровская система народного просвещения. Режим самой беспощадной опеки, эта система не только старалась заставить служить себе, но и действительно выдвинула крупные научные силы. Убивая дух общественности, николаевская школа, тем не менее, высоко стояла в научном отношении. Николаевское царствование не давало простора государственному творчеству широкого размаха, но оно дало немало опытных государственных дельцов, своей деловитостью нередко выгодно отличавшихся от тех, кто позднее заступил на их место, будь то прогрессивные, но слабодушные администраторы или люди бессильных потуг на реставрацию старого режима.

К концу апреля 1830 г. закончились главные работы «Комитета 6 декабря 1826 г.» После этого комитет собирался всего лишь раз в июле 1830 г. и несколько раз в декабре 1831 г. и феврале и марте 1832 г. по отдельным вопросам. За время с 1826 г. по 1830 г. комитетом были выработаны проекты учреждения Государственного Совета, учреждения Сената Правительствующего и Судебного, общего учреждения министерств и учреждения губернского управления и обсуждался вопрос о Комитете министров. Одновременно с выработкой и обсуждением всех этих проектов в комитете обсуждались вопросы, касающиеся положения отдельных сословий, и был выработан Проект дополнительного Закона о состояниях. Все работы комитета сосредоточились, таким образом, около двух главных пунктов: около вопроса о высших государственных учреждениях, их взаимоотношениях между собой и об отношениях к ним местных учреждений и около вопроса о государственных состояниях (сословиях), отчасти в связи с вопросом о порядке прохождения государственной службы. Занятия комитета живо интересовали государя. Журналы заседаний комитета шли к нему на утверждение. Предположения комитета вызывали со стороны государя замечания; попутно им

давались соответствующие отдельные распоряжения.

Останавливаясь на вопросе о высших государственных учреждениях, комитет обратил особое внимание на ненормальное положение Комитета министров. Первоначально простое собрание министров, в коем докладывались государю императору дела, требовавшие совокупного суждения, Комитет министров превратился постепенно в присутственное место без всякого публичного акта, определявшего его установление. Вследствие этого отдельные министры стали вносить однородные дела то в Комитет, то в Сенат, то в Государственный Совет. Занятия Комитета сделались и судебными, и исполнительными, и совещательными; взаимоотношения высших государственных учреждений стали неопределенными. Выход из этого положения «Комитет 6 декабря» видел вначале в совершенном упразднении Комитета министров. Законосовещательные функции, к которым относилось и рассмотрение государственной росписи, возлагались им исключительно на Государственный Совет. Сенату, по мнению комитета, надлежало сообщить право «верховного под державной властью судилища», назвав его Сенатом Судебным. Правительственную часть Сената, входившую в круг действия 1-го департамента и общего собрания, отделить совершенно и вверить особому Правительствующему Сенату, составив его из главноначальствующих отдельных частей управления (т.е. министров) и других лиц, удостоенных доверием государя. Для того чтобы не создать подчинения Правительствующего Сената равному ему учреждению, т.е. Государственному Совету, комитет предлагал учредить особое вне Сената присутствие одних министров, под именем Присутствия или Совета министров, в котором бы и обсуждались предположения о новых установлениях иоб изменении старых до их внесения в Государственный Совет. Одобрив в общем все эти предположения, государь император относительно последнего заметил, что подобное «совещание министров вне Сената… может постепенно и нечувствительно присвоить себе особенное место в управлении, подобно Комитету министров», и что поэтому «для предупреждения сего будет необходимо означить с величайшей точностью, в чем именно будут состоять права и обязанности сего министерского совещания и какие дела не должны никогда подлежать его ведению». Мысль о Совете министров была после этого оставлена комитетом, и выработанные им проекты были построены на намеченном им разграничении ведомств высших государственных учреждений.

При рассмотрении вопроса о местном управлении комитет отнесся отрицательно к мысли об учреждении генерал-

губернаторств, каким было образование в 1819 г. «губернского округа», из губерний Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской и Воронежской, вверенного ген.-ад. А.Д. Балашеву. Комитет находил возможным лишь учреждение особых правил для губерний столичных и пограничных. Эти мысли комитета точно так же получили Высочайшее одобрение. С другой стороны, находя необходимым восстановление екатерининских губернских учреждений, комитет вместе с тем выдвигал мысль о перестройке этих учреждений на началах согласования их с центральными учреждениями в том виде, в каком теперь проектировались эти последние, т.е. с министерствами, Правительствующим и Судебным Сенатами. Эта мысль легла в основу рассуждения об учреждении губерний, составленного М.А. Багульянским, и проекта учреждения для управления губерний, составленного Сперанским.

Проект дополнительного Закона о состояниях, изложенный в форме манифеста, по обсуждении его в комитете, намечал следующие изменения в действовавшем законодательстве о сословиях. Дворянское звание впредь могло быть получаемо только путем пожалования, но не выслуги. Производство в чины, независимо от должности, прекращалось, и определенные чины нераздельно соединялись с определенными должностями. Получение известного чина сообщало права тех высших разрядов, на которые подразделялось теперь «среднее состояние». Такими подразделениями были звания: чиновного гражданства, именитого гражданства, почетного гражданства и мещан. Помимо рождения, чиновное гражданство могло получаться достижением по службе обер-офицерского чина или чина VIII класса; именитое – по службе, достижением чина XII класса, а также отличием в науках и изящных художествах и отличием в торговле и промышленности; почетное – вступлением в первую и вторую торговую гильдию и окончанием курса Академии художеств; сюда же, по особому Высочайшему указу, заносились ходатайствовавшие о получении прав гражданства иностранные ученые, художники и капиталисты. В отделе о крестьянах Проект дополнительного закона о состояниях вводил запрещение продавать крестьян без земли и определял положение крестьян, отпущенных на волю как без земли, так и по указу 1803 г. о вольных хлебопашцах, распространяя на тех и других право иметь земельную собственность. К Проекту закона о состояниях присоединялись проекты двух указов: о дворовых людях – устанавливающий ряд ограничительных мер по владению этим разрядом людей и запрещающий перевод в этот разряд крестьян, и об ограничении и раздроблении недвижимых населенных

имуществ. Запрещение продавать крестьян без земли и запрещение переводить их в разряд дворовых было предуказано комитету самим императором Николаем Павловичем в его собственноручной записке (конец августа 1827 г.), которая и легла в основу Проекта дополнительного закона о состояниях.

Выработанные комитетом проекты предполагалось, по обсуждении в Государственном Совете, облечь в торжественную форму манифеста. Не изменяя ничего по существу в основах государственного и общественного строя, такой мерой думали, по-видимому, удовлетворить общественное мнение, удрученное исходом попытки декабристов и постигшей их суровой карой. В действительности, дальнейшее движение получили лишь проекты Дополнительного закона о состояниях и присоединенных к нему указов. 6 марта 1830 г. эти проекты были внесены в Государственный Совет, где и обсуждались до конца июня т.г. В Государственном Совете все эти проекты встретили ряд сильных возражений, направленных как против существа предполагаемых изменений, так и против предполагаемой формы их обнародования. Проект вызвал возражения и со стороны цесаревича Константина Павловича. Представленные им по этому поводу в Государственный Совет две записки имели, по-видимому, решающее значение[56].

Проекты Закона о состояниях, равно как и все другие проекты «Комитета 6 декабря 1826 г.», в целом никогда приведены в исполнение не были. В заключение своей первой записки по поводу проекта о состояниях цесаревич Константин Павлович высказывал убеждение, «что гораздо надежнее можно избегнуть неверности последствий закона особым рассмотрением и приведением в действие всякого порознь из главных предметов». Против этого места государь сделал отметку: «Мысль сия была и моя, но причины, по коим я согласился на предложение вместе издать сие, столь уважительны, что я должен был уступить общему мнению». Не приведенные в целом в исполнение, проекты «Комитета 6 декабря» нашли свое частичное осуществление, хотя и со значительными порой отступлениями от первоначальных предположений, в последующих отдельных мероприятиях николаевского царствования. Нам и предстоит теперь сделать систематический обзор внутренней деятельности императора Николая.

Обзор государственных учреждений в николаевское царствование раскрывает перед нами картину того внешнего механизма, с помощью которого правительство осуществляло свою программу полицейского абсолютизма. Мероприятия в области народного просвещения уясняют идейные обоснования

этой программы. Кодификация, финансовая и экономическая политика и устроение сословий определяют ее конкретное содержание. Специфическую окраску николаевскому абсолютизму придает его внешний милитаризм. Наконец, правительственная политика на одной из окраин, где правительству приходилось выступать как бы насадителем гражданственности, именно на Кавказе, при сопоставлении с известной уже нам политикой на другой окраине, где ему приходилось выступать в боевой роли, дает материал для суждения о внутренней ценности той обрусительной программы, которая точно так же является характерной чертой для всей николаевской системы.

Государственные учреждения в царствование Императора Николая I

Государственные учреждения в царствование императора Николая I

Вопрос о взаимоотношении государственных учреждений составлял, как сейчас было сказано, одну из главных работ «Комитета 6 декабря 1826 года». Работа комитета в этом отношении как бы прямое продолжение тех попыток создать систему координированных государственных учреждений как гарантию законности, при сохранении принципа абсолютизма, которые красной нитью проходят через весь восемнадцатый и начало девятнадцатого века; отдельными этапами этих попыток являются коллегиальная система Петра Великого, создание системы областного управления при Екатерине II и реформа центрального управления в начале царствования Александра I. В николаевское царствование, когда с такой определенностью была провозглашена незыблемость политического абсолютизма, этот вопрос получал особенное значение. Сравнительно с теми изменениями в системе государственных учреждений, какие были намечены «Комитетом 6 декабря», последующее законодательство николаевского царствования сделало дальнейший шаг в сторону большей централизации и открыло более широкий простор началу личного усмотрения.

В николаевское царствование не было произведено коренной перестройки системы центральных учреждений, подобно той, какая была произведена в начале царствования Александра I. Не было создано в это царствование и новой системы местного управления. Итем не менее, в истории русских государственных учреждений николаевскому царствованию должно быть отведено очень определенное место. В это время была проведена одна весьма существенная и очень характерная для всей николаевской системы мера. Это та бюрократизация областного управления, которая явилась ответом на вопрос о необходимости большего согласования местного управления с центральным, на что указывалось еще, как мы знаем, «Комитетом 6 декабря 1826 г.» Одновременно с этим в николаевское царствование происходит процесс разложения системы министерского управления вследствие нарастания, наряду с министерствами, однородных, но не координированных с ними учреждений и возникновения нового органа личного управления – собственной Его Величества канцелярии, заслоняющей собой Государственный Совет и Комитет министров.

Исходным пунктом в первой случае стало то несоответствие,

какое после учреждения министерств создалось между екатерининскими губернскими учреждениями и новыми органами центрального управления. С учреждением министерств в центре восторжествовало разделение ведомств; в областном управлении губернское правление являлось органом смешанного управления. В центре было проведено единоличное начало; в областном управлении сохранял свое значение коллегиальный принцип. После учреждения министерств губернаторы были подчинены министру внутренних дел, а губернские правления по-прежнему подчинялись непосредственно Сенату. Эти противоречия не ускользнули в свое время от внимания Сперанского. В его плане 1809 года мы встречаем попытку создать новые органы бюрократического управления в области на начале их большего подчинения центру и в то же время противопоставить этому управлению общественный контроль в лице выборного элемента в думах окружных и губернских. Попытка создания наместничеств с генерал-губернаторами как министерским управлением во главе, предпринятая во вторую половину александровского царствования, должна была еще более усложнить отношения между центральными учреждениями и областными. Эта последняя попытка была осуждена «Комитетом 1826 г.» как неудачная. Мысли по этому поводу Комитета, тогда же одобренные государем, после 1830 г. были положены в основу правительственных взглядов, что и привело к реформе местного управления в 1837 г. Должность генерал-губернатора, как постоянный и повсеместный институт, уничтожалась и оставлялась лишь на окраинах и в отдельных местностях по соображениям политического характера. Значение губернаторской власти одновременно с этим усилилось. По наказу губернаторам 3 июня 1837 г. губернатор является непосредственным начальником вверенной ему губернии, которому подчинены все местные учреждения и который заботится о благосостоянии и о благе всех жителей управляемого им края. В то же время он исполнитель и оберегатель законов и, как таковой, не вправе делать новые постановления, учреждать новые налоги, изменять судебные приговоры и т.п., но должен стоять на страже соблюдения законов, защищать притесненных, предавать нарушителей долга суду. Он управлял теперь независимо от мнения губернского правления, и власть его над последним увеличивалась. Из коллегиально-совещательного органа губернское правление превращалось в орган исполнительный. В помощь губернатору определялся вице-губернатор, председательствующий в его отсутствие в губернском правлении; прежние вице-губернаторы были переименованы в

председателей казенных палат. Подчиненное губернатору губернское правление через него было подчинено теперь Министерству внутренних дел. Одновременно с этим была произведена соответствующая реформа земской, или уездной, полиции. Заведывание полицией в уезде по-прежнему возлагалось на нижние земские суды, членами которых были земский исправник со званием председателя, старший, или непременный, заседатель и еще несколько заседателей от дворян и от поселян. Земский исправник и непременный заседатель избирались дворянами, сельские – казенными крестьянами и вольными хлебопашцами; они должны были постоянно присутствовать в нижнем земском суде. Остальные заседатели назначались губернатором и заведывали отдельными станами, на которые разбивался уезд, и назывались становыми приставами. Земский исправник, как и оставшийся по положению 1775 г. в городе городничий, был подчинен губернатору. За два года до этого, в 1835 г., были значительно увеличены штаты губернского правления, земской и городской полиции.

Реформа 1837 г. вскоре обнаружила свои недостатки. Губернатор и губернские правления оказались перегруженными возложенными на них обязанностями. В начале сороковых годов министр внутренних дел гр. Перовский предложил проект, по которому фактическое председательство в губернском правлении возлагалось на вице-губернатора, а все дела для губернского правления разделялись на распорядительные, по которым требовалось обсуждение и решение с утверждением губернатора, и исполнительные, которые решались прямо вице-губернатором и даже советниками правления, каждым по их отделению. Новый порядок должен был создать для губернатора «свободное время для важнейших занятий» и поднять значение губернского правления. Проект Перовского был утвержден 2 января 1845 г. и тогда же в виде опыта распространен на все губернии Империи, кроме азиатских, сибирских, Бессарабской и Кавказской области, земель казачьих войск и кочевых инородцев[57]. Тогда же Министерство внутренних дел собрало через губернаторов, предводителей дворянства и жандармских офицеров сведения о земской полиции и поставило на очередь вопрос о ее реформе, не получивший, однако, разрешения в царствование императора Николая.

В таких формах был разрешен в конце концов вопрос о большем согласовании центральных и местных учреждений, вопрос, постановка которого была намечена еще Сперанским и который в последующих стадиях своего развития разрешался все больше и больше исключительно в сторону бюрократизации

областного управления. Как известно, это и было одной из причин, почему в последующую эпоху выдвинулся вопрос о создании административно-хозяйственных органов местного самоуправления, что и привело к земским учреждениям. При всем исключительном преобладании бюрократического элемента, в николаевское царствование намечаются уже некоторые явления, которые как бы подготовляют почву для земских учреждений. Здесь, конечно, нет и речи о каких-либо попытках построить местное управление на началах самоуправления; можно говорить лишь о тенденции дополнять местные учреждения целым рядом новых органов хозяйственного управления, обслуживающих местные нужды, с привлечением в них местного общественного элемента. Поводом к этому явился выдвинувшийся в николаевское царствование вопрос о земских повинностях.

В 1827, 1842 и 1847 гг. были учреждены по этому вопросу особые комитеты. Само понятие земских повинностей в это время еще недостаточно установилось: под этим термином понималось то удовлетворение чисто местных нужд местными средствами, то удовлетворение местными средствами нужд общегосударственных. Отдельные учреждения, создававшиеся в николаевское царствование для отправления этих повинностей, отражают еще на себе эту двойственность понятия, но постепенно отводят все более и более места удовлетворению нужд местного благоустройства. В этих учреждениях постепенно находит себе место, хотя и в очень ограниченных размерах, наряду с элементом бюрократическим и элемент выборный. В 1833 г., в связи с разделением дорог на пять классов, были учреждены дорожные губернские и уездные комиссии, ведавшие земские повинности по содержанию дорог всех классов, кроме первого, подчиненного Главному управлению путей сообщения. В состав первых под председательством губернатора входили: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий удельной конторой и губернский землемер; в состав вторых под председательством уездного предводителя дворянства или уездного судьи – городничий, земский исправник и уездный землемер. В 1848 г. эти комиссии сливаются со строительными комиссиями Главного управления путей сообщения. В 1834 г. было пересмотрено и изменено положение 1822 г. о губернских комиссиях народного продовольствия, но состав этих комиссий остался тот же, что ив 1822 г. В том же 1834 г. был учрежден вспомогательный земский капитал для пособия губерниям в чрезвычайных случаях. Для его составления были обложены особым сбором на шесть лет податные сословия и купцы всех трех гильдий. Наконец, в 1851 г. были изданы общие правила о

земских повинностях, выработанные во II отделении Собственной Е.И.В. Канцелярии. По этим правилам определялись различные категории земских повинностей. Эти повинности делились: на денежные, подразделявшиеся на общие (для удовлетворения всех частей Империи) и местные (для пользы одной или нескольких губерний), и на натуральные, подразделявшиеся на общие (отправляемые всем населением губерний) и частные (отнесенные на каждый город или селение особо), а также на постоянные и временные. Дела о земских повинностях были сосредоточены в Министерстве финансов, а для разрешения возникавших недоразумений учреждалось особое совещательное присутствие четырех министров: финансов, внутренних дел, государственных имуществ и уделов. В губерниях учреждались комитеты о земских повинностях, в которые входили как местные власти, так и представители от сословий: предводители и депутаты дворянства, губернские городские головы и депутаты от городов негубернских. Эти комитеты заведывали лишь составлением смет и раскладок повинностей на три года, которые затем сводились в общую табель и роспись для всей Империи Министерством финансов и, по рассмотрении Государственным Советом, утверждались Государем Императором. Исполнительная власть по земским повинностям на местах оставалась за местными полицейскими органами.

Со всеми указанными мероприятиями необходимо сопоставить то внимание, которое в течение всего николаевского царствования уделялось вопросу о городах и, главным образом, об упорядочении городского хозяйства, в связи с чем получал, как увидим еще ниже, свою постановку и разрешение и вопрос о городском состоянии. Лежавшая в основе городского устройства Жалованная грамота городам 1785 г. была к этому времени дополнена и расширена целым рядом отдельных уставов и положений, часто между собой недостаточно согласованных. С другой стороны, основные начала этой грамоты значительно исказились и построенное на них общегородское управление постепенно пришло в совершенный упадок. Определить более точно и широко состав городского общества, упорядочить его внутреннее устройство и управление, привести в большую ясность его отношения к органам государственного, и прежде всего местного, управления – все эти вопросы были поставлены жизнью и отчасти вошли уже в правительственное сознание еще в предыдущее царствование. Исходным пунктом в данном случае являлось обнаружившееся к этому времени полное расстройство городского хозяйства в Петербурге и Москве. В 1820 г. в обеих столицах были учреждены комитеты для «устройства доходов и

расходов» местных дум. Эти комитеты оказались бессильными распутать трудное положение, и Министерство внутренних дел было вынуждено само входить в «самые раздробительные исследования» о городском столичном хозяйстве. Такое ненормальное положение привело уже в 1821 г. к мысли «устроить или преобразовать думу», что и было поручено Комиссии законов. С преобразованием этой комиссии во II отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии эта работа была передана Балугьянскому.

Выработанный Балугьянским проект намечал городскую реформу на следующих основаниях: расширение «власти» думы в сфере «управлений, ей предоставленных»; точное определение отношений полиции к городскому управлению; точное определение лиц, «городское общество составляющих» и имеющих права «городского состояния». В последнем отношении проект Балугьянского стоял на сословном начале. Представленный в 1827 г. в Государственный Совет этот проект не получил дальнейшего движения. Дело снова вернулось в Министерство внутренних дел. В 1827 г. при министерстве был учрежден особый комитет, составленный из чиновников министерства и лиц, назначенных петербургским и московским военными генерал-губернаторами. Выработанный этим комитетом к следующему 1828 г. проект был построен, в противоположность проекту Балугьянского, на началах всесословности городского общества, с включением сюда и дворян, и большего подчинения городского управления правительственной власти, как центральной, так и местной в лице военного генерал-губернатора. Переданный на рассмотрение в Петербург председателям городского общества, а в Москве, кроме того, и предводителю дворянства, этот проект, главным образом в первом своем основании, встретил сильные возражения, а затем был отвергнут и Государственным Советом. Столь же малорезультатна была деятельность и другого, учрежденного еще в сентябре 1825 г. при Министерстве внутренних дел «Комитета для приискания способов к улучшению состояния городов», работавшего к тому же не над вопросами городского управления, но городского благоустройства. Фактически прекративший свою деятельность еще в 1827 г., этот комитет окончательно был закрыт в 1831 г. В «Комитете 6 декабря 1826 г.» вопрос о городском управлении сам по себе не обсуждался.

С 1830 г. мысль об общей городской реформе на некоторое время замирает. Последующие отдельные мероприятия по этому вопросу обнаруживают стремление, с одной стороны, поставить

городское управление в большую зависимость от местной администрации, с другой – расширить состав городского общества. В 1830 г. циркуляром Министерства внутренних дел, признававшим установившуюся систему раскладок городских расходов между обывателями, предписывалось, чтобы городские думы, составляя в сентябре ежегодные сметы городских доходов и расходов, немедленно представляли их на утверждение губернаторам, а эти последние следили бы за законностью и экономией смет. С 1831 г. этот циркуляр был обращен в закон с тем дополнением, что сметы городских доходов и расходов, до утверждения их губернаторами, должны были быть проверяемы особыми депутатами от обывателей. В следующем 1832 г. Сенатом было разъяснено, что в число этих депутатов допускались также дворяне и разночинцы. В 1836 г. по предложению министра Д.Н. Блудова в городах стали образовываться запасные капиталы для пособия жителям при постройках; во многих случаях при этом были отпускаемы из казны пособия. В 1832 г. установлены различные льготы для казенных крестьян и лиц других сословий, приобретавших в городах оседлость.

С 1836 г. вопрос о городской реформе вообще снова выдвигается на очередь, и первое время снова совершенно безуспешно. В этом году при самом Министерстве внутренних дел учреждается комиссия для составления проектов положений о доходах и расходах городов. В 1840 г. эта комиссия была выделена из хозяйственного департамента министерства, в который она до этого времени входила, и переименована в «Комиссию для устройства разных источников городского хозяйства». В эту комиссию были переданы дела закрытого в 1831 г. комитета о состоянии городов, но и на этот раз серьезных результатов достигнуто не было. С 1842 г., после назначения министром внутренних дел гр. Л.А. Перовского (сентябрь 1841 г.), вообще, как было уже отмечено, обратившего внимание на местное управление, дело получило более широкую постановку и приняло более энергичный оборот.

Главным сотрудником Перовского в деле городской реформы был известный впоследствии деятель по освобождению крестьян Н.А. Милютин, служивший в то время в Министерстве внутренних дел. Предшествующая постановка дела была признана неудовлетворительной, и в основу новой программы было положено: объединение деятельности комиссии и хозяйственного департамента, создание фактического контроля над городским хозяйством и ознакомление с действительным положением городов путем собирания верных и обширных сведений. Комиссия

была закрыта, а при хозяйственном департаменте министерства было учреждено «временное отделение для устройства городского хозяйства», во главе которого и был поставлен Милютин. Была предпринята ревизия городского хозяйства назначенными для этого чиновниками особых поручений при министре, причем на первый раз были избраны губернии, отличающиеся особыми местными условиями и наиболее интересные для наблюдения: две земледельческие (Саратовская и Воронежская), две торгово-промышленные (Тульская и Ярославская) и одна остзейская (Лифляндская). Одновременно с этим принимались различные меры для поднятия городского благосостояния (установление новых сборов в пользу городов, наделение городов выгонами и т.п.). В то же время городское хозяйство было поставлено под еще больший контроль центральных органов, а сметная часть подверглась самой строгой регламентации. Управление городским хозяйством сосредоточилось в Министерстве внутренних дел. В глазах если не самого Перовского, то его главного сотрудника в деле городской реформы Милютина такой результат имел, однако, лишь временное значение и находил свое оправдание в необходимости немедленно улучшить материальное состояние городов, чтобы подготовить их к восприятию новых форм управления. Конечной целью была реформа городского хозяйства на началах более широкого самоуправления. Этой цели должно было служить и предпринятое теперь в обширных размерах собирание сведений о состоянии городов. Такие сведения доставляли уже только что упомянутые ревизии. С 1842 г. начали командироваться в различные губернии чиновники министерства для собирания статистических данных, а к августу 1843 г. был выработан план «статистики городов». Обследования были произведены в 35 губерниях, и до 380 городов подверглись топографической съемке.

Реформу решено было произвести вначале лишь для одного Петербурга. К апрелю 1844 года Министерством внутренних дел были выработаны «Основания для начертания проекта об общественном устройстве столичного города Петербурга». В «Основаниях» давалось новое определение городского общества: в него входили обыватели, принадлежащие к нему или «по гражданскому состоянию», или «по праву собственности». Городское общество получало право самоуправления, которое распространялось на лиц, удовлетворяющих известным возрастным и нравственным требованиям и обладающих имущественным цензом, каковой для активного избирательного права определялся в размере 300 рублей капитала как minimum. Органами городского самоуправления были: общее собрание,

собирающееся раз в шесть лет для избрания гласных общей думы и разбивающееся на пять отдельных сословных собраний; общая дума, составляющаяся из гласных от пяти сословий, и избираемая из ее среды распорядительная дума. Городские учреждения «непосредственно подчинены гражданскому губернатору, затем военному генерал-губернатору и наконец – Сенату»; в то же время они находились «в ведении» и Министерства внутренних дел, а по «делам казенным» были в «подчинении и отчетности» у казенной палаты и Министерства финансов. В июне 1844 г. эти основания были утверждены Государственным Советом, и к 1845 г. министерством был выработан окончательный проект «Положения об общественном управлении Петербурга». Внесенный в Государственный Совет, этот проект был возвращен в министерство для переработки и только после этого был принят и получил Высочайшее утверждение 13 февраля 1846 г. Главные изменения, внесенные в закон в его окончательной редакции, сравнительно с «Основаниями» сводились к следующему. «Положение» 1846 г., оставляя по существу те же признаки принадлежности к городскому обществу, какие были намечены «Основаниями», не давало прямого определения состава городского общества. Пять сословий, участвовавших в избрании общей думы, были: потомственные дворяне, при условии владения ими в городе недвижимой собственностью; личные дворяне, почетные граждане и разночинцы, при том же условии; купцы всех гильдий; мещане и цеховые. Имущественный ценз для пользования активным правом избрания был сравнительно с «Основаниями» повышен и определен как minimum в сто рублей годового дохода. Органы городского самоуправления были те же, какие намечались и в «Основаниях», но в состав распорядительной думы вводился правительственный элемент в лице «члена от короны». При распорядительной думе создавались особые коллегиальные выборные учреждения: торговая полиция и городская хозяйственная полиция. Отношения между думой распорядительной и общей не были достаточно ясно определены: первая имела право не исполнять решения второй «в случае разномыслия», и тогда дело разрешалось местной административной властью. Контроль администрации над городским управлением был, сравнительно с «Основаниями», значительно усилен, и финансовая самостоятельность думы была ограничена очень узкими рамками.

Обзор государственных учреждений в николаевское царствование мы не случайно начали с местного управления. Менее заметные сравнительно с центральными, местные учреждения, как стоящие ближе к населению, были именно той

сферой, через которую общество прежде всего соприкасалось с правительственной системой, испытывало на себе воздействие бюрократического режима. Это соприкосновение должно было быть весьма ощутительно. Перерождение областного управления в николаевское время не ознаменовано какими-либо крупными законодательными актами; оно шло путем частичных поправок и надстроек. Но если мы сведем воедино все эти частичные мероприятия: наказ губернаторам 1837 г., новое Положение о губернском управлении 1845 г., «Положение об общественном управлении Петербурга» того же года, правила о земских повинностях 1851 г., да еще припомним учреждение III отделения собственной Е.В. канцелярии с широко раскинувшейся сетью жандармских округов, то перед нами развернется очень яркая картина той бюрократизации провинции, которая совершилась в это царствование и над которой, как над основанием, вырастала система личного усмотрения в управлении центральном.

Каких-либо существенных перемен в положении высших государственных учреждений – Государственного Совета, Комитета министров и Сената – за все царствование императора Николая не происходит. Зато их сравнительное значение в общем механизме государственного управления и отчасти их взаимоотношения между собой за это время на практике значительно изменились сравнительно с предшествующей эпохой. Особенно характерным для николаевского царствования является то положение, какое создается теперь для двух первых из этих учреждений: Комитета министров и Государственного Совета. Исключительные события 1830 и 1831 гг. усилили деятельность Комитета министров как учреждения, наиболее близко стоящего к государю и к его собственному руководству правительственными делами, и это было, быть может, одной из причин, почему предположения «Комитета 6 декабря» об упразднении Комитета министров и учреждении особого Правительствующего Сената осуществлены не были. Комитет министров остался; но по мере того, как течение дел входило в свое обычное русло, его исключительное значение падало. В то же время его компетенция определилась точнее, и вторжение его в сферу деятельности Государственного Совета наблюдалось теперь в гораздо меньшей степени, чем в александровское царствование. Это не повлекло, однако, за собой ни возвышения значения Государственного Совета, ни возвращения Сенату его права надзора над администрацией. Практика предварительной разработки законопроектов в отдельных, специально для данного вопроса назначаемых секретных комитетах и фактическое предварительное одобрение их государем зачастую сводило

обсуждение этих законопроектов в Государственном Совете к простой формальности. В правительственных сферах николаевского царствования слагаются как бы две точки зрения на Государственный Совет. Одна, по частному случаю, была формулирована министром финансов гр. Канкриным, находившим, что «Совет – место совещательное, куда Государь посылает только то, что самому его рассудится». На противоположной точке зрения стоял горячий защитник значения Государственного Совета, его председатель (1838–1847) кн. И.В. Васильчиков, не раз указывавший самому Николаю Павловичу, что Государь непременно должен спрашивать мнение Совета, «потому что Совет для того и существует; или надо его уничтожить, или охранять тот закон, который сами Вы для него издали». Лично Николай Павлович скорее склонялся к первой точке зрения. Передавая тот или другой законопроект на обсуждение Государственного Совета, он иногда выражал надежду, «что не последует в Совете невыгода излишних прений»; такова, например, резолюция государя на внесение в Совет в 1844 г. проекта Указа о дворовых. Иногда передача того или другого проекта в Совет сопровождалась собственноручной запиской государя: «Желательно мне, чтобы принято было…», и дальше излагалась та или другая редакция законопроекта, подлежащего обсуждению, как это было при обсуждении в 1839 г. вопроса о мерах к поднятию курса бумажных денег. Ввиду такого формального значения обсуждения законопроектов в Государственном Совета, согласие большинства членов Совета большей частью было на стороне мнения государя.

Такой практике соответствовали и те, правда немногие и к тому же лишь частичные, изменения, какие были произведены в николаевское царствование в самом устройстве Государственного Совета. Вслед за преобразованием в 1826 г. Комиссии составления законов во II отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии в 1835 году последовало дальнейшее изменение состава Государственного Совета: Комиссия прошений поступила также в непосредственное ведение Государя Императора. Учрежденный в 1832 г. при Государственном Совете особый департамент дел Царства Польского был точно так же поставлен в более непосредственное ведение самого государя. Руководство в департаменте принадлежало одному из его членов, по Высочайшему назначению, без участия государственного секретаря; в общее собрание Совета дела из этого департамента вносились лишь по особому Высочайшему повелению; до 1837 г. журналы департамента в подлиннике представлялись Государю Императору. В 1836 г. последовало существенное ограничение

вопросов, подлежащих обсуждению Государственного Совета: в изданном в этом году новом Учреждении Военного Министерства было постановление, чтобы все предположения по военной части, поскольку они не имеют никакой связи с прочими частями государственного управления, представлялись непосредственно от Военного Совета на Высочайшее воззрение. 15-го апреля 1842 г. было издано новое Учреждение Государственного Совета и Государственной Канцелярии. По существу это Учреждение не внесло в устройство Государственного Совета ничего нового. Установленная первоначальным (1810 г.) Учреждением Совета формула высочайшего утверждения «вняв мнению Государственного Совета…» продержалась на практике очень недолго: внесенная в Свод законов 1833 г., в Учреждении 1842 г. она уже исчезает.

Еще менее можно говорить о возвращении в николаевское царствование какого-либо значения Сенату, которое бы оправдывало его громкий титул «Правительствующий». Император Николай определенно не любил Сенат, и все те случаи, когда ему лично приходилось с ним соприкасаться, приводили, обыкновенно, к весьма грустным для Сената последствиям, шаг за шагом низводившим его теперь окончательно на роль исключительно высшего судебного учреждения. Ни о каком сенатском надзоре за закономерностью высшей администрации при таких условиях говорить не приходилось. Что касается финансового контроля, то таковой, как известно, еще с учреждения министерств начал выделяться в особое ведомство. Утвержденная еще в 1823 г. система генеральной отчетности получила окончательное устройство к 1836 г., когда был образован Государственный контроль. Деятельность контроля ограничивалась ревизией общих отчетов министерских департаментов и главных управлений, не касаясь проверки всех счетов и приходо-расходных книг, но зато должна была распространяться на все отрасли управления. Предусматривалась, однако, возможность освобождения особыми узаконениями и Высочайшими повелениями от отчетности Государственному контролю отдельных мест и учреждений.

И вот по мере того, как суживается значение Комитета министров, урезается значение Государственного Совета и пренебрежительно забывается Сенат, продолжает расти значение Собственной Е.И.В. Канцелярии. Мы уже видели, как разрасталась эта канцелярия в первые годы николаевского царствования, приобретая в своих отделениях значение крупного государственного учреждения. Рост этот продолжается и после 1830 года. Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии или от нее

отпочковываются и превращаются в самостоятельные министерские органы, как было, например, с учрежденным в 1836 году V (временным) отделением Канцелярии, через два года превратившимся в самостоятельное Министерство государственных имуществ. Другие из них входят в общую систему министерского управления на особом положении, как было, например, с IV отделением. Иные – как III иII отделения – имеют более непосредственное отношение к самой Канцелярии. Не исключена была возможность, наконец, возникновения временных отделений, закрывавшихся по миновании надобности, каким было, например, VI отделение С. Е.И.В. Канцелярии, учрежденное в 1843 г. для устройства Закавказского края.

Наряду с ростом значения Собственной Е.И.В. Канцелярии характерной чертой высшей администрации николаевского времени было вообще возникновение отдельных частей и управлений, не входящих в состав министерств[58] и находящихся в непосредственном ведении Государя Императора, и широко установившаяся практика секретных комитетов, возникавших обыкновенно с совещательными функциями по тому или иному очередному вопросу, но иногда получавших и известное административное значение. О деятельности почти всех подобных учреждений в николаевское царствование приходится судить почти исключительно по отрывочным данным, так как архивный материал, касающийся их делопроизводства, до настоящего времени, за самыми малыми исключениями, еще не обнародован[59]. На основании же отдельных наблюдений можно, как кажется, построить схему николаевского «секретного комитета» приблизительно в следующем виде. Секретный комитет возникал, обыкновенно, для выработки законопроекта по тому или другому крупному очередному вопросу. Выработанный комитетом законопроект, пройдя через Государственный Совет, а иногда и минуя эту стадию, обыкновенно удостаивался утверждения государя, независимо от того, каково было решение высшего законосовещательного учреждения, и превращался в закон. Пока вопрос проходил все эти стадии – а дело иной раз при этом очень затягивалось – секретный комитет приобретал иногда компетенцию высшего административного учреждения, и с ним сносились, как со своей высшей инстанцией, соответствующие низшие учреждения. Врезаясь своими мнениями, заранее забронированными Высочайшим одобрением, в компетенцию Государственного Совета, секретные комитеты николаевского времени своей административной практикой перебивали внутренние счеты органов центрального управления и как бы довершали этим то дело разрушения правильной

системы высших государственных установлений, которое делала Собственная Е.И.В. Канцелярия.

Таков в главных чертах тот процесс разложения системы министерского управления, незадачливого детища Сперанского, процесс, который, наряду с бюрократизацией местного управления, так характерен для николаевского царствования.

Централизация и личное усмотрение – так можно характеризовать состояние государственных учреждений в николаевское царствование. Таков был тот внешний аппарат, с помощью которого правительственная власть осуществляла свою программу, аппарат, к этой программе приспособлявшийся. Эта программа имела и свою идеологию. Эта идеология раскрывается перед нами, когда мы знакомимся с николаевской политикой в области духовной культуры, и прежде всего в области народного просвещения.

Народное просвещение и вероисповедная политика в николаевское царствование

Руководящие начала и идеология николаевской политики наиболее ярко и определенно выразились в области народного просвещения и политики вероисповеданий. Последовательное проведение начал политического абсолютизма и правительственной опеки и попечение о материальном народном благосостоянии – две основные черты николаевской системы. Провозглашая начало политического абсолютизма, николаевское правительство старается обосновать его как исконно-историческую черту русского государственного быта; доказывая его «самобытность», оно тем самым как бы заранее парирует нападки на этот принцип со стороны тех, кто, как декабристы, подходили к нему с мерками, выработанными в условиях западно-европейской борьбы за новые политические формы. Отсюда и старательное охранение чистоты начал того вероисповедания, православия, которое в официально-признанной исторической концепции рисовалось как органически сросшееся с «русским самодержавием». Тот же принцип проводился и в области народного просвещения. Правительство не упускало случая подчеркнуть свое уважение к науке и, действительно, оказывало ей щедрую поддержку, зорко охраняя в то же время существующий порядок от малейшего посягательства на него критической мысли и всячески стараясь использовать науку как крупную производительную силу. Условия свободной научной деятельности в николаевское царствование были, как известно, не из легких, и тем не менее это царствование должно почесться одним из самых богатых научными и просветительскими начинаниями. Все эти начинания и все эти заботы подчинялись, однако, одной основной мысли – заставить науку и образование служить государству и правительству, чему в николаевское царствование, в принципе, должно было служить все. Отсюда вытекало, с одной стороны, стремление создать возможно более благоприятные внешние условия для научной деятельности и для образования и поощрение прикладной научной деятельности; с другой стороны – подчинение научной и просветительской деятельности строгому правительственному контролю и борьба запретительными мерами с идеями, шедшими вразрез с существующим государственным строем и порядком. Поскольку наука оставалась в области чистого знания и, в особенности, поскольку она отдаляла от современности – в

сторону ли исторического прошлого или чистоты и благородства форм словесности, – она могла рассчитывать на поощрение. Действенная сила науки направлялась по вполне определенному руслу – оправдания существующего порядка и служения материальным потребностям государства и общества. В николаевское царствование создалась атмосфера, убивающая свободное научное творчество; подобное положение стало уже общим местом. Менее выяснено, насколько заботы, хотя и односторонние, о создании благоприятной внешней обстановки для научной деятельности способствовали накоплению научных знаний и тем самым подготовляли в ближайшем будущем для науки большую активную роль, между прочим и в деле разложения того самого порядка, поддержание и оправдание которого в николаевское царствование составляло одну из задач той же науки. Имена Кавелина, Градовского, Менделеева и многих других должны заставить призадуматься над этим вопросом.

Указанные начала складывались в николаевское царствование во вполне законченную и цельную программу. Последовательное проведение этой программы в жизнь связывается главным образом с именем министра народного просвещения гр. С.С. Уварова, назначенного на этот пост после отставки кн. К.А. Ливена 21 марта 1833 г. и остававшегося до 20 октября 1849 г., когда он был заменен кн. П.А. Ширинским-Шахматовым. Сформулированная и последовательно проводимая гр. Уваровым программа была дальнейшим развитием начал, легших в основание деятельности «Комитета 1826 г.» по устройству учебных заведений, членом которого до своего назначения на министерский пост состоял и в работах которого принимал видное участие сам Уваров.

На отношении правительства к народному просвещению в александровское царствование, как и на всей правительственной деятельности того времени, лежал отпечаток неопределенности и недоговоренности. Система народного образования отражала на себе преходящие веяния правительственного либерализма, космополитизма и мистицизма – чтобы в конце царствования упереться в грубое мракобесие. Николаевское правительство сразу заговорило вполне определенным языком, стараясь, однако, найти примирительный тон в своем обращении к тому самому обществу, которое оно брало теперь под свою властную опеку. Заставить общество забыть о временах Рунича и Магницкого, приучить его к мысли, что правительство не гонитель просвещения, и в то же время заставить саму науку служить новому правительственному курсу – такова была его задача.

Трудно было найти лицо, более подходящее к выполнению такой задачи, чем Уваров. Имя в литературе и науке, «арзамасец» и умеренный либерал в прошлом, не пошедший по скользкому пути декабристов, Уваров, по-видимому, искренне верил в возможность приспособления общечеловеческой культуры к «исконным» особенностям русского государственного уклада. «Приноровить общее всемирное просвещение к нашему народному быту, к нашему народному духу» и упрочить его на началах самодержавия, православия и народности – такова была мысль, положенная им в основу его программы, развитая им в его всеподданнейшем докладе 19 ноября 1833 г. и затем не раз проводившаяся им как во всеподданнейших докладах, так и в распоряжениях по министерству. «Направление, данное Вашим Величеством Министерству, и его тройственная формула, – писал по этому поводу Уваров в 1843 г., – должны были восстановить некоторым образом против него все, что носило еще отпечаток либеральных и мистических идей: либеральных – ибо Министерство, провозглашая самодержавие, заявило твердое желание возвращаться прямым путем к русскому монархическому началу во всем его объеме; мистических – потому, что выражение «православие» довольно ясно обнаружило стремление Министерства ко всему положительному в отношении к предметам христианского верования и удаление от всех мечтательных призраков, слишком часто помрачавших чистоту священных преданий Церкви. Наконец, и слово «народность» возбуждало в недоброжелателях чувство неприязненное за смелое утверждение, что Министерство считало Россию возмужалой и достойной идти не сзади, а по крайней мере рядом с прочими европейскими национальностями». Ввиду того, что последний член уваровской формулы мог дать повод к его истолкованию в духе национальных стремлений, осужденных в николаевское царствование, как начало революционное, правительство не преминуло указать, в каком смысле должен был быть понимаем термин «народность». В циркуляре от 29 мая 1847 г. Уваров писал: «Я обращаю слово преимущественно к тем преподавателям, которым досталось обрабатывать на ученом поприще участок славный, но трудный: русский язык и русскую словесность с прочими соплеменными наречиями, как вспомогательными средствами для родного языка, русскую историю и историю русского законодательства; им предпочтительно перед другими принадлежит возбуждение духа отечественного не из славянства, игрой фантазии созданного, а из начала русского, в пределах науки, без всякой примеси современных идей политических».

Отметим сперва те положительные результаты, какие для русской науки имела деятельность гр. Уварова как министра народного просвещения. Императорская Академия наук получила 8 января 1836 г. новый устав. По этому уставу наряду с существовавшими кафедрами по наукам физико-математическим и историческим были учреждены кафедры наук филологических. Одновременно с этим штаты Академии, увеличенные еще в 1830 г. с 120.000 до 206.000 руб., были теперь определены в 239.400 руб., что дало возможность значительно расширить академические музеи и коллекции. В 1841 г. к Академии наук, как ее 2-е отделение, была присоединена со всеми ее средствами восстановленная в 1818 г. Российская академия, и Академия наук стала подразделяться на три отделения: физико-математических наук, русского языка и словесности (прежняя Российская академия) и исторических наук и филологии. В ведении Академии была и вновь учрежденная астрономическая обсерватория в Пулкове. Еще в 1830 г. астроном В.Я. Струве был командирован за границу для изучения устройства существующих в Европе обсерваторий. После его возвращения для разработки этого вопроса был учрежден в 1833 г. комитет под председательством адм. Грейга, в состав которого вошли академики Вишневский, Паррот, сам Струве и Фусс. Открытие обсерватории последовало в 1839 г.

Обогатившаяся после польского восстания ценными собраниями книг варшавских библиотек и полоцкой иезуитской академии, Императорская Публичная библиотека была расширена новой пристройкой. С назначением в 1849 г. директором библиотеки ст.-секр. бар. М.А. Корфа было обращено особое внимание на полноту русского отдела, в который должны были поступать теперь все книги, печатаемые в России. Корфом, кроме того, было положено в библиотеке основание отдела Rossica, в котором собиралось все написанное о России на иностранных языках. 7 февраля 1850 г. Публичная библиотека, вместе с находившимся в подчинении у нее Румянцевским музеем в Москве, была передана из ведения Министерства народного просвещения в ведомство Двора.

В 1846 г. было учреждено Археологическо-нумизматическое общество, вскоре ставшее, наряду с возникшим еще в 1839 г. Императорским Одесским обществом истории и древностей, главным научным центром русской археологии. С соизволения государя звание президента общества принял на себя герцог Лейхтенбергский, а после его смерти – вел. кн. Константин Николаевич. В 1848 г. обществу была назначена правительственная субсидия в 3 000 руб.; в 1849 г. оно было

переименовано в Императорское археологическое общество. Уже в николаевское царствование оба названные общества заявили себя целым рядом изысканий, исследований и изданий. Одним из самых крупных правительственных ученых начинаний николаевского царствования, несомненно, является учреждение в 1834 г. Археографической комиссии, которая на первых порах должна была разбирать и издавать материалы, добытые Археографической экспедицией столь незаслуженно обиженного П.М. Строева[60].

В 1850 г. были сделаны первые попытки учреждения губернских архивных комиссий, а в 1852 г. были учреждены Центральные архивы в Киеве, Витебске и Вильне для разбора древних актов западных губерний. К сороковым годам относятся многие из тех изданий памятников старины, которыми до настоящего времени живет русская историческая наука, и к тому же времени относится ряд основных трудов по русской истории, от которых постоянно приходится исходить современным исследователям.

И наряду со всем этим – заботы об охранении умов от влияния западноевропейских идей, целая система запретительных мероприятий! С 1830 г. усиливается цензурный надзор. Цензурный устав 1828 г. формально отменен не был и оставался в силе до самого конца царствования императора Николая; целым рядом отдельных поправок, дополнительных постановлений и распоряжений его смысл, однако, был в корне изменен, и фактически положение дел вернулось к уставу 1826 г. Уже в конце 1830 г. Никитенко находил, что «Цензурный устав совсем ниспровержен». Изменение смысла цензурного устава после 1830 г. вытекало из тех новых задач, которые ставились теперь для цензуры и которые графом Уваровым определялись как умножение, «где только можно, числа умственных плотин» против наплыва вредных европейских идей. На цензуру возлагалась поэтому обязанность наблюдать не только за политическим и социальным направлением в произведениях печати, но и литературными вкусами и даже за вольностями и неправильностями поэтического языка, ввиду того что «разврат нравов приуготовляется развратом вкуса», а печать «дерзает выступать за пределы благопристойности, вкуса языка и даже простирать свои покушения к важнейшим предметам государственного управления и к политическим понятиям, поколебавшим едва ли не все государства в Европе». Особенно строгое внимание было обращено на периодическую печать. В 1836 г. было запрещено одному лицу быть редактором двух и более изданий. Были приняты ограничительные меры против

дешевых изданий. Цензура должна была следить, чтобы литературная полемика не велась с излишней страстностью и не выходила из известных рамок благоприличия. Было усилено наблюдение за переводами. В 1847 г. было предписано бороться со «стремлением некоторых авторов к возбуждению в читающей публике необузданных порывов патриотизма, общего или провинциального, стремлением, становящимся иногда если не опасным, то по крайней мере неблагоразумным по тем последствиям, какие оно может иметь». Некоторые журналы были запрещены. Личный состав цензурных комитетов был усилен. Начавшие возникать публичные библиотеки в провинции (в 1843 г. их насчитывалось до 41) с 1843 г. были переданы в ведение Министерства народного просвещения «для сохранения благой в сем деле цели и отклонения вреда, могущего произойти от фальшивого направления».

С другой стороны, характерным явлением в области цензурной системы являлось все нарастающее стеснение Главного управления цензуры умножением специальных цензур отдельных ведомств и учреждений, имевших право цензуровать книги, журналы и газетные статьи, поскольку они касались их непосредственных дел. Это право, оставленное уставами 1826 и 1828 гг. за немногими высшими правительственными учреждениями, за университетами и духовными академиями, распространяется с 1830 г. на весьма значительное число учреждений, как высших, так и второстепенных, а иногда даже временных[61]. К 1848 г. это развитие самостоятельных ведомственных цензур, в связи со множеством отдельных распоряжений и дополнений по цензуре, совершенно отодвинуло на задний план значение того ведомства, в ведении которого цензура сосредоточивалась, т.е. Министерства народного просвещения.

Усилению цензурного надзора за печатью соответствовало в сфере религиозной политики стремление создать путем законодательных и административных мероприятий преобладающее положение для православного вероисповедания. Строго вероисповедный характер политики первых лет царствования, пришедший на смену космополитическому мистицизму александровского времени, с 1830 г. окончательно упрочивается. Сама церковная власть, однако, при таком направлении политики не только не получила более независимого положения, но становилась в еще большей степени, чем до этого, послушным орудием правительственных предначертаний. Такова была та политика, которую в сфере церковного управления проводил назначенный в 1836 г. обер-

прокурор Святейшего Синода полковник лейб-гвардии гусарского полка, впоследствии генерал-адъютант, П.А. Протасов, остававшийся на этой должности до своей смерти (январь 1855 г.). Единомышленник Уварова, сблизившийся с ним на почве обрусительной политики в Западном крае, властный и строгий, сумевший расположить к себе митрополита Петербургского Серафима и искусно поддерживавший неприязненные отношения между двумя видными членами Синода, Филаретом Московским и Филаретом Киевским, Протасов возвысил обер-прокурорскую должность до министерского значения, держал в своих руках Синод и сильно давал чувствовать свою власть местному епархиальному начальству.

В значительной степени в связи с назначением Протасова обер-прокурором стоят те ограничительные мероприятия, которые с тридцатых годов начинают применяться светскими властями к инославным исповеданиям и к отпадающим от православия. Некоторые из этих мероприятий вытекали из соображений чисто политического характера. Таковы были отмеченные выше соответственные мероприятия в Западном крае, а также, в меньшей степени, меры, принимаемые, главным образом с начала сороковых годов, в Остзейском крае в видах поддержания православной проповеди среди местного протестантского населения. Мерами, имевшими своей непосредственной целью охранение чистоты православного исповедания и поддержание государственного значения Православной Церкви, были меры, направленные против раскола и отдельных сект. Совещательным учреждением по делам раскола оставался учрежденный еще в предшествовавшее царствование (13 марта 1825 г.) Секретный комитет по делам о раскольниках, состоявший из митрополитов С.-Петербургского и Киевского и министров внутренних дел и народного просвещения. Одновременно с этим ведало раскол и Министерство внутренних дел, на утверждение которого шли даже судебные приговоры уголовных палат по делам о раскольниках. В 1831 г. был открыт Комитет о раскольниках в Москве, в состав которого вошли московский генерал-губернатор, митрополит и губернатор, а с 1838 г. были открыты губернские совещательные комитеты: в Петрозаводске, Перми, Тамбове, Чернигове, Саратове, Твери, Вятке, Иркутске, Екатеринбурге Пермской губернии, Харькове, Костроме, Витебске, Тобольске, Уфе, Могилеве, Нижнем Новгороде, Самаре, Риге и др. городах. В состав этих комитетов входили: местный архиерей, губернские гражданские власти и местный жандармский штаб-офицер. С 1838 г. ограничительные меры против раскола вообще значительно усиливаются; их задача

теперь – не только борьба с распространением раскола, но и стремление подавить раскол, уже существующий[62].

Ограничение гражданских прав раскольников определялось главным образом Высочайшим повелением от 8 октября 1835 г. Раскольники, как члены общества, не лишались права участвовать в общественных выборах, но в присяжных должностях могли быть утверждены лишь те из них, которые по роду своих сект не устраняются безусловно законом от занятия общественных должностей и приемлют священство. Из таких раскольников в каждом отдельном случае разрешалось допускать к присяжным должностям не больше одной четвертой доли против числа православных. Коренного различия между раскольниками и сектантами не проводилось. С 1835 г. в законодательстве устанавливается определение особенно вредных сект, к которым были отнесены духоборы, иконоборцы, молокане, иудействующие, скопцы, сектанты, не молящиеся за царя, и те из раскольников, которые, по местным условиям, будут признаны министром внутренних дел вредными для общества.

За все это время учреждались миссии для обращения раскольников в православие, пользовавшиеся, конечно, соответствующим содействием местной администрации. С начала сороковых годов входит в практику посылка на места чиновников Министерства внутренних дел для расследования и изучения раскола и сект. Эти посылки собрали в министерстве богатый материал по расколу и сектантству и дали целый ряд исследований по этим вопросам, как, например, исследование Надеждина «О скопческой ереси» и др. Результатом этого явилось учреждение 18 февраля 1853 г., по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, особого секретного комитета для пересмотра постановлений о раскольниках и для составления основного проекта правил, которые служили бы руководством для административных распоряжений, а также в судебных делах, касающихся раскольников. В своих выводах комитет остался на той же полицейско-запретительной точке зрения, на какой стояли и все предшествующие мероприятия николаевского царствования относительно раскола. По мнению комитета, раскол поддерживается несоблюдением правительственных постановлений относительно раскольников и нерешительностью действий против них, невежеством народной массы, самоуправлением, установившимся в гражданском и духовном быту раскольников. Меры, намеченные относительно раскольников самим комитетом, точно так же по существу не отличались от тех, какие были принимаемы ранее.

Возвращаясь теперь опять к уваровской программе и переходя

к области народного образования, необходимо отметить, что правительственная политика в этой области в николаевское царствование точно так же характеризуется, с одной стороны, широкими заботами о благоустройстве учебных заведений и о поднятии их научного уровня, с другой – строгим правительственным контролем за духом и направлением преподавания. Внимание правительства было обращено главным образом на высшее и среднее образование; гораздо меньше было сделано для низшего. Главными мероприятиями в этом отношении в тридцатых и сороковых годах были: новое устройство учебных округов, Университетский устав 1835 г., широкое развитие системы специальных учебных заведений, утверждение системы среднего классического образования и, наряду с этим, развитие отдельных отраслей специального образования, усиление контроля над частными учебными заведениями, строгое проведение начала сословности и проведение на отдельных окраинах системы народного образования в общегосударственном духе.

Для того чтобы уяснить себе значение первых двух из указанных мероприятий – нового устройства учебных округов и университетского устава 1835 года – надо прежде всего помнить, что университет того времени был не совсем тем, чем он является в наши дни. Современный университет, высшее учебное заведение – в значительной степени детище николаевского царствования, и прежде всего именно указанных преобразований 1835 года. До этого времени он был не только высшим учебным заведением, но и известным ученым органом, не только школой, но и учебно-административным центром. В александровском университете сохранялось еще немало от Академии наук восемнадцатого века. Академия в восемнадцатом веке была высшим ученым учреждением, около которого группировалось и высшее народное образование. Александровский университет точно так же выходил в своей деятельности за пределы своих аудиторий и был органом, ведавшим народное образование в данном округе. Отсюда тесная связь в александровское царствование между попечителем и университетом не в смысле подчинения последнего первому, как отдельного учебного заведения, но как результат почти полного совпадения университета и окружного управления. С другой стороны, пользуясь, по своему внутреннему устройству, довольно большой автономией, университет, созданный в эпоху министерского преобразования государственных учреждений, носил на себе как бы отпечаток коллегиальной ведомственной независимости. С момента преобразований 1835 года понятия университета и

округа окончательно разделились, и университет был теперь подчинен попечителю как одно из учебных заведений. В александровское царствование оставалась еще некоторая несогласованность между университетом и вновь создаваемой министерской системой, нечто подобное тому, что было между новыми центральными учреждениями и старыми екатерининскими местными. Преобразования 1835 года проводили в области народного образования тот же принцип бюрократической централизации, какой в это время, как было указано выше, был проведен в системе областного управления.

Положение 25 июня 1835 года об учебных округах окончательно передавало управление учебными заведениями округа из ведения университетов в ведение особых назначаемых Высочайшими повелениями попечителей. При попечителе для обсуждения учебных и хозяйственных вопросов учреждался особый совет, состоящий из помощника попечителя, ректора университета, инспектора казенных училищ и одного или двух директоров гимназий. Этот совет был лишен, однако, права инициативы, и передача дел на его обсуждение зависела от усмотрения попечителя. По делам, требующим ученых соображений, попечитель испрашивал мнение университетского совета. В конце сороковых и в начале пятидесятых годов управление некоторыми учебными округами (Харьковским, Киевским и Виленским) было передано непосредственно местным генерал-губернаторам.

Общий устав Императорских российских университетов 26 июля 1835 г. завершал реформу, проведенную Положением, распространив и на сами университеты начала бюрократического управления. Устав 1835 г. должен был «сблизить наши университеты, бывшие доселе только бледными оттенками иностранных, с коренными и спасительными началами русского управления». По новому уставу университет переставал быть ученым обществом, имевшим своей целью самостоятельную разработку науки, и рассматривался исключительно как высшее учебное заведение. Он находился «под непосредственным начальством» попечителя учебного округа, который должен был наблюдать за деятельностью университетского совета и правления. Совет ведал исключительно учебные дела, возведение в ученые степени, а также избрание ректора, профессоров и преподавателей и почетных членов. Хозяйственные и административные дела сосредоточивались в правлении, состоящем из ректора, деканов и назначаемого попечителем синдика; само правление зависело не от совета, но от попечителя. Ректор, профессора и преподаватели избирались советом, но

министру предоставлялось право «по собственному усмотрению назначать в профессоры и адъюнкты» лиц, известных своей ученой деятельностью и имеющих соответствующую ученую степень. Университетский суд упразднялся; для наблюдения за студентами учреждались должности инспектора и его помощников из военных или гражданских чиновников, находившихся под непосредственным начальством попечителя. Таковы были основы, на которых с 1835 года стало строиться университетское управление. Характерно, что в основу общего университетского устава лег, с некоторыми изменениями, изданный за два года до этого устав Университета св. Владимира в Киеве. Сам по себе устав 1835 г. открывал доступ в университет лицам всех сословий. Рядом последующих отдельных мер этот доступ для лиц низших сословий был ограничен. Такими мерами были: увеличение платы за слушание лекций с своекоштных студентов, в Петербургском и Московском университетах – до 50 р. сер., в Харьковском и Казанском – до 40 р. и т.п., требование от детей купцов и мещан увольнительных от обществ свидетельств; запрещение поступать в университеты вольноотпущенным, не приписанным к податному состоянию.

По уставу 1835 г. университеты состояли из трех факультетов: философского (подразделявшегося на два отделения: историко-филологическое и физико-математическое), юридического и медицинского. Историко-филологическое отделение философского факультета обогатилось особыми кафедрами русской истории[63], истории и литературы славянских наречий; к этому же отделению были отнесены кафедры философии, политической экономии и статистики. На юридическом факультете, как стал теперь называться прежний факультет нравственно-политических наук, была упразднена кафедра естественного права и большая половина кафедр была посвящена изучению действующего русского законодательства и преследовала практические цели. Еще в 1828 г. был учрежден в Дерпте институт для приготовления профессоров, в который были командированы молодые люди из различных университетов, а вскоре после этого ряд молодых ученых был командирован за границу. К 1834 г. многие из этих лиц вошли в преподавательский состав преобразованных теперь университетов. Заграничные командировки, за которые особенно стоял гр. Уваров, как за живую связь отечественной образованности с европейской наукой, продолжались и после этого, и в 1844 г. лицам, командируемым для усовершенствования в науках, разрешено было выдавать бесплатные заграничные паспорта. Одновременно с введением

устава 1835 г. штаты университетов были значительно расширены. Как бы дополнением к университетам, ввиде их особых отделений, являлись преобразованные в 1832–1833 гг. в высшие учебные заведения, под именем лицеев, гимназии высших наук: кн. Безбородко в Нежине и Демидовская в Ярославле, а также реформированный в 1837 г. Ришельевский лицей в Одессе.

Одновременно с тем, как система университетского образования приводилась в соответствие с общим порядком государственного управления, расширялось высшее специальное образование. Еще в 1828 г. был восстановлен Главный педагогический институт, преобразованный в свое время в С.-Петербургский университет. Он был восстановлен по мысли гр. Сиверса, находившего, что «образование учителей достигнуто быть может не университетскими лекциями, но основательным обучением и практическим приготовлением достойных и охотно себя сему званию посвящающих молодых людей». Это учебное заведение, изъятое из ведения попечителя учебного округа, было поставлено под непосредственное заведывание министра народного просвещения, который и назначал директора института. «Для образования благородного юношества на службу по судебной части» было учреждено в 1835 г., по мысли и на средства принца Петра Георгиевича Ольденбургского, училище правоведения. Устав училища был выработан на основании записки, составленной Сперанским. Особое внимание было обращено на «приспособление главнейших начал наук общих к техническим потребностям ремесленной, фабричной и земледельческой промышленности» и на развитие высшего технического образования. При самих университетах был учрежден ряд кафедр по прикладным знаниям: по сельскому хозяйству и лесоводству при Петербургском университете; по сельскому хозяйству, агрономии и практической механике – при Московском; по отдельным отраслям технологии – при Дерптском и т.д. Еще в 1828 г. был учрежден С.-Петербургский технологический институт. Учрежденные в 1830 г. Архитектурное училище и в 1832 г. Училище гражданских инженеров в 1842 г. были соединены в одно учебное заведение, получившее наименование Строительного училища и устроенное по военному образцу. Позднее, в 1851 г., это училище было причислено к первому разряду. Открытое в 1840 г. в Горыгорецком казенном имении, Оршанского у., Могилевской губ., Земледельческое училище было преобразовано в 1848 г. в Земледельческий институт. Практическое учебное заведение сельского хозяйства было учреждено в 1834 г. в Альткустгофе, близ Дерпта. В 1844 г.

в Москве был открыт Константиновский межевой институт. Ветеринарные школы были устроены: в 1839 г. в Харькове (состоявшая до 1851 г. при университете) и в 1848 г. в Дерпте. К этому можно добавить, что и в самом университете преподавание, по крайней мере на двух факультетах, носило отчасти профессионально-практический характер. Медицинский факультет имел такой характер при самом своем учреждении. Теперь такой же характер принимает, как мы сейчас видели, преподавание и на юридическом факультете: этот факультет должен был выпускать не ученых юристов, но чиновников. Убежищем чистой науки остается философский факультет, действительно объединявший в себе в то время и точные науки, и гуманитарные, и теоретическую часть наук общественных, и только к 1850 году окончательно подразделившийся на два самостоятельных факультета: историко-филологический и физико-математический.

Начало сословности, положенное в основу устава 1828 г. средних и низших учебных заведений, нашло в тридцатых и сороковых годах свое дальнейшее развитие в мероприятиях Министерства народного просвещения по среднему образованию. Эти мероприятия имели в виду, главным образом, сделать гимназии доступными исключительно для детей дворян и чиновников. С этой целью плата за учение в гимназиях была в 1845 г. значительно повышена. Еще ранее, в 1833 г., дворянские пансионы, бывшие по уставу исключительно воспитательными учреждениями при гимназиях, стали превращаться в самостоятельные специальные дворянские учебные заведения. Ставшая теперь фактически сословно-дворянской, гимназия по-прежнему рассматривалась прежде всего как подготовительная ступень к университету. Системой, наиболее удовлетворявшей этому назначению, была признана теперь классическая: новые учебные программы 1832 года окончательно утверждали эту систему в гимназиях. С другой стороны, в виду все более и более назревавшей потребности создать такой тип школы, который давал бы законченное среднее образование, в тридцатых годах в отдельных гимназиях стали вводиться параллельные курсы «реальных» наук, освобождавшие от изучения древних языков. Впервые такие курсы, начиная с третьего класса, были введены в 1834 г. в учебные планы С.-Петербургской Ларинской гимназии; в 1839 г., начиная с четвертого класса, в 3-й Московской гимназии. В других случаях вводились отдельные классы и уроки реальных наук и специальных технических знаний.

Женское образование в николаевское царствование всецело находилось в ведении IV отделения собственной Его

Императорского Величества канцелярии, и женские учебные заведения состояли под покровительством императрицы. Утвердившаяся в предшествующее царствование система институтского воспитания получила теперь свое дальнейшее развитие и широко распространилась из столиц в провинцию. В царствование императора Николая I было открыто более 20 новых институтов и других приближавшихся к ним по типу учебных заведений. В самые первые годы царствования были закончены устройством Патриотический институт в Петербурге и институт в Полтаве. Новые институты были учреждены: в Петербурге и Москве (Сиротские институты в 1830 и 1831 гг.), в Керчи (1836 г.), Астрахани (1837 г.), Белостоке (1837 г.), Варшаве (1837 г.), Киеве (1838 г.), Тифлисе (1840 г.), Казани (1841 г.), Тамбове (1843 г.), Иркутске (1845 г.), Новочеркасске (1852 г.), Нижнем Новгороде (1854 г.) и Саратове (1854 г.). Одновременно с этим были преобразованы существовавшие в то время девичьи училища и вновь устроены в Киеве, Оренбурге и Тобольске. Во многих губернских городах были устроены дома трудолюбия. Целью женского образования ставилось, как это было провозглашено в Положении, данном Патриотическому институту, образовать «добрых жен, попечительных матерей, примерных наставниц для детей, хозяек, способных трудами своими и приобретенными искусствами доставлять самим себе и их семействам средства к существованию». В 1844 г. был учрежден под председательством принца Петра Георгиевича Ольденбургского комитет, задачей которого являлось приноровить женское образование к тому, что провозглашалось главной целью женского воспитания – «образованию добрых жен и полезных матерей семейств, дабы с образованием, в надлежащей мере, ума и сердца, воспитанницы могли приготовляться к будущему великому их назначению». Главным результатом работ этого комитета к январю 1845 г. было разделение всех женских учебных заведений на четыре разряда сообразно со званием и общественным положением воспитанниц, кчему приноровлялись и учебные планы и программы каждого из этих разрядов. Одновременно с этим был учрежден Главный совет женских учебных заведений, почти совершенно оттеснивший советы, существовавшие в то время в отдельных учебных заведениях, и Положение об управлении ими. Программа преподавания в женских учебных заведениях была сокращена. Были выдвинуты на первый план знания, необходимые в домашнем быту. Самому занятию рукоделием был придан более практический характер.

Строя так систему народного образования, Министерство

народного просвещения в николаевское царствование последовательно проводило при этом принцип государственной школы и всячески старалось ограничить частные учебные заведения и домашнее образование. В 1833 г. было запрещено открывать новые частные пансионы в столицах, а в провинциях разрешалось открывать их лишь в том случае, если «не представляется возможности к образованию юношества в казенных учебных заведениях». Открытие частных пансионов было предоставлено лишь русским подданным; за ними устанавливался правительственный надзор. Эти распоряжения и последовавшие за ними другие были сведены в 1835 г. в общее Положение о частных учебных заведениях. Положение 1 июля 1834 г. о домашних наставниках и учителях, тогда же распространенное и на лиц женского пола, регламентировало домашнее образование. Звание домашнего наставника или домашнего учителя приобреталось лишь после выдержания известного испытания. Его могли получать лишь лица свободных состояний, христианского исповедания, доброй нравственности и преимущественно русские подданные. Иностранцы допускались к педагогической деятельности лишь по представлении одобрительных свидетельств. Домашние наставники и учителя считались на государственной службе и пользовались связанными с этими преимуществами; на иностранцев эти права и преимущества не распространялись.

Наконец, в общую систему государственной школы были введены и особые еврейские учебные заведения. В течение всего царствования императора Николая евреи могли обучаться без всякого отличия от других национальностей во всех государственных учебных заведениях, поскольку этому не противоречило их сословное состояние. С 1835 г. Министерство народного просвещения приступило к выработке плана казенных еврейских училищ, целью которых было постепенное сближение евреев с христианским населением и «искоренение суеверия и вредных предрассудков, внушаемых учением талмуда». С этой целью в 1842 г. все еврейские ученые и учебные заведения были подчинены надзору Министерства народного просвещения, а в 1844 г. были изданы Положения о казенных еврейских училищах, о раввинских училищах и о еврейских частных учебных заведениях и о домашних учителях.

Последовательно проводя принципы государственности и сословности, стараясь сделать высшее общее образование достоянием немногих и дополняя это заботами о широком распространении практических знаний, правительство в николаевское царствование впервые вполне определенно

использовало народное образование на окраинах как орудие обрусительной политики. Интересно, однако, отметить, что цели, к которым оно в данном случае стремилось, и средства, какие им избирались, в отдельных случаях были неодинаковы. В Западном крае, как было указано выше, целью была борьба с польским национальным движением и подавление польской национальной идеи. Отсюда боевой характер русской школы на западной окраине и ее нарочито вероисповедный оттенок, вплоть до наименования, данного Киевскому университету. В Прибалтийском крае правительство ставило себе задачей постепенное устранение исстари сложившихся здесь особенностей в строе учебных заведений, соединяя это с известной долей снисхождения к этим особенностям, ввиду официально признаваемой «лояльности» местного населения, за каковое в николаевское царствование почиталась здесь, конечно, одна немецкая народность. Сравнивая задачи правительства в Западном крае и прибалтийских губерниях, Уваров в 1843 г. писал: «Где политическая верность сопутствует политическим предрассудкам, где чувство преданности Государю большей частью покрывает, так сказать, странность обветшалых понятий, там, где враждебная недоверчивость, пополам с природной гордостью и расчетливостью, ищет и находит в нашей истории несколько поводов думать, что просвещением и талантами жители Балтийских берегов, некогда превышая нас, имели прямое влияние на судьбу Империи, там вопрос принимает совсем другой оборот. Истинное и главное заблуждение немецких губерний состоит в том, что они до сих пор не постигают, что Россия возмужала; они видели в пеленах наш государственный быт; весьма часто были призываемы в пестуны его колыбели и в свидетели всех недоумений, всех ошибок, всех колебаний нашего внутреннего образования. Оттого, что они угнетали Россию Императрицы Анны; оттого, что они вблизи видели Россию Елизаветы и Екатерины II, они упорно заключают, что Россия тот же младенец, к охранению коего и они платили дань усердия, не всегда беспристрастного, не всегда бескорыстного. Словом – они не постигают России Николая I… Немцев на лету схватить нельзя; против них надобно вести, так сказать, осаду: они сдадутся, но не вдруг». Сторонник окончательного сближения Дерптского университета и учебных заведений Дерптского округа с русскими учебными заведениями, Уваров по условиям времени находил возможным лишь их приготовительное преобразование, «предполагающее только применение некоторых статей из уставов российских университетов и училищ». На Дерптский университет отдельными распоряжениями, при сохранении его

особого устава, было распространено право министра замещать кафедры по своему назначению, были сокращены его судебные права, были введены новые правила для студентов, и было обращено внимание на знание и преподавание русского языка. В средних и низших училищах было также обращено внимание на усиление преподавания русского языка, что и легло в основу начатого с 1842 г. преобразования учебных планов Дерптского округа.

Николай I и искусство

В биографии и обзоре царствования императора Николая не может быть обойдено молчанием отношение Николая к искусству. Личные вкусы императора Николая в области литературы малоинтересны, а отношение правительства к литературе в его царствование выражалось исключительно в запретительных мероприятиях. Не так обстояло дело с искусством. Николай, безусловно, понимал искусство, а в одной области, именно в архитектуре, был к тому же и сам хорошим специалистом. Его любовь к искусству претворялась в ряд положительных правительственных начинаний и мероприятий, направленных на поощрение художественной и строительной деятельности. Царствование этого последнего, в полном смысле слова, самодержца было и последней эпохой существования официального искусства. На официальном искусстве николаевского времени отразились, конечно, прежде всего личные художественные вкусы императора; на этом искусстве чувствуется, однако, и тот глубокий процесс внутренней перестройки, который происходил в это время в русском обществе. Умирание классицизма и его смена эклектизмом и национальными, хотя и ложно понятыми, исканиями символичны для николаевской эпохи, когда разлагались сословные перегородки и нарождалась бессословная интеллигенция, преграду чему ставила вся николаевская система, но с чем в отдельных случаях она сама не могла не считаться. Николаевская политика в области народного просвещения и в области вероисповедных вопросов – яркое выражение идеалов николаевского царствования. Судьбы официального искусства в это царствование – символ всей николаевской эпохи в ее полном объеме.

Принцип служения искусства государству проводился в широких размерах в николаевское царствование. Как и в предшествующие эпохи, это выражалось в заботах правительства о художественном образовании, в поручении крупных строительных заказов выдающимся художественным силам того времени, наконец, в поощрении тех художественных направлений, которые в идейном отношении соответствовали основным началам николаевской политики. В сравнении с предшествующими эпохами – Екатерины II и Александра I – все эти начинания отмечены менее широким размахом, что зависело зачастую прямо от финансовых условий; с другой стороны, на всех этих начинаниях в гораздо более сильной степени, чем в

предшествующее царствование, лежит отпечаток личных вкусов и личной воли императора. Николай I любил искусство и считал себя по своему положению призванным быть его руководителем. Выступая в такой роли, он не был склонен считаться с личными замыслами художника и подчинял их, и притом очень круто, своей воле, воле державного заказчика. В своем отношении к искусству он руководствовался порой не только художественными соображениями, но и личными и политическими симпатиями и антисимпатиями. Личный вкус государя нередко решал, и иногда роковым образом, судьбу капитальных памятников искусства. Но император понимал образовательное значение искусства. Он был озабочен сохранением памятников художественной старины, хотя и не всегда шел в этом отношении по верному пути, а его строительная деятельность составила эпоху в истории нового русского зодчества. Наконец, его имя связано с созданием главного художественного хранилища в России – Императорского Эрмитажа.

Рассадник художественного образования, Академия художеств в 1850 г. из ведения Министерства народного просвещения перешла в ведение Министерства Двора, что благоприятно отразилось на материальном положении этого учреждения. Штаты Академии были увеличены, и это дало возможность поставить более широко дело ежегодных отправок молодых художников для довершения их художественного образования за границу, в Италию. Некоторым из заграничных пансионеров Академии, как, например, Ф. Бруни и К. Брюллову, скульпторам Логановскому, бар. Клодту и Рамазанову, по возвращении их из-за границы, равно как и художникам более старшего поколения, были поручены крупные художественные заказы, главным образом в двух строившихся в николаевское царствование храмах – в Исаакиевском соборе в Петербурге и в Храме Христа Спасителя в Москве. В Риме была устроена особая мозаичная мастерская, в которой обучались русские художники, что также стояло в связи с мозаичными работами для двух названных храмов. Вскоре эта мастерская была переведена в Петербург и составила мозаичное отделение Академии художеств, помещавшееся в то время на стеклянной мануфактуре. Для мозаичных работ были вызваны первоначально итальянские мастера (Рафаели, братья Бонафеде, Рубиконди) и русские, обучавшиеся этому делу за границей (Е. Солнцев, В. Раев, Шаповалов и Федоров). Вскоре мозаичное отделение стало выпускать своих собственных мастеров (Аминева, Бурухина, П. Васильева, Голубцева, Фролова и др.). В 1843 г. было упразднено существовавшее при Академии закрытое воспитательное

училище. Это лишило внутреннюю жизнь Академии прежней замкнутости и позднее облегчило доступ в нее новым веяниям. Частичными изменениями преподавание в Академии было расширено, чем была подготовлена почва для нового устава, введенного несколько позднее, в 1859 г. Благоволение императора Николая в Академии выразилось в назначении ее президентом в 1843 г., после смерти много сделавшего для Академии А.Н. Оленина, герцога Максимилиана Лейхтенбергского, а после смерти герцога в 1852 г. – его супруги, великой княгини Марии Николаевны. Большое значение в делах Академии имел в николаевское царствование ее вице-президент (с 1828 г.) скульптор гр. Ф.П. Толстой и конференц-секретарь В.И. Григорович.

Крупным художественным начинанием императора Николая было учреждение Императорского Эрмитажа. Богатое дворцовое собрание художественных сокровищ, основанное Екатериной Великой и значительно расширенное многочисленными приобретениями при Александре I, по мысли Николая I было превращено в национальный музей, доступный для публики. Для лучшего размещения коллекций было сооружено по проекту вызванного в 1840 г. из Мюнхена знаменитого архитектора Лео фон-Кленце новое здание, на месте прежнего Шепелевского дома, занявшее все пространство от Невы до Миллионной улицы и от Деламоттова павильона Зимнего дворца до Зимней канавки. Для систематического разбора сокровищ, частью собранных в покоях екатерининского Эрмитажа (корпус, выходящий на Неву), частью рассеянных по различным дворцам, была назначена особая комиссия, составленная из профессоров Бруни и Басина. Какв работах этой комиссии, так и в сооружении здания Николай Павлович принимал самое живое участие. В течение всего его царствования эрмитажные коллекции обогащались новыми приобретениями: в 1829 г. – из Мальмезонской галереи королевы Гортензии, в 1831 г. – из галереи принца Годоя, в 1836 г. – купленными у Кузвельта, в 1845 г. – по завещанию Д.П. Татищева и, главное, в 1850 г. из галереи Барбариго в Венеции. Бывали, однако, в царствование Николая в жизни Эрмитажа и менее счастливые минуты. В 1853 г. эрмитажные коллекции были подвергнуты новому разбору, и для распродажи второстепенных произведений в июне 1854 г. был устроен аукцион. На этом аукционе было сбыто за бесценок немало первоклассных произведений, как, например, приобретенные в свое время из галерей Брюля и Барбариго, из которых лишь немногие позднее снова вернулись в Эрмитаж за цену, во много раз превосходящую вырученное заних на аукционе.

Выше уже было сказано об учреждении в николаевское царствование археологических обществ – Императорского Русского Археологического и Одесского истории и древностей, тогда же заявивших себя ценными изданиями. При сочувственном отношении со стороны правительства и при пробуждении в самом обществе интереса к памятникам русской старины стало возможно появление в конце николаевского царствования и таких капитальных для уразумения русского художественного прошлого изданий, как «Древности Российского Государства» (1849–1853), «Памятники московских древностей» (изд. И.М. Снегиревым с 1842 по 1845 гг.), «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» и др.

Областью искусства, наиболее близкой сердцу императора Николая, как приходилось уже отмечать, было строительство. Сам хороший рисовальщик и инженер, он живо интересовался возводимыми в его время постройками – как в столицах и резиденциях, так и в провинции. На его утверждение восходили проекты всех строившихся в Петербурге общественных зданий и многих частных. Строго регламентировано было строительство и в любимой резиденции государя – Петергофе.

В целом архитектура николаевского царствования отличается меньшим единством художественного стиля, чем архитектура предшествовавшего царствования; на ней отразилось характерное вообще для европейского искусства тридцатых и сороковых годов разложение строго классического стиля и увлечение одновременно различными художественными теориями и направлениями. Личные вкусы государя и в этом отношении имели решающее значение. Поклонник строгого этикета во всех официальных выступлениях, Николай I в общественных сооружениях предпочитал строгие холодные монументальные формы. В начале его царствования преобладает классический стиль (empire), столь блестяще развернувшийся в русской архитектуре еще в александровское царствование. С тридцатых годов начинаются попытки возрождения «русского» стиля, однако еще в очень условных формах. В своих частных постройках, как и в своей личной и семейной жизни, Николай Павлович искал большей простоты и уютности. Лишь в последние годы своего царствования он с особой роскошью отделывает помещения, предназначавшиеся для его детей. В дворцовых постройках николаевского царствования строгие классические формы после недолговременного увлечения готикой скоро уступают место возродившемуся стилю ренессанс и «помпейскому», а позднее – рококо. В особенности после поездки в 1845 г. в Италию у Николая Павловича развивается любовь к легкой архитектуре

итальянских вилл.

В начале николаевского царствования подвизались еще некоторые из выдающихся архитекторов александровского времени – Росси, В. Стасов, Лукини, Смарагд Шустов. В двадцатых и тридцатых годах этими художниками был выполнен в Петербурге ряд правительственных заказов, завершивших общий архитектурный ансамбль северной столицы в духе строгого классицизма. В 1829–1834 гг. Росси были сооружены соединенные аркой здания Сената и Синода, составившие достойный pendant к захаровскому Адмиралтейству. Одновременно с этим Лукини были возведены: дом Таможенного присутствия (ныне Морская таможня) и корпуса по сторонам Биржи, что вместе с самой Биржей Томона создало такое же архитектурное целое на слиянии Большой и Малой Невы, какое вырастало на противоположной стороне. В те же годы (1827–1832) Росси было создано другое законченное художественное целое – Александринский театр и здания Театральной улицы, с чем гармонировал относящийся к тому же времени и принадлежащий также Росси выходящий на площадь фасад Публичной библиотеки. В тяжелых формах строго классического стиля В. Стасовым были возведены памятники военных триумфов 1826–1831 гг.: Триумфальные ворота за Московской заставой (1833–1838 гг.) и Спасо-Преображенский собор (1826–1828 гг.), а также Троицкий собор в Измайловском полку (1824–1835 гг.). В зелени петербургских островов тот же стиль, сохраняя свою выдержанность, принимал более легкие очертания – Каменноостровский театр, постройка С. Шустова (1827 г.). К 1829 г. Росси, закончив сооружение зданий и арок Главного штаба, замкнул Дворцовую площадь. «Петра творение» окончательно приняло свой «строгий, стройный вид».

Новые течения в николаевском строительстве начинают определяться со второй половины тридцатых годов. С одной стороны, под влиянием усилившегося в то время интереса к отечественному прошлому и к памятникам русской старины начинаются попытки возрождения русского национального архитектурного стиля; с другой стороны, выдержанный классический стиль уступает место новым влияниям, шедшим с Запада. Зодчим, пытавшимся возродить древнерусские архитектурные формы – плохо к тому же понятые, – был К.А. Тон. Попытка применить эти формы к дворцовому строительству при постройке Большого Кремлевского дворца в Москве, по-видимому, не удовлетворила императора Николая. В Петербурге русские архитектурные формы совершенно уже не гармонировали с общим обликом гражданской архитектуры. Национальный стиль

утверждается в церковном зодчестве; в дворцовых постройках по-прежнему применяются западноевропейские архитектурные формы.

Дворцовое строительство в николаевское царствование оживляется с конца тридцатых годов – когда после пожара 1837 г. был заново отделан Зимний дворец и когда по повелению государя в Петербурге и окрестных резиденциях был возведен ряд дворцовых построек для детей Его Величества. В богатой отделке залов Зимнего дворца, порученной Стасову и ряду других архитекторов (Александру Брюллову, А. Штауберту, Монферрану и др.), строгие классические формы разнообразятся мотивами, эклектически заимствованными из различных стилей: помпейский орнамент и карнизы в духе итальянского ренессанса, кариатиды и славянские доспехи. Типичным представителем этого эклектизма, столь характерного для николаевской эпохи, был неизменно пользовавшийся благоволением государя архитектор Штакеншнейдер. Им были построены дворцы: для вел. кн. Марии Николаевны, Мариинский, нынешнее здание Государственного Совета, лучший образец николаевской дворцовой архитектуры, и для великих князей Николая Николаевича, ныне Ксениинский институт, и Михаила Николаевича, на Дворцовой набережной, и ряд дворцовых строений в Петергофе: павильоны на Ольгином острове, на Царицыном острове и «Озерки», «Бельведер» на Бабьем-гоне и собственная Его Величества дача. Вызванный в 1840 г. для постройки Эрмитажа Лео фон-Кленцо дал Петербургу законченный образец неогреческого стиля. В отдельных постройках в Петергофе (царские конюшни работы Н. Бенуа; построенная еще около 1833 г. берлинским архитектором Шинкелем церковь в Александрии и некоторые другие) не без успеха применена готика. Все это придавало николаевской архитектуре своеобразный отпечаток, хотя и не такой выдержанный и строгий, как лежит на архитектуре александровской эпохи. Архитектурный эклектизм дворцового строительства делается образцом для подражания в частных постройках. Ему следует сперва знать, затем и более мелкие собственники. В конце николаевского царствования постепенно подготовляется изменение всего архитектурного облика Петербурга.

Еще во вторую половину александровского царствования были начаты постройкой новый Исаакиевский собор в Петербурге (с 1816 г.)и после 1812 г. Храм Христа Спасителя в Москве. Исаакиевский собор, законченный лишь в 1857 г., строился Монферраном по планам и рисункам, утвержденным еще

Александром I, но видоизменявшимся позднее сообразно новым архитектурным веяниям. Только к 1842 г. был выработан проект внутренней архитектуры храма; сравнительно с первоначальным замыслом все здание получило более роскошную и более тяжелую отделку. Живопись и скульптурные украшения храма, порученные художникам К. Брюллову, Бруни, Басину, Шебуеву, Завьялову, А. Маркову, Н. Майкову и др. и скульпторам Витали, бар. Клодту и Логановскому, в целом должны были выражать торжество веры и защиту Церкви государством. Больше изменений претерпела в николаевское царствование постройка Храма Христа Спасителя. Первоначальный проект храма в классическом стиле архитектора А. Витберга в 1832 г. был оставлен, и Высчайшего утверждения удостоился план академика Тона в «византийско-русском» стиле. К 1853 г. была закончена кладка стен и куполов храма, и еще с 1843 г. были начаты скульптурные работы, порученные Клодту, Логановскому и Рамазанову. Программа художественных украшений храма, воздвигавшегося в память 1812 г., должна была выражать прославление молитвенников и заступников за Землю Русскую – ее подвижников Православия и ее князей. Проект Тона очень понравился императору Николаю, и по поручению государя Тоном был возведен в Петербурге ряд церковных построек, частью по образцу Храма Христа Спасителя (ц. Введения в Семеновском полку, ц. св. Екатерины на Петергофском проспекте), частью в ложно истолкованном стиле русских шатровых церквей (ц. Благовещения в Конногвардейском, ц. св. Мирония в Егерском полку). Тоновский «национальный» стиль получает с этого времени официальную санкцию в церковном зодчестве, окончательно вытесняя отсюда классицизм, последним отголоском которого был монферрановский Исаакиевский собор.

Кодификация

Мысль о кодификации законов, восходящая в своем первом возникновении к началу XVIII века, пробуждается в николаевское царствование впервые, как мы знаем, еще до учреждения II отделения С. Е.И.В. Канцелярии, в котором и сосредоточились с 1826 г. главные кодификационные работы.

По мысли Сперанского, высказанной им в его записке, представленной императору Николаю еще до учреждения этого отделения, задача предполагаемых кодификационных работ должна была состоять в скорейшем издании Свода законов – гражданских, уголовных, полицейских и хозяйственных; в издании учебной книги законов судебных; в издании полного собрания законов в хронологическом порядке и в составлении уложений, гражданского и уголовного. Сам государь не вполне согласился с этими мыслями и пожелал, чтобы сперва был сделан Свод законов, а составление уложений до поры до времени было бы отложено. Эти пожелания и легли в основу работ вновь учрежденного II отделения С. Е.И.В. Канцелярии. План работ этого отделения так был намечен Сперанским в составленном им «Наставлении II отделению»: «Две главные работы составляют настоящий предмет II отделения: 1) Составление сводов на законы земские; 2) Издание всех вообще законов, доселе состоявшихся, в виде полного собрания, по порядку времени». Приступив к своим занятиям, II отделение начало одновременно работы по собранию и изданию законов, а также и по составлению подготовительных сводов. В основу собрания законов было положено – разделить все собрание на две эпохи: от Уложения царя Алексея до 12 декабря 1825 г., для издания первого манифеста о вступлении на престол Императора Николая I, и с 12 декабря 1825 г. до данного времени, продолжая затем ежегодным изданием законов минувшего года. Так наметилось издание 1-го и 2-го Полного собрания законов.

Работы по Первому собранию были начаты 25 апреля 1826 г. Для его составления были предприняты значительные архивные разыскания, в результате чего число указов, полученных II отделением от бывшей Комиссии составления законов с 18 025 возросло до 30 920. Старательно разыскивая указы, Сперанский обратил внимание, чтобы сюда вошли трактаты с иностранными державами, а также чертежи, рисунки и планы, относящиеся к различным узаконениям. При издании было принято за правило: вносить все постановления, исходящие к исполнению от верховной власти и от учрежденных ею мест и постановлений, не

исключая и утративших силу; вносить судебные решения, получившие затем значение общих образцов; не помещать указов, назначенных в свое время к уничтожению и отобранию, если затем они не были восстановлены; в последнем случае помечать как указы, их отменившие, так и снова восстановившие. На основании последнего, по особому каждый раз Высочайшему повелению, в 1-е Полное собрание не вошли: формула присяги 21 февраля 1730 г., манифесты 5 и 17 октября 1740 г., проект манифеста 6 июля 1762 года и некоторые другие. К 15 марта 1829 г. было напечатано четыре первых тома, к 1 апреля 1830 г. все 45 томов, в 48 книгах, 1-го Полного собрания законов. Немедленно после этого было начато издание 2-го Полного собрания, весь материал для которого, по 1-е января 1830 г., к концу 1830 г. был уже собран. По представлению Сперанского, удостоившемуся Высочайшего утверждения, во 2-е Полное собрание впервые была внесена Аккерманская конвенция 1826 г., в свое время лишь сообщенная нашим миссиям при иностранных дворах и обнародованная в пограничных с Турцией областях, но зато не были внесены многие отдельные акты, а также все постановления, рескрипты и повеления с пометкой: «сообщить оные куда следует, письменно или без огласки». К 1832 г. было издано 6 томов, в 8 книгах, 2-го Полного собрания, заключавших в себе 5 073 указа.

Одновременно с этим шли работы по изданию Свода законов. Какого-либо предварительного общего плана работ в письменном виде не сохранилось. Сам материал в Своде был расположен по следующим категориям: 1) законы, определяющие союз государственный: а) порядок, коим верховная власть образуется и действует; б) органы действия этой власти; в) силы, предназначаемые для сего действия (повинности и уставы казенного управления); г) участие подданных в составе этих органов и сил (законы о состояниях); 2) законы, определяющие союз гражданский: а) отношения семейственные и имущественные и гражданское судопроизводство; б) порядок действия имущественных прав в особом их отношении к государственному и частному кредиту, торговле и промышленности; 3) уставы благочиния и уголовные. Предварительно изготовлялись исторические своды по главным предметам законодательства, из которых устранялось лишь все недействующее. Исторические своды были составлены не ко всем частям законодательства. К июню 1827 г. эта работа в значительной степени была уже закончена. С августа 1826 г. было приступлено к составлению частей догматического свода, в значительной степени на основаниях исторических. Здесь уже

исключались повторения, сокращалось многословие и из нескольких противоречащих законов выбирался позднейший без его принципиальной оценки. В отдельных случаях приходилось, конечно, прибегать и к самостоятельному истолкованию текста. Само сведение воедино отдельных указов и законов и даже простой пересмотр их редакции вносил иногда изменения в их смысл. Так, новая редакция, какую получил в Своде закон императора Павла о престолонаследии, внесла некоторую неясность в пункт о наследовании по женской линии, которая, по мнению новейших исследователей, может быть устранена лишь соответствующим законодательным актом[64].

Есть, наконец, в Своде и такие статьи, которые не находят себе источников в Полном собрании, и заимствования из иностранных законодательств.

23 апреля 1828 г. был составлен комитет для проверки Свода, куда вошли сенаторы Болгарский и Челищев, один из обер-прокуроров Синода, один из директоров департамента Министерства юстиции, один юрисконсульт и один обер-секретарь по назначению министра юстиции. Занятия этого комитета начались лишь в августе 1829 г. Одновременно с этим отдельные части сводов рассылались по соответствующим министерствам для их предварительного обозрения. Все эти предварительные работы были закончены к 1830 г., и тогда было приступлено к печатанию Свода. Предельной датой для него было взято начало 1832 г. К концу 1832 г. были закончены печатанием все 15 томов Свода, и 19 января 1833 г. он был внесен в Государственный Совет. Император Николай I сам открыл это заседание речью, которая в бумагах Сперанского приводится так:

«Его Величество изъяснил Совету, что при самом восшествии на престол он счел долгом обратить внимание на разные части управления, о коих не имел почти никакого сведения. Первый предмет, к коему Государь Император по важности оного устремил все свое внимание, было правосудие, составляющее, так сказать, первую надобность всякого государства. Его Величество с самой молодости своей слышал о недостатках у нас в оном, о ябеде, о лихоимстве, о неимении полных законов или о смешении оных от чрезвычайного множества указов, нередко один другому противоречащих. Сие побудило Государя Императора с первых дней правления Его рассмотреть, в каком состоянии находится комиссия, для составления законов учрежденная. К сожалению, представленные сведения удостоверили Его Величество, что труды комиссии сей не имели никаких последствий. Нетрудно было открыть, что сие главнейше происходило оттого, что всегда обращались к составлению новых законов, а не к соглашению на

твердых началах старых. Посему Государь Император признать за благо изволил прежде всего определить, к чему по законодательству правительство должно направлять свои виды, и вследствие сего Его Величество обратиться изволил к началам, противоположным тем, коими комиссии, для составления законов доселе учреждаемые, руководствовались, то есть чтобы не созидать новых законов, а привести в порядок старые. Соответственно сему положено было разделить труды на 3 разные и постепенные действия, а именно: 1) обозреть то, что ныне существует, т.е. собрать все указы и привести оные в хронологический порядок. Сие исполнено и напечатано 48 томов Собрания указов, которое в присутствии Совета находится; 2) составить из всех многочисленных указов своды тех узаконений, которые действительно силу ныне имеют. Сие второе предположение Его Величества исполнено ныне по Высочайшему повелению и внесен в Государственный Совет Свод законов; 3) по окончании второй части работы, когда сделается известным, что мы имеем и в чем могут состоять недостатки наши, приступить к усовершенствованию и дополнению законов. Сим Государь Император занимался, сим занимается ныне и впредь непрестанно заниматься будет, и Государственный Совет доселе всякий год рассматривал многие постановления, всегда ту цель имевшие, чтобы исправлять открывающиеся в узаконениях наших недостатки нужными пояснениями и дополнениями. В сем состояли Его распоряжения, и II отделению Собственной Е.И.В. Канцелярии, заменившему собой комиссию составления законов, предоставлено было исполнение начертанного плана».

«Но прежде, нежели Государь Император предложить изволил цель настоящего созыва Государственного Совета, Его Величество признал за благо упомянуть еще об одном обстоятельстве. В Своде помещены, по собственному Его Величества повелению, основные законы, собственно до него и до Августейшего дома Его относящиеся. Всем известны разные превращения, в наследстве престола происходившие. Блаженной памяти Император, Родитель Его, установил первый на твердых основаниях права наследия и издал учреждение об Императорской Фамилии, которое Он, так сказать, освятил, положив на Престол в Успенском Соборе. Так император Александр I дополнил постановления сии, когда великий князь Константин Павлович сочетался браком с княгиней Лович. Так Сам Государь Император дополнил узаконения сии постановлением о правителе государства. Акты, кои также освящены тем, что там же, где и первые, Императора Павла I, находятся. Государь Император счел нужным сии основные законы, впрочем уже давно изданные и

всем известные, соединить ныне вместе».

По вопросу о том, в каком отношении должен был стоять новый Свод законов к действующему законодательству, голоса в Государственном Совете разделились. Государь предложил Государственному Совету на рассмотрение следующие вопросы: 1) Признать ли статьи Свода единственным основанием в решении дел, так чтобы текст законов служил только доказательством источников, из коих статьи составлены, но не был бы сам собой в делах употребляем? 2) Признать ли статьи Свода законом действующим, но вместе с тем постановить, чтобы в некоторых определенных случаях можно было обращаться к самому тексту закона и в нем искать разрешения? 3) Признать ли прежний текст закона единственным и исключительным основанием решения, а статьи Свода считать только средством совещательным к приисканию их и познанию их смысла? 4) Признать ли в течение некоторого времени текст закона основанием к решению, как он признается и ныне, но в то же время постановить, чтобы вместе с ним приводимы были статьи Свода, им соответствующие?

Девятнадцать членов Совета подали голос за первое решение; 13, и в том числе Сперанский, – за второе. Результатом этого было постановление: Свод законов издать ныне же и разослать во все присутственные места; при сем издании объявить, что Свод содержит одни действующие только ныне узаконения и что через два года, т.е. с 1-го января 1835 года, получит он исключительную силу закона. Министру юстиции составить положение, каким образом учреждена быть может, на основании предыдущих статей, негласная ревизия в удостоверение, не откроется ли при производстве дел противоречий, или неясности в Своде законов, или же пропусков, изъяснения и дополнения требующих. Департаменту законов предоставить рассмотреть совместно с министром юстиции как упомянутый проект положения для предполагаемой ревизии, так и проект манифеста, при коем Свод законов имеет быть издан, и заключение департамента законов внести на уважение общего собрания Государственного Совета. Это постановление было утверждено государем. Обнародованный манифест о Своде законов помечен 31 января 1833 г. Одновременно с этим министру юстиции Д.В. Дашкову было сообщено об учреждении негласной ревизии Свода для удостоверения, нет ли в нем противоречий или пропусков. Из получившихся отсюда примечаний и из изменений по новым постановлениям возникали «Продолжения» Свода, которые в царствование Николая издавались ежегодно с 1834 по 1839 гг. включительно. К 1840 г. гр. Д.Н. Блудов представил соображения

о новом издании Свода и возбуждал вопрос, издавать ли Свод в прежней форме или в форме уложений. Император положил резолюцию: «Необходимо издать по-прежнему». Новое издание 1842 г. было лишь подновлением старого в смысле внесения в него позднейших узаконений, но, как общее правило, не позже 1 июля 1842 г.; оно было обнародовано 4 марта 1843 г.

За труды по составлению Свода законов Сперанский был награжден орденом св. Андрея Первозванного, знаки которого император Николай, сняв с себя, сам возложил на него на заседании Государственного Совета 19 января. Несколько позднее, 1 января 1839 г., незадолго до смерти, Сперанский был возведен в графское достоинство.

После издания Свода Сперанский считал благовременным приступить к его дальнейшему усовершенствованию, а для этого начать с обозрения главных предметов и разрешения тех вопросов, которые, ранее начатые, остались неоконченными, но которые составляют самые существенные начала государственного управления. Государь приказал начать с Уголовного уложения, что и было возложено на самого Сперанского и министра юстиции Д.В. Дашкова. 26 ноября 1839 г., менее чем через год после Сперанского, умер и Дашков, и дело издания Уголовного уложения перешло в руки гр. Д.Н. Блудова. Для приведения этого дела в исполнение Блудовым была намечена очень широкая программа: решено было выбрать и систематизировать все узаконения о преступлениях и наказаниях из Полного собрания законов и Свода; сделать извлечения из замечаний на XV том Свода (законы уголовные); сочинить историческое обозрение русского уголовного права; составить за несколько лет табель уголовных деяний; составить сравнительное обозрение многих западноевропейских кодексов и проектов кодексов. Император Николай одобрил эту программу, но установил: не созидать нового уложения, а только привести в надлежащее между собой соглашение разнородные части оного на одинаковых началах и в одном духе: устранить всякую неточность выражений и самих положений и сделать все требуемые временем и указанные опытом дополнения. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных было утверждено 15 августа 1845 г.

Наконец, одновременно с изданием Свода и Уголовного уложения в николаевское царствование был издан целый ряд собраний и сводов узаконений по отдельным частям, а также предпринимались работы по кодификации местного права. Все эти издания и работы в большинстве случаев выходили точно так же из II отделения С. Е.И.В. Канцелярии. 25 июня 1839 г. был

издан Свод военных постановлений, составленный по плану ген.-майора Дм. Ив. Ахшарумова под руководством Сперанского, а позднее выпускались периодические его продолжения. Тотчас после его издания было приступлено к работам по изданию Военно-уголовного устава. В 1845 г. эти работы замедлились изданием Уголовного уложения и не были доведены до конца в царствование Николая I. В 1837 г. был издан составленный Сибирским комитетом Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. После закрытия комитета (1838 г.) это издание было пересмотрено II отделением, дополнено примечаниями и историческим обозрением и снова издано в 1841 г. 7-го октября 1848 г. был издан общий Счетный устав, а 15 июня 1851 г. – Устав о земских повинностях. С 1836 г. были начаты работы по Полному собранию духовных узаконений в России со времен учреждения Святейшего Синода, но само издание этого собрания по Высочайшему повелению было отложено. В связи с изданием Свода законов Российской Империи по инициативе кн. Меншикова возникла мысль об издании Свода морских постановлений, что было возложено на Комитет по образованию флота, а с 1848г. на оставшуюся после упразднения этого комитета его канцелярию, с переименованием ее в Канцелярию по своду морских постановлений. С 1851 г. было начато издание Свода уголовных морских законов; в 1852 г. было издано Собрание морских узаконений от 1845 г. по 1851 г. В 1853 г. Канцелярия по своду морских установлений была также упразднена, а составление свода по частям было возложено на целый ряд комитетов. Одновременно с этим, ввиду устарелости морских уставов Петра Великого и Павла I, в 1850 г. был учрежден особый комитет для составления нового Морского устава, в работах которого принимал участие вел. кн. Константин Николаевич. Новый Морской устав был издан в 1853 г.

Вскоре после учреждения II отделения были затребованы сведения о работах местных комитетов, учрежденных в свое время в губерниях, присоединенных в XVIII в. от Польши, и в Малороссии. Работы эти оказались весьма незначительны, а местами комитеты не были даже еще и открыты. Ввиду этого 26 марта 1830 г. было постановлено эти комитеты закрыть, а их работы передать во II отделение С. Е.И.В. Канцелярии. Для работ по Своду для западных губерний на польском языке был приглашен проф. Харьковского университета И.Н. Данилович, а работы на русском языке были поручены чиновнику II отделения А.Д. Илличевскому. Их работы в 1836 г. подверглись ревизии в особом комитете, составленном под председательством Сперанского из представителей дворянства западных губерний,

назначенных местными властями. Поправки, внесенные этим комитетом в духе общей политики императора Николая в Западном крае, были направлены в сторону проведения большего различия между бывшими литовскими землями (Северо-Западный край) и бывшими землями польской короны (Юго-Западный край) и в сторону большего согласования местного свода с общим. В следующем 1834 г. проект свода подвергся второй ревизии со стороны представителей Министерства юстиции и самих его составителей с целью практического его согласования с делопроизводством в Сенате и в губернских учреждениях. Проект свода местных законов для западных губерний встретил, однако, возражения по соображениям политического характера со стороны вновь назначенного генерал-губернатора Юго-Западного края Бибикова. Это поставило на очередь противоположный вопрос – о полной отмене Литовского статуса, до этого времени отмененного, в 1834 г., лишь в Белоруссии. Этот вопрос обсуждался в 1839 г. в Западном комитете. 25 июня 1840 г. последовала отмена Литовского статуса во всем Западном крае, т.е. в губерниях Киевской, Подольской, Волынской, Минской, Виленской и Гродненской и в области Белостокской, а 4 марта 1843 г. в губерниях Черниговской и Полтавской. Вопрос об особом своде для всех этих губерний тем самым окончательно отпадал. В 1845 г. были изданы два тома, а в 1854 г. третий том Свода местных узаконений Прибалтийских губерний на русском и немецком языках. В 1826 г. было переведено на русский язык шведское Уложение 1734 г., действовавшее в Финляндии. В 1835 г. в Гельсингфорсе был учрежден кодификационный Комитет финляндских законов, которому было предписано сноситься по этому делу со Сперанским. В 1842 г. Блудов представил всеподданнейший доклад и высказывал предположения вести дело кодификации финляндских законов по плану, принятому для кодификационных работ Империи. Эти предположения встретили возражения со стороны особого ревизионного комитета, составленного из представителей от финляндского сената, что было поддержано также финляндским генерал-губернатором кн. Меншиковым. В 1846 г. было повелено возвратить в кодификационную комиссию все материалы для Свода финляндских законов и приступить к собранию в хронологическом порядке всех постановлений, изменяющих или дополняющих Уложение 1734 г. Этот труд и должен был лечь в основу будущего Свода финляндских законов. К концу николаевского царствования такое издание было уже подготовлено к печати.

Труды по кодификации местного права на Кавказе и в Закавказье в царствования Николая I тесно связываются с его общей политикой на этой окраине и будут отмечены ниже[65].

Экономическая политика, пути сообщения и финансы

К концу александровского царствования курс экономической и финансовой политики окончательно определился в сторону протекционизма и пересмотра денежной системы. Таков был смысл назначения в 1823 году министром финансов гр. Егора Францевича Канкрина, выдвинувшегося с 1812 г. в должности генерал-интенданта и стяжавшего к этому времени европейскую известность познаниями в области политико-экономической, и, в частности, военного хозяйства, и остававшегося на министерском посту до 1844 года.

В лице Канкрина перед нами выступает весьма типичная фигура администратора конца александровской и начала николаевской эпохи, администратора-консерватора, но строгого государственника. С недоверием относясь к общественному мнению и отстаивая и опираясь на неограниченную полноту власти монарха, он в то же время недоверчиво относится и к личной политике этого последнего, поскольку эта политика обнаруживает уклон в сторону агрессивного легитимизма, до чего был таким охотником Николай I. С другой стороны, система самого Канкрина была довольно верным отражением в сфере экономической и финансовой политики общей политической системы императора Николая.

Свои теоретические взгляды Канкрин изложил в вышедшем в свет еще в 1821 г. сочинении «Всемирное богатство, национальное богатство и государственное хозяйство». Являясь во многом противником Адама Смита, Канкрин противопоставлял понятию мирового богатства понятие богатства данного народа, считал задачей финансового управления не столько умножение общего государственного дохода, сколько благосостояние каждого гражданина и, находя большое сходство между государственным хозяйством и частным, рекомендовал в финансовом управлении большую бережливость в сочетании с возможным усилением производительных сил страны. На практике, в применении к условиям русской действительности, в данный момент Канкрин считал необходимым держаться сокращения расходов, осторожно пользоваться кредитом, вводить строгий порядок в денежном обращении и проводить протекционную систему. Эти начала финансовой и экономической политики были изложены Канкриным и в его всеподданнейшем отчете по Министерству финансов за 1826 г.

Не касаясь принципов канкриновской системы, нельзя не отметить некоторых приемов канкриновского управления, вполне естественных, поскольку эта система была отражением общей николаевской системы, но, конечно, ослаблявших те положительные результаты, какие она могла бы иметь при всей своей односторонности. Последовательный бюрократ, Канкрин был безусловным противником гласности и тем самым, конечно, лишал себя очень ценного голоса практической жизни, и это – в той сфере государственного управления, которая соприкасается с наиболее чувствительными нервами этой жизни. В данном случае мы сталкиваемся совершенно с тем же явлением, с каким встретимся еще, когда будем говорить о николаевской политике по крестьянскому вопросу. Отсутствие гласности и бюрократические приемы управления в одинаковой степени в николаевское царствование тормозили крестьянский вопрос и помешали вполне согласовать финансовую и экономическую политику с народными нуждами и нуждами русской промышленности и торговли. С другой стороны, на некоторых односторонностях в построении канкриновской программы сказывалось влияние общих крепостных условий эпохи. Пока масса земледельческого населения была отгорожена от правительства стеной вотчинных и имущественных привилегий земледельческого класса, не мог быть поставлен во всей широте и в значительной степени оказывался изъятым из области правительственной политики и вопрос о сельском хозяйстве, и более общий вопрос – о всей налоговой системе.

При проведении своей программы Канкрину приходилось зачастую считаться, как с противоборствующей силой, с личным вмешательством в финансовую политику самого государя, далеко не всегда склонного идти, по соображениям государственной экономии, на уступки в своих агрессивных намерениях. Канкрин был лично известен Николаю еще по своей службе в военном ведомстве. Вначале весьма мало осведомленный в финансовых вопросах, Николай в этом отношении в значительной степени воспитался на взглядах Канкрина. Позднее, освоившись с этими вопросами, он во вторую половину своего царствования выступал уже иногда более самостоятельно и проводил свои собственные проекты, шедшие вразрез с мнениями его министра финансов. Так было, например, в вопросе о замене всех ассигнаций новыми бумажными кредитными знаками. Постепенно это разногласие все нарастало. В 1844 г. Канкрин выступил с возражениями против той политики, какая велась в это время на Кавказе, и указывал на необходимость или немедленно подавить восстание горцев, или, в случае невозможности, прекратить военные

действия. Его представление было оставлено без внимания. Наряду с расстроенным здоровьем это послужило окончательным поводом к выходу Канкрина в отставку (1 мая 1844 г.). На его место был назначен его товарищ по управлению министерством, Ф.П. Вронченко. Назначение Вронченко, а после него (с 6 апреля 1852 г.) П.Ф. Брока не внесло каких-либо крупных принципиальных изменений в систему, установленную Канкриным, хотя с 1844 г. и начинается постепенное отступление от начал строго протекционной политики. Но зато в лице Канкрина император Николай лишился твердого и смелого сотрудника, решавшегося противопоставлять свои соображения личной воле и желаниям государя. Финансовая политика николаевского царствования делается с этого времени менее осторожной, что в связи с последовавшими за этим европейскими событиями имело немалые общегосударственные последствия.

Общее положение русской обрабатывающей промышленности в тридцатых и сороковых годах девятнадцатого столетия обрисовывается главным образом состоянием отдельных видов текстильной промышленности и промышленности металлообрабатывающей. В это время замечается сильное развитие бумаготкацкого производства, что стояло в связи с низкими ценами на английскую пряжу, по преимуществу потребляемую русскими мануфактурами. Наоборот, русское льняное, парусинное и полотняное производство, жившее до этого времени главным образом спросом английского парусного флота, теперь, с переходом морских сил на паровые двигатели, начинает значительно падать и постепенно вытесняется бумажными тканями. Наконец, что касается суконного производства, то оно встречает в это время сильного конкурента в лице польской суконной промышленности, поставленной в более благоприятные условия благодаря развитию в Польше овцеводства и возможности получать дешевую шерсть из соседней Силезии. В Польше возникает в это время крупный центр шерстяного производства – Лодзь, который начинает конкурировать с Москвой. Сильное развитие бумаго-ткацкого производства, кризис льняного производства и трудные условия конкуренции для производства суконного делали для русской текстильной промышленности очень существенным вопрос о переходе к машинному способу обработки. Этот переход, в свою очередь, сильно затруднялся различными причинами. Вывоз ткацких и прядильных машин из Англии до 1843 г. английскими законами был очень затруднен. Отечественное русское машиностроение, начавшее заметно развиваться с 1825 г. (казенный Александровский чугунолитейный и механический

завод и несколько позднее заводы герцога Лейхтенбергского и Нобеля в Петербурге, завод Доброва и Набгольца в Москве, казенный Луганский завод на юге и др.), должно было в тридцатых и в особенности в сороковых годах обслуживать прежде всего начавшееся в это время железнодорожное строительство и не всегда могло в достаточной мере удовлетворить запросы текстильной промышленности. Все эти трудные условия, и особенно конкуренция польской промышленности, усиливались еще существовавшей в то время тарифной системой.

При вступлении на престол императора Николая действовал запретительный тариф 1822 г. с теми частичными повышениями пошлин на допущенные к ввозу товары, какие были внесены в него, главным образом по фискальным соображениям, в 1824 году. В то же время законами от 1 августа 1822 г. и 30 июня 1824 г. была восстановлена таможенная черта между Империей и Царством Польским, причем изделия, выработанные внутри обеих стран из собственного сырья, при провозе через черту облагались значительно меньшей пошлиной, чем изделия из чужестранных сырых продуктов. Вследствие этого польские сукна при провозе в Россию были обложены 3%-ной пошлиной, а русские хлопчатобумажные изделия, как изготовляемые прежде всего из английской пряжи, при провозе в Польшу – 15%-ной. Это создавало возможность для польской суконной промышленности не только завладеть внутренним русским рынком, но и выгодно использовать открытый для нее транзит через Россию в Китай. К тому же с 1821 г. был разрешен почти беспошлинный транзит европейских товаров через Закавказье в Персию, что опять-таки было использовано, между прочим, и польской промышленностью. Хотя Канкрин участвовал в выработке тарифа 1822 г., сам лично он не сочувствовал системе таможенных запрещений и скорее стоял за охранение отдельных видов отечественной промышленности высокими пошлинами на привозные товары. С другой стороны, он был против какого-либо повышения пошлин по фискальным соображениям, не сочувствовал свободному транзиту и находил необходимым пересмотр русско-польского таможенного тарифа в интересах русской промышленности. Эти взгляды были им развиты в его отчетах по управлению Министерством финансов за первые годы николаевского царствования и удостоились высочайшего одобрения.

Канкрину в его торгово-промышленной политике приходилось сталкиваться со стремлениями самого государя к чрезмерному повышению пошлин по фискальным соображениям,

главным образом для удовлетворения нужд военного характера. В вопросе о русско-польской таможенной черте его противником явился министр финансов Царства Польского кн. Любецкий, ходатайствовавший перед государем о полном уничтожении таможенной черты между Империей и Царством, что как будто, действительно, более соответствовало общему духу николаевской политики, но создало бы еще более невыгодные условия для русской промышленности. По вопросу о таможенных ставках Канкрину приходилось идти на уступки ввиду тех крупных расходов, какие были вызваны турецкой войной 1827–28 гг. и подавлением польского восстания 1830–31 гг., что очень нарушило равновесие государственного бюджета. Вопрос о русско-польской таможенной черте разрешился в смысле ее полного снятия лишь после отставки Канкрина, в связи с общим пересмотром русской таможенной системы.

В первые годы николаевского царствования частичными изменениями тарифа, произведенными в 1825, 1826 и 1830 гг., были разрешены к ввозу, с обложением их высокими пошлинами, многие из товаров, подлежащих по тарифу 1822 г. полному запрету. После польского восстания по представлению самого Канкрина таможенные пошлины были огульно повышены на 12,5% «впредь до усмотрения»; это повышение вошло и в новое издание таможенного тарифа, последовавшее в 1833 г. В 1836 и 1838 гг. последовали дальнейшие частичные ограничения таможенных запрещений, а с 1841 г.– общий пересмотр тарифа, произведенный «для соблюдения секрета» единолично министром финансов. Основанием для этого пересмотра была необходимость по фискальным соображениям повысить таможенный доход, к чему Канкрин склонялся «весьма неохотно». Новый тариф был утвержден 28 ноября 1841 г. и частично изменен и дополнен 2 декабря 1842 г. Запретительные статьи по этому тарифу были сведены к самому незначительному числу; зато пошлина в общем повышалась, и 12,5%-ная надбавка 1831 г. по многим статьям была включена в общий оклад.

Все тарифные изменения 1825–1841 гг. отразились и на тех ставках, которые имели значение для текстильной промышленности. Привозимый до 1841 г. беспошлинно хлопок-сырец подвергся теперь пошлинному обложению; значительно повышалась постепенно и пошлина на шерсть, а также на льняную, хлопчатобумажную и шерстяную пряжи. Почти полное запрещение ввоза бумажных тканей к 1841 г. было совершенно отменено, но пошлины на хлопчатобумажные изделия, равно как и на разрешенные к ввозу льняные ткани, оставались очень высокими, а самим тарифом 1841 г. были и еще повышены.

Высокой оставалась пошлина на привозимые сукна.

Исход польского восстания привел и к пересмотру русско-польских таможенных отношений. Ходатайство Любецкого о снятии русско-польской таможенной черты, сделанное им еще в 1826 г., встретило сильные возражения со стороны Канкрина, и государь согласился с этим последним. 2 января 1831 г., после того как разразилось восстание, ввоз товаров из Польши в Россию был запрещен, что дало повод московским сукнопромышленникам еще до окончания восстания ходатайствовать перед государем, чтобы впредь польские сукна были обложены такой же пошлиной, как и иностранные. Назначенный после восстания наместником в Польшу и пользовавшийся большим доверием у государя кн. Паскевич возражал, однако, против каких бы то ни было таможенных изменений, которые могли бы нанести ущерб промышленности вверенного ему края. Император Николай в данном случае стал в конце концов на сторону Канкрина, находившего неудобным сравнивать Царство Польское в торговом отношении с иностранными государствами, но считавшего необходимым изменить таможенные условия в интересах русской промышленности. Положением 12 ноября 1831 г. изменялись основания русско-польского таможенного тарифа в смысле уравнения и частью повышения пошлин на русские и польские изделия «как в защиту обоюдной промышленности, так и для получения умеренного дохода, по крайней мере для покрытия издержек по таможенной части». Эти изменения уравнивали теперь и пошлину на польские сукна, привозимые в Россию, с пошлиной на русские бумажные изделия при ввозе их в Польшу, устанавливая ту и другую в размере 15%. Новый тариф был окончательно опубликован 13 ноября 1834 г. Закрытый с 1831 г. льготный транзит для польских сукон в Китай был снова восстановлен 11 марта 1832 г. Положение 1831 г. в значительной степени восстанавливало равновесие в торговом балансе между Россией и Польшей, до этого времени сильно нарушавшееся в ущерб русской торговле и промышленности.

Еще с 1827 г. Канкрин делал представления об ограничении транзита европейских товаров через Закавказье, но встретил тогда возражения со стороны Нессельроде. Император Николай согласился с последним и повелел «считать сие дело отложенным до окончания персидской войны и тогда войти с оным вновь с докладом». В 1831 г. этот транзит был закрыт, но зато в последующие годы был предпринят ряд поощрительных мер для развития взаимной торговли между Россией и Персией.

Поворот в таможенной политике императора Николая

наступает с начала сороковых годов, когда все больше значения начинает получать упомянутый выше Любецкий и выдвинутый им польский экономист Тенгоборский. Вполне определился этот вопрос лишь после отставки Канкрина, в 1844 г. Возраставший ввоз в Европу из Америки и Австралии хлеба, сала, мяса, словом, тех товаров, которые поставлялись на европейских рынок до этого времени главным образом Россией, но на которые в русском тарифе продолжали существовать вывозные пошлины, заставлял опасаться за будущее русской оптовой торговли. Появившаяся в это время записка коммерсанта Попова указывала на необходимость в видах поддержания русской внешней торговли снять вывозные пошлины и уменьшить пошлины на привозные товары. С этим совпал поворот и в таможенной политике Англии, которая с начала 40-х годов в интересах своей фабричной промышленности начинает входить в соглашения с отдельными странами о взаимном облегчении ввоза; с таким же предложением Англия обратилась в 1844 г. и к России. Еще в 1842 г., когда Нанкинский торговый договор между Китаем и Англией открыл для ввоза европейских товаров ряд китайских гаваней: Кантон, Амой, Фучжоу, Нин-бо и Шанхай, что могло невыгодно отразиться на русской кяхтинской торговле, большие льготы были установлены для ввоза в Россию китайских товаров. Рассмотрение только что упомянутой записки Попова была поручено особому комитету под председательством гр. А.Ф. Орлова, членами которого были назначены министр путей сообщения Клейнмихель, финансов – Вронченко, внутренних дел – Перовский, а несколько позже кн. А.С. Меншиков и гр. П.Д. Киселев. Комитет пришел к заключению о необходимости назначить особую комиссию из чиновников от Министерств финансов и государственных имуществ, иностранных и внутренних дел, с правом приглашать отдельных лиц из купцов и фабрикантов для всестороннего обсуждения вопроса. Одновременно с этим министр финансов составил новую роспись, значительно уменьшавшую число запретительных статей. И заключение комитета, и роспись министра финансов были утверждены 17 апреля 1845 г. С другой стороны, сам государь предрешил к этому времени вопрос о снятии таможенной черты между Россией и Польшей и о таможенном объединении обеих частей государства. Для рассмотрения этого вопроса был точно так же назначен комитет под председательством наследника, в который вошли: Нессельроде, Орлов, Вронченко, Туркул и Самойлов. Комитет пришел к заключению, что таможенное объединение России и Польши невозможно без общего изменения русского тарифа, так как этот последний в его настоящем виде

неминуемо нанесет ущерб польской промышленности. В 1846 г. пересмотр тарифа, по представлению канцлера Нессельроде и министра финансов Вронченко, был возложен на польского экономиста Тенгоборского. Выработанный этим последним проект тарифа был передан на рассмотрение в комитет, составленный под председательством самого Тенгоборского из членов от Министерств финансов, внутренних дел, иностранных дел и государственных имуществ, а затем для окончательной разработки – в особую комиссию при Министерстве финансов. Прошедший затем через Государственный Совет новый тариф был утвержден 13 октября 1850 г. и вступил в силу с 1 января 1851 г.

Тарифом 1850 г. было произведено в общем довольно сильное понижение пошлин на большинство привозимых товаров, хотя в отдельных случаях это понижение было лишь возвращением к ставкам до 1831 г. В частности, была несколько понижена пошлина на привозимую бумажную и в значительной степени на льняную и шерстяную пряжи. С другой стороны, понизилась пошлина и на бумажные и льняные ткани и сукно. Пошлина была сильно понижена на привозимые из-за границы машины и отчасти даже на чугун в сыром виде, провозимый сухим путем; ввоз чугуна морем оставался по-прежнему под запретом. Вывозные пошлины в общем были сильно понижены, и вывоз почти всех запрещенных до этого времени товаров был разрешен. Таможенная черта между Империей и Царством Польским уничтожалась, но для России и Польши по отношению к иностранной торговле устанавливались дифференциальные пошлины. Закавказский тариф, точно также с сохранением особых ставок, был включен теперь в общий. В 1851 г. были подтверждены ранее установленные льготы для кяхтинской торговли, а в следующем году русско-китайским торговым договором, заключенным 21 июля 1852 г.в Кульдже, для русской торговли были открыты Кульджа и Чугучак. Тариф 1850 г. должен был быть пересмотрен через три года, но начавшаяся война этому помешала. В 1854 г., ввиду того что русская морская торговля почти совершенно прекратилась, были лишь уменьшены пошлины для сухопутной торговли.

Новый тариф повлиял несколько на увеличение ввоза, но гораздо более на увеличение вывоза товаров из России. Достигавший в 1850 г. 77 383 000 рублей, ввоз с 1852 г. поднялся до 83 118 000. В то же время вывоз, равнявшийся в 1850 г. 85 445 000 рублей, поднялся в 1852 г. до 160 050 000. В 1854 г., очевидно в связи с войной, последовало сильное сокращение торгового оборота: ввоз упал до 54 425 000, а вывоз до 33 521 000 рублей.

Такие события, как падение континентальной системы, признание независимости Греции и южноамериканских колоний Испании и Португалии, создание в 1832 г. германского таможенного союза, обострившееся с конца 20-х годов колониальное соперничество в Африке Англии и Франции и постепенное включение в круг торговых интересов европейских держав стран Дальнего Востока – все это в корне изменило в тридцатых годах девятнадцатого века положение европейской международной торговли. Все эти события не могли остаться без влияния и на русскую экономическую политику. Представлялось необходимым определить отношение русской внешней торговли к вновь создавшимся условиям и обеспечить ее интересы в международных сношениях. В николаевское царствование с этой целью был заключен ряд торговых договоров и конвенций. Большинство этих договоров падает точно так же на вторую половину царствования, когда начинается уклон от строго протекционистской политики. Свобода русской торговли и мореплавания, выговоренная Аккерманской конвенцией 1816 г. и Адрианопольским трактатом 1829 г., была в 1846 г. подтверждена новым русско-турецким торговым договором, распространявшим теперь торговые условия предыдущих соглашений и на египетский пашалык. В 1832 г. взаимные торговые льготы, выговоренные между Россией и Данией, были распространены на Курляндию и Великое Княжество Финляндское. В 1843 г. был заключен торговый договор на началах полной взаимности с Англией, чем окончательно ликвидировались последние отголоски континентальной системы. Такие же договора были заключены в 1845 г. с королевствами обеих Сицилий и Сардинским; в 1846 – с Австрией, Францией (не распространявшийся на русские произведения из Азовских и Черноморских портов и на французские – из Средиземноморских портов) и с Голландией; в 1850 г. – с Бельгией и Грецией; в 1851 г. – с Португалией (не распространявшийся на товары, шедшие на русских или португальских судах из Индии и Китая). Торговый договор со Швецией и Норвегией был заключен еще в 1826 г.; в 1838 г. он был возобновлен на прежних основаниях. С Северо-Американскими Соединенными Штатами были заключены: в 1832 г. – договор о торговле и мореплавании на началах взаимности и в 1855 г. – конвенция о морском нейтралитете. Наконец, в 1848 г. Россия примкнула к договору, заключенному между Англией, Австрией, Бельгией, Пруссией и Францией, об уничтожении торговли невольниками.

В связи с экономическими мероприятиями николаевского

царствования должны быть отмечены заботы о развитии путей сообщения. Хорошо осведомленный в инженерном деле, император Николай сам лично особенно интересовался этой отраслью управления, хотя, быть может, и выдвигал на первый план не столько экономическое, сколько стратегическое и политическое значение путей сообщения. На его царствование приходится почти половина всей сети шоссейных дорог, построенных государством до последнего времени; ему принадлежит почин и проведение первых железных дорог в России. Ведомство путей сообщения сосредоточивалось в николаевское царствование по-прежнему в Главном управлении водными и сухопутными сообщениями, но компетенция этого последнего была теперь значительно расширена. В 1832 г. к нему была присоединена изъятая из ведения Министерства внутренних дел строительная часть гражданского ведомства, и управление было переименовано в Главное управление путей сообщения и публичных зданий. Дальнейшее расширение компетенции этого ведомства последовало в 1842 г., когда при нем был учрежден особый департамент железных дорог. Во главе Управления стоял с 1822 г. до 1833 г. герцог Александр Вюртембергский, с 1833 по 1842 гг. – гр. К.Ф. Толь, а с 1842 г. – гр. П.А. Клейнмихель, служивший раньше при Аракчееве, выдвинувшийся быстрой отстройкой Зимнего дворца после пожара 1838 г. и пользовавшийся большим доверием у государя. Постройки производились по преимуществу корпусом военных инженеров. Общие условия бюрократического управления не могли, конечно, не отражаться особенно чувствительно на таком живом деле, как дорожное строительство. Недостаточность контроля, порождавшая большие злоупотребления, чрезмерная дороговизна работ, недостаточное соблюдение гигиенических условий для рабочих – слабые стороны дорожного строительства николаевского времени.

Для развития грунтового сообщения имел большое значение закон 24 марта 1833 г., устанавливавший основные правила устройства и содержания дорог в государстве. Все дороги разделялись на пять классов: 1) дороги главных сообщений, или государственные, содержащиеся от казны за счет особого 25-копеечного сбора; 2) дороги больших губернских сообщений, содержащиеся за счет земских повинностей губернскими властями под главным распоряжением Министерства внутренних дел; 3) дороги обыкновенных почтовых сообщений, из губернии в губернию, оставленные в ведении губернских учреждений; 4) дороги уездных сообщений – в ведении земской полиции и 5) дороги сельские и полевые – на обязанности местных владельцев

и казенных крестьян. Для первого и второго классов намечалась целая сеть шоссейных дорог, частью уже открытых, частью лишь проектируемых (из последних не все были открыты, а направление некоторых было изменено). С 1842 г. в ведение Главного управления путей сообщения были переданы, кроме первого класса, и все губернские шоссе. При императоре Николае частью были закончены, частью вновь построены: С.-Петербургско-Московское шоссе, С.-Петербургско-Варшавское через Динабург (Двинск) и Ковно, Московско-Брестское, Московско-Нижегородское и Киево-Брестское; при нем же была закончена постройка Военно-Грузинской дороги. В общей сложности в николаевское царствование было проложено более 8 000 верст шоссейных дорог. Отсутствие достаточного контроля над ведомством путей сообщения, в особенности когда во главе его был поставлен пользовавшийся исключительным доверием государя Клейнмихель, и отсюда нерадивость местных властей были причиной того, что в конце царствования Николая дороги далеко не всегда находились в исправном состоянии, и это дало себя особенно чувствовать, когда началась Крымская кампания.

Начало железнодорожного строительства в России при императоре Николае относится к 1837 г. Вопрос о преимуществе железных дорог перед грунтовыми, как в смысле проложения рельсовой колеи, так и в смысле замены конной тяги паровой, в это время на Западе не являлся еще окончательно решенным, и железнодорожная сеть в Европе была еще очень слабо развита. К 1838 г. в Англии было около 650 км, во Франции – около 400 км, во всей Германии – 140 км, в Австрии – 18 км железнодорожного пути. В 1835 г. профессор Венского политехнического института фон-Герстнер ходатайствовал о предоставлении ему на 20 лет привилегии, на исключительно льготных для него условиях, на постройку железных дорог во всей Российской Империи, в Царстве Польском и в Великом Княжестве Финляндском. Ходатайство Герстнера рассматривалось в особом комитете, в состав которого под личным председательством государя входили: председатель Государственного Совета Новосильцев, главноуправляющий путями сообщения гр. Толь; министры: финансов – гр. Канкрин, военный – гр. Чернышев и внутренних дел – Д.Н. Блудов. Сперанский, ген.-ад. кн. Волконский и гр. Бенкендорф, Толь и в особенности Канкрин высказывались против железных дорог. Государь с самого начала был твердо убежден в их пользе. Комитет признал пользу постройки железных дорог, но отклонил ходатайство Герстнера, находя его недостаточно обоснованным. Герстнер вошел с новым ходатайством – о разрешении ему, в виде опыта, постройки

железной дороги от С.-Петербурга до Царского Села. Это ходатайство было удовлетворено, и с 30 октября 1837 г. открылось движение по рельсовому пути между означенными пунктами (25 верст), причем поезда с паровой тягой первое время ходили лишь по воскресным дням и по праздникам, по будням же – применялась конная тяга. Ежедневное отправление поездов с паровой тягой по Царскосельской дороге началось лишь с 4 апреля 1838 г.

Чересчур высокая стоимость постройки Царскосельской дороги возбудила новые сомнения в пользе этого вида путей сообщения, и когда в конце того же 1838 г. в Комитет министров была передана для обсуждения поданная государю записка о железных дорогах т. сов. Н. Муравьева, то Комитет и на этот раз отнесся к этой мысли отрицательно. Николай Павлович предписал, однако, Толю заняться подробнее соображениями о проведении железной дороги от Петербурга до Рыбинска. К этому времени была уже начата постройка (с 1839 г.) Варшавско-Венской железной дороги в Царстве Польском (308 верст). С 1837 по 1840 гг. состоялись командировки, для ознакомления с железнодорожным делом на Западе, военных инженеров: полковника Крафта, подполковника Мельникова и капитана Кербедза. Доклады этих лиц, сделанные ими по их возвращении, не изменили взглядов большинства министров, которые по-прежнему относились к вопросу о железных дорогах отрицательно. Есть известие, что после обсуждения этого вопроса в Комитете государь объявил свою Высочайшую волю, чтобы было немедленно начато сооружение железных дорог между обеими столицами. При этом он будто бы добавил, что так как все министры высказались против этого, то он назначает для этого особый комитет под председательством наследника, а при комитете – строительную комиссию.

Комитет был открыт 29 января 1842 г.; членами его были назначены: Толь, Канкрин, Бенкендорф, Орлов, Левашов, Киселев, А. Перовский, М. Дестрем, герцог М. Лейхтенбергский и гр. Бобринский. 11 апреля 1842 г. умер гр. Толь, и на его место был назначен Клейнмихель, один из немногих высказывавшийся за железные дороги. Строительная комиссия была упразднена и взамен ее при Главном управлении был учрежден департамент железных дорог. Постройкой С.-Петербургско-Московской железной дороги ведал по-прежнему особый комитет. По вопросу о направлении этой дороги мнения в комитете разделились: одни стояли за то, чтобы вести дорогу через Новгород, другие – за прямое направление на Москву. Резолюция государя решила этот вопрос в пользу второго направления. В 1847 г. было открыто

движение от Петербурга до Колпина; 1 ноября 1851 г. последовало открытие всей дороги до Москвы (605 верст). Еще 15 февраля 1851 г. состоялось Высочайшее повеление о постройке железной дороги между Петербургом и Варшавой. Война остановила начатые работы, и при Николае I движение было открыто в 1853 г. лишь до Гатчины (42 вер.).

Всего в николаевское царствование было построено 980 верст железнодорожной сети. К 1855 году во Франции было уже 5 535 км, а в Германии более 6 000 км железнодорожного пути.

Консерватор до мозга костей, Канкрин туго шел на какие-либо новшества, вроде новых способов передвижения, а тем более на уклонения от его системы. Условия жизни в конце концов оказались бы, конечно, сильнее Канкрина, и самому ему, если бы он оставался на министерском посту, пришлось бы отступить от своей экономической системы. Перемена в личном составе министерства сыграла в данном случае второстепенную роль. Причины, повлекшие за собой отставку Канкрина, лежали к тому же не столько в области экономической, сколько финансовой политики.

Финансовая политика николаевского царствования выразилась в реформе питейных сборов и, главным образом, в реформе денежного обращения.

Еще в 1826 г. была восстановлена откупная система питейных сборов. Введенная в 1819 г. система казенного заведывания продажей питей оказалась невыгодной, главным образом вследствие огромных злоупотреблений со стороны чинов казенного ведомства, и доход с питей недостаточно увеличивался. В мае 1826 г. Канкрин представил составленную им по поручению государя записку «О разных способах взимания питейного дохода», в которой развивал довольно своеобразную аргументацию в пользу откупной системы. Находя в принципе вообще желательной замену питейного сбора другими налогами, Канкрин считал, однако, на практике это невозможным, так как «ни один из них не может дать столько, сколько дает казне питейный доход, а увеличение существующих налогов может вызвать большие неудовольствия». Разбирая дальше различные системы питейного сбора, он находил систему казенной монополии невыгодной, систему акциза теоретически наилучшей, но неприменимой при низком нравственном уровне чиновничества, а систему передачи питейных сборов органами общественного самоуправления неосуществимой ввиду такой же нравственной несостоятельности дворянства и признавал откупную систему при данных условиях единственно возможной. Не закрывая глаз на то, что при откупной системе откупщики

будут наживаться за счет народа, министр финансов находил, что подобное накопление капиталов пойдет в конечном результате на пользу промышленности и, таким образом, все же принесет менее вреда, чем хищения правительственных чиновников. Государственный Совет одобрил соображения министра финансов, и 31 августа 1826 г. состоялось Высочайшее повеление начать торги на питейные откупа с 1827г. на четыре года. С 1 сентября 1827 г. откупа были вновь введены в 29 великороссийских губерниях, в которых с 1819 г. существовало казенное заведывание продажей питей, и с этих пор сдача питейных откупов возобновлялась повсеместно каждые четыре года в продолжение всего николаевского царствования.

Питейный сбор после введения откупов значительно повысился и вплоть до 1855 г. все время постепенно возрастал. Для самих откупщиков новая система представляла весьма выгодную операцию, и торги на откупа проходили зачастую с большими наддачами. Так, в 1838 г. наддача по 17 откупам превысила на 20% общую сумму откупов за истекшее четырехлетие. Канкрин относился, однако, к этому явлению с большим недоверием, усматривая в этом результат известного ажиотажа, и при составлении государственной росписи дохода за счет недоимок и недобора на случай неисправности некоторой части откупщиков. За этим предложением скрывалось, по-видимому, все то же опасение: что сам государь увлечется прибыльностью этой статьи доходов. И действительно, Николай Павлович посмотрел более оптимистично. В наддачах он видел успех реформы и на последнее предложение Канкрина положил резолюцию: «Я с этим не согласен, ибо по опыту вижу, что опасения эти не оправдываются, и потому выключка на предмет недобора должна остаться в прежней пропорции». Однако уже в следующее четырехлетие (1839–1844 гг.) злоупотребления откупщиков достигли крайних пределов. Государю была представлена анонимная записка «Обзор финансовой части России», подвергавшая сильной критике откупную систему. Для обсуждения этой записки был образован комитет под председательством гр. Левашова, в который вошли Вилламов, Тучков, Пален, Меншиков и Друцкий-Любецкий. Комитет отрицательно отнесся к откупной системе и предложил для полного ее пересмотра учредить особый комитет. Этот комитет и был учрежден в 1841 году; в него, под председательством кн. А.С. Меншикова, вошли: Друцкий-Любецкий, А. Дмитриев, Муравьев и Никитин. Откупные условия на последующее четырехлетие (1843–1847 гг.) были составлены, однако, без каких-либо существенных перемен. Число несостоятельных откупов за это

время значительно увеличилось, и от откупщиков поступали постоянно ходатайства о предоставлении им различных льгот. Для рассмотрения этих льгот в 1844 г. был учрежден еще другой комитет, под председательством гр. А.Ф. Орлова, который и просуществовал до конца царствования Николая I.

Одновременно с этим, однако, шли занятия и только что упомянутого комитета по пересмотру всей откупной системы. В 1844 г., по предложению Кокорева этим комитетом было выработано Положение об акцизно-откупном комиссионерстве. По этому Положению каждый город с уездом должен был составить особый округ, в котором сбор акцизных статей сдавался на откуп, а лицо, взявшее такой откуп, делалось комиссионером по продаже заготовляемого казной вина. Вино должно было продаваться по той же цене, какую откупщик уплачивал за него казне, но за комиссию этот последний удерживал в свою пользу известный процент. К сентябрю 1846 г. Положение было окончательно узаконено, и с этого времени откупа сдавались уже на новых основаниях. Система акцизно-откупного комиссионерства повела, однако, лишь к новым злоупотреблениям, вследствие чего в последние годы николаевского царствования был снова поставлен на очередь вопрос о казенной продаже вина. Проект особой системы казенной продажи был внесен в 1852 г. министром финансов Броком в секретный комитет для рассмотрения ходатайств откупщиков. В 1853 г. Комитетом министров было уже рассмотрено и одобрено Положение о продаже казенного вина, но вспыхнувшая вскоре после этого война помешала ввести это Положение в действие. 2 апреля 1854 г. было повелено предложить откупщикам оставить питейные сборы за собой без торгов еще на два года.

Весьма значительная по своим последствиям, хотя и не оправдавшая возлагаемых на нее ожиданий, откупная система сама по себе была одним из частичных мероприятий финансовой политики николаевского царствования. Мы сейчас видели, с какими оговорками сам Канкрин допускал эту систему. Если, тем не менее, он считал необходимым ее держаться, то, быть может, в этом играли известную роль опасения увеличения государственного долга. Через всю финансовую систему Канкрина эти опасения проходят красной нитью. В значительной степени эти опасения лежат и в основе проведенной им реформы денежного обращения.

При вступлении на престол императора Николая русские государственные финансы находились в весьма расстроенном состоянии. Неустойчивость и разнообразие курса бумажного

рубля неблагоприятно отражались на торговом обращении, что, в свою очередь, увеличивало государственную задолженность. Войны александровского царствования, с другой стороны, потребовали огромного напряжения финансовых сил страны и точно так же привели к значительному увеличению государственного долга. К концу царствования Александра I внешний долг достигал 102 млн. руб серебром. Получавшийся ежегодно бюджетный дефицит, ввиду больших налоговых недоборов, покрывался главным образом двумя источниками: новыми выпусками ассигнаций и «позаимствованиями» государственного казначейства из вкладов, поступающих в государственные кредитные учреждения от частных лиц и учреждений, и из специальных капиталов отдельных ведомств. Беспроцентный долг по ассигнациям к концу 1825 г. равнялся 595 млн. руб.; процентный внутренний долг – 106 млн. руб. серебром. Чрезмерное увеличение государственного долга, сопровождавшееся иногда временными задержками платежей, колебало русский государственный кредит за границей. Чрезмерное увеличение выпускаемых ассигнаций приводило к колебанию курса бумажного рубля на внутреннем денежном рынке. Кроме казенного курса, по которому ассигнации принимались в уплату податей, существовал курс вексельный, при сделке с иностранными фирмами, и курс простонародный, при внутренних сделках, подвергавшийся особенно сильным и частым колебаниям и неодинаковый в различных местностях Империи, и тем самым создававший почву для развития спекуляции. К концу александровского царствования казенный курс равнялся 350–360 коп. ассигнациями за серебряный рубль; простонародный понижался до 420 коп. за рубль. Все это путало денежные расчеты, порождало большие затруднения и тормозило развитие торговых сношений.

Реформа денежного обращения в николаевское царствование выразилась в замене ассигнаций кредитными билетами, разменивавшимися полностью на серебро и потому обязательными при платежах к приему по их нарицательному достоинству. Осуществлению этой реформы благоприятствовала в значительной степени кредитная политика первой половины николаевского царствования. В основу этой политики гр. Канкриным было положено требование по возможности «избегать новых займов, а особливо заграничных». Выполнить это требование целиком мешали, однако, экстренные обстоятельства: дорого стоившие войны 1828–1829 гг. и подавление польского восстания, а также такие бедствия, как неурожаи и холерная эпидемия. В 1828–1831 гг. правительство принуждено было

заключить для покрытия военных расходов два новых внешних займа (5%) в общей сложности на нарицательную сумму около 24 миллионов рублей. Не обойдясь совершенно без внешних займов, Канкрин старался покрывать остававшийся за этим дефицит внутренним кредитом. Источником для последнего явилось старое средство – «позаимствования» государственного казначейства из государственных кредитных установлений; с 1831 г. к этому средству прибавилось новое – выпуск «билетов государственного казначейства» (серий), являвшихся краткосрочным процентным внутренним займом.

С 1831 по 1840 гг. правительству удалось обойтись совершенно без внешних займов; только в 1840 г. был заключен новый 4%-ный заем на 25 млн. руб. Внутренний процентный долг зато с начала царствования увеличился: по «заимствованиям» (главным образом, из Заемного банка и сохранных казен) на 117 млн. руб. сер.; по выпускам серий – на 72 млн. руб. асс. Практика «позаимствований» позволяла государственным кредитным установлениям платить довольно высокий процент на притекавшие в них частные вклады, что, в свою очередь, значительно увеличивало эти последние. Вкладные банковые билеты имели, наряду с деньгами, широкое обращение, вексельный курс стоял довольно высоко, и прилив звонкой монеты в России увеличивался. Создавались благоприятные условия для образования разменного металлического фонда, необходимого для обеспечения бумажных денег.

Для привлечения звонкой монеты в государственное казначейство еще с 1827 г. был разрешен прием серебра по тем казенным платежам, которые до этого времени обязательно производились ассигнациями. Серебро принималось правительством по заблаговременно назначаемому министром финансов курсу, и это постепенно создало большую устойчивость в отношении между серебряным рублем и ассигнационным. В 1834 г. были приняты первые принудительные меры против «простонародного лажа»: высочайшим указом 8 октября этого года были запрещены заключение и писание денежных обязательств, а также расчеты по найму рабочих, хотя бы и словесные, «по курсу на монету». С конца 1836 г. казенным палатам было предписано все выдачи, определенные звонкой монетой, непременно так и производить, так как получатели «не имеют права отказываться от принятия оной и требовать вместо того ассигнаций». Курс на ассигнации поднимался, но «простонародный лаж» не уничтожался. В 1837 г. император Николай обратил на это особое внимание и указал, что «сей предмет повсеместной жалобы требует необходимо соображений

министра финансов». Канкрин представил по этому поводу в Государственный Совет свои соображения, которые и обсуждались, неоднократно видоизменяясь с 1837 и по 1839 гг., в общем собрании Совета и на заседаниях соединенных департаментов законов и государственной экономии. Результатом этого был Высочайший манифест от 1 июля 1839 г. об устройстве денежной системы и указ от того же числа Правительствующему Сенату об учреждении депозитной кассы.

Манифестом устанавливалось новое серебряное обращение; главной монетной единицей, на которую исчислялись все государственные платежи и на которую единственно и могли заключаться с 1 января 1840 г. все сделки и условия как между частными лицами, так и с казной, объявлялся серебряный рубль. Государственные ассигнации объявлялись вспомогательным знаком ценности с единожды навсегда установленным курсом в 3 р. 50 коп. за серебряный рубль. Производить платежи предоставлялось на выбор, как серебром, так и ассигнациями, но последними – лишь по установленному курсу. Казначействам вменялось в обязанность свободно обменивать серебро на ассигнации и обратно до 100 руб. на одни руки. Манифестом 1 июля 1839 г. признавалось, таким образом, частичное банкротство государства. Указом Правительствующему Сенату при Государственном коммерческом банке утверждалась особая депозитная касса для приема на неприкосновенное хранение серебряной монеты, а с 1841 г. также серебра и золота в слитках, с тем чтобы эти вклады ни на какой расход, кроме обратного обмена, не употреблялись. Взамен вкладов касса выдавала билеты («депозиты») вначале лишь 25-рублевого, а потом и более мелкого достоинства, которым наравне с серебряной монетой присваивалось свободное обращение, без всякого лажа, и которые всегда обязательно обменивались обратно на серебро.

Приток в депозитную кассу частных вкладов, вначале весьма незначительный, с 1841 г. начал быстро возрастать. К 1-му сентября 1843 г. в обращении находилось депозитных билетов на сумму 48,5 миллионов руб. серебром; дальнейший выпуск их был прекращен. Почти одновременно с реформой денежного обращения и учреждением депозитной кассы возникла мысль и о замене самих ассигнаций новыми бумажными знаками («кредитными билетами»), которые исчислялись бы на серебро. Мысль об этом в ее первоначальной форме принадлежала самому Николаю Павловичу.

Ввиду тяжелых условий (повсеместный неурожай) для поступления государственных доходов в 1841 г. государь собрал под своим личным председательством комитет, составленный из

наследника и нескольких министров и членов Государственного Совета, и предложил от себя проект выпуска для выдачи ссуд кредитным установлением особых билетов-ассигнаций, которым присваивалось наименование «сохранных». Эти билеты получали право свободного обращения наравне со звонкой монетой и приносили в год 3,65%. Это предложение, еще до внесения в комитет, встретило возражения со стороны Канкрина, который указал, что нельзя выпускать билеты с процентом ниже банковского (4%) и в то же время с принудительным обращением, не подвергаясь опасности, что они упадут в цене. При дальнейшем обсуждении в комитете записки государя и возражений на нее Канкрина остановились на новом предложении Николая Павловича – выпустить беспроцентные билеты, обеспечением для которых явился бы свободный во всякое время размен их на звонкую монету. 1-го июля 1841 г. был обнародован Высочайший манифест о выпуске «кредитных билетов» – «для облегчения оборотов государственных кредитных установлений и для умножения с тем вместе в народном обращении массы легкоподвижных денежных знаков». Всего новых билетов предназначалось к выпуску на сумму 30 млн. руб. по 50 руб. каждый. Они обеспечивались всем достоянием государственных кредитных установлений и свободным во всякое время разменом на звонкую монету, для чего образовывался, по мере выпуска билетов, особый металлический фонд в размере 1/6 суммы всех выпущенных билетов. Операция была произведена успешно, и тогда у Николая Павловича появилась новая мысль – о замене всех обращавшихся бумажных денег, т.е. и ассигнаций и депозиток, кредитными билетами.

Обмен мнений между государем и министром финансов по этому вопросу вызвал со стороны первого две записки, ход рассуждения которых сводился к следующему. Для выкупа 595 млн. руб. ассигнациями по курсу 1839 г., т.е. 3 руб. 50 коп. за рубль серебра, требуется серебряный фонд в 170 млн. руб. Этот фонд может быть заменен выпуском соответствующей суммы кредитных билетов, а для обеспечения этих последних, как было уже признано, необходимо иметь металлический фонд в размере 1\6 всех вышеуказанных билетов. Таким образом, для выкупа кредитными билетами 595 млн. руб. ассигнациями требуется всего 28,5 млн. серебр. монеты. В данный момент таким фондом располагать можно; к тому же можно известным образом использовать и фонд депозитной кассы. Обращать его прямо на обеспечение кредитных билетов, конечно, нельзя. Но дальнейший выпуск депозиток должен быть прекращен; поступающие в казну по платежам депозитки подлежат уничтожению, а

соответствующая часть депозитного фонда идет на обеспечение кредитных билетов.

Канкрин отнесся к этим мыслям государя с большим опасением, предвидя, что впоследствии кредитные билеты постигнет та же участь, какая постигла в свое время ассигнации. Его собственное положение к этому времени, однако, уже несколько пошатнулось, и в своих возражениях государю он не был поддержан другими министрами. 1 июня 1843 г. последовал Высочайший манифест о замене ассигнаций и других бумажных денежных знаков кредитными билетами. В тот же день был обнародован устав вновь учреждаемой экспедиции кредитных билетов. Первоначальный проект манифеста и устава был составлен Канкриным; в окончательной редакции часть правил, касающихся выпуска кредитных билетов и оборотов фонда, была перенесена из манифеста в особую инструкцию экспедиции, не подлежащую опубликованию.

Обращавшиеся на сумму 595 776 310 руб. ассигнации подлежали замене кредитными билетами на сумму 170 221 800 руб. Сверх обращавшихся уже 50-рублевых билетов теперь выпускались билеты в 25, 10, 5, 3 и 1 руб., а позднее и в 100 руб. Для обеспечения кредитных билетов составлялся металлический фонд в 28,5 млн. руб.: 14,5 млн. руб. – из государственных запасных капиталов, а 14 млн. – из количества звонкой монеты, поступавшей сюда за перешедшие в собственность казны депозитные билеты.

Реформа денежного обращения, завершившаяся обменом всех бумажных знаков на кредитные билеты, на первых порах имела результаты, благоприятные для внешнего и внутреннего оборота. Денежная система получила большую устойчивость. Одновременно с этим высокий денежный курс способствовал дальнейшему приливу в Россию звонкой монеты. К последнему сроку, назначенному для обмена ассигнаций, к 13 апреля 1851 г., осталось не обмененными всего около 3,5 млн. руб. асс. Кредитные билеты выпускались первые пять лет после манифеста 1843 г. сравнительно в умеренном количестве, и обеспечивающий их металлический фонд значительно превосходил 1/6 суммы общего количества билетов. К 1 января 1848 г. было выпущено кредитных билетов на сумму 289,6 млн. руб.; обеспечивающий их фонд достигал 117,9 млн. руб. Но уже в 1848 г., в связи с политическими потрясениями на Западе и стеснением европейского денежного рынка, наш вексельный курс понизился, спрос на звонкую монету увеличился и на серебро возник небольшой лаж. Вмешательство России в западноевропейские события с целью подавления революционных движений,

приведение для этого армии на военное положение и Венгерская кампания потребовали крупных экстренных расходов на военные нужды. К 1 января 1853 г. сумма всех выпущенных кредитных билетов увеличилась уже до 311,4 млн. руб. С 1853 г. новых крупных расходов потребовала начавшаяся Крымская кампания, что вызвало и новый выпуск кредитных билетов, и значительное сокращение металлического разменного фонда. К концу царствования императора Николая I государственный долг в кредитных билетах достиг уже 356,3 млн. руб. С февраля 1854 г. свободный размен их был ограничен, и к февралю 1855 г. кредитный рубль упал до 96 коп. серебр.

Одновременно с этим во вторую половину николаевского царствования наблюдается гораздо более быстрое, сравнительно с первой половиной, возрастание государственного процентного долга, что почти совпадает с уходом в отставку гр. Канкрина. Внешний долг начинает возрастать с 1842 г., что вызывалось сперва крупными издержками по постройке железной дороги Москва–Петербург, а позднее все теми же военными расходами. С 1842 по 1849 гг. было заключено четыре 4%-ных займа на общую номинальную сумму 42 млн. руб. Участие в Венгерской кампании привело к заключению еще одного 4,5%-ого займа приблизительно на 35 млн. руб. Для покрытия расходов Крымской кампании был заключен в 1854 г. 5%-ый заем на 50 млн. руб. Внешний долг увеличился в общем на 127 млн. руб и возрос к концу царствования до 278 млн. руб. Одновременно с этим «позаимствования» из государственных кредитных установлений увеличились за те же годы до 284 млн. руб.; общая сумма их к 1855 г. достигала цифры 507 млн. руб. Наконец, билетов государственного казначейства в 1855 г. находилось в обращении на 75 млн. руб. Общая сумма государственного долга, как процентного, так и беспроцентного, достигла, таким образом, 1 216 млн. руб., т.е. увеличилась сравнительно с началом 1826 г. более чем на 800 млн. руб. В то время как с 1821 г. по 1840 г. государственный долг возрос с 377 млн. на 464 млн. руб. серебром, т.е. увеличился немного более чем на 1/4,с 1840 по 1855 гг. он увеличился почти втрое.

Николаевское законодательство о государственных состояниях

Разрешить назревшие экономические нужды и привести в ясность установившийся гражданский правопорядок – таковы были главные задачи николаевской правительственной программы. В значительной степени из этих задач вытекала для правительства необходимость устроения на известных началах самого общества, что выразилось в законодательстве николаевского царствования о государственных состояниях. В период правительственных конституционных начинаний политическая реформа мыслилась как необходимое условие упрочения законности и упорядочения финансов. Для нового царствования, ликвидировавшего в правительственном сознании конституционный вопрос, разрешение тех же задач стало как бы своего рода оправданием программы политического абсолютизма. Сперанский строит свой план конституционной реформы на соответствующей перестройке общественного уклада. Отказавшись от мысли о коренной общественной перестройке точно так же, как от мысли о конституционной реформе, николаевское правительство ставит себе задачей примирить исторически развившийся в течение XVIII века сословно-крепостной уклад с теми новыми условиями и требованиями жизни, из которых вырастали понятия гражданского личного полноправия, а также ввести в этот уклад новый социальный элемент – многосословное городское общество, объединенное более сложными задачами городского хозяйства и управления. Отсюда прежде всего те мероприятия, которые должны были сгладить резкие грани между отдельными сословными группами путем введения более дробной градации от одного состояния к другому. На двух концах воздвигаемой таким путем общественной лестницы стали те два сословия, исторически сложившиеся отношения между которыми налагали отпечаток на весь русский сословный строй восемнадцатого и начала девятнадцатого веков: наверху – лишенное теперь всякого политического значения, но тщательно отбираемое правительством, как служилый класс, дворянство; внизу – по-прежнему закрепощенное, но постепенно возвращающее себе гражданские права, главным образом имущественные, и тем самым получающее доступ в средние, промежуточные, состояния крестьянство.

Создание более дробной градации между отдельными

общественными состояниями выразилось главным образом в манифесте 10 февраля 1832 г. о почетном гражданстве, а также в более позднем законе 1845 г. о чинах и связанных с ними преимуществах. Оба эти закона были частичным осуществлением, в видоизмененной форме, известного уже нам проекта дополнительного закона о состояниях, составленного «Комитетом 6 декабря 1826 года». Почетное гражданство освобождало от рекрутской повинности, подушного оклада и телесного наказания, т.е. давало те же права, какие были присущи первогильдийскому купечеству. Оно разделялось на потомственное и личное. Потомственное почетное гражданство присваивалось: по рождению – детям личных дворян и церковнослужителей, имевших образовательный ценз; по ходатайству – коммерц- и мануфактур-советникам, купцам, если они пробыли в первой гильдии подряд 20 лет или получили, не будучи на службе, чин или орден, и ученым и художникам, имеющим степень. Личное почетное гражданство присваивалось: по рождению – детям церковнослужителей, не имеющим образовательного ценза; по ходатайству – лицам, окончившим университет и другие учебные заведения; по службе – лицам, получившим чины, не дававшие права на дворянство. Ближайшей целью манифеста 1832 г. было создать более почетное положение для коренного купечества, хотя бы и обедневшего и принужденного тем самым записываться в мещанство. В этом отношении манифест 1832 г. стоит прежде всего в связи с отмеченными уже выше заботами об устроении городского общества как известной хозяйственной единицы. Оно закрепляет за купечеством положение верхов этого общества. С другой стороны, мы видим, что в разряд почетного гражданства входят и низы дворянского общества, а также те, кто по своему служебному и общественному положению мог претендовать на известный почет, недостаточный, однако, с точки зрения законодателя, для того чтобы ввести его в среду «благородных». Положение о почетном гражданстве, по существу своему исходившее из условий прежде всего городской жизни, сближало в то же время город с уездным дворянским обществом, создавая в лице почетных граждан новый разряд уездных землевладельцев. Это положение получает свое логическое завершение к 1845 г., когда с окончательным установлением порядка получения преимуществ по государственной службе были подняты требования для получения потомственного дворянства. Манифест 11 июня 1845 г. обусловливал получение по службе потомственного дворянства приобретением первого штаб-офицерского чина на военной службе или чина V класса на

гражданской. Первый обер-офицерский чин или чин IX класса давали лишь личное дворянство; чин XIV класса – лишь личное почетное гражданство. Получение ордена для лиц всех званий, кроме купечества, духовенства римско-католического исповедания и чинов башкирского войска, с 1839 г. точно так же давало право лишь личного дворянства.

Законодательство николаевского царствования о дворянстве отражает на себе вполне определенный взгляд на это сословие как на сословие государственной службы. В последние годы своего царствования император Николай, по-видимому под влиянием европейских потрясений 1848 г., как бы обнаруживает известное стремление пойти навстречу дворянству и ищет в нем опоры. Ниже еще придется упоминать о его речи 26 марта 1848 г. к петербургскому дворянству, в которой он предлагал «забыть все неприятности одного к другому», разумея, очевидно, под этим со своей стороны – мероприятия по крестьянскому вопросу, со стороны дворянства – четырнадцатое декабря 1825 года. Считать николаевское царствование дворянским в том смысле, в каком можно говорить, например, об эпохе Екатерины II, было бы, однако, исторической ошибкой. Охранение чистоты дворянского сословия своеобразно сочетается в это время с полным отрицанием за дворянством роли руководящего общественного класса. Это время – прямое продолжение павловских антидворянских традиций, свободное, конечно, от павловских эксцессов. Дворянское дело есть преимущественно служба – эта мысль последовательно проводится николаевским законодательством; в последний раз звучат здесь традиции обязательной государственной службы. Отсюда же вполне определенное стремление повысить материальный и имущественный уровень этого сословия и придать ему больше замкнутости, но не в целях развития в нем сословно-корпоративного духа, а прежде всего в видах государственной службы. Наряду с этим не менее определенно и последовательно сказывается недоверчивое отношение к дворянской сословной независимости; это приводит, однако, не к упразднению дворянского корпоративного устройства, но к стремлению урегулировать его правительственными мероприятиями в правительственных же видах и использовать дворянскую выборную службу как особый вид службы государственной.

Наиболее крупной мерой николаевского законодательства о дворянстве было Положение о дворянских обществах 6 декабря 1831 г., закон о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным. Поводом к его изданию явилась полная неупорядоченность дворянских собраний, обратившая на себя

внимание правительства уже в конце царствования Александра I. Со времени издания Жалованной Грамоты не было установлено с достаточной ясностью, кто из дворян имеет право участвовать в выборах, и не был достаточно точно определен круг ведения дворянских собраний. Был и еще один пункт, в екатерининское царствование в глаза не бросавшийся, это – вопрос об отношении дворянства к местным правительственным органам. Дворянство являлось тогда неоспоримо преобладающим классом, в руках которого сосредоточивались суд и администрация в уезде; при таких условиях разграничения между уездными органами дворянского самоуправления и уездными органами общего управления фактически стирались. В то же время право дворянства делать представления непосредственно верховной власти как бы признавало за ним право контроля над местными правительственными органами. В николаевское царствование проводится, как известно, перестройка всей системы местного управления в смысле его централизации и бюрократизации. Мы уже знаем, что несколько позднее, к 1837 г., был усилен правительственный элемент в губернском и уездном управлении и значение дворянского выборного элемента было низведено на исключительно служебное положение. Необходимо должен был поэтому возникнуть вопрос и об отношениях органов дворянского самоуправления, окончательно утрачивающих теперь значение общественного контроля и замыкающихся в сферу внутреннего сословного распорядка, к местным правительственным органам. На все эти вопросы и отвечало в значительной степени положение 1831 г. о дворянских обществах. Закон 6 декабря возник из проекта, выработанного в Министерстве внутренних дел и внесенного в «Комитет 6 декабря 1826 г.», обсуждавшегося здесь одновременно с проектом самого комитета о состояниях и в конце концов значительно измененного. Вскоре после своего обнародования, при внесении в Свод законов, положение 6 декабря 1831 г. подверглось новым, хотя и незначительным поправкам.

Положение 1831 г., прежде всего, точнее определяло состав дворянских собраний и повышало имущественный ценз, дающий право участия в этих собраниях. Правом голоса на собраниях пользовались одни потомственные дворяне, не моложе 21 года, данной губернии или уезда, безукоризненного поведения, имеющие здесь недвижимую собственность, получившие по крайней мере чин XIV класса на действительной службе, или прослужившие 3 года по дворянским выборам, или получившие на службе русский орден. Избирательным голосом пользовались лишь те, кто имел не менее 100 душ крестьян и не менее 3000

десятин земли в одной губернии; для лиц, получивших на службе чин полковника или действительного статского советника, этот ценз с 1836 г. был понижен до 5 душ и 150 десятин земли. Дворяне, вообще имевшие не менее 5 душ и 150 десятин, участвовали в выборах через уполномоченных, складываясь до полного ценза. Участие в собраниях для тех лиц, кто имел на это право, являлось обязанностью. Точнее была определена и компетенция дворянских собраний. Положение 1831 г. проводило строгое различие между дворянскими собраниями уездными и губернскими; обыкновенными, собиравшимися раз в три года, и чрезвычайными, созывавшимися по мере надобности. Предметами занятий дворянских собраний по положению 1831 г. являлись: выборы должностных лиц, теперь точно определенные; дворянские денежные складки; представления начальству о нуждах и пользах. По положению 1831 г. это последнее право было расширено: дворянские представления могли теперь указывать на злоупотребления и неудобства в местном управлении и проистекающие из общих постановлений. С другой стороны, дворянские общества считались теперь под началом у Министерства внутренних дел. Отмененное в 1797 г. право дворянских собраний делать представления через своих депутатов Сенату в 1831 г. восстановлено не было. Обыкновенные уездные собрания могли заниматься только подготовкой к губернским выборам и проверкой местных дворянских сумм. Контроль над дворянскими собраниями местной правительственной власти, в лице губернатора, по положению 1831 г. значительно усиливался.

Служба по дворянским выборам, в смысле прохождения и получения чинов и наград, по положению 1831 г. окончательно приравнивалась к государственной. Должность губернского предводителя считалась в IV-м классе, уездного – в VI-м. Число должностей по общему губернскому управлению, избираемых дворянами, увеличивалось; по мере того как из корпоративных прав дворянства вытравливался всякий политический элемент, создавалась как бы своеобразная система дворянской государственной службы. Они избирали теперь не только членов, но и председателей обеих судебных палат, а также почетного попечителя местной гимназии. Позднее, как было уже сказано, их представители появляются в различных хозяйственных губернских комиссиях, а с сороковых годов в отдельных случаях в различных губернских кредитных учреждениях. С другой стороны, разрастается число общеадминистративных обязанностей, возлагаемых на предводителей дворянства, главным образом полицейского характера. Только в 1850 г.

предводители были освобождены от многих из этих обязанностей.

Дальнейшее законодательство николаевского царствования о дворянстве в значительной степени являлось как бы логическим развитием тех начал, какими было проникнуто положение 1831 г. Таковы, прежде всего, меры, ограничивающие доступ в дворянство и способы его получения, как известный уже нам манифест 1845 г. С другой стороны, заметны заботы об улучшении материального благосостояния дворян. В целом ряде отдельных случаев неимущие дворяне наделялись казенными землями на правах ограниченной собственности с пособием от казны. Еще в «Комитете 6 декабря 1826 г.» возбуждался вопрос об учреждении майоратов. В виде общей меры это осуществлено не было, но с 1831 г. по просьбе дворян учреждается целый ряд отдельных майоратов[66].

В 1845 г. было издано общее положение о заповедных недвижимых имениях. Заповедные имения учреждались или по воле самого владельца, или по Высочайшему повелению при самом пожаловании имения. Заповедное имение должно было заключать в себе не менее 400 и не более 4000 крестьянских дворов или не менее 100 000 дес. удобной земли; оно должно было приносить не менее 12 000 и не более 200 000 р.с. годового дохода. Заповедное имение объявлялось собственностью рода и могло быть завещаемо лишь законному потомству по нисходящей линии, с правом первородства и с предпочтением мужского колена женскому. Одновременно с этим проявляются заботы и о поднятии духовного уровня дворянства. В 1843 г. было положено детей бедных дворян отдавать для обучения в батальоны военных кантонистов, а с 1852 г. – и в аудиторское училище. В мероприятиях по народному образованию в николаевское царствование одной из характерных черт является, как было уже отмечено, широкое развитие специально дворянских учебных заведений. Отсюда вытекало и сокращение для дворян сроков службы для производства в чины. Еще в 1829 г. срок службы для производства в офицеры вольноопределяющихся был установлен: для дворян – 4-х-летний, для других сословий – от 6 до 12 лет. С 1830 г. после устройства кадетских корпусов дворяне одно время выпускались из корпусов через дворянский полк прямо офицерами. С другой стороны, однако, сама служба дворян была более строго регламентирована. Так, в 1837 г. последовало запрещение, повторенное в 1840 г., принимать дворян в центральные учреждения ранее известного срока службы в местных.

Все эти преимущества для дворян в николаевское царствование вытекали из одного стремления – устроить

дворянство как класс, предназначенный главным образом для государственной службы. Видя в дворянах прежде всего чиновников и в силу этого заботясь прежде всего и о материальном благосостоянии этого класса, и о его благородстве, и о чистоте его состава, правительство в николаевское царствование с такой точки зрения подходило и к тем злоупотреблениям со стороны дворян их положением, которые могли бы ронять достоинство всего дворянства как государственного состояния, и прежде всего к злоупотреблениям крепостным правом. Законом 1829 г., наказом гражданским губернаторам и отдельными позднейшими указами были подробно установлены правила о наложении на дворян за подобные злоупотребления опеки, чем значительно дополнялся и точнее определялся закон об опеках 1817 г.

Ко времени вступления на престол императора Николая вполне уже выяснилась как несовместимость крепостного права с понятием гражданского равноправия, так и меньшая продуктивность крепостного труда сравнительно с трудом свободным. В александровское царствование выдвинулся на первую очередь вопрос о личной крепостной зависимости крестьян, и главное внимание правительства было направлено на восстановление личных гражданских прав крестьянина. Такая постановка вопроса выдвигала, в свою очередь, вопрос об ограничении практиковавшейся в самых широких размерах продажи крестьян без земли и вопрос о дворовых. Сам по себе, однако, крестьянский вопрос в александровское царствование не обращал еще в достаточной степени на себя внимания правительства и отступал на задний план перед вопросом о государственных преобразованиях, а его постановка, как видно из только что сказанного, оставалась исключительно в плоскости определенных политических принципов. Правительственная точка зрения на преимущество того или другого вида освобождения до конца александровского царствования поэтому оставалась недостаточно выясненной, и вопрос о необходимости освобождения крестьян с землей не мог считаться еще окончательно решенным. Только в конце александровского царствования, и притом, однако, не в правительственных сферах, но в общественном мнении, крестьянский вопрос окончательно выдвигается на первую очередь и разрешается преимущественно в форме освобождения крестьян с землей. В николаевское царствование, одновременно с полной ликвидацией вопроса о политической реформе, крестьянский вопрос в правительственном сознании окончательно выдвигается на первую очередь. Результаты, достигнутые в этом отношении в

царствование самого Николая, не соответствовали затраченным усилиям. Причину этого надо искать в личных взглядах государя на крестьянский вопрос, в тех условиях, в каких ему приходилось проводить свою политику по этому вопросу, и в тех способах, какими в николаевское царствование этот вопрос разрешался.

Лично император Николай относился к существующему крепостному строю вполне отрицательно, вынеся такое отношение к нему прежде всего из непосредственных столкновений с действительностью в качестве начальника войсковых частей и в качестве стороннего наблюдателя во время своих поездок по России. В своих личных отношениях к подчиненным, офицерам и солдатам, Николай, как известно, излишней мягкостью не отличался. Соприкасаясь с солдатской массой на деле и расценивая ее с чисто служебной точки зрения, он не мог, однако, не заметить того истощающего влияния, какое крепостной уклад жизни оказывал на крестьянское население, что подтверждалось и официальными отчетами этого времени. Знакомство с делом декабристов должно было уяснить ему многие частности этого вопроса и укрепило его в убеждении, что в этом вопросе правительство встретит сочувствие в некоторой части общества. Говоря об отрицательном отношении императора Николая к крепостному строю, указывают обыкновенно еще на влияние его учителя, профессора Шторха, который в читаемом им великим князьям курсе политической экономии доказывал ненормальность крепостного права и указывал на преимущества свободного труда над крепостным. Как мы уже знаем из отзыва самого Николая Павловича, лекции Шторха были для него и его брата Михаила чересчур серьезны и отвлеченны, а потому и преувеличивать влияния Шторха на взгляды императора Николая не следует. Позднее, выработав в себе отрицательное отношение к существующему крепостному строю, он вспоминал то, что в свое время более или менее механически воспринимал на лекциях своего профессора. Само по себе это отрицательное отношение выработалось в нем прежде всего под влиянием условий действительности. К тому же Шторх, отстаивая принцип личного освобождения, не решал вопрос категорически в сторону освобождения с землей. В собственных же взглядах императора Николая этот последний момент – стремление создать имущественно обеспеченный класс граждан, пользующийся правом земельного владения, – имеет очень большое значение и, пожалуй, даже преобладает над сознанием ненормальности личного несвободного состояния крестьян. С этой точки зрения приходится определять и положительные взгляды Николая на крестьянский вопрос.

Отрицательно относясь к существующему крепостному строю, император Николай вовсе не был сторонником полного освобождения крестьян в современном смысле этого слова – в смысле перехода к бессословному строю. Его положительные взгляды на крестьянский вопрос вытекали в значительной степени из его общих воззрений на сословные отношения. Раз за дворянством не признается политическая независимость, раз эта независимость противоречит принципу абсолютизма, то за ним не может быть признано и право владения другим государственным разрядом населения как известным видом собственности. Эта мысль, а также мысль о том, что такое владение нарушает и материальные интересы страны, весьма отчетливо сознавалась императором Николаем; отсюда его стремление вернуть крестьянам их гражданские права, признать в крестьянской личности, в крестьянстве в целом особый разряд населения, государственное состояние. Стоя на такой точке зрения, он не только считал, однако, преждевременным полное освобождение крестьян, но, по-видимому, не представлял вообще возможным такой строй, в котором народная масса вполне была бы освобождена от какой-либо государственной опеки. Такая опека и должна была оставаться за дворянством, но прежде всего как одна из его служебных функций, как опека одного класса, призванного прежде всего быть агентами правительственной власти, над другим, опекаемым по политическим соображениям, во имя охранения известного политического порядка. В этих свойствах взгляда императора Николая, а не в каких-либо побочных условиях надо искать объяснения «нерешительного характера» мер по крестьянскому вопросу в николаевское царствование. По соображениям политического характера он и не мог принимать в крестьянском вопросе какие-либо решительные меры, так как это было бы началом крушения того порядка, который охранять он считал себя призванным.

Избрав в силу этого в крестьянском вопросе единственно возможный для него путь, путь частичных поправок и изменений, император Николай не находил даже в таких рамках достаточной поддержки в этом деле со стороны его окружения, и притом даже наиболее близких к нему лиц. Исключение составляли весьма немногие, в числе которых первое место занимает гр. П.Д. Киселев, привлечение коего с 1836 г. к крестьянскому вопросу составляет в этом отношении эпоху. Быть может, самому государю Киселев уяснил многие ускользавшие до этого времени от его внимания стороны дела. Из других сотрудников Николая, сочувствующих разрешению крестьянского вопроса, надо отметить Сперанского и Канкрина, стоявших, однако, еще на

точке зрения безземельного освобождения. Главными противниками каких бы то ни было мер в пользу крестьян в течение всего царствования оставались Чернышев и Меншиков. Столь же мало сочувствия своим начинаниям встречал император Николай и у других своих приближенных, цесаревича Константина Павловича и даже кн. Васильчикова. Довольно своеобразную позицию в данном вопросе занимал министр внутренних дел гр. Л. Перовский. По всему своему облику типичный консерватор, выступая обыкновенно критиком всех предлагаемых в пользу крестьян мероприятий, но метко указывая при этом иногда их половинчатость, Перовский представил в 1845 г. свой проект, далеко не отличавшийся таким уже паллиативным характером, какой ему обыкновенно приписывают, и во всяком случае являвшийся одной из наиболее отчетливых формулировок того, под чем, как под maximum'ом, мог бы подписаться сам Николай.

Наконец, малоуспешность предпринимаемых в николаевское царствование мер к разрешению крестьянского вопроса объясняется и тем способом ведения дела, какой в данном случае был избран. Недоверчиво относясь вообще к общественному мнению и к общественной инициативе, а в сущности так же не доверяя и государственным учреждениям, император Николай избрал в данном случае излюбленный им способ ведения дела – в секретных комитетах. Крестьянский вопрос разрешался при нем чисто бюрократическим путем, оставаясь запретной тайной для общества, совершенно изъятой со страниц печати.

Небогатые практическими результатами, мероприятия николаевского царствования по крестьянскому вопросу имели зато огромное принципиальное значение: они способствовали уяснению многих основных сторон этого вопроса и не только выяснили необходимость немедленного освобождения как общей государственной меры, но и определили те формы, в каких это освобождение должно было совершиться.

Уже в «Комитете 6 декабря 1826 г.», как было указано выше, обсуждался крестьянский вопрос, причем сама постановка его в данном случае целиком вытекала из постановки этого вопроса в александровское царствование. Выработанный комитетом дополнительный закон о состояниях затрагивал вопрос о продаже крестьян без земли, о праве крестьян на земельную собственность и о дворовых и не ставил в общей форме вопроса о крепостном праве. Отмеченные выше правительственные меры, одновременно с этим предпринятые, точно так же отличались частичным характером. После прекращения работ «Комитета 6 декабря» в Государственном Совете в 1833 и 1834 гг. снова обсуждался

вопрос о запрещении продажи крестьян без земли. Разрешение вопроса в общей форме было отложено до более благоприятных обстоятельств, и результатом обсуждений явился лишь указ 2 мая 1833 г., запрещавший продажу людей с публичного торга и продажу семейств в раздробь, чем восстанавливались в силе соответствующие указы 1771 и 1798 гг. По этому указу запрещалось обеспечивать и удовлетворять частные долги крепостными людьми без земли; предписывалось крестьян, подлежащих продаже по обязательствам, заключенным до настоящего указа, причислять к казенному ведомству без раздробления их семейств, и запрещалась продажа и уступка по дарственным крестьян отдельно от семейств, как с землей, так и без земли.

В марте 1835 г. был учрежден Секретный комитет для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий, в состав которого под председательством кн. Ил. Вас. Васильчикова, вошли: Сперанский, Канкрин, Дашков и вызванный перед этим в мае 1834 г. в Петербург П.Д. Киселев, управлявший до этого Молдавией и Валахией, проведший там крестьянскую реформу и по всему своему складу мыслей являвшийся сторонником наиболее широкого разрешения крестьянского вопроса. Комитет должен был заняться вопросом о крестьянах в Западном крае, в конфискованных там после польского восстания имениях, преобразовать управление казенными крестьянами и выработать меры для улучшения быта помещичьих крестьян. Комитет пришел к заключению, что все эти меры должны быть объединены одним общим началом, и поставил себе целью «установление для крестьян верного и со всей осторожностью размеренного перехода от одной степени на высшую и, так сказать, нечувствительного возведения их от состояния крепостного до состояния свободы в той мере, какую закон справедливости и польза государственная допустить могут». Такими «тремя степенями состояния крестьян всех наименований, казенных и помещичьих», комитет считал: состояние крепостных с ограничением работы на владельца тремя днями на основании манифеста 1797 г.; состояние крестьян, обязанных мерной работой: они остаются крепкими земле; состояние крестьян, пользующихся правом свободного перехода от одного владельца к другому и обрабатывающих помещичьи земли на основании заключаемых договоров, каковой порядок установлен в остзейских губерниях. «Комитет 1835 г.» считал, что с переходом всех крестьян на эту последнюю степень «исполнится желание правительства и удовлетворится потребность государственная для будущего спокойствия и процветания России». Он

останавливался, таким образом, на безземельном освобождении.

Главная роль в «Комитете 1835 г.» принадлежала Сперанскому и Канкрину. Киселев в этом комитете видной роли не играл. Одновременно с работой комитета, однако, с Киселевым вел оживленные разговоры по крестьянскому вопросу сам государь. Еще в 1834 г., тотчас после возвращения Киселева в Петербург, государь обратил внимание на представленный Киселевым отчет об управлении Дунайскими княжествами и с особым интересом отнесся к тому, что было сделано там Киселевым по крестьянскому вопросу. Тогда же государь сказал ему, что они с ним «займутся этим как-нибудь», так как «мы оба имеем те же идеи, питаем те же чувства в этом важном вопросе, которого мои министры не понимают и который их пугает». Вскоре после этого государь в разговоре с Киселевым снова вернулся к этому вопросу и высказался еще определеннее. Он признавал теперь «преобразование крепостного права, которое в настоящем его положении оставаться не может, необходимейшим». «Я, – продолжал государь, – говорил со многими из моих сотрудников и ни в одном не нашел прямого сочувствия; даже и в семействе моем некоторые (Константин и Михаил Павловичи) были совершенно противны. Несмотря на то, я учредил комитет из 7 членов для рассмотрения постановлений о крепостном праве. Я нашел противодействие. По твоему отчету о княжествах я видел, что ты этим делом занимался и тем положил основание к будущему довершению этого важного преобразования; помогай мне в этом деле, которое я почитаю должным передать сыну с возможным облегчением при исполнении, и для того подумай, каким образом надлежит приступить без огласки к собранию нужных материалов и составлению проекта или руководства к постепенному осуществлению мысли, которая меня постоянно занимает, но которую без доброго пособия исполнить не могу». Тут же государь посвятил Киселева в свое намерение открыть для этой цели особое отделение при собственной Его Величества канцелярии. К январю 1836 г. выяснилось, что работы комитета вряд ли приведут к каким-либо значительным результатам, и тогда государь остановился на мысли выделить из общего вопроса вопрос об устройстве казенных крестьян и поручил это дело Киселеву. 29 апреля состоялись указы министру финансов и генерал-адъютанту Киселеву об учреждении V отделения С. Е.И.В. Канцелярии и о передаче в это отделение всех дел, относящихся к управлению казенными крестьянами, оброчными статьями и лесами Петербургской губернии. Киселев стал с этого времени, по выражению Николая Павловича, его «начальником штаба по

крестьянской части».

Все дальнейшие мероприятия николаевского царствования по крестьянскому вопросу шли в двух направлениях: устройство крестьян казенных, получивших теперь наименование крестьян государственных, и упорядочение положения крестьян частновладельческих. Казенные крестьяне представляли к этому времени очень пестрый по составу класс населения. В него входили: жившие на севере искони на государственной земле «черносошные» крестьяне, «однодворцы», «старых служб служилые люди» и другие потомки мелких служилых людей Московского государства на юге, при Петре Великом записанные в подушный оклад, восточные инородцы, мелкие разряды свободных землевладельцев в западных, присоединенных от Польши губерниях, крестьяне церковные и монастырские (экономические), а после закона 1803 г. и вольные хлебопащцы. Обложенные податью, по закону казенные крестьяне считались «свободным сельским сословием» и пользовались личными и имущественными правами; на практике правительство усвоило на них взгляд как на своих крепостных: их зачисляли в военные поселения, переводили в разряд удельных, т.е. обращали в крепостных Императорского Дома и т.п. Казенных крестьян в 1833 г. исчислялось до 7,5 млн., что составляло около 1/3 всего сельского населения. Их поселения делились на волости, и на выборных «волостных голов» были возложены полицейские обязанности. В полицейском отношении волость была подчинена нижнему земскому суду и земскому исправнику, в хозяйственном – хозяйственному отделению казенной палаты. Ведались казенные крестьяне в Министерстве финансов, которое усвоило на них исключительно фискальную точку зрения – как на одну из доходных статей государственных имуществ. Управление государственными имуществами, с другой стороны, само по себе оставалось до этого времени точно так же крайне неупорядоченным и запущенным, и доходы с этим имуществ получались крайне незначительные. Вопрос о необходимости упорядочить управление государственными имуществами путем учреждения особого ведомства не раз возникал еще в царствование Александра I. Он снова был поднят в Государственном Совете в 1834 г. С начала царствования Николая I навстречу этому идет другая мысль – о реформе в управлении казенными крестьянами, которое должно было теперь строиться не на фискальных соображениях, но на началах попечения о благосостоянии самих крестьян; улучшения в их быте и управлении могли бы послужить в таком случае примером и для помещиков, которые, видя благие результаты этих мер, начнут

улучшать со своей стороны положение своих крепостных. Так ставился вопрос уже в «Комитете 6 декабря 1826 г.» Некоторые частичные меры в этом направлении предпринимались Министерством финансов в 1834 г., а в 1835 г. Канкриным был представлен проект общего преобразования управления казенными крестьянами, который и был передан в учрежденный при этом вышеупомянутый секретный комитет. Разочарование государя в работах «Комитета 1835 г.» и, с другой стороны, незабытая мысль о необходимости упорядочить управление государственными имуществами и привели к созданию V отделения С. Е.И.В. Канцелярии.

Поручив Киселеву устройство этого отделения, Николай Павлович не дал ему при этом какой-либо определенной программы. В мае 1836 г. по мысли Киселева была предпринята ревизия государственных имуществ в четырех губерниях: Псковской, Московской, Курской и Тамбовской, а в августе того же года Киселев сам объехал некоторые уезды Петербургской губернии, а потом Псковской, Московской и Курской. Результатом всего этого был доклад Киселева 6-го октября т.г. государю о положении казенных крестьян, в котором он приходил к выводу о необходимости правильно устроить прежде всего администрацию государственных имуществ и только затем уже начать думать об улучшении хозяйственного быта крестьян. Первым шагом к этому Киселев считал учреждение «особого управления государственными имуществами в губерниях». Государь на докладе написал: «Переговорим» – и только после второго прочтения доклада, 23 ноября, разрешил Киселеву «распорядить по его усмотрению о введении управления в 4-х обревизованных губерниях». Высочайшим указом Сенату от 7 сентября 1837 г. последовало отделение департамента государственных имуществ от Министерства финансов и учреждение временного управления этим департаментом, которое вверялось особому совету, составленному из сенаторов Княжнина, Фролова и Кочубея. Совету присваивалась власть и ответственность, лежащие на директоре департамента и на министре; дела представлялись государю через докладывающего по делам V отделения. К ноябрю того же года Киселевым были представлены проекты: учреждений управления государственными имуществами и крестьянами, сельского Полицейского устава, сельского Судебного устава и главных оснований Хозяйственного устава. В проектах Киселева финансовые соображения окончательно были отодвинуты на задний план и, в противоположность этому, последовательно проводилось начало попечительства. По Высочайшему повелению

эти проекты были переданы на предварительное рассмотрение в особый комитет, в состав которого вошли, под председательством кн. Васильчикова, Сперанский, Канкрин и ст.-секр. Дашков. В декабре 1837 г. проекты обсуждались в Государственном Совете, и 26 декабря этого года государем было утверждено учреждение Министерства государственных имуществ, создававшегося «для управления государственными имуществами, для попечительства над свободными сельскими обывателями и для заведывания сельским хозяйством». Министром государственных имуществ был назначен Киселев. 30 апреля 1838 г. было утверждено Положение об управлении государственными имуществами в губерниях и сельские уставы: Полицейский и Судебный. В первый год это управление было введено в пяти губерниях: Петербургской, Московской, Псковской, Курской и Тамбовской; в 1839 г. оно было распространено на западные губернии, в 1841 г. – на остзейские. К 1842 г. последовало его введение во всех губерниях, а в 1843 г. – его окончательное утверждение в законодательном порядке.

В губернских городах учреждались палаты государственных имуществ, занимавшие место наряду с другими губернскими палатами. Во главе палаты стоял управляющий государственными имуществами; из советников палат один заведывал попечительством над государственными крестьянами и вольными хлебопашцами и управлением оброчными статьями и землями; другой – лесной частью (губернский лесничий). Палата находилась под общим надзором губернатора, но предметы управления были точно распределены на требовавшие утверждения губернатора или министерства и на решавшиеся на основании собственного определения палаты. Вся губерния разделялась на несколько округов, в зависимости от местных условий, то совпадавших с уездами, то охватывавших несколько уездов. Во главе округов были поставлены окружные начальники, имевшие двух помощников: одного по хозяйственной, другого – по лесной части. На окружных начальников была возложена обязанность оберегать общество государственных крестьян от притеснения земской полиции; за последней оставлялись лишь общеполицейские распоряжения и производство следствий. Это были высшие распорядительные и попечительные органы бюрократического характера; низшая же администрация и хозяйственный распорядок сосредоточивались в волостном управлении, построенном на выборном начале. В этом отношении, как и в общей своей распланировке, система вновь вводимых учреждений приближалась до известной степени к той схеме, какую дал в своем «Плане» 1809 г. Сперанский. Волость

включала в себя несколько сельских обществ государственных крестьян, охватывая округ радиусом до 40 верст с населением государственных крестьян до 6 000 душ мужского пола. Во главе волости было поставлено избираемое на три года волостное правление, состоящее из волостного головы и двух заседателей – по полицейской и по хозяйственной части, и волостная расправа (суд). Сельские уставы до мельчайших подробностей определяли полицейские и хозяйственные обязанности волостных правлений и голов. Аналогичное устройство имели сельские общества, составлявшиеся из нескольких селений, расположенных не далее 15 верст друг от друга с общей численностью до 15 000 душ. Во всех этих учреждениях проводился последовательно взгляд на государственных крестьян как на свободных обывателей, сидящих на казенной земле, не как на крепостных.

Император Николай лично близко интересовался проведением в жизнь реформы, и на первых порах Киселев был обязан, независимо от личных еженедельных докладов, время от времени представлять государю промемории о деятельности новых учреждений. В особенности государя интересовал вопрос о состоянии продовольственного делав государственных селениях: с 1839 г. все распоряжения по устройству запасных магазинов и по сбору хлеба и выдаче хлебных ссуд были сосредоточены в Министерстве государственных имуществ. Введение новых учреждений позволило развить в последующие годы широкую попечительную деятельность о государственных крестьянах. Заботы правительства были направлены на покупку в казну помещичьих имений и, следовательно, на обращение крепостных крестьян в свободных сельских обывателей[67]; на реформу податей и повинностей в смысле большей соразмерности их с местными хозяйственными условиями; на создание мелкого кредита для крестьян, как, например, учреждение «вспомогательных ссуд», выдававших ежегодно до 1 600 000 руб. Много внимания было обращено также на «полицию благосостояния»: на санитарную часть, противопожарные меры, устройство училищ и т.п. Во всех этих заботах было, конечно, чересчур много веры в силу бюрократического начала, что вообще так свойственно было и самому Киселеву. Его инструкции местным органам управления государственными имуществами как бы последний отзвук петровских инструкций воеводам, земским комиссарам и проч. Та же широта размаха и то же несоответствие задания условиям действительности. Не следует, однако, и преуменьшать того, что было сделано. Положительные результаты достигнуты были, и эти результаты к концу николаевского царствования сказались в повышении платежной

способности государственных крестьян, что было достигнуто без повышения размера податей. За последние 19 лет перед учреждением Министерства государственных имуществ с государственных крестьян должно было поступить 424 миллиона рублей, а поступил всего 391 миллион, что составляло недоимку в 7,7% всего оклада. За 19 лет со времени учреждения министерства должно было поступить 523 миллиона, а поступило 506 млн. – недоимка всего 3,2%. 26 марта 1839 г. Киселеву было пожаловано графское звание.

Одновременно с тем как принимались меры по устроению государственных крестьян, в конце 30-х годов с новой силой был выдвинут вопрос и о крестьянах частновладельческих. 10-го ноября 1839 г. был учрежден новый секретный комитет под председательством кн. Васильчикова, куда вошли гр. Орлов, гр. Киселев, министр юстиции гр. Панин, статс-секретарь Блудов, член Государственного Совета Тучков, статс-секретарь Танеев и управляющий Министерством внутренних дел Строганов; правителем дел комитета был назначен камергер Ханыков. Повелевалось «все дело сохранить в тайне»: гласно комитет именовался Комитетом о повинностях в казенных имениях западных губерний. Как можно судить по переданным в комитет бумагам, обсуждение должно было сосредоточиться на мнении кн. А.С. Меншикова о неудобных сторонах закона 1803 г. о вольных хлебопашцах, «ибо передаются крестьянам земли помещиков». В предварительной записке, представленной в комитет 1839 г., развивалась программа скорее безземельного освобождения. Это дало повод Киселеву выступить с противоположной программой, которая и была им развита в его записке «О средствах к усилению действий закона о свободных хлебопашцах». Энергично восставая против безземельного освобождения, как постоянного источника революционных смут, и в то же время соглашаясь с мыслью о необходимости охранять дворянское землевладение, Киселев предлагал, чтобы за помещиками было оставлено право собственности на землю, а за крестьянами, поселенными на этих землях, право полной личной свободы: помещики обязаны дать своим крестьянам определенные наделы и лишаются после этого права отнимать эти наделы назад; крестьяне обязаны по отношению к помещику повинностями, но могут заключать с ним договоры и о полном выкупе. Свою записку Киселев предварительно представил лично государю и лишь с его одобрения и разрешения внес ее в комитет в марте 1840 г. В комитете записка Киселева вызвала сильные возражения со стороны членов комитета, а главным образом – со стороны принимавшего участие в ее обсуждении кн. Меншикова;

у последнего с Киселевым произошел горячий обмен мнениями. Обсуждение записки тянулось в течение целого года. 25 февраля 1841 г. председатель комитета кн. Васильчиков объявил высочайшее повеление комитету, что «так как возложенные на него занятия истекают из существа указа 1803 года, предоставляющего помещикам право увольнять крестьян с землей или без земли по собственному желанию, то Его Величество как прежде не имел, так и ныне не имеет намерения дать когда-либо предлагаемому дополнению указа 1803 г. силу обязательного закона, и потому Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы собственное желание помещиков на увольнение крестьян было принято за основание означенного дополнения». Обмен мнений между Киселевым и кн. Меншиковым продолжался и после этого. К июню 1841 г. комитетом было составлено Положение об обязанных крестьянах, в основу которого была положена мысль Киселева об обеспечении помещиками своих крестьян земельными наделами, но с оговоркой, в силу которой подобное наделение предоставлялось добровольному соглашению помещика с его крестьянами без определения каких-либо норм. На журнале комитета, заключавшем проект этого положения, была положена Высочайшая резолюция: «Исполнить»; но тут же рукой председателя комитета кн. Васильчикова было помечено: «Оставлено без исполнения по особо данному словесному Высочайшему повелению».

Проект обсуждался в Государственном Совете лишь 20 марта 1842 г. Государь лично присутствовал на этом заседании, о чем в журнале заседания записано так: «По назначении к докладу в сем заседании журнала соединенных департаментов законов и экономии, касательно договоров помещиков с крестьянами, Государь Император, прибыв в Государственный Совет, объявить изволил, что прежде слушания сего дела нужным считает ознакомить членов со своим образом мыслей по сему предмету и с руководившими Его Величеством побуждениями. Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло, для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному теперь было бы злом, конечно, еще более гибельным. Блаженной памяти император Александр I,в намерениях коего в начале Его царствования было даровать свободу крепостным людям, впоследствии сам отклонился от сей мысли, как еще совершенно преждевременной и невозможной в исполнении. Его Величество также не изволит никогда на сие решиться, считая, что если время, когда можно будет к тому приступить, вообще весьма еще далеко, тов настоящую эпоху всякий помысел о сем был бы лишь преступным посягательством на общественное спокойствие и

благо государства. Пугачевский бунт доказал, до чего может достигнуть буйство черни. Позднейшие события и попытки сего рода доселе всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь точно так же будет предметом особенной и, с помощью Божией, успешной заботливости правительства. Но нельзя скрывать от себя, что ныне мысли уже не те, какие бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положение не может продолжаться навсегда. Причины сей перемены мыслей и чаще повторяющихся в последнее время беспокойств нельзя не отнести главнейшее: во-первых, к собственной неосторожности помещиков, которые дают крепостным своим людям несвойственное им высшее воспитание и через то, развивая в них новый круг понятий, делают положение их еще более тягостным; во-вторых, к тому, что некоторые помещики, хотя благодаря Богу самое меньшее их число, забывая благородный долг, употребляют во зло свою власть, а к пресечению сих злоупотреблений дворянские предводители, как многие из них Его Величеству отзывались, не находят средств в законе, ничем почти не ограничивающем помещичьей власти. Но если настоящее положение таково, что не может продолжаться, а решительные к прекращению оного меры без общего потрясения невозможны, то необходимо, по крайности, предуготовить средства для постепенного перехода к иному порядку вещей и, не устрашаясь пред всякой переменой, хладнокровно обсудить ее пользу и последствия. Не должно давать вольности, но должно открыть путь к другому, переходному состоянию, связав с ним ненарушимое охранение вотчинной собственности на землю. Государь Император почитает сие священной своей обязанностью и обязанностью Своих преемников на престоле, а средства к тому, по мнению Его Величества, вполне представляются в предложенном ныне Государственному Совету проекте указа. Он, во-первых, не есть закон новый, а лишь последствие и, так сказать, развитие существующего сорок лет закона о свободных хлебопашцах; во-вторых, устраняет, однако же, вредное начало помянутого закона – отчуждение от помещиков поземельной собственности, которую, напротив, столько по всему желательно видеть навсегда неприкосновенной в руках дворянства, – мысль, от коей Его Величество никогда не отступит; в-третьих, выражает прямо волю и убеждение правительства, что земля есть собственность не населенных на ней крестьян, а помещиков, – предмет также первостепенной важности для будущего спокойствия; наконец, в-четвертых, без всяких крутых переворотов, без вида даже нововведения дает каждому благонамеренному владельцу средства улучшить положение его

крестьян и, отнюдь не полагая сего по принуждению или со стеснением прав собственности, предоставляет его единственно доброй его воле и влечению собственного сердца. С другой стороны, оставляя крестьян крепкими той земле, на коей они записаны, проект избегает неудобств тех положений, доведших крестьян до самого жалкого состояния, обративших их в батраков и побудивших ныне тамошнее дворянство единодушно просить именно того же, что теперь здесь предполагается. Между тем Его Величество изволит повторить, что все должно идти постепенно и не может и не должно быть сделано разом или вдруг. Настоящий проект содержит в себе одни главные начала и указания. Он открывает, как уже сказано, всякому способ под защитой и при пособии закона следовать сердечному своему влечению. В ограждение интереса помещиков ставится добрая их воля и собственная заботливость, а интерес крестьян будет ограждаться рассмотрением проектов условий не только местными властями, но и высшим правительством, с утверждения власти самодержавной. Идти теперь далее и обнять вперед прочие, может статься весьма обширные, развития сих главных начал невозможно. При желании помещиков воспользоваться действием указа представляемые от них проекты условий, на местностях и на различных родах хозяйства основанные, будучи соображаемы тем же порядком, как договоры со свободными хлебопашцами, по практическим данным укажут, что нужно и можно будет сделать в подробностях и что теперь, при всей осторожности и предусмотрительности, легко могло бы быть упущено. Но отлагать начинание, которого польза очевидна, и отлагать потому лишь, что некоторые вопросы с намерением оставляются неразрешенными и что на первый раз предвидятся некоторые недоумения, Государь Император не изволит находить никакой причины. Невозможно ожидать, чтобы дело сие принялось вдруг и повсеместно. Это не соответствовало бы даже и видам правительства. Между тем при постепенном и, вероятно, медленном развитии на различных пунктах Империи опыт всего лучше придет здесь на помощь. Им развяжутся всего надежнее и такие вопросы, которые теперь, без пособия его, кажутся затруднительными. В законе должны быть одни главные начала; частности разрешатся при частных случаях, и совокупный свод сих случаев впоследствии будет основой целого положительного уже законодательства…»

Во время последовавшего обмена мнений многие говорили против проекта, а кн. Д.В. Голицын, исходя из того, что договоры, если их оставить на волю помещиков, вряд ли будут кем заключены, предложил прямо ограничить власть помещиков

инвентарями. На это последнее государь возразил: «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую меру никогда не решусь, как не решусь и на то, чтобы приказать помещикам заключать договоры; это должно быть делом доброй их воли, и только опыт укажет, в какой степени можно будет перейти от добровольного к обязанному». Проект был принят в редакции комитета, и Указ об обязанных крестьянах был подписан 2 апреля 1842 г.

Первоначальный проект Киселева потерпел, таким образом, существенное изменение и из крупной меры государственного характера превратился в новый вид отпуска крестьян на волю по желанию помещика. Зато основная мысль его автора – крестьянское освобождение неразрывно соединено с земельным обеспечением крестьянина – окончательно входит с этого времени в правительственное сознание, и все последующие мероприятия николаевского царствования не отступают уже от этого начала. Сам император Николай не упускал случая оказать личное воздействие на дворянство и понудить дворян более широко применять указ 2 апреля 1842 г. Так, при приеме в 1847 г. депутации от смоленского дворянства он в своей речи выразил желание поговорить с депутатами «келейно об обязанных крестьянах» и убеждал дворян применять закон 1842 г., как лучший постепенный переход, «предупреждающий крутой перелом». В своих словах, с которыми Николай обратился к депутации петербургского дворянства 21 марта 1848 года, он снова возвращается к вопросу о крепостном праве, указывает с «прискорбием, что у нас мало хороших и попечительных помещиков», убеждает дворян «для собственного своего интереса заботиться о благосостоянии вверенных им людей», хотя и отвергает «приписываемые ему… намерения» освободить крестьян с землей. Эти увещевания государя не всегда имели желательный результат и встречали зачастую со стороны дворян пассивное отношение, а со стороны окружения государя – скрытое противодействие. Одним из главных противников закона 2 апреля 1842 г. считался назначенный в 1841 г. министром внутренних дел гр. Лев Алексеевич Перовский.

Одновременно с тем как вырабатывался закон 2 апреля и в ближайшие годы после его введения был принят ряд новых мер к ограничению крепостного права. В 1841 г. было запрещено приобретать крестьян без земли помещикам, не владеющим населенными имениями. В 1842 г. последовало запрещение лицам, возведенным в дворянство из крестьян, владеть населенными имениями, в которых они, отцы или деды их были записаны в ревизские сказки. В 1845 и 1846 гг. были приведены в

систему и определены юридически род и мера наказаний, каким помещик мог подвергать крепостных, что и было внесено в новое издание Свода законов. 15 февраля 1840 г. был учрежден особый секретный комитет для обсуждения записки «О дворовых», представленный государю Блудовым. В состав комитета входили: кн. Васильчиков, кн. А. Голицын, кн. Меншиков, Нессельроде, Чернышев, Бенкендорф, Левашов, Киселев, А. Строганов, В. Панин, С. Уваров, Блудов и государственный секретарь бар. М. Корф. Записка Блудова встретила возражения со стороны военного министра гр. Чернышева, и занятия комитета окончились безрезультатно. В 1844 г. государь сам набросал записку «О дворовых» и передал ее министру внутренних дел Перовскому. Содержание записки сводилось к следующему: «Класс дворовых подразделяется на 4 класса: 1) дворовых, составляющих внутреннюю и надворную прислугу при домах в городах; 2) таковых в поместьях; 3) дворовых ремесленников; 4) заводских фабрикантов… Последний разряд, живя в своих домах, по крайней мере большей частью, и даже имея чисто свое хлебопашество, составляет подразделение, имеющее нечто общее с крестьянским бытом, – потому может быть отчисляем к сему разряду крепостного состояния. Первые же три разряда должно делить еще на непосредственно составляющих господскую дворню и на ходящих по паспортам. Ходящих по паспортам, в какой бы должности ни находились, следует принимать в цехи, т.е. в служебный цех, новоучреждаемый, или в ремесленный, ежели кто из них каким ремеслом промышляет. Сих людей, кроме паспортов, обложить следует четвертными подушными, дабы побудить помещиков отпускать их на волю. С сих мер начать, сделав самую верную перепись». Для обсуждения вопроса о дворовых был учрежден новый секретный комитет, в который вошли: кн. Васильчиков, кн. Волконский, кн. Чернышев, кн. Меншиков, гр. Левашев, гр. Бенкендорф, гр. Киселев, Перовский, Вронченко и бар. Корф; делопроизводителем комитета был назначен Бахтин. Государь с наследником сам принимал участие в заседаниях комитета. В комитете о дворовых снова столкнулись мнения Киселева и Меншикова. 12 июня 1844 г. состоялось два постановления: указ, предоставлявший помещикам право отпускать дворовых на волю без земли по обоюдным договорам, и Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об отпуске на волю дворовых из имений, заложенных в кредитных учреждениях, без испрошения разрешения этих последних.

Все эти отдельные мероприятия, хотя и очень скромные, естественно приводили к принципиальной постановке вопроса в категорической форме. В ноябре 1845 г. министр внутренних дел

Перовский представил государю записку «Об уничтожении крепостного состояния в России». Оставаясь на почве земельного освобождения, Перовский подготовительными мерами к тому считал: введение обязательных инвентарей; законодательное признание за крестьянами права на собственность движимую и недвижимую; приписку всех крепостных к определенной земле и запрещение принимать под залог души, а не земли; запрещение отчуждать крестьян от земли и переводить их в разряд дворовых; ограничение, а затем и уничтожение права оброка; и разрешение крепостным по их собственному желанию поступать на военную службу. Для обсуждения этой записки в 1846 г. составлен новый секретный комитет, в который вошли: наследник цесаревич, гр. А. Орлов, кн. Васильчиков и Перовский. Комитет, признав в принципе многое из намеченного Перовским, отклонил немедленное принятие соответствующих мер по соображениям политического характера.

К последующим 1847 и 1848 гг. относятся два закона о крестьянах: указ 8 ноября о праве крестьян выкупаться на свободу при продаже дворянских имений с публичного торга и закон 3-го марта 1848 года о недвижимой собственности крепостных. Первое из этих постановлений возникло по мысли барона Корфа, предложившего в июне 1847 г. распространить на всю Россию закон 1824 г., разрешавший грузинским крестьянам выкупаться на волю при продаже имений с публичного торга. Для обсуждения этого предложения был составлен комитет, в который вошли гр. Орлов, гр. Левашов, гр. Киселев и гр. Панин, министры: финансов – Вронченко и внутренних дел – Перовский и сам бар. Корф. Само предложение заранее было уже одобрено государем, и, собирая комитет, Николай Павлович предложил лишь «обсудить» подробности сего важного дела, коего пользу и главные начала он считал уже, впрочем, решенными. Первоначальное предложение само по себе не встретило больших возражений ни в комитете, ни в Государственном Совете и скоро получило силу закона. Сам закон 8 ноября 1847 г. возбудил, однако как и более ранние, направленные к ограничению крепостного права, сильное неудовольствие и тревогу со стороны защитников непоколебимости дворянских преимуществ. Теперь эта тревога усиливалась еще более ввиду тех горячих споров, какие шли как раз в это время в Государственном Совете по поводу другого предложения, исходившего от Киселева, – о пересмотре законодательства о крестьянской собственности. В августе 1847 г. бывшие крестьяне графини Самойловой жаловались, что их владельцы при продаже имений продали земли, купленные крестьянами на свои деньги. Киселев выступил

с указанным предложением. Это предложение встретило возражение со стороны Панина и гр. С.С. Уварова, но было поддержано Левашовым и Адлербергом, и Комитет министров постановил испросить Высочайшее разрешение на пересмотр соответствующих законов. Государь на это согласился и поставил сроком к окончанию этого дела 1-е декабря т.г. В частном разговоре с Киселевым государь по этому поводу ему говорил: «Я разрешил представление Комитета министров; это будет доброе дело, хотя говорят, что будет ропот, и стращают разными последствиями; но я твердо положил отсекать все то, что в понятии добрых людей не может безвредно более сохраняться, и тихо и осторожно, но безостановочно буду выполнять свою обязанность; прежде утвердим за крепостными недвижимую собственность, ими приобретенную, потом и движимую, но не разом и не теперь; пока человек есть вещь, другому принадлежащая, нельзя движимость его признать собственностью, но при случае и в свою очередь и это сделается». Пройдя через Государственный Совет, предложение Киселева получило силу закона со значительными оговорками. Закон 3 марта 1848 г. разрешал крестьянам приобретать недвижимую собственность, но лишь с согласия помещиков. Что же касается недвижимых имуществ, приобретенных уже к этому времени крестьянами, то относительно их было постановлено «никаких о том от крепостных людей споров не допускать и никаких по оным разысканий не делать».

По поводу указа 8 ноября 1847 г. государю было представлено несколько записок, критиковавших этот закон. Такова записка тульского предводителя дворянства Норова и записка анонимного автора, озаглавленная «О возмутительных началах, развивающихся в России вследствие нового распоряжения, предоставляющего крестьянам право выкупа приобретением достояния прежних их владельцев». Эти записки были переданы на рассмотрение Секретного комитета, собиравшегося в 1848 г. и составленного под председательством наследника цесаревича из гр. Орлова., гр. Левашова, принца Ольденбургского, министров Киселева, Вронченко, Перовского и Чернышева и статс-секретаря Гофмана. Указ 8 ноября 1847 г. формально отменен не был, но во вновь составленное в 1849 г. Положение о порядке продажи имений с публичных торгов он был внесен с оговоркой, ставившей право крестьян в зависимость от согласия помещиков.

С 1849 г., когда в Европе разыгрались революционные события, крестьянский вопрос в правительственной деятельности отступает на задний план. К последним годам николаевского

царствования относится всего лишь несколько частичных постановлений по крестьянскому вопросу. Таков закон 1853 г., запрещавший сдачу в аренду населенных имений, и закон 1854 г., запрещавший управителям удаление крестьян из имений или сдачу их в рекруты без ведома помещика. Введение в эти годы в Западном крае «инвентарей», послуживших при преемнике императора Николая ближайшим поводом к более решительной постановке крестьянского вопроса, не столько находилось в связи с другими мероприятиями по ограничению крепостного права, сколько вытекало, как было уже отмечено выше, из соображений общей политики николаевского царствования на западных окраинах.

Военное дело и флот

Военное дело и флот

Николаевское царствование рисуется нам обыкновенно как время преобладания военного элемента. И действительно, гражданское управление принимает в это царствование своеобразный военный оттенок. Целые отрасли управления и отдельные ведомства получают военное устройство, образуя в таком случае особые корпуса: корпус лесничих, Главное управление путей сообщения и корпус инженеров путей сообщения и т.п. Во главе отдельных отраслей гражданского управления очень часто стоят представители военного ведомства: министр государственных имуществ генерал-адъютант гр. Киселев, министр финансов бывший генерал-интендант гр. Канкрин, министр внутренних дел генерал-адъютант Бибиков и даже обер-прокурор Святейшего Синода полковник и впоследствии генерал-адъютант гр. Протасов, не говоря о других. Чтобы дать, однако, правильную оценку этому явлению, его необходимо сопоставить с тем, что одновременно с этим происходит в сфере самого военного дела и военного управления. И здесь перед нами раскрывается довольно любопытная картина. В то время как во главе отдельных отраслей гражданского управления мы видим лиц нередко крупного государственного масштаба и в то же время имеющих в своем прошлом значительную военную карьеру, на верхах военного управления начинают выдвигаться люди не военного дела, но военной канцелярии. В военное дело в николаевское царствование проникает чиновник, и военное управление, оставаясь по-прежнему выделенным из общей системы государственного управления, преобразовывается в это царствование в смысле большего объединения и преобладания в нем бюрократического элемента.

К первой четверти девятнадцатого века в военном деле наметились как бы два течения, две школы. Одно из них продолжало жить традициями линейной «фридриховской» тактики восемнадцатого века. Отличительной чертой этих традиций являлась непоколебимая вера в значение сомкнутых, стройных масс, которые во время боя должны были устрашить неприятеля своими правильными движениями. В мирное время большое значение придавалось маневрированию колоннами, со строгим соблюдением интервалов и дистанций. Для действий во время боя, по образцу этих маневрирований, устанавливались нормальные «боевые порядки» для пехоты, кавалерии и артиллерии, предусматривавшие до мелочей движения отдельных

частей, но совершенно игнорировавшие местные условия. Значение рассыпного строя недостаточно оценивалось; при построении в цепь обращалось большее внимание на соблюдение равнения и дистанции, чем на создание условий, обеспечивающих для каждого отдельного солдата наибольшую меткость стрельбы.

Для данного времени все это должно было уже быть признано отжившим свой век. В эпоху наполеоновских войн и суворовских походов вся эта система подверглась уничтожающей критике. Новое направление выдвинуло значение индивидуального начала, воспитывало личную инициативу. Вера в «боевые порядки» уступала место сознанию необходимости больше сообразоваться с данными условиями местности, и тем самым воспитывалась большая личная инициатива.

Это новое течение, порождение новых условий эпохи, знаменовало в военном деле, в сущности говоря, революцию, по своим основным началам аналогичную той, какая происходила в это время во всем политическом и социальном укладе Европы. Когда после Венского конгресса Европа вступает в полосу политической реакции, в военном деле происходит своего рода реакция в смысле возвращения к старым принципам линейной тактики. Новые принципы в военном деле представляются опасными и в политическом отношении. Войска должны представлять из себя стройно-сплоченную, беспрекословно подчиняющуюся команде массу. Войско – мертвый механизм, из него вытравляется всякое живое чувство воодушевления. Говорят, что цесаревич Константин Павлович не любил, когда войска приветствовали его криками «ура»: кто сегодня выражает одобрение, завтра может выразить порицание; подчиненный может говорить лишь «рад стараться».

Всем известна картина николаевского войска, которое на парадах, как по нитке вытянутое, представляло из себя такую стройную картину:

Люблю воинственную живость Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней Однообразную красивость.

Ошибочно было бы видеть в этом одно лишь пристрастие к показной стороне военного дела. На «Марсовых полях» думали создать боевую силу, что, конечно, было ошибкой; «однообразная красивость» была таким же выражением политической реакции, наступившей после 14 декабря 1825 г., каким была административная централизация, система народного просвещения гр. Уварова, экономическая и финансовая политика гр. Канкрина. Представители боевых традиций наполеоновской эпохи в николаевское царствование не у дел и даже прямо в опале, как Ермолов; другие из них, как Киселев, уходят в

гражданское управление; третьи, как блестящий теоретик и прекрасно образованный в своей специальности генерал Жомини, не имеют веса в военном управлении. Выдвигаются люди старых традиций линейной тактики: таков Дибич, Нейдгард и прежде всего Паскевич. К этому же направлению примыкали и управляющий Военным министерством кн. Чернышев, и стоявший во главе морского ведомства Меншиков. С такой точки зрения приходится оценивать и те перемены в личном составе высшего военного управления, и те преобразования в его устройстве, которые, начавшись еще в последние годы александровского царствования, получили свое завершение в первое десятилетие царствования императора Николая I.

В конце александровского царствования высшее военное управление делилось между двумя лицами: начальником Главного штаба Его Императорского Величества, сосредоточивавшем в своем непосредственном ведении строевую часть, и военным министром, ведавшим хозяйственную часть. Начальником Главного штаба был в то время гр. Дибич; военным министром – гр. Татищев. Военный министр был подчинен начальнику Главного штаба и не имел права непосредственного доклада у государя императора. К тому же граф Татищев лично не пользовался знанием в глазах Александра. Кроме того, некоторые отрасли военного управления, как, например, военные учебные заведения, находившиеся в ведении цесаревича Константина Павловича, и военные поселения стояли особняком, и лица, поставленные во главе этих отраслей, имели особый доклад у государя императора. Особый доклад имели, наконец, генерал-фельдцейхмейстер и генерал-инспектор инженерной части. Служба Генерального штаба лежала на свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, во главе которой стоял особый генерал-квартирмейстер, входивший в состав Главного штаба Его Величества.

26 августа 1828 года, после выхода в отставку гр. Татищева, управляющим военным министерством был назначен гр. А.И. Чернышев[68], пользовавшийся, как мы уже знаем, большим доверием у нового государя, находивший поддержку и у Дибича и вообще быстро начавший возвышаться после вступления Николая Павловича на престол. 11 апреля 1828 г., за отъездом Дибича на театр военных действий, Чернышев был назначен управляющим Главным штабом с оставлением в должности военного министра, и таким образом строевая и хозяйственная части военного управления фактически объединились, а тем самым и военный министр получил права доклада. Такая перемена объяснялась, конечно, личным положением Чернышева.

Каких-либо систематических преобразований в высшем военном управлении в первые годы николаевского царствования произведено, однако, не было: внимание военного ведомства было поглощено войнами 1826–29 гг. и польским восстанием, и все дело ограничилось до поры до времени лишь частичными мероприятиями. В 1831 г. гр. Чернышев представил государю записку «Краткое обозрение порядка военного управления и способа преобразования оного», в которой излагал план преобразования военного управления на началах полного объединения строевой и хозяйственной частей. Николай Павлович отнесся к записке Чернышева очень внимательно, сделал на ней ряд замечаний и в особой записке сам, со своей стороны, наметил те основания, на которых должно было быть преобразовано военное управление. Эти основания сводились к следующему. Во главе военной части стоит военный министр, единственный докладчик государю по всем частям военного управления. При военном министерстве учреждается военный совет, которому поручается управление всей хозяйственной частью военного ведомства (департаментами артиллерийским, инженерным, комиссариатским, провиантским и медицинским) и хозяйственной частью военных поселений по части отчетной. Сам военный министр непосредственно управляет строевой частью (инспекторским департаментом, квартирмейстерской частью, артиллерийской и инженерной частями, во главе которых оставлялись генерал-фельдцейхмейстер и генерал-инспектор по инженерной части, но без права доклада государю) и главным штабом военных поселений и военно-учебными заведениями. Главный штаб Его Императорского Величества как учреждение упраздняется; наименование Главного штаба сохраняется лишь для совокупности некоторых должностей: самого военного министра, генерал-квартирмейстера, генерал-фельдцейхмейстера, генерал-инспектора инженеров и др. Аудиториат составляет особый департамент Военного министерства под начальством генерал-аудитора. Управление генерал-квартирмейстера остается на прежнем основании. На этих началах и был выработан «проект образования Военного министерства», утвержденный 1-го мая 1832 г. и приведший к окончательному «учреждению Военного министерства» 29 мая 1836 г. Новое учреждение придало военному управлению больше объединенности и как бы приблизило его к общим формам, установившимся в других министерствах. Это ведомство по-прежнему оставалось, однако, обособленным от общей системы министерского управления и входило скорее в сферу личного управления монарха. Решения военного совета по вопросам военного законодательства, как

было уже указано выше, представляются непосредственно Государю Императору, помимо Государственного Совета. Никакое учреждение или лицо не было вправе требовать объяснений или давать указания военному совету, как учреждению, непосредственно подчиненному Верховной власти. Позднее, когда в 1848 г. Чернышев был назначен председателем Государственного Совета, интересы военного управления нашли в нем влиятельного защитника и в самом Государственном Совете. С другой стороны, в преобразованиях 1832–1836 гг. наряду с этими формальными изменениями получала, конечно, особое значение внутренняя сторона дела. Это было личное возвышение Чернышева, а в его лице окончательное торжество и того направления, которое победило еще в 1823 г., когда начальником Штаба был назначен Дибич.

Реформа 1832–1836 гг., окончательно объединившая военное ведомство и поставившая во главе его военного министра, повлекла за собой ряд видоизменений во взаимоотношении отдельных частей военного управления, что, в свою очередь, налагало определенный отпечаток на общий характер этого управления в николаевское царствование. Из этих изменений особенно существенным является изменение положения свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части. Эта часть сосредоточивала в себе цвет военной интеллигенции; она пользовалась большим значением до самых последних лет александровского царствования, но после вступления на престол Николая правительство смотрело на нее с предубеждением, что объяснилось преувеличенным представлением об участии офицеров свиты в заговоре 14 декабря. В июне 1827 года последовало переименование свиты по квартирмейстерской части в Генеральный штаб, с присоединением к нему военно-топографического депо и корпуса топографов, в чем уже видели принижение службы бывших «свитских офицеров». Стоявший во главе Генерального штаба генерал-квартирмейстер был поставлен на четвертое место после военного министра; сам Генеральный штаб составил один из департаментов Военного министерства. Одновременно с этим изменился и способ комплектования бывшей квартирмейстерской части, а вместе с этим в саму эту часть начали проникать и новые веяния.

В конце александровского царствования было два учебных заведения, из которых по преимуществу выходили в квартирмейстерскую часть: устроенное в 1819 г. М.Н. Муравьевым в Москве учебное заведение для колонновожатых, в котором было обращено главное внимание на специальную научную подготовку, что согласовалось с общей постановкой дела в

квартирмейстерской части, когда во главе ее стоял тогдашний начальник Главного штаба светл. кн. П.М. Волконский, и открытое в 1820 г. по предложению бар. И.И. Дибича офицерское училище при штабе 1-й армии в Могилеве на Днепре, отличавшееся более элементарным характером преподавания, но зато более строгими требованиями по строевой части. В 1823 г. Волконского постигла Высочайшая немилость, и начальником Главного штаба был назначен Дибич. В военном управлении боевые традиции 1812–1814 гг. уступили место увлечению фридриховской линейной тактикой; личный состав муравьевского учебного заведения был переведен в Петербург, и здесь было открыто казенное училище колонновожатых, закрытое учебное заведение, приближавшееся уже по своему характеру к могилевской офицерской школе. После вступления на престол императора Николая, 14 июля 1826 г. училище для колонновожатых было упразднено. Одновременно с этим состоялось повеление не переводить в квартирмейстерскую часть ниже поручичьего чина, вследствие чего могилевская офицерская школа стала единственным источником комплектования квартирмейстерской части.

Недостаточность подготовки, получаемой в могилевской школе, выдвинула вопрос об устройстве высшего военно-учебного заведения. В том же 1826 г. император Николай, отчасти, быть может, ввиду общих политических условий данного момента, поручил ген.-ад. Жомини изложить свои соображения о преподавании военных наук, имеющих отношение к ведению «большой войны», в связи с устройством особой «стратегической школы». 21 марта того же года ген. Жомини представил записку на французском языке об учреждении Центральной школы высшей тактики (Scole Centrale de grande Tactique), в которой должны были преподаваться тактика, стратегия, военная география Европы, военная и морская статистика, обозрение оборонительных и наступательных систем европейских государств, хозяйственная система и система снабжения и военная история, начиная с Петра Великого.

Государь одобрил записку Жомини и положил на нее резолюцию: «Ilyadefortbonnes idees. Cette ecole sera formeede meilleurs sujets de tous les corps sans exception, places sous les ordres de Jomini et sous les ordres immediats du Major General; elle sera tenue dans la olus exacte discipline, et seront loges, tout le monde ensemble; le cours sera de deux ans; et je n'y veux que la haute Strategie, la Geographie et l'Histoire militaire»[69]. Военные события ближайших за этим годов заставили отложить на некоторое время поднятый вопрос в сторону, и только в октябре 1829 г.

была учреждена комиссия, вскоре переименованная в комитет, для составления положения о высшем учебном заведении, в которую, под председательством Жомини, вошли: гр. Сухтелен, ген.-лейт. Хатов, ген.-майор Шуберт и несколько позднее ген.-ад. Нейдгард. При этом письмом Чернышева на имя Жомини от 3 октября 1829 г. была выражена Высочайшая воля, чтобы это заведение не предназначалось исключительно для Генерального штаба, но было бы Военной академией, которая распространяла бы свое влияние и на другие части армии, и чтобы в академии один час в неделю посвящался строевому учению, «дабы эти занятия отнюдь не были пренебрегаемы, а, напротив того, тесно связаны с теоретическим преподаванием других отраслей военного искусства». В комиссии мнения разошлись: сам Жомини понимал поставленную задачу более широко, связывал с ней преобразование самого Генерального штаба и настаивал на том, чтобы во время прохождения курса учащиеся в академии были совершенно освобождены от строевой службы. Члены комиссии, и в особенности Нейдгард, стояли на противоположной точке зрения. Последнее мнение поддерживал и Чернышев. Предположения ген. Жомини в общем не удостоились и Высочайшего одобрения. Выработанное комитетом Положение об академии по Высочайшему повелению было изменено, согласно со сделанными по нему замечаниями Чернышева, ген. Нейдгардом, отдано на заключение Дибичу и утверждено 4 октября 1830 г. как Устав Военной академии. Само открытие академии последовало в начале 1832 г.

Увлечение отжившей свой век линейной тактикой, окончательно восторжествовавшее в высшем военном управлении, постепенно проникло и в академию, а отсутствие с 1832 г. и почти вплоть до последних лет николаевского царствования настоящего боевого опыта не позволяло создать этому увлечению необходимый противовес. Немалое значение в этом отношении имел при императоре Николае фельдмаршал Паскевич, пользовавшийся большим доверием у государя, стяжавший себе славу своими действиями на Кавказе, но не оправдавший своей репутации в Венгерскую кампанию и во время войны 1853–1855 гг.

Мы уже знаем, к чему сводилась восторжествовавшая теперь в военном деле система. Глубже вникая, чем многие из его сотрудников, в существо военного дела, сам Николай Павлович, тем не менее, вполне разделял веру в подобную систему. При получении известий о ходе военных действий в 1849 г., «государь хвалил боевые порядки, – пишет в своем дневнике Н.И. Муравьев, – говоря, что фельдмаршал (Паскевич) описывает ему

пользу их на практике». «Стало быть, – продолжал государь, – все, что мы ныне в мирное время делаем при образовании войск, правильно и необходимо для военного времени». Критикуя отдельные действия военачальников в боевое время, Николай Павлович часто делал очень веские замечания, но всегда притом и сам держался «тактических правил, утвержденных уставом».

Подобная система отражалась в николаевское время и на вооружении и обмундировании войск. Преувеличенная оценка массовых движений и, в последний момент наступления, атаки холодным оружием приводили к тому, что на стрельбу не обращалось достаточно внимания. Среди военных авторитетов того времени существовало даже мнение, что «привычку (много стрелять) надо бы извести в войсках, а не усиливать оружием, дающим способ к сему»; иначе «войска перестанут драться, и недостанет никогда патронов» (Н.И. Муравьев-Карсский). До конца николаевского царствования поэтому большая часть войск была вооружена гладкоствольными, заряжавшимися с дула кремниевыми ружьями старых образцов, лишь некоторая часть – ударными ружьями, и только в стрелковых батальонах, у саперов и в кавалерии были нарезные штуцера и карабины. Сильное отбивание темпов при ружейных приемах, чрезмерная чистка оружия ради внешнего блеска совершенно к тому же расшатывали и выполировывали ружье, делая его не только совершенно негодным, но зачастую даже небезопасным при стрельбе.

Запас оружия на случай войны полагался очень невеликий, а в действительности, как это выяснилось к 1853 г., достигал лишь половины положенного числа. Обмундирование войск, рассчитанное на внешнюю красивость, стесняло движение людей, а боевое снаряжение, которое солдату приходилось носить во время похода на себе, отличалось чрезмерной тяжестью и доходило до 2 пудов 7 фунтов[70].

В 1831 г. был издан новый Рекрутский устав, по которому и производилось комплектование войск до самого конца николаевского царствования. По этому уставу военная служба по-прежнему оставалась обязательной лишь для лиц податного сословия – крестьян, мещан и солдатских детей. От рекрутской повинности можно было избавиться приобретением выпускаемых правительством зачетных рекрутских квитанций, а также выставляя за себя заместителя по найму. Ежегодно при наборе в среднем около 80 000 человек в год – поступало в армию до 10 000 чел. наемников. Следует отметить, что сам император Николай считал рекрутскую повинность несправедливой и невыгодной и отдавал предпочтение всеобщей повинности. «Всякий набор, – говорил он в 1845 г. кн. А.С. Меншикову, –

счетом с 500 или другого участка душ, а также вербовкой, есть мера неправильная, и справедлива лишь одна конскрипция, обязывающая всех служить, но много препятствий существует к ее введению». Ближайшие сотрудники государя по военному управлению, и тот же кн. Меншиков, этого взгляда не разделяли. К концу николаевского царствования общая численность войск, как регулярных, так и иррегулярных, достигала 1 396 000 чел., т.е. почти равнялась современной русской армии в мирное время. Зато запас армии в николаевское время был очень незначителен, что не позволяло почти совершенно увеличивать численность армии в боевое время. Только с 1834 г. начали принимать меры к созданию запаса путем преждевременного увольнения в так называемые бессрочные отпуска: ежегодно в такие отпуска увольнялись до 17 000 чел. Меры эти были принимаемы в значительной степени по личному указанию императора, вполне сознававшего значение запаса. «Не ошибайся в отношении резервов, – писал Николай Павлович кн. Горчакову 20 октября 1853 г. – В прежние войны резервов в полном смысле значения слова, как я его понимаю, не было. Оттого полки таяли, не получая подкрепления или получая голых, необутых, изнуренных рекрутов; полки таяли, гибли, и за ними – никого! Теперь на каждый полк 2 батальона резерва. Но… надо резервам быть на месте, в покое и не обременять их сверх меры караулами и другими посторонними заботами, а еще менее употреблять их без крайности против неприятеля». Многими из военачальников николаевского времени не сознавалось, однако, настоящее значение запаса, а сокращение срока службы считалось даже вредным в государственном отношении, так как от этого деревни «наполнятся людьми без дела и без средства к жизни, отчего можно ожидать больших беспорядков» (Н.Н. Муравьев-Карсский).

Рука об руку с преобразованиями военного управления в николаевское царствование шло и преобразование военно-учебной системы. Еще в 1826 г., до выработки общего учебного плана для всех военно-учебных заведений, был учрежден Комитет по рассмотрению учебных курсов военно-учебных заведений, в который под председательством генерала Оппермана вошли: ген.-адъютанты Жомини и Демидов I, ген.-лейтенанты Гогель и гр. Сиверс, ген.-майоры Перский, Маркевич, Засядко, Козен и Арсеньев, контр-адмирал Крузенштерн и флигель-адъютант полковник Деллинсгаузен. Комитет выработал в 1830 г. Общее положение и Устав для военно-учебных заведений и проект учреждения новых губернских корпусов. В октябре 1830 г. был учрежден Совет о военно-учебных заведениях. 25 июня 1831 г., после смерти цесаревича Константина Павловича, вел. князь

Михаил Павлович был поставлен во главе всех военно-учебных заведений, с подчинением ему и означенного Совета; после смерти Михаила Павловича 28 июня 1848 г. на этот пост был назначен наследник цесаревич. До 1843 г. управление военно-учебными заведениями было подчинено военному министру. 25 марта 1843 г. было издано Положение об управлении главного начальника военно-учебных заведений, по которому этот последний получил право непосредственного доклада у Государя Императора, а Совету о военно-учебных заведениях были присвоены власть и права Военного совета. В 1849 г. в полное ведение главного начальника военно-учебных заведений были переданы артиллерийское и инженерное училище, а в 1854 г. и Военная академия.

Кроме преобразования существовавших уже военно-учебных заведений, в николаевское царствование были вновь открыты 9 корпусов: Александровский в Царском Селе для подготовки малолетних к поступлению в столичные корпуса (1830 г.), Новгородский гр. Аракчеева (1834 г.), Полоцкий (1835 г.), Петровский в Полтаве (1840 г.), Александровский-Брестский в Брест-Литовске (1842 г.), Орловский Бахтина (1843 г.), Михайловский-Воронежский (1845 г.), 2-й Московский (1849 г.) и Владимирский в Киеве (1852 г.). Целью военно-учебных заведений поставлялось «доставление юному российскому дворянству приличного сему званию воспитания, дабы, укоренив в воспитанниках сих правила благочестия и чистой нравственности и обучив их всему, что в предопределенном для них военном звании знать необходимо нужно, сделать их способными с пользой и честью служить Государю и благосостояние всей жизни их основать на непоколебимой приверженности Престолу». «Христианин, верноподданный, русский, добрый сын, надежный товарищ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпеливый и расторопный офицер, – говорилось в законе, – вот качества, с которыми воспитанник военно-учебных заведений должен переходить со школьной скамьи в ряды Императорских армий, с чистым желанием отплатить Государю за Его благодеяния честной службой, честной жизнью и честной смертью». Несмотря на значительное количество вновь открытых при императоре Николае военно-учебных заведений, число их оказывалось недостаточным сравнительно с числом желающих поступить в них и многим приходилось отказывать. С другой стороны, значительная часть окончивших корпуса (в среднем более 40%) шла в гвардию, артиллерию и инженерные войска; в армии же до двух третей офицерских ваканский пополнялось выслужившимися

из нижних чинов, не получившими правильного военного образования.

Любимое дело Николая Павловича еще в бытность его великим князем, военное и крепостное строительство продолжало развиваться и в продолжение всего его царствования. С помощью созданного им корпуса военных инженеров был выполнен целый ряд работ, положивших основание и отчасти осуществивших на долгое время систему обороны границ государства. Большинство этих работ привлекало к себе постоянное внимание самого государя, входившего в самые мелочные подробности исполнения крепостных построек. Помеченный план укрепления границ не был, однако, вполне закончен к концу николаевского царствования, и к 1853 г. часть пограничной линии оставалась недостаточно защищенной. В царствования императора Николая I были вновь построены следующие крепости и укрепления: Бомарзунд (на Аландских островах), Александровская цитадель в Варшаве, Новогеоргиевск, Ивангород, Брест-Литовск, Виленская цитадель, Новые Закаталлы, Александрополь (Гумры), Шуша, Ленкоран, ряд укреплений по закаспийской границе (новая Оренбургская линия, Оренбургское укрепление, Уральское, Новопетровское и др.) и по кордонной линии Западной Сибири. Кроме того, покорены и завоеваны Модлинская (Новогеоргиевск), Замосцкая, Эриван, Ахалцих, Анапа и Поти. Кронштадт, Ревель, Рига, Динабург (Двинск), Бобруйск, Киевская крепость, Измаил и Севастополь были перестроены и частью расширены. К концу николаевского царствования недостаточность пограничной обороны выражалась, между прочим, в следующем. Кронштадтские укрепления частью были не закончены, частью заключали в себе немалые технические недостатки. Существовавшее мнение о непреодолимости Кронштадта, которое разделял и сам император Николай, было преувеличенным; северный фарватер, вопреки этому мнению, оказывался проходимым для военных судов. Не были закончены работы в Бомарзунде, Свеаборге, Ивангороде, Брест-Литовске и Киеве. На всей западной границе вполне удовлетворяла современным требованиям одна лишь Новогеоргиевская крепость. Оставались слабо защищенными: эстляндское побережье, пограничная линия с Персией и закаспийская граница. Почти совершенно не защищены были: северная граница (от Норвегии до Северной Двины), где была всего одна Новодвинская крепость, и дальневосточная граница, где единственным укрепленным пунктом был Петропавловский порт.

Одновременно с реформой военного управления была произведена после волнений 1831 г. реформа военных поселений,

в сущности совершенно их упразднившая. В пехоте округа военных поселений были переименованы в округа пехотных солдат, предназначенные лишь для расквартирования войск и обязанные сами лишь обыкновенной рекрутской повинностью. В кавалерии действующая часть полков была отделена от поселенной, и на последнюю точно так же была возложена рекрутская повинность. Новые военные поселения на таких началах были устроены в николаевское царствование в 1837 г. в Киевской и Подольской губерниях из конфискованных имений польских мятежников, и с 1838 г. – г. Умань, на Кавказе и в Закавказье. С 1835 г. департамент военных поселений ведал и иррегулярные казачьи войска. На устройство и развитие последних в николаевское царствование было обращено большое внимание, главным образом ввиду необходимости заселения и обороны вновь занятых земель на Кавказе, в Закаспийском крае и на Амуре. Отдельные казачьи войска получили новые положения[71]. Отличительной чертой этих положений было: большее подчинение казачьих войск центральному военному управлению; введение в казачьих войсках правильных строевых уставов; большее разграничение в местном казачьем управлении военной и гражданской части и большее обособление казачьего населения от других сословий при лучшем обеспечении его землей.

Кн. А.И. Чернышев оставался военным министром почти до конца царствования императора Николая I[72]. Он неуклонно держался той системы военного управления, какая окончательно установилась с тридцатых годов. Сам император Николай, как приходилось уже отмечать выше, сознавал отдельные отрицательные стороны этой системы. От него могли ускользать, однако, многие из тех вредных результатов, к каким эта система приводила на практике. Со своей стороны, Чернышев в своих ежегодных докладах по Военному министерству всегда указывал, что в военном управлении все вполне благополучно и ничто не требует никаких изменений.

Деятельность морского ведомства, подвергшаяся в начале николаевского царствования значительным преобразованиям, в последующие годы была направлена на увеличение и усовершенствование морских сил государства, заботиться о чем заставляли те, в общем натянутые, отношения, какие складываются к этому времени у России к западным морским державам. Эта деятельность, вначале довольно оживленная, к сороковым годам начинает постепенно ослабевать, и рост русских морских сил, шедший до этого времени в значительной степени вровень с морскими державами, приблизительно с 1844 г.

и количественно, и качественно начинает заметно отставать. Главным руководителем деятельности морского ведомства в течение всего царствования императора Николая оставался начальник Морского штаба светлейший князь А.С. Меншиков. Значение занимаемой им должности в морском ведомстве особенно определилось к 1836 г., когда последовало новое преобразование Морского министерства, и во главе флота и министерства было поставлено одно лицо с правами министра – начальник Главного морского штаба. Остававшийся до конца николаевского царствования на этой должности кн. А.С. Меншиков пользовался очень большим доверием у Николая. В течение всего царствования он получал неоднократно поручения и назначения, далеко выходящие за пределы его ведомства. Так, в 1831 г., как было уже указано выше, он был назначен финляндским генерал-губернатором и командующим войсками в Финляндии. В 1833 и 1835 гг. он сопровождал государя за границу и был при нем во время свиданий монархов в Мюнхенгреце и Теплице. В 1853 г. он был назначен чрезвычайным послом в Константинополь. Всегда живо интересовавшийся флотом, Николай Павлович в лице Меншикова имел своего ближайшего сотрудника, взгляды которого в значительной степени определили все направление деятельности морского ведомства за данное царствование. Фактическое значение в морском ведомстве назначенного в 1831 г. генерал-адмиралом флота вел. князя Константина Николаевича становится заметным лишь в самые последние годы царствования, когда великий князь был назначен в 1852 г. товарищем начальника Морского штаба, а в 1853 г., за отъездом Меншикова в Турцию, управляющим Морским министерством. Начавшаяся вскоре после этого война помешала, однако, дальнейшему развитию деятельности морского ведомства; с новой силой эта деятельность оживляется лишь в последующее царствование.

К 1830 г. определились результаты усиленной судостроительной деятельности первых лет царствования. Балтийский флот, насчитывавший к 1825 г. всего 5 кораблей и 10 фрегатов, не считая мелких судов, к 1830 г. заключал в себе 28 кораблей и 17 фрегатов. Численность судов соответствующих рангов в Черноморском флоте к этому же времени выражалась в 11 кораблях и 8 фрегатах. С 1833 г. эта деятельность была введена в более скромные рамки, и для поддержания судового комплекта было положено строить ежегодно в Петербурге по 2 корабля, по 1 фрегату и по 3 мелких судна; в Архангельске – по 1 кораблю, 1 фрегату и 1 транспорту. Всего в николаевское царствование было спущено на воду в Балтийском и Черном

морях: 69 кораблей, 47 фрегатов, до 220 легких судов и транспортов, 143 судна гребного флота и до 306 портовых судов. К концу царствования, однако, большинство из этих кораблей и фрегатов были неспособны к военной службе. Николаевское царствование является как бы последней эпохой нашего парусного флота. Парусные суда и количественно, и качественно занимали в нем первенствующее место; их организация была доведена до возможного совершенства. Наряду с этим с начала николаевского царствования впервые появляются в нашем флоте и паровые суда. В 1826 г. в Балтийском флоте было 3 парохода, в Черноморском – 2; в 1830 г. в первом – 7, а во втором – 4. В течение всего царствования, однако, паровые суда играли в русском флоте второстепенное значение, чему немало способствовало и отрицательное отношение к судам этого типа кн. Меншикова, да, по-видимому, и самого государя, особенно к паровым судам с винтовым двигателем, а также отсутствие в то время в России заводов и техников для железного и парового судостроения. С 1844 г. паровой двигатель занял преобладающее место во флотах Англии, Франции и Америки и быстро начали входить в употребление винтовые суда. В России первая попытка применения винтового двигателя в единичном случае была сделана в царствование Николая Павловича в 1848 г.[73] Дальнейшие заказы судов этого типа в Англии были выполнены до начала Крымской кампании лишь отчасти – всего два судна. К 1855 г. в русском флоте всего паровых судов было: на Балтийском море 1 винтовой корабль и 1 винтовой фрегат, 10 колесных пароходо-фрегатов, 18 небольших пароходов и 40 винтовых канонерских лодок; на Белом – 2 небольших колесных парохода; на Каспийском – 8 таких же пароходов; на Черном – 12; на Восточном океане – 1 винтовая шхуна и 3 небольших парохода.

Наряду с судостроительной деятельностью внимание морского ведомства в николаевское царствование было обращено на строительную деятельность и на преобразования в портах. Окончательно были упразднены теперь многие учреждения, сохранявшиеся как пережиток, как, например, Иркутское адмиралтейство и Байкальская флотилия; Казанское адмиралтейство было перенесено в расширенные теперь Астраханский порт и верфи. С другой стороны, были расширены и улучшены портовые сооружения и доки в Кронштадте, Ревеле, Свеаборге, Севастополе и Архангельске. В Кронштадте были сооружены каменные форты Петра I, Алекскандра I, Павла I и батарея кн. Меншикова. На Черном море была устроена Черноморская береговая линия из 12 укреплений между Анапой и Сухум-Кале. В Камчатской области Охотский порт был перенесен

в Петропавловск, и была сформирована особая Сибирская флотилия. Для строительных работ морского ведомства был учрежден в 1837 г. особый корпус инженеров морской строительной части.

Параллельно с этим шли гидрографические работы, находившиеся до 1837 г. в ведении генерал-гидрографа, а затем – Гидрографического департамента Морского министерства. С 1833 г. начались почти во всех морях, омывающих русские берега, систематические гидрографические работы, видное участие в которых принадлежало кап.-лейтенанту М.Ф. Рейнеке (Балтийское и Белое моря), лейтенанту бар. Б.В. Врангелю (Балтийское море), капитану Е.П. Манганари (Черное и Азовское моря), лейтенанту А.И. Шестакову (Черное море) и лейтенанту А.И. Бутакову (Аральское и Черное моря). Результатом всех этих работ были подробные лоции и описания русских берегов названных морей, Румелийского берега Черного моря от Босфора до Дарданелл, а также опись Мраморного моря (капитан Манганари, 1845–48 гг.). Отчасти в связи с этими работами стояли и предпринимаемые экспедиции, главным образом в северных водах. Таковы были экспедиции подпоручика корпуса флотских штурманов П.К. Пахтусова (1832–1833 и 1834 гг.), давшие описание восточного берега Новой Земли; экспедиция академика К.М. Бера (1837 г.) к берегам Лапландии и Новой Земли и экспедиция прапорщика корпуса штурманов А.К. Цивольки (1838 г.) для описания северной и северо-восточной части Новой Земли, не закончившая, за смертью Цивольки, всех намеченных ею работ. Для изучения посещаемых стран еще в 1828–1829 гг. было предпринято кругосветное плавание (шлюпы «Сенявин» и «Моллер» под начальством лейтенантов Ф.П. Литке и М.Н. Станюковича), давшее описание Берингова моря и берегов Камчатки. Укоренившееся мнение о том, что Сахалин – полуостров и что поэтому с севера нет доступа в устье р. Амур, было рассеяно плаванием капитана-лейтенанта Невельского, поднявшего 1 августа 1850 г. на устье Амура русский военный флаг[74].

Кавказ в царствование Николая I

В обзоре царствования императора Николая I делам на Кавказе должна быть посвящена отдельная глава. Только после Адрианопольского мира Россия могла утвердиться в своих закавказских владениях, и только теперь встал во всей своей остроте вопрос о покорении и замирении тех горских племен, которые сплошной полосой отделяли Империю от вновь приобретенной территории и постоянно угрожали тем тонким нитям, какими коренные области государства связывались с кавказской окраиной, – Каспийскому побережью и Военно-Грузинской дороге. Новый неисчерпаемый источник для поэтического вдохновения, край новых экономических возможностей, открывавший широкие горизонты русской хозяйственной жизни, Кавказ в николаевское царствование требовал и большого напряжения государственной мощи, и большого изощрения политического такта в деле, для русской государственности еще непривычном. В Польше правительственная система императора Николая I выступила с программой воинствующей обрусительной политики. На противоположной окраине, на Кавказе, перед ней раскрывались задачи замирения края и внесения начал культуры и гражданственности. Кавказ стал для этой системы как бы пробным камнем: ее неудачи здесь были для нее приговором с точки зрения ее культурной доброкачественности.

Трудность положения дел на Кавказе в николаевское царствование обусловливалась, с одной стороны, необходимостью вести постоянную войну с незамиренными горскими племенами, с другой – сложными внутренними отношениями в Закавказье.

Не прекращавшиеся в течение всего николаевского царствования военные действия на Кавказе сосредоточивались на двух флангах: в Чечне и Дагестане, на Западном Кавказе и на Черноморском побережье. Присутствие в крае Паскевича, правда, поддерживало наружное спокойствие; но уже тогда в тиши зрело мюридское движение, во главе которого стал Кази-Мула, объединивший племена Восточного Кавказа и с 1830 г. поднявший открытое восстание. Отозвание Паскевича в Польшу и последовавшие затем неудачи русских войск в борьбе с горцами увеличили число приверженцев Кази-Мулы. С назначением в 1832 г. начальником Кавказского корпуса бар. Розена обстоятельства стали складываться более благоприятно: 17 октября был взят аул Гимры, и Кази-Мула был убит; к октябрю 1832 г. был взят главный оплот мюридов – аул Гоцатль. Эти успехи были, однако,

непрочны. С 1835 г. во главе мюридского движения стал Шамиль, вскоре укрепившийся в ауле Ахульго и придавший всему движению небывалые до этого времени размеры и упорство. После взятия Ахульго (лето 1839 г.) и бегства Шамиля в Дарго борьба приняла особенно ожесточенный характер; на стороне восставших была вся Чечня и Северный Дагестан; опасность грозила Военно-Грузинской дороге, главному сообщению Империи с Закавказьем[75]. По настоянию военного министра кн. Чернышева, посетившего летом 1842 г. Кавказ, наступательные экспедиции были прекращены, и к 1843 г. край фактически оказался в руках неприятеля. Новые энергичные действия начались с конца 1844 г., когда главнокомандующим на Кавказе был назначен гр. М.С. Воронцов. В течение последующих трех лет был взят ряд пунктов, имевших для горцев большое стратегическое значение. Со взятием аула Гергебиля (7 июля 1848 г.) в крае наступило сравнительное спокойствие. С 1850 по 1853 гг. в Чечне шло систематическое наступательное движение, выражавшееся в ряде планомерных действий и сопровождавшееся постоянными стычками, перевес в которых чаще оставался уже на стороне русских.

Действия на Западном Кавказе и на Черноморском побережье, входившие в один общий план с действиями в Чечне и Дагестане, имели главной целью укрепление и дальнейшее распространение так называемой Кавказской кордонной линии, шедшей по Кубани, Малке и Тереку, с передовыми пунктами по Ладе, Сунже и по северным склонам главного и Андийского хребтов. Эти действия начались в 1834 г. экспедицией ген. Вельяминова в Закубанье, закончившейся к 1837 г. возведением укреплений в устьях Пшада (Новотроицкое) и Вулана (Михайловское). К 1839 г. был возведен ряд укреплений по Черноморскому побережью: Навагинское, Вельяминовское, Тенгинское, Головинское, Раевское и форт Лазарев – и заложена крепость и военная гавань Новороссийск. Большинство этих укреплений было, однако, очень плохо оборудовано, и к началу 1840 г. форт Лазарев и укрепления Вельяминовское, Михайловское и Николаевское очутились в руках у неприятеля. До 1844 г. восстановление всех этих пунктов шло очень медленно, и Черноморское побережье оставалось открытым для сношений горцев с турками и английскими агентами, доставлявшими им оружие. Только с 1845 г. удалось более или менее здесь упрочиться, а к 1851 г. началось занятие плодородных земель между реками Лабой и Белой, закончившееся возведением Белореченского укрепления. К концу николаевского царствования на Западном Кавказе незамиренные

горские племена оказались отрезанными от моря и стиснутыми в ущельях передовыми русскими укреплениями Кавказской кордонной линии, значительно выдвинувшейся теперь к югу. На Восточном Кавказе русское владычество укрепилось к этому времени в северной части Чечни, а также в области, ближайшей к Каспийскому морю, и в области, пограничной с Грузией.

Разрыв в 1854 г. с Турцией повел к новым осложнениями в значительной степени свел на нет достигнутые результаты. Командующий турецкой Анатолийской армией вошел в сношения с Шамилем, и последний совершил вторжение, правда неудачное, в Кахетию. Тяжелее было положение дел на Черноморском побережье: пространство от устья Кубани до Новороссийска было оставлено совершенно; укрепления по всей береговой линии были взорваны; гарнизоны были отведены в Крым; все побережье оставалось беззащитным.

Попытки установить какой-либо порядок в управлении Закавказьем до последних лет николаевского царствования точно так же имели очень незначительные результаты. Весь край состоял из нескольких областей, весьма различных и по историческому прошлому, и по своему внутреннему управлению, и по общественному укладу. Такими областями были: присоединенные к России в 1801 г. Грузия, в 1810 г. Имеретия и в 1829 г. Гурия, приобретенные от Персии по Туркманчайскому миру ханства Эриванское и Нахичеванское и полученные от Турции по Адрианопольскому миру Черноморское побережье около Поти и Ахалцыхский пашалык. В пределах указанных областей в течение всего николаевского царствования правительством делались неоднократные попытки ввести то или другое единообразное управление и так или иначе согласовать местный общественный уклад с общеимперским гражданским строем. Что касается принявшей в 1803 г. покровительство России Мингрелии, то эта область в течение всего николаевского царствования сохраняла свою внутреннюю самостоятельность, управлялась своими собственными князьями и находилась как бы в вассальной зависимости от Империи.

Тотчас после заключения Туркманчайского мира из вновь приобретенных от Персии земель была образована Армянская область, подразделенная на два уезда: Эриванский и Нахичеванский. Вначале устроенная сообразно с местными обычаями, эта область в 1833 г. получила новое устройство, аналогичное с общеимперским губернским управлением. Перешедший к России от Турции Ахалцихский пашалык вплоть до 1840 г., когда было введено общее учреждение управления Закавказским краем, управлялся на особом положении. Гурия,

сохранившая свою внутреннюю самостоятельность, в 1830 г. была присоединена к Имеретии. К тому же году жившие в Кахетии джаро-белаканские лезгинские вольные общины составили особую с русским управлением область, которая была присоединена к Грузии. Устройство самой Грузии оставалось в том неопределенном положении, в каком оно пребывало в течение всего александровского царствования.

Занятые, главным образом, военными действиями, Ермолов, а первое время и Паскевич не имели возможности сосредоточиться на вопросах внутренного управления. Эти вопросы выдвигаются на очередь лишь после Адрианопольского мира. Обратив внимание в последние годы своего пребывания на Кавказе на внутреннее состояние подведомственного ему края, сам Паскевич находил, что исцелить зло местного неустройства можно лишь решительной мерой: «упразднив все существующие здесь учреждения, ввести во всех закавказских провинциях российский образ управления и законы». В таком духе Паскевичем уже в 1829 г.был составлен проект преобразования гражданского управления краем. Сменивший Паскевича бар. Розен держался противоположных взглядов и в течение своего шестилетнего управления краем неоднократно убеждал государя и всех министров не торопиться с преобразованиями и лишь постепенно улучшать и устраивать внутренние отношения согласно с местными обычаями. В июле 1833 г. в Петербурге был учрежден под председательством Чернышева Комитет по устройству Закавказского края. Выработанный через два года этим комитетом проект вызвал со стороны Розена сильные возражения. Ввиду такого разногласия было решено отправить на Кавказ особую комиссию под председательством одного из сенаторов и поручить ей все дело Закавказского края. По представлению Блудова и Чернышева выбор государя остановился на сенаторе бар. Гане, который к июню 1837 г. и явился с комиссией в Тифлис. У Гана очень скоро установились крайне натянутые отношения с Розеном. Посетив осенью того же 1837 г. Тифлис, Николай остался крайне недоволен положением дел в крае и, доверяя представлениям Гана, счел главным виновником всех непорядков Розена. Последнего постигла опала: в ноябре 1837 г. на его место был назначен генерал Головин. Не встречая возражений со стороны нового главноуправляющего краем, Ган очень быстро выработал проект управления, совершенно игнорируя местные условия. Этот проект, несмотря на ряд серьезных возражений, главным образом со стороны Киселева, получил 10 апреля 1840 г. законодательное утверждение.

По «Учреждению 1840 г. для управления Закавказским

краем» весь край, за исключением Абхазии, Мингрелии и Сванетии, делился на две части: Грузино-Имеретинскую губернию (куда включались также области: Армянская, Джаро-Белаканская и Ахалцихская и Гурия) с главным городом Тифлисом и Каспийскую область с главным городом Шемахой. Во главе управления оставался главноуправляющий краем, сравненный в правах и обязанностях с генерал-губернатором внутренних губерний, но облаченный особыми полномочиями. Его помощником являлся тифлисский военный губернатор. Губернское управление в каждой из двух частей края, а также уездное и городское, устраивались вполне по образцу соответствующих общерусских учреждений. Ближайшей к населению властью, судьей и администратором являлся мелкий полицейский чиновник – участковый заседатель. Уже к январю 1841 г. это Учреждение было повсеместно введено в Закавказском крае и тотчас же вызвало всеобщее неудовольствие. Население начало волноваться, и во многих местах вспыхнули бунты, что представлялось особенно серьезным ввиду неспокойного состояния Чечни и Дагестана. Сами чиновники находили новое устройство по местным условиям чересчур сложным. Неудача кавказской реформы была использована в Европе и подверглась едким насмешкам в «Souvenirs de voyage» путешествовавшего в то время по Кавказу гр. Сюзанне (Suzannet).

Император Николай Павлович был всем этим очень встревожен, и в 1842 г. на Кавказ были посланы кн. Чернышев и статс-секретарь Позен. Результат их командировки был крайне неблагоприятен для только что произведенной реформы и для ее автора бар. Гана. На рапорте Позена государем была положена следующая резолюция: «Нельзя без сожаления читать; так искажаются все благие намерения правительства такими лицами, на мнение и опытность которых, казалось, можно было положиться. Предъявить сей рапорт Комитету министров, чтобы все убедились в непростительной неосновательности барона Гана, которого надменность привела в заблуждение правительство и принуждает безотлагательно приступить к отмене еще столь недавно утвержденного». Результатом этого было учреждение особого комитета, на который возлагалось «предварительное рассмотрение и соображение всех дел по управлению краем, подлежащих законодательным изменениям». Окончательная обработка всех этих предположений была возложена на учрежденное в 1843 г. VI отделение С. Е.И.В. Канцелярии, докладчиком по делам которого был назначен Позен. 30 октября 1843 г. Головин уволился в отставку, и на его место был назначен Нейдгардт.

Решительный поворот в политике императора Николая на Кавказе наступает, однако, лишь с 1845 г. Приняв в этом году отставку Нейдгардта, государь остановил свой выбор на новороссийском генерал-губернаторе кн. М.С. Воронцове, обратившись к нему с милостивым собственноручным письмом, в котором предлагал ему занять новый пост с титулом кавказского наместника и главнокомандующего и с сохранением прежнего звания. Выбор государя был встречен в обществе очень сочувственно, и 26 марта 1846 г. Воронцов вступил на новую должность.

Основной задачей управления Воронцов поставил себе упорядочение местного общественного уклада и местных обычаев и подъем духовного и материального благосостояния края как лучшее средство для сближения этой окраины с Империей. Было обращено внимание на улучшение путей сообщения и устроено пароходное сообщение по Черному и Каспийскому морям. Была предпринята в широких размерах разработка естественных богатств края, и для оживления местной торговли и промышленности привлекались русские капиталисты. Были приняты во внимание духовные нужды края. В 1848 г. был устроен Закавказский учебный округ, причем общая система преподавания в средне-учебных заведениях была приспособлена к местным условиям. В закавказских гимназиях, число которых к концу царствования Николая Павловича возросло до трех (две в Тифлисе и одна в Кутаисе), а также в гимназиях в Ставрополе и Екатеринодаре латинский и греческий языки были заменены почти вполне языками местными и изучением российского законоведения и судопроизводства. Для избранной части кавказской молодежи были учреждены стипендии в высших учебных заведениях Империи. Упорядочивая местный общественный уклад, Воронцов в особенности заботился об устройстве поземельных отношений. Во вновь приобретенных областях отобранные в административном порядке земли, как ненаселенные, так и населенные, возвращались их владельцам. При этом в положения, определявшие отношение между собственниками земель и жившими на них поселянами, вносились, по настоянию гр. Киселева, в пользу этих последних поправки, обеспечивавшие им известную долю личной независимости и внутреннего самоуправления. Еще в 1845 г. II отделение С. Е.И.В. Канцелярии возбудило вопрос о включении действовавшего в Грузии собрания гражданских законов царя Вахтанга в I том Свода законов Империи. Это предположение было передано на заключение Воронцова и обсуждалось в особой комиссии, составленной из местных чиновников, уроженцев края.

Комиссия полагала сохранить лишь очень немногое из прежнего грузинского законодательства. К 1854 г. в совете наместника был подготовлен проект включения в общий Свод законов некоторых особых для Грузии узаконений, получивший высочайшее утверждение уже при преемнике императора Николая I в 1859 г. Весь Закавказский край был разделен на пять губерний (Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую, Дербентскую и Эриванскую), а само управление получило более упрощенные формы.

К 1854 г. утомленный трудами и болезнью Воронцов оставил пост кавказского наместника. Его заботы о благосостоянии края загладили было во многом неудачи административных опытов 30-х и 40-х годов. Новые политические осложнения снова прервали начатую им работу.

1848 год. Внешняя политика и внутренние мероприятия

22 февраля 1848 г., в воскресенье на масленице, пришли в Петербург известия о революции в Париже, о том, что король Людовик-Филипп бежал и что во Франции провозглашена республика. Эти известия произвели очень сильное впечатление на императора Николая. Сами по себе события, разыгравшиеся во Франции, не являлись для него неожиданностью: как уже было отмечено выше, начиная с 1840 г. положение дел в Европе представлялось Николаю крайне тревожным и внушающим серьезные опасения. Личная судьба Людовика-Филиппа, к которому он никогда не относился с симпатией, не внушала ему никакого сожаления. Новый переворот вызывал вначале его негодование исключительно как нарушение тех принципов, которые он считал непоколебимыми после соглашений 1833–35 гг. и на защите которых зиждилась вся его государственная система.

Пока революционное движение не выходило из пределов Франции, император Николай I реагировал на него сравнительно умеренно.

Дипломаические сношения с Францией были прерваны, и русский поверенный в делах в Париже Н.Д. Киселев оставался там с этого времени лишь в качестве частного лица без официальных полномочий. Находившимся в Париже русским подданным было предложено покинуть пределы Франции. Французский поверенный в делах при Петербургском дворе Мерсье после февральского переворота был принят Николаем точно так же – лишь как частное лицо, причем государь высказал ему свой взгляд на совершившиеся события во Франции как на заслуженное возмездие Июльской монархии, возникшей в свое время из революции. Одновременно с этим проживавшим в Петербурге французам шеф жандармов граф Орлов сообщил именем Государя, что они по-прежнему будут пользоваться покровительством русского правительства при условии соблюдения тишины и спокойствия, но что каждый из них, если пожелает, свободно может покинуть Россию.

Негодование Николая возросло и его политика по отношению к революционному движению стала решительнее, когда это движение приняло общеевропейский характер, распространилось на Австрию, отразилось в Дунайских княжествах и на политике Сардинского короля, нашло отзвук в Прусии и охватило всю

Германию. С первого же момента заявляя, что «не будет пролито ни одной капли русской крови» ради восстановления прежнего порядка в самой Франции, Николай в то же время, в видах поддержания спокойствия в остальной Европе, предполагал первоначально двинуть сильную армию на Рейн. Многие из его приближенных и министров – кн. П.М. Волконский, гр. П.Д. Киселев, гр. А.Ф. Орлов и др. – высказались, однако, против подобного плана, по соображениям главным образом финансового характера. Тем не менее ввиду происходивших во Франции и в Австрии событий и ввиду начавшегося движения среди поляков, 420000-ная армия была сосредоточена на нашей западной границе, а в Вене и Берлине были сделаны представления о необходимости подавить смуту в Галиции и Познани. Чувства Николая и его решение силой оружия противодействовать дальнейшему распространению революционного движения нашли выражение в его известном манифесте от 14 марта 1848 г. Этот манифест был составлен самим государем после получения им известия о революции в Берлине и лишь слегка исправлен со стороны слога бар. М.А. Корфом. «После благословений долголетнего мира, – провозглашалось в манифесте, – запад Европы внезапно взволнован новыми смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства. Возникнув снова во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии, и, разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшей по мере уступчивости правительства, разрушительный поток сей прикоснулся наконец и союзных нам империи Австрийской и королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своем и нашей Богом нам вверенной России. Но да не будет так! По заветному примеру православных наших предков, призвав на помощь Бога Всемогущего, мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем в неразрывном союзе со святой нашей Русью защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших. Мы удостоверены, что всякий русский, всякий верноподданный наш ответит радостью на призыв своего государя; что древний наш возглас “За веру, царя и отечество” и ныне предукажет нам путь к победе, и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем: “С нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!”» Отправленному в это время на свой пост русскому уполномоченному при Австрийском дворе гр. П.И. Медему было поручено сообщить в Вене о принятых мерах. О том же было

сообщено в Париже через секретаря нашей парижской миссии Балабина.

Манифест вызвал сильное раздражение во Франции. Еще 20 февраля Ламартином был издан циркуляр, объявлявший договоры 1815 г. упраздненными. Одновременно с появлением манифеста императора Николая французское временное правительство, как бы осуществляя циркуляр Ламартина, решило оказать помощь сардинскому королю Карлу-Альберту, начавшему военные действия против Австрии. 13 мая Национальное собрание вотировало резолюцию, провозглашенную руководящими началами французской политики: «Братский союз с Германией, восстановление независимой и свободной Польши, освобождение Италии». Во всех этих действиях французского революционного правительства император Николай I усматривал вызов, направленный прежде всего против него самого и его политики. В своей собственной дальнейшей политике он не ограничился по отношению к европейским событиям ролью пассивного зрителя. Французское революционное движение получает с этого момента в его глазах бесспорно агрессивный характер. Создававшееся положение дел в Германии и в отдельных частях австрийских владений, события в Дунайских княжествах и датско-немецкая распря из-за Шлезвига вызвали с его стороны в течение 1848–1852 гг. вмешательство почти во все очередные вопросы европейской политики. Выполнение договоров 1833–1835 гг., это вмешательство было проникнуто в то же время теми основными стремлениями, которые еще с середины тридцатых годов так отчетливо определились в николаевской политике: преобладание России на Востоке, борьба с польской национальностью, защита Австрии и внутреннего status quo Германского Союза. Главными противниками, с которыми при этом сталкивается император Николай I, являются Франция и Англия в лице руководителя внешней политики последней лорда Пальмерстона, вернувшегося в 1846 г. в министерство и шедшего теперь рука об руку с французским кабинетом.

Летом 1848 г. под влиянием французской революции начались смуты в Дунайских княжествах. В Валахии произошло восстание, и русский ставленник, господарь Дмитрий Бибеско, принужденный отречься от власти, удалился в Австрию. Замешательства происходили и в Молдавии, где у местного дивана вышли недоразумения с господарем Стурдзой, и движение в обоих княжествах начало уже принимать общерумынский национальный характер, грозя захватить и русскую Бессарабию. Румынские патриоты рассчитывали на сочувствие Франции и

находили поддержку у английского посла в Константинополе лорда Стратфорда-Каннинга. С другой стороны, Порта, обнадеживая первое время руководителей движения неопределенными обещаниями, постаралась воспользоваться удобным случаем, чтобы снова утвердиться в княжествах: турецкие войска перешли Дунай и взяли с боем Бухарест. Ввиду такого положения дел, а также ввиду начинавшегося уже брожения в соседних с княжествами австрийских владениях, Николай, сосредоточив вдоль юго-западной границы внушительные силы, ввел в июле 1848 г. корпус войск в Молдавию и Валахию, и генерал Дюгамель в качестве императорского комиссара принял на себя управление княжествами. Особым циркуляром министра иностранных дел от 19 июля 1848 г. русское правительство постаралось успокоить европейские державы относительно принятых им мер. Занятая своими собственными внутренними неурядицами, Австрия не возражала против этих мер; Англия и Франция были встревожены и поддерживали Порту в ее настояниях перед петербургским кабинетом пересмотреть вопрос о княжествах. Результатом этого было заключение 19 апреля 1849 г. декларации (сенеда) в Балта-Лимане, подписанной великим визирем Решид-пашой, турецким министром иностранных дел Аали-пашой и русским посланником в Константинополе В.Р. Титовым. По этой декларации утверждался выработанный перед этим генералом Дюгамелем и русским генеральным консулом и утвержденный в Петербурге проект внутреннего устройства княжеств, вносивший существенные перемены в порядок, установленный в 1831 г. Молдавия и Валахия лишались права избрания господарей, которые теперь должны были назначаться, и притом не пожизненно, а на семь лет, султаном. Диваны упразднялись и заменялись совещательными собраниями из бояр и высшего духовенства, по назначению господарей созываемые ad hoc на неопределенное время. До полного устройства внутреннего порядка в княжествах Россия и Турция продолжали их оккупировать, и высшее наблюдение за управлением поручалось совместно русскому и турецкому комиссарам. Декларация заключалась на семь лет. Перед ее заключением император Николай обратился к султану с собственноручным письмом, приглашая его принять предлагаемый проект. По соглашению Турции с Россией валашским господарем был назначен Дмитрий Стирбей, а молдавским – Григорий Гика.

Все эти меры, принятые в Дунайских княжествах, входили до известной степени в тот общий план действий, каким император Николай отозвался на события в габсбургских владениях. Вопрос

о дальнейшей судьбе монархии Габсбургов, быстро ставший к этому времени на очередь, вообще весьма его тревожил. Князю Меттерниху, извещавшему его о своем падении, он писал: «В глазах моих исчезает вместе с Вами целая система взаимных отношений, мыслей, интересов и действий сообща» (письмо от 23 марта 1848 г.). К самому правительству императора Фердинанда I, пошедшему после отставки Меттерниха (1 марта 1848 г.) на уступки народному движению, Николай относился с недоверием. Указывая на то, что новое австрийское министерство не предпринимает никаких мер против начавшегося движения в Галиции, он угрожал Австрии разрывом, если она не будет выполнять союзных обязательств.

Одновременно с этим он оказал поддержку Австрии в вопросе о ее итальянских владениях. Когда сардинский король Карл-Альберт, став во главе итальянского национального движения, объявил войну Австрии и в мае 1848 г. вступил в Ломбардию, австрийскому правительству из средств русского казначейства было отпущено заимообразно шесть миллионов рублей. Политика Карла-Альберта находила сочувствие со стороны Англии. Русскому посланнику в Лондоне бар. Бруннову было поручено предупредить английское правительство, что Россия поддержит Австрию во всех тех мерах, какие эта последняя примет в Ломбардии; если же нападение на Австрию со стороны какого-либо другого итальянского государства будет поддержано извне иностранной державой, то Государь Император сочтет такое действие за повод к европейской войне и направит все свои силы на защиту австрийского правительства. Нравственная и материальная поддержка со стороны России позволила Австрии отклонить предложение Англии и Франции о посредничестве в вопросе о передаче Сардинии Ломбардии и протянуть дело до тех пор, пока победа Радецкого над Карлом-Альбертом при Кустоцце (29 июня 1848 г.) не создала для нее более благоприятного положения в Италии: Ломбардия осталась за Австрией.

К концу июня 1848 г. фельдмаршалом князем Виндишгрецом после бомбардирования Праги была подавлена чешская революция. В ноябре того же года император Фердинанд I отрекся от престола в пользу своего племянника Франца-Иосифа, назначив перед этим первым министром князя Шварценберга. Император Николай нашел возможным снова войти в соглашение с Австрией по очередным вопросам международной политики. Для Австрии это создало возможность искать помощи России против Венгрии, объятой к началу 1849 г. восстанием.

Еще в январе 1848 г. по просьбе начальника австрийских войск в Трансильвании ген. Пухнера от корпуса русских войск,

находившегося в Дунайских княжествах, с высочайшего разрешения были отделены и введены в Трансильванию два отряда, в общей сложности около 6 000 человек, под начальством ген.-майора Энгельгардта и полковника Скарятина. 27 февраля начальник народного венгерского войска польский эмигрант ген. Бем нанес отряду Скарятина поражение при Гросс-Ширене, и тогда оба отряда получили от командовавшего дунайским корпусом ген. Лидерса приказание оставить Трансильванию. Николай был больно задет известием о поражении, нанесенном его войскам польским генералом, бывшим участником кампании 1830–1831 гг. Когда вслед за этим австрийское правительство обратилось к нему за помощью на основании Мюнхенгрецкой конвенции, он отвечал согласием. Манифестом от 26 апреля было возвещено о вступлении русских войск в Венгрию. 23 апреля 100-тысячная армия, состоявшая из 3-го и 4-го корпусов под начальством фельдмаршала Паскевича, была введена в Галицию. Главные силы перешли 5 июня Карпаты около Дукли и в двадцатых числах того же месяца сосредоточились в Мишкольце, угрожая Пешту и тылу венгерской армии Гергея, стоявшей около Коморна. Перед вступлением в Венгрию одна дивизия под начальством Панютина была отделена от главных сил и направлена к Вене на соединение с австрийским главнокомандующим бар. Гайнау. Одновременно с этим в Трансильванию вступили: отряд ген. Лидерса из Валахии и ген. Гротенгельма из Буковины.

Своевременное прибытие отряда ген. Панютина помогло Гайнау нанести Гергею ряд поражений, и последний, чтобы не быть отрезанным главными русскими силами, оставив Коморин, стал отступать по левому берегу Дуная к Пешту. Столкнувшись с передовыми русскими у Вайтена, Гергей изменил свой план и поспешил к Токаю на соединение с войсками, находившимися в юной Венгрии. Паскевичу не удалось предупредить этот маневр: движение русских сил замедлялось огромным обозом; войска страдали от холеры; Главная квартира не была достаточно осведомлена о действиях противника; сам фельдмаршал обнаруживал колебание и нерешительность. 17 июля Гергей переправился через Тиссу около Токая и ушел в Южную Венгрию. 28 июля, однако, южно-венгерские войска были окончательно разбиты около Темешвара Гайнау совместно с русской дивизией Панютина. Узнав об этом, настигаемый Паскевичем Гергей, достигший к тому времени крепости Арада, решил сдаться. Обращаясь с письмом к Паскевичу, Гергей заявлял, что он сдается русским, а не австрийцам и ставил условием своей сдачи, чтобы судьба Венгрии была решена самим императором Николаем, без

участия Австрии. Паскевич, не сносясь с государем, принял эти условия, и 1 августа Гергей у Вилагоша сложил оружие перед русским авангардом, шедшим под начальством ген. Ридигера. Его примеру последовали тринадцать венгерских генералов. Одновременно с этим русские отряды в Трансильвании вели трудную горную войну с войсками Бема, и только 25 июля ему было нанесено Лидерсом окончательное поражение при Германштадте. Остававшиеся после этого отдельные венгерские отряды были рассеяны и сдались, и к середине сентября русские войска оставили пределы Венгрии. В Трансильвании была оставлена одна дивизия на помощь австрийцам для окончательного восстановления порядка. Главные начальники венгерских войск Бем и другие польские генералы: Дембинский, Высоцкий и гр. Владислав Замойский – искали убежища на турецкой территории.

Император Николай приветствовал победу Австрии в Италии и Венгрии. Радецкий был награжден титулом русского фельдмаршала. Известие о победах русских в Венгрии было отпраздновано парадом в Повонзском лагере около Варшавы. Гайнау был пожалован орден Андрея Первозванного. Гергей и сдавшиеся Паскевичу венгерские генералы были выданы Австрии. Николай предстательствовал о их судьбе перед императором Францем-Иосифом, и с этой миссией в Вену был послан великий князь Константин Николаевич. Франц-Иосиф помиловал только Гергея; остальные тринадцать были казнены Гайнау в Араде. Узнав об этом, император Николай поручил Нессельроде выразить свое «неодобрение подобной бесцельной жестокости» и тотчас же отозвал вел. кн. Константина из Вены обратно. Большую суровость проявил он по отношению к польским генералам, участвовавшим в венгерском восстании и бежавшим в Турцию. В Константинополь был послан с собственноручным письмом государя его адъютант князь Лев Радзивиль о выдаче командующему русским корпусом в Дунайских княжествах Бема, Дембинского, Высоцкого и Замойского. До удовлетворения этого требования дипломатические сношения с Турцией были прерваны. Это требование встревожило Англию и Францию. Поддерживаемая их представителями в Константинополе Порта отвечала на требование императора Николая очень уклончиво. Для переговоров в начале октября 1849 года в Петербург был послан Фуад-Эффенди. Одновременно с этим английский посланник в Константинополе лорд Стратфорд-Каннинг получил полномочия ввести в случае необходимости английскую эскадру в Мраморное и даже Черное моря. Император Николай выразил согласие не настаивать на выдаче польских эмигрантов.

Одновременно с этим Порте было предложено изгнать из турецких пределов всех поляков русского подданства, хотя бы и натурализовавшихся после этого в других государствах. Это новое требование вызвало новое резкое вмешательство со стороны Англии; французская эскадра точно так же подошла к Константинополю. Турция, со своей стороны, отвечала уклончиво, ссылаясь на то, что иностранные подданные выдаются в пределах Оттоманской империи в соответствующих посольствах и что вследствие этого русское требование должно быть обращено к тем державам, чье подданство приняли русские эмигранты. Император Николай удовлетворился этим ответом, и к 1850 г. дипломатические отношения с Турцией были восстановлены.

После подавления венгерского восстания у Австрии развязывались руки для восстановления порядка в самой Германии. Ив этом отношении она точно так же могла рассчитывать на полное сочувствие со стороны императора Николая. Германское революционное движение, ставившее себе целью создать более прочные формы национального объединения, встречало в лице Николая своего непримиримого противника, не только как шедшее вразрез с принципами легитимизма, но и как грозившее крупными политическими осложнениями для всей Европы, как первый шаг к созданию единой Германии. Эта сторона революционного движения 1848–1849 гг. не ускользала от императора Николая, и он не раз обращал на нее внимание европейских держав, объясняя и оправдывая свою собственную политику. Циркулярная нота Нессельроде от 25 июня 1849 г. подчеркивала опасность для общеевропейского мира притязаний Франкфуртского парламента на балтийские провинции России, на Польшу и на датские владения и порицала «L'idee de cette unite materielle que la revait une democratie avide de nivellement et d'agrandissement et qui mettrait tot ou tard infailliblement l'Allemagne en etat de guerre avec ses voisins»[76]. Почти одновременно с этим сам император Николай в разговоре с французским посланником Ламорисьером так отозвался о германском объединении: «Si l'unite de l'Allemagne, que vous ne desirez sans pas plus que moi, venait a se faire, il faudrait encore pour la manier un homme capable de ce que Napoleon lui meme n'a pu executer; et si cet homme se rencontrait, si cette masse en armes devenait menacante, ce serait notre affaire a vous et a moi»[77]. Первый случай, когда императору Николаю пришлось открыто высказаться по этому поводу, был вопрос о Шлезвиге.

После смерти датского короля Христиана VIII (8 января 1848 г.) и вступления на престол его сына Фредерика VII

принадлежавшие Дании герцогства Шлезвиг и Голштиния потребовали от датского правительства включения Шлезвига в Германский Союз и слияния их в одно целое. Это требование было поддержано германским союзным сеймом, и Пруссия начала военные действия против Дании. Политика Пруссии встретила одобрение со стороны собравшегося в мае 1848 г. во Франкфурте-на-Майне германского Национального Учредительного собрания. Копенгагенский двор обратился к европейским державам, заинтересованным в сохранении спокойствия на Севере: к Англии, России и Швеции, и император Николай предупредил Берлинский двор, что он принужден будет объявить Пруссии войну, если она не откажется от своих посягательств на порядок, установленный Венским конгрессом. Весной несколько русских военных судов появились в виду Киля. Пруссия вынуждена была уступить. Прусские войска тотчас же оставили Ютландию и Шлезвиг, и 14 (26) августа в Мальмо между Данией и Пруссией было заключено перемирие, по которому окончательное разрешение шлезвиг-голштинского вопроса переносилось на имевшую собраться конференцию в Лондоне при участии Англии, России, Франции и Швеции. В связи с шлезвигским вопросом стояла политика Пруссии в 1849 и в начале 1850 гг. в самой Германии. Уронив себя в глазах немецкого общественного мнения своей уступчивостью в шлезвигском вопросе и своим отказом принять императорскую корону из рук Учредительного собрания (март 1849 г.), король Фридрих-Вильгельм выступил теперь со своим собственным проектом переустройства Германского Союза на началах более тесного национального объединения и в то же время преобладания Пруссии. Император Николай отнесся с резким порицанием к такой политике своего шурина и не желал признавать «другого законного базиса для европейского порядка, кроме утвержденного трактатами 1815 г.». Свидания императора Николая с прусским принцем Вильгельмом в мае 1850 г. в Варшаве, где происходили в это время переговоры между австрийским и прусским министрами, и в октябре того же года с Францем-Иосифом и съезд в Ольмюце решили и этот вопрос в пользу Австрии. Пруссия должна была отказаться от своих планов. Одновременно с этим протоколом Лондонской конвенции от 21 июня 1850 г., подписанным Англией, Австрией, Данией, Россией, Францией и Швецией, были признаны права датского короля на Шлезвиг. 26 апреля 1852 г. этот протокол был обращен в трактат, который подписала и Пруссия.

К исходу 1850 г. наступило общее успокоение в Европе. В связи с этим и положение на Востоке, казалось, становилось сравнительно менее натянутым. В начале 1851 г. русские войска

оставили Дунайские княжества.

Результатом революции 1848 г. и вызванных ею осложнений было, как в свое время и после революции 1830 г., более тесное сближение Англии и Франции и обособление их политики от политики остальных великих держав. Меньше единодушия замечалось на этот раз на востоке Европы. Австрия недоверчиво следила за политикой России в Турции и была несколько обеспокоена той решительностью, с какой император Николай вмешивался в европейские дела, хотя бы и в интересах самой империи Габсбургов. Пережившая Ольмюц Пруссия затаила обиду и за Шлезвиг, и за неудачу своей германской политики. Что касается непосредственных отношений императора Николая к Англии и Франции, то эти отношения обрисовываются уже отчасти на только что отмеченных событиях. Подводя итог всему, что имело место за последние два года на Востоке, император Николай не мог не замечать, как в Турции русское влияние окончательно уступало место английскому и как турецкие министры все больше и больше подпадали под опеку английского посла. Англо-русский антагонизм, так определенно сказавшийся в вопросе о Дунайских княжествах и о польских эмигрантах, остро давал себя чувствовать в целом ряде отдельных второстепенных случаев. Так было, например, когда император Николай в начале 1850 года вступился за Грецию, от которой Англия требовала возмещения убытков, понесенных гибралтарским жителем Начифико во время беспорядков в Афинах в 1847 году. Этот антагонизм продолжал сказываться и на Кавказском побережье Черного моря, и в среднеазиатских владениях, а в самый последний год николаевского царствования и на Дальнем Востоке – после появления русских поселений на Амуре и на Камчатке.

Дипломатические сношения с Францией на первых порах после Февральской революции были прерваны. Энергичное подавление генералом Кавеньяком Июльского восстания вызвало одобрение со стороны императора Николая, что и было передано генералу канцлером Нессельроде через остававшегося в Париже Н.Д. Киселева. Присланный в сентябре 1848 г. в Петербург французским временным правительством генерал Лефло встретил самый благосклонный прием, но дело о возобновлении дипломатических сношений затянулось вследствие избрания президентом республики принца Людовика-Наполеона Бонапарта: император Николай желал видеть на президентском посту ген. Кавеньяка. Тем не менее вскоре после этого французская республика была официально признана русским правительством, и 14 мая 1849 года Киселев возобновил свои полномочия. Последующая политика президента примирила с ним императора

Николая, и переворот 2 декабря 1851 г., как усиливающий власть президента, был встречен им сочувственно. Все время, однако, император Николай относился к принцу Людовику-Наполеону лишь как к главе французского правительства, не считал его равным по положению с коронованными государями и, одобряя все его шаги к усилению своей власти, прямо заявлял, что всякая попытка со стороны президента провозгласить себя наследственным монархом была бы большой неосторожностью. Присвоенный 2 декабря 1852 г. президентом титул «Наполеона III, императора французов», как восстанавливающий династию низложенного Александром I Бонапарта, не был признан императором Николаем. По соглашению с Австрией и Пруссией была выработана формула, признававшая новое правительство без обычного между коронованными особами обращения к императору французов со словами «monsieur mon frere». Соответствующее письмо Государя Императора носило обращение «Tres serenissime, tres excellant et tres puissant Prince, notre tres cher ami Napoleon, Empereur des Francais» и подпись «Votre bon ami Nicolas». Берлинский и Венский дворы в это время признали Наполеона с титулом «III», изменив своему первоначальному решению. Такое обращение Русского Императора очень задело Наполеона III и содействовало обострению возникшего еще в 1850 г. вопроса о Святых местах, а вся антиреволюционная политика Николая после 1848 г., в отдельных ее проявлениях, подготовила обстановку восточного конфликта 1853–1856 гг.

Европейские события 1848 г. дали повод к целому ряду исключительных мероприятий, имевших целью усиление надзора за состоянием умов в русском обществе и борьбу с новыми политическими и социальными идеями. Эти мероприятия касались прежде всего цензуры. Уже 12 марта 1848 г. министру народного просвещения было повелено: предупредить цензоров через их начальство, что за всякое дурное направление статей в журналах цензура подвергнется строгой ответственности; предписать Главному управлению теперь же строго взыскивать с цензоров за подобные упущения; не пропускать в печати намеков на строгость цензуры и пояснить, что запрещение в России некоторых иностранных книг заключает в себе запрещение и говорить о них в печати, а тем более печатать из них отрывки. Еще 27 февраля, по мысли светлейшего князя А.С. Меншикова, а главным образом – статс-секретаря барона М.А. Корфа, был учрежден под председательством первого из этих лиц особый комитет, в который вошли д.т. сов. Дм. Пет. Бутурлин, ген.-ад. гр. А.Г. Строганов 2-й, статс-секретари Дегай и Корф, а несколько позднее начальник штаба жандармов генерал Дубельт – для

негласного надзора как за самой цензурой, так и непосредственно за печатью. 11 марта на заседании этого комитета редакторам всех петербургских журналов было объявлено, что «за напечатание либеральных и коммунистических статей они подвергнутся личному взысканию, независимо от ответственности цензуры». 2 апреля того же года этот комитет был превращен в постоянное учреждение, сосредоточившее в себе фактическое заведывание цензурой. Комитет, по выражению Николая, должен был стать «им самим» в деле цензуры. Министерство народного просвещения с этого времени лишь исполняло повеления, сообщаемые ему или через «Комитет 2 апреля», или через III отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии. Целый ряд тем, охватывающий собой почти все общественные вопросы, отдельными распоряжениями 1848–1854 гг. был окончательно изъят из обсуждения на страницах печати.

Одновременно с этим был предпринят ряд ограничительных и запретительных мер по отношению к университетам, а также к среднему образованию. На первых порах эти меры носили частный характер. 19 марта 1848 г. последовал циркуляр министра народного просвещения гр. Уварова, в котором обращалось внимание на европейские события. В 1849 г. комплект студентов в университетах был ограничен 300 чел. и последовало распоряжение о том, чтобы все литографированные лекции профессоров за их подписями доставлялись в Публичную библиотеку. Сам Уваров не сочувствовал реакционным крайностям, видел в них разрушение своей собственной системы и делал что мог, в пределах своей программы, чтобы спасти университеты от надвигавшейся на них грозы, в которой даже такие консерваторы, как Никитенко, усматривали как бы возвращение к временам Рунича и Магницкого. Лично осмотрев осенью 1848 г. Московский университет, в своем докладе об этом осмотре он дал весьма благоприятный для университета отзыв и указывал те меры, какие были предприняты им для укрепления дисциплины. Совету университета было поручено, между прочим, пересмотреть программы политических и юридических наук с целью их сокращения. Ввиду появившихся слухов о предстоящем полном закрытии университетов, в мартовской книжке «Современника» за 1849 г. была помещена инспирированная Уваровым статья проф. И.И. Давыдова «О назначении русских университетов». За эту статью Уваров получил Высочайший выговор и 20 октября того же года вышел в отставку. На его место был назначен его товарищ кн. Ширинский-Шихматов, перед этим представивший записку об университетском преподавании, в которой требовалось, «чтобы

впредь все положения и науки были основаны не на умствованиях, а на религиозных истинах в связи с богословием». При Ширинском-Шихматове назначение ректоров всех университетов, кроме Дерптского, было поручено министру. В следующем году министром народного просвещения были составлены особые инструкции для ректоров и деканов с «исключительной целью усилить надзор за университетским преподаванием». Было усилено наблюдение за духом ученых диссертаций. С осеннего семестра 1849 г. было приостановлено преподавание государственного права, а с 1850 г. упразднено преподавание философии; преподавание же логики и психологии поручено профессорам богословия. Заграничные командировки и приглашения иностранных ученых на русские кафедры были прекращены. Окончившие университет косвенными мерами привлекались, по возможности, на государственную службу в департаментах и министерствах и удерживались от «скользкого поприща» журналистики.

В области среднего образования исключительные мероприятия выразились в разрушении установившейся в предшествующее двадцатилетие системы классического образования. Еще накануне 1848 г. раздавались голоса о том, что «было бы полезно образованию молодых людей в учебных заведениях дать направление более материальное, которое, занимая их знаниями положительными, не давало бы времени воображению отвлекать их от полезных занятий» (записка 1847 г. Киевского генерал-губернатора Бибикова). С 1848 г. в классическом образовании, с одной стороны, окончательно стали усматривать «обманы воображения», непонимание «народности» и проистекающее отсюда неуважение законов. С другой стороны, эта система оказывалась несоответствующей новым правительственным требованиям ввиду стремления ограничить доступ в университеты, а среднему образованию дать преимущественно законченный практический характер. То, что в системе Уварова имело дополнительное значение, выступило теперь на первый план. Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 21 марта 1849 г. вводился новый учебный план гимназии, в основу которого была положена бифуркация курса, начиная с четвертого класса, со специальными дополнительными курсами в старших классах русского языка, математики и законоведения – для поступающих прямо на службу, и древних языков – для тех, кто шел в университет.

Говоря о запретительных и ограниченных мерах, предпринятых под влиянием событий 1848 г., необходимо отметить отношение в это время правительства к дворянству. С

одной стороны, было как будто заметно стремление опереться на дворянство и привлечь его на свою сторону. Это сказывалось уже в отстрочке разрешения крепостного вопроса. То же стремление прозвучало и в словах самого государя, сказанных им 21 марта 1848 г. на приеме депутации петербургского дворянства. «Забудем все неприятности, – говорил он, – одного к другому. Подайте между собой руку дружбы, как братья, как дети родного края, так чтобы последняя рука дошла до меня, и тогда, под моей главой, будьте уверены, что никакая сила земная нас не потревожит». С другой стороны, параллельно с этим идут мероприятия, восстанавливающие, до известной степени, обязательную дворянскую службу. Эти мероприятия, имевшие, безусловно, политический характер, коснулись прежде всего западных губерний. Указом 21 апреля 1851 г.для дворян западных губерний были восстановлены обязательная служба и ежегодные смотры. Дети дворян неправославного исповедания, обладавшие не менее чем ста душами крестьян, обязаны были служить с 18-летнего возраста. Неспособные и слабые здоровьем получали отсрочку и числились недорослями до 25-летнего возраста. Разбор дворян должен производиться на ежегодных смотрах генерал-губернаторами. Воспитывавшиеся в учебных заведениях получали отсрочку до окончания курса. Добровольно поступившие на службу могли выходить в отставку, прослужив пять лет; поступившие по принуждению – по прошествии десяти лет. Общей инструкцией 1853 г. генерал-губернаторам предписывалось наблюдать во всех губерниях, чтобы дворяне не находились во вредной праздности, но посвящали себя государственной службе.

К 1851 г. сами сношения с Западной Европой были крайне стеснены сильным повышением платы за заграничный паспорт до 250 руб. вместо 50 и сокращением сроков дозволенного всем русским пребывания в чужих краях.

Указанные выше запретительные и охранительные мероприятия выразились точно так же в целом ряде кар, которым подверглись в то время различные направления общественной мысли и некоторые из существовавших в то время кружков политической окраски. Таково было дело «петрашевцев» – кружка М.В. Буташевича-Петрашевского, в котором участвовал, между прочим, Достоевский, – обвинявшихся в либерализме и социалистических стремлениях, высылка в Вятку Салтыкова-Щедрина и арест Тургенева, ряд цензурных кар, запрещение славянофилам К. Аксакову, Хомякову, Ю. Самарину и Кошелеву печатать свои произведения, закрытие Кирилло-Мефодиевского общества, заподозренного в федералистических стремлениях. За

попытку поместить на страницах «Чтений в Московском обществе истории и древностей» перевод сочинения Флетчера «Of the russe common wealth» (Описание России в конце XVI века) названное общество понесло кару: «Чтения» были прекращены, и редактировавший их секретарь общества профессор Московского университета Бодянский, должен был подать в отставку.

Не мешает отметить, что исключительные мероприятия в области цензуры и народного просвещения были встречены, как это позволяет предполагать целый ряд отдельных указаний, в это время несочувственно в среде самих сторонников николаевской правительственной системы. В своих дневниках кн. Меншиков намекает, что одним из поводов к учреждению особого Комитета по делам цензуры был отказ шефа жандармов гр. А.Ф. Орлова сделать лично внушение редакторам журналов. Отставка гр. Уварова, как сейчас было сказано, была вынужденной – после того как для него стало ясно, что созданная им система обречена на разрушение. В своих записках бар. М. Корф отмечает, что установление комплекта студентов возбудило в то время «общее неудовольствие» и даже в людях самых благонамеренных общее сокрушение. Киселев считал крестьянский вопрос «лопнувшим». В указанных исключительных мероприятиях усматривали некоторую растерянность правительства и даже отступление от основных начал строго и последовательно проводимой программы всего царствования.

Восточный вопрос в начале 50-х годов и крымская кампания; последние годы жизни императора Николая Павловича

Ближайшими причинами Восточной войны 1853–1856 гг. был тот общий характер политики Наполеона III, какой она приняла еще с момента избрания его президентом французской республики, и те стремления, какие обнаружил к этому времени в своей восточной политике император Николай I. Поводом к войне послужил возникший в 1850 г. вопрос о Святых местах и проистекшие отсюда недоразумения между Россией и Турцией.

Основной целью своей политики Наполеон III ставил разрушение монархического союза 1833 г., а тем самым и легших в основу этого союза договоров 1815 г., как принципиально противоречащих тем началам, на которых строился теперь новый порядок во Франции. Удачно выбрав момент, когда создалось охлаждение у России с Пруссией, а отчасти и с Австрией, он направил свои удары на первую из этих трех держав, как на наиболее последовательно проводившую в своей политике начала легитимизма, и притом на такую область ее политики, которая не была включена в обязательства, связывавшие с Россией ее союзниц. С другой стороны, выдвигая восточный вопрос в форме вопроса о защите Францией на Востоке интересов католической церкви, он как бы возрождал поколебленные в эпоху революции и в начале XIX века исконные традиции французской восточной политики, что должно было теснее сблизить его с католическими кругами Франции. Со своей стороны, заняв с самого начала вполне определенно оборонительную позицию, упоенный внешним успехом своей политики после 1848 года, император Николай I видел в сложившихся обстоятельствах благоприятный момент для того, чтобы вернуть все утраченное русской политикой в восточном вопросе, начиная с конца тридцатых годов.

В июне 1850 г. Франция, основываясь на своем договоре 1740 г. с Турцией, потребовала, чтобы католикам были предоставлены некоторые из святынь, утвержденных с начала XIX века за православными, а также право починки купола над храмом Гроба Господня, т.е. уничтожение того, что было сделано греками после пожара в этом храме в 1808 г. Император Николай вступился за интересы православных и вошел по этому поводу в переговоры с Турцией и Францией; он соглашался на некоторые уступки католикам, с тем, однако, чтобы были подтверждены права

православных на те святыни, какими они до сих пор владели, и чтобы им, а не католикам, было предоставлено произвести починку купола Св. Гроба. Фирманом от 30 января 1852 года Порта отвергла притязания католиков, подтвердила установившиеся права обоих исповеданий, а в виде уступки Франции разрешила католикам, наравне с православными и армяно-грегорианами, иметь доступ в пещеру Рождества Христова в Вифлеемском храме. Через неделю, 8 февраля, этот фирман, по настоянию французского посла Лавалетта, подошедшего к Константинополю на военном судне, был отменен и католикам были предоставлены и право починки купола, и ключи от главного входа в Вифлеемскую церковь, находившиеся до этого времени у Православного Патриарха. Возгоревшийся спор вызвал волнение среди местного христианского населения, скоро нашедшее отзвук и в других частях Оттоманской империи. В июне 1852 г. вспыхнуло восстание в Черногории, стремившейся пробиться к морю и находившей поддержку у России. С декабря 1852 г., после непризнания русским монархом императорского титула за Наполеоном III, отношения Франции к России приняли очень натянутый характер, что отражалось и на переговорах о Святых местах. Император Николай решил произвести давление на Порту, и в конце января 1853 г. отправил в Константинополь чрезвычайным и полномочным послом ген.-адъютанта светл. кн. Меншикова. Одновременно с этим пятый армейский корпус был сосредоточен на юге России.

Принимая эти меры, император Николай рассчитывал найти поддержку со стороны Австрии, потребовавшей в это время от Порты вывода ее войск из Черногории, что было поддержано и Россией. Одновременно с этим он вступил в переговоры по Восточному вопросу с Англией и, соглашаясь поддерживать существование Оттоманской империи, предлагал сговориться на случай ее нападения. При таком обороте дел, по его мнению, Дунайские княжества, а также Сербия и Болгария должны были образовать самостоятельные государства под покровительством России. Англии он соглашался предоставить Египет и Крит. Вопрос о Константинополе разрешался не вполне ясно. Заявляя, что он не допустит ни утверждения в Константинополе Англии или Франции, ни восстановления греческой Византийской империи, император Николай обещал не утверждаться в Константинополе навсегда, хотя и предусматривал возможность его временного занятия Россией. Одновременно с этим им самим был выработан план военных действий против Турции, сводившийся к «сильной экспедиции с помощью флота прямо в Босфор и Царьград» и долженствовавший закончиться занятием

Дарданелл. Переговоры с Англией не имели успеха. Они лишь встревожили английское правительство: когда Меншиков появился в Константинополе, английский посол лорд Стратфорд-Каннинг был уже настороже против его миссии.

Меншикову, как видно из данной ему инструкции от 24 января 1853 г., поручалось стараться о восстановлении прежнего значения России на Востоке и, ввиду этого, требовать от Порты торжественного объявления фирмана 30 января 1852 г., отставки враждебного России министра иностранных дел Фуада-Эффенди, отмены всех новых привилегий католиков и признания за православными права починки купола Св. Гроба, заключения особого акта (сенеда) в форме конвенции с Россией, обеспечивающего status quo Православной Церкви и, если бы оказалось необходимым, заключения тайного оборонительного союза между Россией и Турцией, направленного против Франции. Если бы Порта отвергла эти требования, Меншикову предписывалось по истечении трехдневного срока со всем русским посольством покинуть Константинополь. Меншиков прибыл в Константинополь 16 февраля. Его переговоры с турецким правительством не имели успеха вследствие противодействия со стороны Англии и Франции. Порта не соглашалась, главным образом, на заключение конвенции. 9 мая Меншиков оставил Константинополь. Дипломатические сношения с Турцией были прерваны, и 14 июня 1853 г. манифест императора Николая возвестил о решении государя занять Дунайские княжества в обеспечение прав Православной Церкви на Востоке, защита которых принадлежала России в силу Кучук-Кайнарджийского мира. 80-тысячная русская армия вошла в княжества под начальством кн. М.Д. Горчакова.

После разрыва дипломатических сношений обсуждение недоразумений между Россией и Турцией сосредоточилось в Вене, где 19 июля 1853 г. представителями Англии, Пруссии и Франции, под личным влиянием австрийского императора, был выработан текст ноты, заключавшей в себе обещание султана охранять неприкосновенность прав и преимуществ Православной Церкви, как обязательно вытекавшее из предшествовавших договоров России с Турцией – Кучук-Кайнарджийского и Адрианопольского. Император Николай согласился принять эту ноту с условием, чтобы при обращении ее в договор она была принята турецким правительством без всяких оговорок и чтобы в случае отказа Порты подписать таковой договор это согласие ни в чем не связывало ему руки. Под влиянием Англии Порта потребовала изменения Венской ноты, редактируя ее так, что покровительство над православными в Турции признавалось не за

Россией, но за султаном. Предварительным условием подписания договора Порта ставила выход русских войск из княжеств. Император Николай отверг эти условия. Ввиду того что сочувствие Англии и Франции было явно на стороне Турции, он сделал попытку войти в соглашение с Австрией и Пруссией. 14 (26) сентября 1853 г. состоялось свидание императора Николая с Францем-Иосифом в Ольмюце, на котором был выработан новый план примирения. 21 сентября состоялось свидание обоих императоров и короля Прусского в Варшаве. Пруссия отказалась подписать ольмюцкий план. Еще более решительным отказом отвечали Англия и Франция. 28 сентября главнокомандующий турецкой армией Омер-паша потребовал у кн. Горчакова, чтобы русские войска оставили княжества, на что последовал отказ. 4 октября 1853 г. Турция объявила войну императору Николаю. Тотчас же вслед за этим начались военные действия на Дунае, на азиатской границе и на Черноморском побережье. 27 октября английский и французский флоты, стоявшие наготове в Безикском заливе, подошли к Босфору.

В ответ на объявление войны Турцией 19 октября последовал манифест Николая, оповещавший его подданных о том, что война начата, «дабы понудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные наши требования, на законную заботливость нашу о защите на Востоке Православной веры, исповедуемой и народом русским». Не рассчитывая более на содействие европейских держав, император Николай предполагал первоначально придать войне широкий освободительный характер и провозгласить действительную независимость «молдаво-валахов, сербов, болгар и греков, с тем чтобы каждый из этих народов вступил в обладание страной, в которой живет уже целые века, и управлялся человеком по собственному выбору, избранным им самим из среды своих же соотечественников» (записка государя для канцлера гр. Нессельроде от начала ноября 1853 г.). Эти предположения встретили возражения со стороны Нессельроде, находившего в мыслях государя противоречие с тем направлением, какого держалась русская политика в течение полстолетия, и считавшего невозможным для «консервативной Европы» следовать по пути, предначертанном государем. Мнение Нессельроде восторжествовало. 5 декабря 1853 г. представители Австрии, Англии, Пруссии и Франции подписали протокол, в котором европейские державы предлагали свое посредничество России и Турции и напоминали императору Николаю о его обещании не посягать на целостность Оттоманской империи. Еще до этого, однако, 18 ноября, турецкая эскадра из 11 кораблей,

стоявшая на Синопском рейде, была уничтожена вице-адмиралом Нахимовым. На предложение держав от 5 декабря император Николай ответил отказом. 23 декабря англо-французская эскадра вошла в Черное море, и России было предложено со стороны морских держав установить на Черном море демаркационную линию, за которую не должны были переходить русские суда. 28 февраля 1854 г. Англия и Франция заключили оборонительный и наступательный союз с Турцией. 1 марта союзные державы предъявили Николаю ультиматум об очищении княжеств. Как предложения об установлении демаркационной линии, так и ультиматум были отвергнуты. 15 и 16 марта Англия и Франция объявили войну России; в январе 1855 г. к ним присоединилась Сардиния. 28 марта в Вене, на конференции представителей Австрии, Англии, Пруссии и Франции, был подписан протокол, заявлявший о единомыслии четырех держав по восточным делам и об их решении не вступать с Россией ни в какие переговоры о мире без предварительного общего соглашения между собой. Предложение, сделанное Россией Австрии и Пруссии, подписать протокол о нейтралитете, было этими последними отвергнуто. 4 июня Австрия, ссылаясь на протокол 28 марта, потребовала «во имя политических и коммерческих интересов Германии» очищения Дунайских княжеств; это требование было поддержано и Пруссией. Император Николай отвечал отказом. 14 июня Австрия заключила договор с Турцией и обязалась добиться очищения княжеств. Еще в марте 1854 г. русские войска перешли Дунай, а главное начальствование над ними было передано Паскевичу. Его военные действия были неудачны. 8 июля войска перешли обратно на левый берег Дуная и начали отступать. 10 августа Омер-паша вступил в Бухарест. В сентябре русские войска отступили за Прут, а княжества, по соглашению с Турцией, были заняты австрийскими войсками.

После начала военных действий и вплоть до смерти императора Николая переговоры России с державами, объявившими ей войну, не прерывались. Они сосредоточивались по-прежнему на Венской конференции, русским представителем на которой был кн. А.М. Горчаков. Здесь четырьмя державами были выработаны так называемые «четыре пункта»: 1) замена русского протектората в княжествах и Сербии общеевропейской опекой; 2) свобода судоходства по Дунаю; 3) пересмотр договора 1841 г. о проливах; 4) общее представление Порте о восточных христианах. Русское правительство 16 ноября приняло эти пункты как исходные для дальнейших переговоров, и позднее они легли в основу Парижского трактата.

В начале 1854 г. императором Николаем был намечен новый

план военных действий. Исходя из того, что враждебное отношение к России Англии, Франции и Австрии определилось с достаточной ясностью, этот новый план, вместо прежнего проекта морской экспедиции на Константинополь, предусматривал встречу с неприятелем в Крыму, на Кавказе и в Бессарабии. В течение лета 1854 г. английским флотом были сделаны попытки нападения на наши берега на Балтийском море, на Белом и на Тихом океане. Эти попытки успеха не имели. Военные действия в Закавказье и на Черноморском побережье, в начале для нас успешные, потеряли свое значение ввиду того, что скоро войска начали стягиваться в Крым. К сентябрю, после очищения Дунайских княжеств и десанта в Крыму англо-французских войск, здесь и сосредоточились все военные действия.

Общее количество союзных десантных войск достигало 62 тысячи. Русских войск на всем полуострове было не более 52 тысяч. Положение затруднялось еще и тем, что отдельные части войск находились под разным командованием, и старший из начальников, кн. Меншиков, пользуясь правами лишь корпусного командира, был стеснен центральным ведомством в своих распоряжениях. Его просьбы о присылке подкрепления встречали противодействие со стороны Паскевича, долгое время стремившегося сосредоточить у себя главные силы. Первая встреча с противником на другой день после его десанта, 7 сентября на Альме, окончилась неудачей, и русские войска отступили на южную сторону, закрыв вход в Севастопольскую бухту затопленными старыми судами. Опасаясь быть отрезанным с главными силами от остальной России, Меншиков вышел из Севастополя, и с 11 сентября началась знаменитая осада этого города союзными войсками. Севастопольский гарнизон имел всего лишь 18 тыс. человек, главным образом – флотского экипажа. Главное командование принадлежало адмиралам Корнилову и Нахимову; фортификационные работы велись инженер-подполковником Тотлебеном. 5 октября последовало первое бомбардирование Севастополя, стоившее нам около 1200 чел., а неприятелю около 1000 чел., но не принесшее никакой пользы осаждавшим. В это время к Меншикову подходили новые войска, но очень медленно, вследствие плохого состояния дорог и неисправности интендантской части. Тем не менее, к октябрю у него было уже около ста тысяч человек и он попытался перейти в наступление. Эта попытка не удалась, и на Инкерманских высотах мы потеряли до 12 тысяч человек. Положение осажденных становилось крайне затруднительным. В конце 1854 г. было повелено засчитывать месяц службы в Севастополе за год. В конце января 1855 г. в Евпатории высадился турецкий 20-тысячный

корпус Омера-паши. Попытка атаковать Евпаторию, предпринятая ген. Хрулевым, успеха не имела, и эта новая неудача побудила наконец Николая Павловича сменить главнокомандующего. Меншиков был отозван, и на его место был назначен кн. М.Д. Горчаков. Осада союзников сосредоточилась к этому времени у Малахова кургана. Во время работ, долженствовавших отразить здесь удар союзников, в Севастополь пришло известие о смерти императора Николая I.

Последние годы жизни императора Николая Павловича прошли главным образом в заботах, вызываемых сперва европейскими событиями, а с начала пятидесятых годов – новыми осложнениями на Востоке. Личная жизнь государя за это время, сравнительно с предшествующей эпохой, протекала более спокойно, но зато была и менее богата какими-либо радостными событиями. Круг его приближенных и сотрудников постепенно редел. Одни, как кн. Чернышев и кн. Меншиков, приходили уже в преклонный возраст, другие, более энергичные, как, например, министр внутренних дел Перовский, не пользовались полным доверием государя. С 1849 г. особенно начал выдвигаться гр. Клейнмихель, в ведение которого с осени этого года, совершенно неожиданно для Перовского, было передано управление всей дорожной частью Империи.

Николай Павлович внимательно следил за событиями, развертывавшимися в 1848 г. в Европе; приходившие из-за границы известия тревожили его не только как государя, но и как человека. Его огорчала политика Берлинского двора, с которым он был связан родственными узами. Он беспокоился за судьбу своего личного друга принца Вильгельма, которому суждено было сыграть роковую роль в известные «мартовские дни». С другой стороны, современники отмечают в это время как бы стремление Николая стать ближе к своим подданным, рассеять чувство разобщенности двора и населения. Чаще прежнего показывался он в это время пешком на улицах Петербурга.

30 августа 1848 г. в Петербурге состоялось бракосочетание второго сына государя, великого князя Константина Николаевича, со старшей дочерью герцога Саксен-Альтенбургского. Согласие на этот брак за два года до этого было дано лишь ввиду непреклонно выраженного решения со стороны юного князя.

Страстную и Пасху 1849 г. государь со всем своим семейством провел в Москве, где к этому времени был закончен постройкой Большой Кремлевский дворец. Пребывание государя в древней столице было обставлено особой торжественностью и опять-таки сопровождалось частым появлением Николая среди народной толпы. Особенно милостивое внимание было оказано

Преображенскому полку. В Георгиевской зале нового дворца во время церемонии прибития досок с именами всех полков, имеющих георгиевские знамена, когда была поднята доска с именем Преображенского полка, государь лично провозгласил полку «ура!» и, обращаясь к солдатам, сказал, намекая на события 14 декабря 1825 года: «Вы— мой первый полк, и надеюсь, что и останетесь им навсегда; передайте же товарищам, как я вас награждаю за вашу верность».

Вскоре после возвращения государя из Москвы Петербург был взволнован «делом Петрашевского». Николай был очень встревожен и раздражен этим обстоятельством; правильно, со своей точки зрения, усматривая в этом известный симптом, он преувеличенно судил об этом деле как о «заговоре» и сомневался, не был ли прикосновенен к нему кто-либо «повыше». Над виновными был назначен суд, закончившийся, как известно, суровым приговором.

Летом государь вскоре опять покинул столицу, отправившись в Варшаву и на венгерскую границу. В Варшаве, ставшей в это время как бы центром дипломатических сношений между восточными державами, Николай Павлович имел свидание с австрийским императором Францем-Иосифом. Здесь были выработаны условия русской помощи Австрии. В Варшаве он оставался на этот раз до сентября, приехав лишь на несколько дней в Петербург в конце июня, ко дню рождения государыни. Сопровождавший его великий князь Константин Николаевич отправился отсюда в действующую армию. 28 августа в Варшаве скончался на руках у государя великий князь Михаил Павлович. Эта смерть была большой потерей для Николая Павловича, связанного со своим братом тесной дружбой. Немало тревог доставляло ему и все ухудшавшееся здоровье государыни императрицы.

Так как на этот раз столицу покидал и наследник, то в отсутствие государя была назначена особая правительственная комиссия, в которую входили кн. П.М. Волконский, кн. Чернышев, гр. Блудов и – правителем дел – государственный секретарь Бахтин. Такая же комиссия назначалась и в следующем 1850 г., ввиду продолжавшихся и в этом году частых отлучек государя.

Весной 1850 г. Николай Павлович вместе с наследником-цесаревичем совершил поездку по Западному краю и Польше для осмотра войск и крепостей. Пробыв лето в столице, 7 сентября он отправился на смотр войск в Чугуев, а оттуда через Москву в Варшаву, где, по предписанию врачей, должна была проводить осень государыня. И на этот раз пребывание Николая в Варшаве носило определенный политический характер. Здесь собрались

многие из европейских коронованных особ: австрийский император, принц Фридрих Нидерландский с супругой, Фридрих Гессен-Кассельский, принц Христиан Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Глюксбургский и принц Евгений Виртембергский. Прусский король отсутствовал; его заменял его министр граф Бранденбург. В Варшаве вокруг русского монарха коронованный мир Германского Союза как бы торжествовал ликвидацию революции и национальных движений. Здесь же торжественно был отпразднован Николаем Павловичем пятидесятилетний юбилей кн. Паскевича, в награду фельдмаршалу за только что оконченную Венгерскую кампанию. К 21 октября государь вернулся из Варшавы в Царское Село. Настроение высшего петербургского общества в 1850–1851 гг. отличалось, по отзыву современников, как бы успокоением после только что пережитых тревожных годов. Придворная жизнь протекала, однако, по-прежнему тихо. Исполнившееся в ноябре этого года двадцатипятилетие царствования Николая по его повелению не было отмечено никакими особенными торжествами. Освящение и открытие 21 ноября вновь построенного Николаевского моста точно так же состоялось с большой простотой. Так же тихо протекала жизнь двора и в 1851, и в 1852 гг.: здоровье государыни все ухудшалось.

Одним из крупных событий этого времени было открытие Николаевской железной дороги. 19 августа в 4 часа утра государь с государыней, наследником цесаревичем, двумя младшими сыновьями и многими другими членами царской семьи выехал по железной дороге в Москву, куда и прибыл к 11 часам вечера.

К началу 1853 г. положение дел на Востоке стало критическим. Ввиду возможности разрыва с Англией и Францией и неопределенного положения, занятого Австрией и Пруссией, Николай Павлович пожелал лично свидеться со своими союзниками. В начале сентября он был на маневрах в Ольмюце и оттуда проехал – в последний раз – в Берлин. Вслед за этим австрийский император и прусский король отдали ему визит в Варшаве. Вплоть до самого объявления войны новые осложнения на Востоке оставались втайне от петербургского общества. Смысл посольства в Константинополь Меншикова для многих был неясен. Через три месяца после свиданий в Ольмюце, Берлине и Варшаве Австрия и Пруссия отвергли предложения императора Николая соблюдать нейтралитет в его предстоящей борьбе с морскими державами. К лету следующего года, одновременно с началом военных действий в Крыму, английский флот появился перед Кронштадтом, и Николай из своего дворца в Александрии почасту смотрел в телескоп на неприятельские силы. Тяжелым

ударом для него было заключение Австрией союзного договора с Англией и Францией. «L'empereur d'Autriche, sur lequel je comptais tant, a tourne le fer dans mon coeur par sa conduite» – сказал он по этому поводу. С полным самообладанием выслушал он как громом поразившее его известие об Альминском поражении. Из Севастополя продолжали приходить тяжелые известия. «Буди воля Божия, буду нести крест мой до истощения сил», – писал император Николай Павлович главнокомандующему армией кн. Горчакову (письмо 25 ноября 1854 г.).

Весь погруженный в дела, Николай как бы сознательно не берег себя. Достаточно было незначительной причины, чтобы истомленное здоровье в таких тяжелых условиях окончательно надломилось. В конце января 1855 г., перед масленицей, Николай Павлович слегка простудился на свадьбе дочери гр. Клейнмихеля. Первые дни он не обратил на это особого внимания, но на первой неделе Великого поста почувствовал себя худо и не мог, против обыкновения, приобщаться вместе со своей семьей. Простуда перешла в воспаление легких, и болезнь быстро начала прогрессировать. Бюллетени о здоровье государя не обнародовались, и потому в народе и обществе о его болезни знали очень мало. В самом дворце до последнего дня оставались в неизвестности, так как лейб-медик Мандт продолжал уверять, что опасности нет. Только за день до смерти, 17 февраля, истинное положение дел стало известно и слухи об опасности быстро распространились по городу. Мандт, исполняя обещание, данное им года за полтора до этого, предупредил государя о неизбежности конца. Государь встретил это известие с полным спокойствием и выразил желание приобщиться Св. Таин. 18 февраля двадцать минут первого пополудни, простившись с императрицей, со всеми членами царской семьи, бывшими в то время в Петербурге, с приближенными и слугами, император Николай I скончался. Его последние слова наследнику цесаревичу были: «Мне хотелось, приняв на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за вас. После России, я вас любил более всего на свете. Служи России».

В столице тотчас же начала ходить молва о том, что государь, не пережив последних огорчений, отравился; в обществе были очень враждебно настроены против Мандта. До настоящего времени нет достаточно данных, чтобы судить, насколько все эти слухи были обоснованы. Хотя бы и лишенные фактического основания, они имели свой логический смыл. Все существо покойного императора всецело срослось с той правительственной

системой, выражением которой было все его царствование. Он сам был живым олицетворением того порядка, защите которого посвятил всю свою жизнь. Он пережил время действительных успехов своей политики и одно время мог, казалось, торжествовать правоту своего дела. Позднее наступили годы испытания и разочарования. Теперь, когда раскрылась во всей полноте несостоятельность николаевской системы, жизнь государя Николая Павловича была изжита. В легендах общественный инстинкт в конкретном образе часто бессознательно символизирует те общие положения, к каким путем анализа приходит научная мысль.

Послесловие

Настоящий очерк был написан и почти закончен в типографском наборе еще до великого февральского переворота 1917 года. Углубляясь в николаевскую эпоху, автор из изучения этой эпохи самого безграничного абсолютизма выносил, как это ни покажется странным, своеобразное чувство бодрости и уверенности за будущее. Ему выяснялась во всей своей логической неизбежности гибель всякого строя, в основе которого, хотя бы в компромиссной форме, лежал политический абсолютизм. Не крах николаевской системы – крах всего русского политического уклада раскрывался перед его глазами, крах, не предотвратимый никакими, ни репрессивными, ни паллиативными, мерами. И отсюда росла в нем светлая уверенность в конечном торжестве народной воли, народной правды. Этой уверенностью только и остается жить теперь, в дни тех страшных испытаний, какие выпали на долю нашей родины…

И, проникнутый этой уверенностью, обращаясь к прошлому, автор не считал нужным брать публицистический тон при описании эпохи, которая может почесться образцовым доказательством несостоятельности абсолютизма. Он не взял бы этого тона и теперь, когда о царствовании Николая I можно говорить гораздо свободнее, чем год тому назад. Тон, в каком написан настоящий очерк, обусловливается не какими-либо посторонними соображениями, но существом дела. Николаевская эпоха давно уже ждет спокойного объективного исследования, как эпоха, достаточно далеко отошедшая в прошлое. Не претендуя на роль подобного исследования, настоящий очерк является как бы предварительным подведением итогов того, что в этой области уже сделано. Автор рад, что, исполнив (худо ли, хорошо ли – другой вопрос) такую задачу, он выпускает в свет свой труд в такие дни, когда изучение николаевской эпохи не будет уже встречать никаких преград, никаких династических табу.

Если в России утвердится когда-нибудь желанная свобода печатного слова, она откроет историку доступ во многие, до сих пор заповедные для него области. Для николаевской эпохи это должно выразиться прежде всего в появлении на свет Божий новых материалов, остававшихся под спудом, в заполнении досадных лаук, в тех источниках, которые уже обнародованы, но обнародованы в урезанном, изуродованном виде. Тогда, быть может, изменится и общая точка зрения автора настоящего очерка на николаевскую эпоху. Современные события всегда отбрасывают известный свет и на прошлое, в зависимости от чего

это прошлое выступает перед исследователем то той, то другой своей гранью. История русского политического абсолютизма, на наших глаза закончившаяся, в этом смысле несомненно должна быть теперь пересмотрена. То место, какое николаевская эпоха занимала до сих пор в этой истории, останется за ней и впредь. Сама по себе— уже до своего времени изжитое прошлое – николаевская система не сводилась к одним язвам бюрократического режима: эта система, в пределах поставленных ей себе рамок, знала и известные положительные достижения. Такова была точка зрения автора настоящего очерка на николаевскую эпоху, когда он писал свой труд; такой она останется и теперь. В общей картине того разложения политического абсолютизма, которое началось еще задолго до Николая I и которое лишь теперь раскрылось перед нами во всей своей убедительности, все эти положительные достижения последнего русского самодержца, конечно, незначительные мелочи, окончательно блекнущие в ярком зареве современности. В этом зареве блекнут и более яркие страницы русского прошлого: либерализм начала девятнадцатого века, «эпоха великих реформ». Обойти эти мелочи молчанием было бы теперь такой же научной несправедливостью, как и до второго марта тысяча девятьсот семнадцатого года.

А Николай I был, действительно, последним русским самодержцем… О нем можно повторить то, что в свое время он сам писал о Меттернихе: с Николаем I исчезала целая система взаимных отношений, мыслей, интересов и действий. После него, в сущности говоря, начинается уже реставрация политического абсолютизма, реставрация да половинчатые поправки.

И какие пигмеи все герои этой реставрации и этих половинчатых уступок, все эти «освободители», «миротворцы» и просто «благополучно царствующие» в сравнении с железной фигурой тюремщика русской свободы! И часто многое, что позднее выдвигалось как нечто самобытное и оригинальное, на поверку оказывалось заржавленным оружием, извлеченным из арсенала николаевской правительственной эпохи. Теперь ворота арсенала сломаны и старинное оружие перенесено в музей. Мы можем спокойно изучать его, не боясь, что оно кого-нибудь поранит. Будем только остерегаться, чтобы нам не преподнесли его под видом какого-нибудь якобы самоновейшего государственного механизма. Ведь и николаевское правительство верило в силу «декретов»; ведь и оно оставляло за собой монополию понимать народные нужды, позволяло дышать только тем, кто «стоял целиком на платформе самодержавия»… Труп не оживет, но история знает своих политических и социальных

оборотней.

Петроград, 31 октября 1917 года.

Приложение. Иллюстрации

Император Николай I

Екатерина II

Император Павел I с семьей

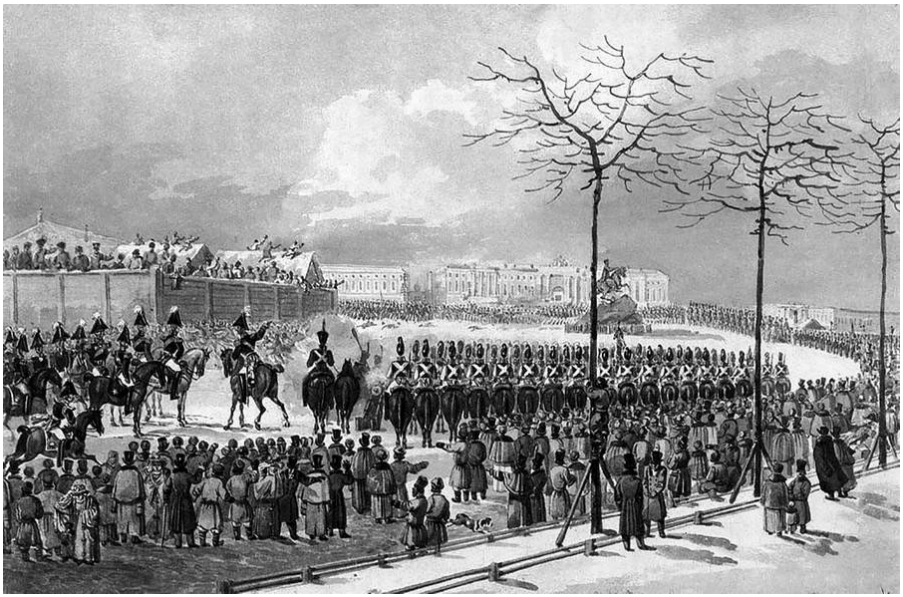
Великий князь Николай Павлович

Принцесса Шарлотта Прусская

Берлин середина XIX в.

Канцлер, министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде

Святитель Филарет митрополит Московский и Коломенский



Восстание Декабристов 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади

Генерал от инфантерии граф М.А. Милорадович

Николай I в 1825 году

Николай I и Александра Федоровна

Граф А.Х. Бенкендорф

М.М. Сперанский

Граф С.С. Уваров

Светлейший князь А.И. Чернышев

Генерал-фельдмаршал князь И.Ф. Паскевич-Эриванский

Граф А.А. Закревский

Граф Е. Ф. Канкрин

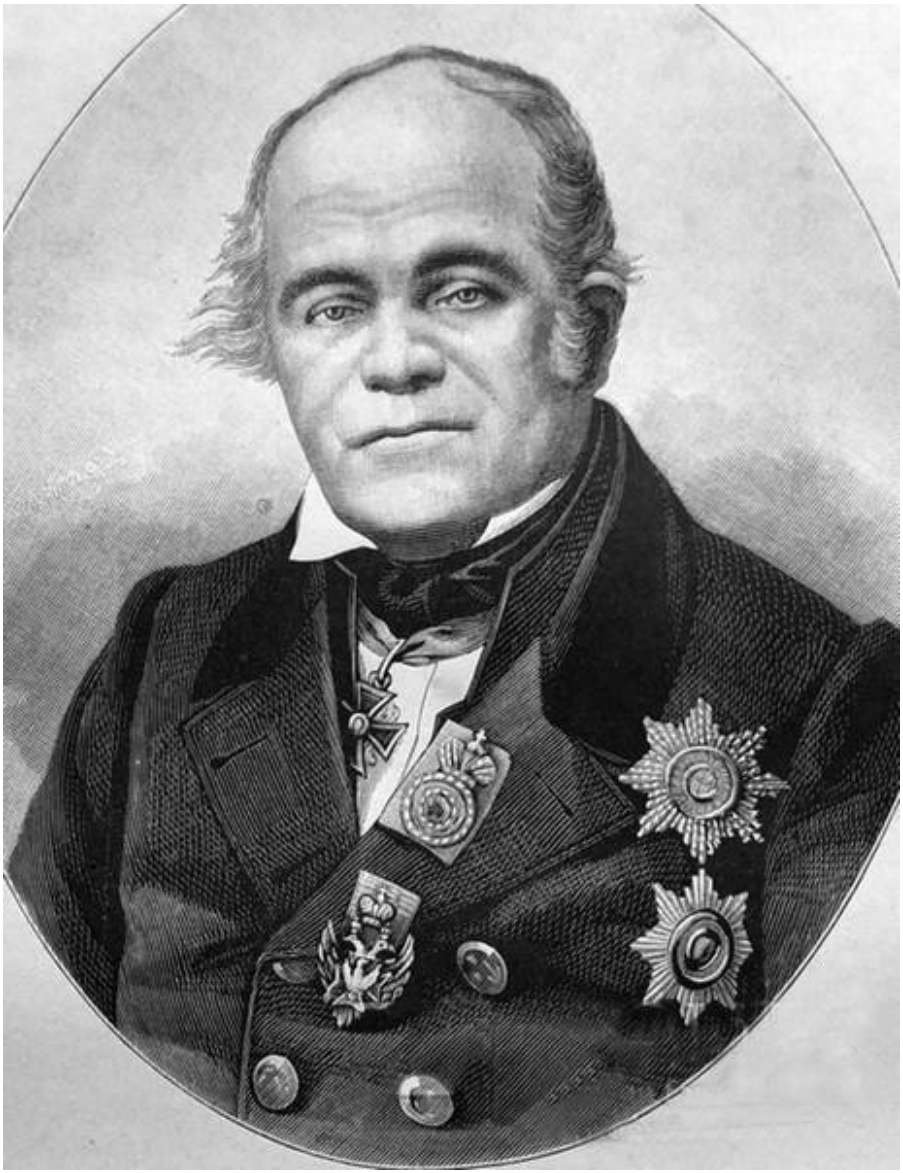
Граф П. В. Голенищев-Кутузов

Граф П.Д. Киселев

Граф В.Ф. Адлерберг

Граф А. Ф. Орлов

Граф П.А. Клейнмихель



Граф Д.Н. Блудов

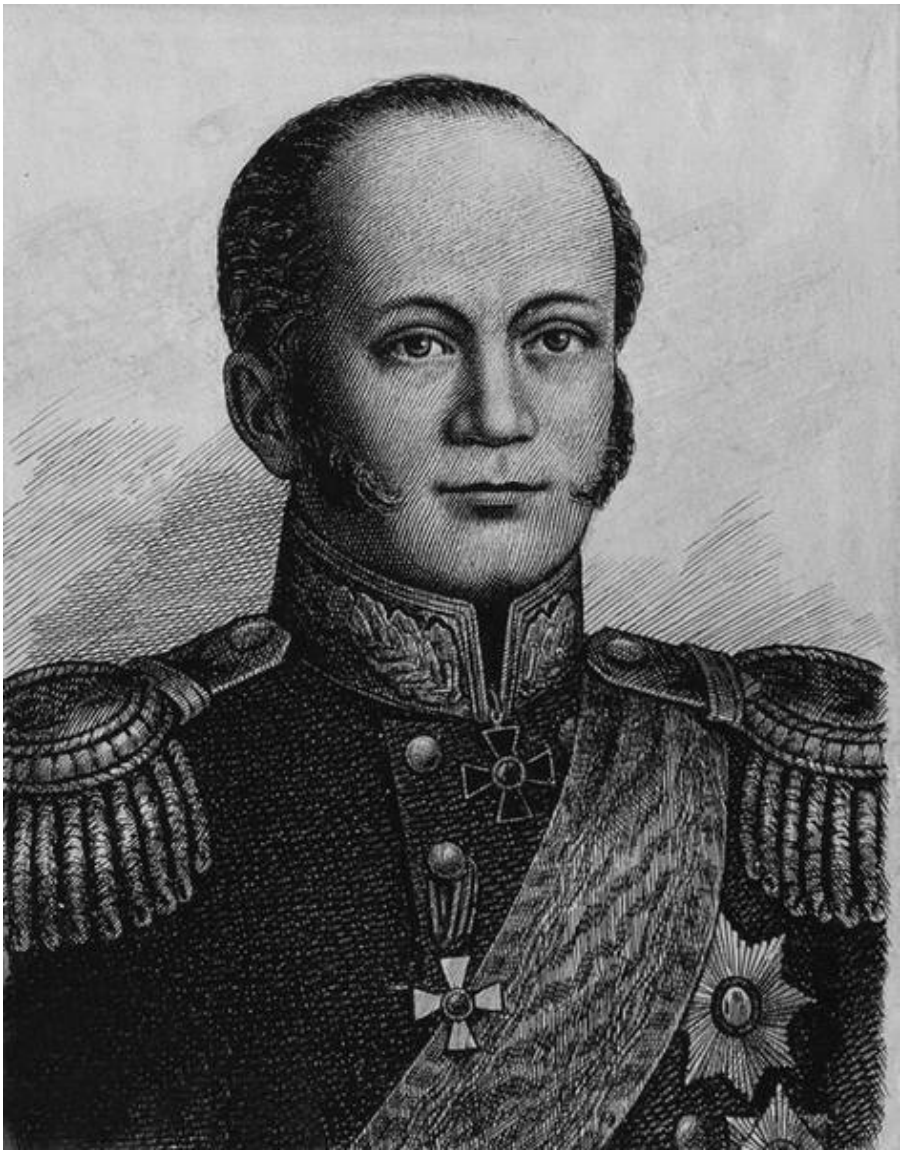
Светлейший князь П.В. Лопухин

Князь П.М. Волконский

Князь В.П. Кочубей

Адмирал А.В. Моллер

Император Николай I в форме кирасира



Адмирал Д.Н. Сенявин

Адмирал С.А. Пустошкин

Адмирал А.С. Грейг

Адмирал И.Ф. Крузенштерн

Адмирал П.М. Рожнов

Адмирал М.И. Ратманов

Адмирал Ф.Ф. Беллинсгаузен

Светлейший князь А.С. Меншиков

Граф И. И. Дибич-Забалканский

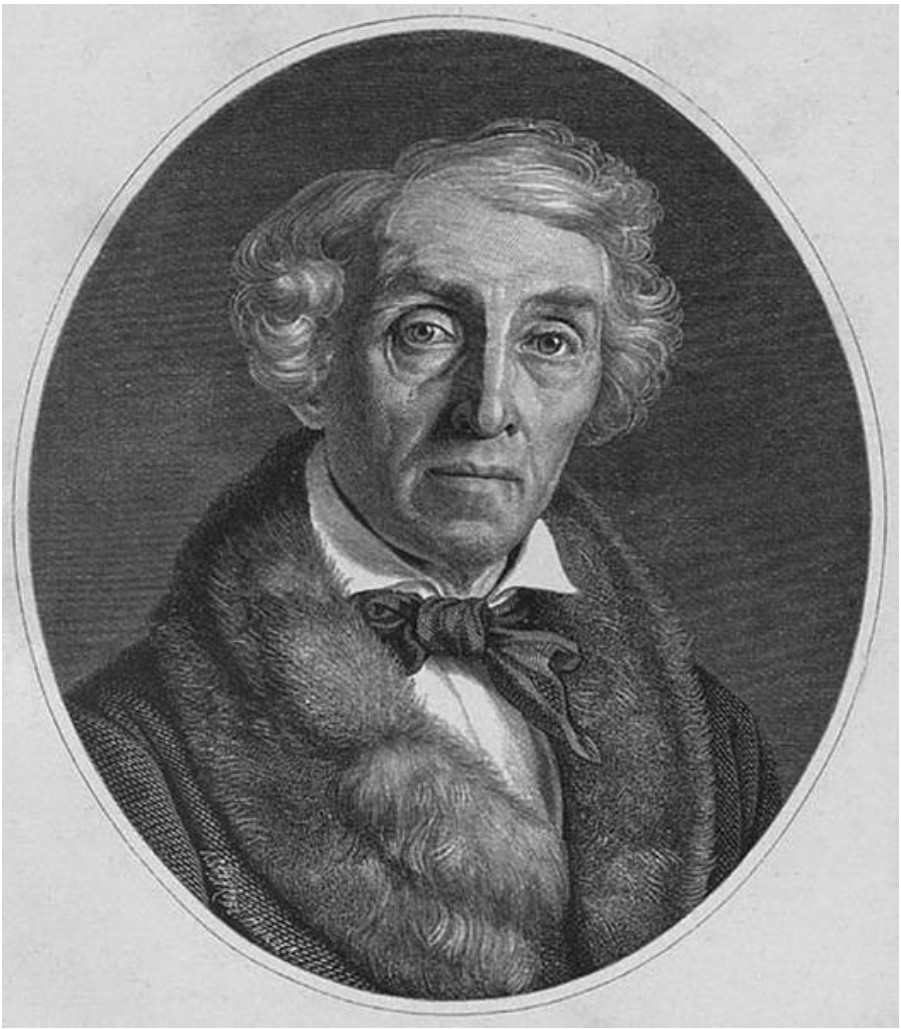
Граф Иоаннис Каподистрия

Генерал-от-инфантерии Н.Н. Муравьёв-Карский

Светлейший князь М.С. Воронцов

Князь И.В. Васильчиков

Архитектор К.А. Тон



Граф Ф.П. Толстой

Адмирал граф Ф.П. Литке

Скульптор барон П.К. Клодт

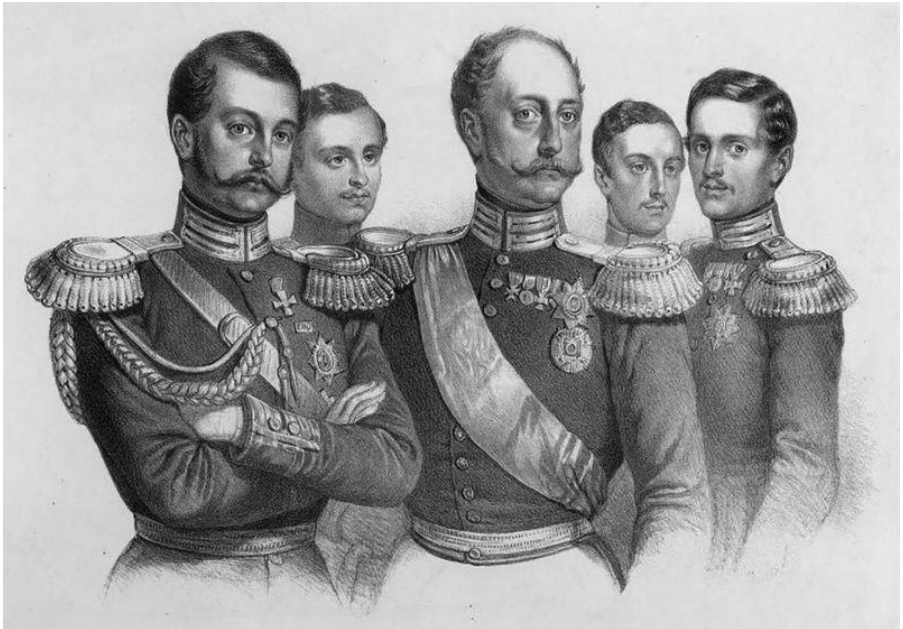
Адмирал Г.И. Невельской

Мореплаватель П.К. Пахтусов

Генерал-лейтенант А.А. Вельяминов

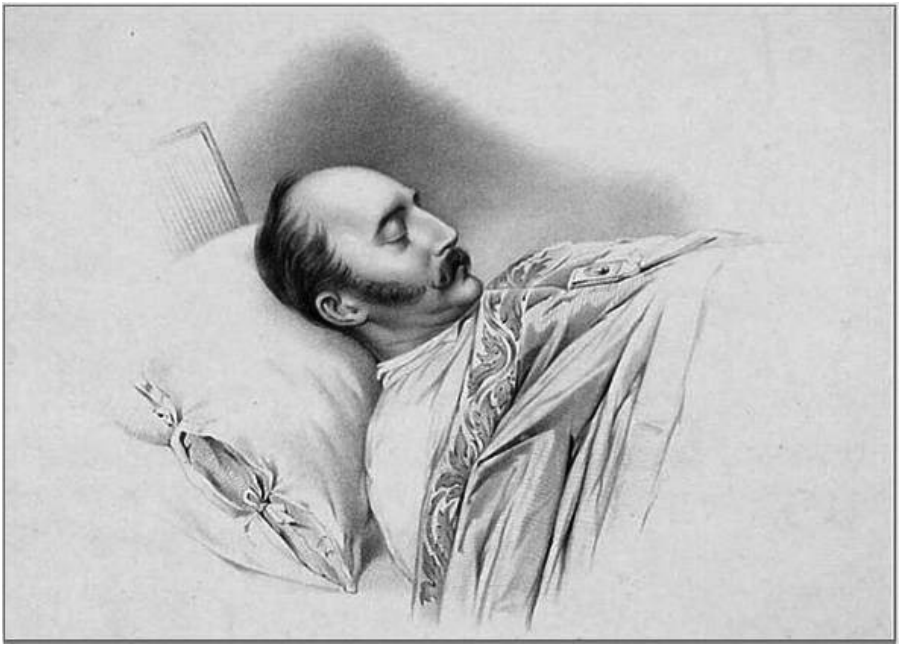
Министр граф Ф.П. Вронченко

Генерал барон Г.В. Жомини



Николай I с сыновьями

Николай I с супругой Александрой Федоровной и их дети



Николай I на смертном одре

notes

Примечания

1

Но уже 6 ноября того же года императрица скончалась, и заботы о его воспитании перешли непосредственно к его родителям. После кончины императора Павла императрица Мария Феодоровна официально передала воспитание своих младших сыновей – Николая и родившегося в 1798 году Михаила – в ведение вступившего на престол своего старшего сына. Император Александр Павлович, однако, подтвердив распоряжения, какие были сделаны на этот счет его покойным отцом, далее почти совершенно не вмешивался в это дело, и фактические заботы о воспитании младших великих князей по-прежнему продолжали лежать на императрице-матери.

2

С 1805 г. штат кавалеров был увеличен до шести и вновь назначены были: действительный статский советник П.Г. Дивов, коллежский советник Вольф и майор А.П. Алединский; в 1808 г. был прибавлен седьмой – статский советник И.Ф. Саврасов, а в 1811 г. и восьмой – коллежский советник Г.А. Глинка.

3

В 1813 г. в помощники Крафту, главным образом по производству опытов, был приглашен проф. Н.И. Вольгемут.

4

Посторонние дети в обществе великих князей появляются лишь с 1802 г. Кроме упомянутого уже гр. В.Ф. Адлерберга, это были: принц Адам Вюртембергский, барон Фитингоф (внук Ш.К. Ливен), братья гр. Заводовские, гр. Апраксины, двое сыновей «кавалера» Ушакова, племянники Ахвердова и сын находившейся при великом князе дамы Панаевой. К 1805 г. императрица Мария Феодоровна, находя, что это общество развивает в великом князе недостаточно внимательное отношение к наукам, сочла за благо постепенно удалить от своих детей их товарищей, и вскоре большинство этих последних было устроено в военно-учебные заведения.

5

Перевод

6

Перевод

7

Первая поездка великого князя Николая Павловича за границу имела, между прочим, для него значение и потому, что во время нее у него завязались отношения с двумя лицами, имевшими впоследствии такое большое значение в его царствование: с П.А. Клейнмихелем, бывшим в то время капитаном Преображенского полка, который привез в Веймар великим князьям приказание императора Александра ехать в Базель и ждать там его дальнейших распоряжений, и, главным образом, с Паскевичем. С первого же знакомства с великим князем в Париже И.Ф. Паскевич, в то время начальник 2-й гренадерской дивизии, стал часто бывать у него, разбирал с ним с теоретической точки зрения битвы 1812, 1813 и 1814 гг. и сумел завоевать его искреннее расположение и доверие.

8

Николай Павлович посетил лорда Пемброка (12 февраля 1817 г.) в его замке Вильтон-Гоуз, заключавшем в себе богатые художественные коллекции.

9

Николай Павлович посетил, между прочим, известную фабрику Оуэна в Нью-Ланарке.

10

В день обручения исполнилось гражданское совершеннолетие Николая Павловича; ген. Ламздорф и весь воспитательский и учебный штат великого князя закончили теперь свои обязанности. Ламздорф был возведен при этом в графское достоинство и получил высочайшие подарки. С этого времени и до самой смерти (1828 г.) он, в звании члена Государственного Совета, проживал в бессрочном отпуске в своей деревне. Николай Павлович до конца его жизни высказывал ему всегда свое расположение.

11

Николай Павлович не был назначен в Государственный Совет. Есть, правда, известие (частного характера), что с 1819 г.он присутствовал при всех докладах государю по отдельным отраслям управления, но это известие требует еще подтверждения.

12

Одновременно с этим он был назначен шефом лейб-гвардии саперного батальона.

13

Николай Павлович вступил в должность 20 января 1818 г. Приказ, отданный им о своем назначении, гласил: «Давая о сем знать по инженерному корпусу, долгом поставляю подтвердить всем чинам оного, что ревностным исполнением своих обязанностей, усердием к пользе государственной и отличным поведением всякий заслужит Государевы милости, а во мне найдет усердного для себя ходатая пред лицом Его Величества. Но в противном случае за малейшее упущение, которое никогда и ни в каком случае прощено не будет, взыщется по всей строгости законов. От усердия и твердости господ начальников, от рвения и полного повиновения подчиненных ожидаю иметь всегда удовольствие; и твердо на сие надеясь, уверяю всех и каждого, что умею ценить милость Государеву, соделавшую меня начальником столь отличного корпуса».

14

В Главное инженерное училище принимались лица не моложе 14 лет (в корпуса принимались и малолетние) и не иначе, как по экзамену. Прием производился из вольноопределяющихся, поступавших в юнкера, кондукторы и унтер-офицеры, а также из воспитанников частных школ, поступавших в кондукторы и унтер-офицеры. Экзамен производился из арифметики и алгебры до уравнений, географии, одного из двух новых языков, начальной геометрии, рисования, истории и русского языка. Училище состояло из офицерского отделения (позднее – Николаевская инженерная академия) и кондукторского. Начальником был назначен гр. Ег. Карл. Сиверс. В училище преподавались: алгебра, геометрия, тригонометрия, начертательная и аналитическая геометрия, дифференциальное и интегральное исчисление, физика, химия, механика, рисование и черчение, архитектура, фортификация, артиллерия, русский, французский и немецкий языки, история, география и экзерциция. В этом училище преподавали многие выдающиеся ученые и специалисты того времени, как, напр., полк. Х.Х. Христиани (фортификация), инженер-капит. А.В. Дядин (артиллерия), бывший профессор СПб. университета К.И. Арсеньев (история и география), удаленный из университета Руничем и Магницким и приглашенный под личной ответственностью великого князя. Николай Павлович вообще близко входил в жизнь училища, интересовался всем происходящим, часто посещал лекции и присутствовал на конференциях. На строевую часть в училище было обращено такое же внимание, как на учебную. Училище помещалось в Михайловском замке.

15

Свеаборг, Выборг, С.-Петербург, Кронштадт, Рига, Ревель, Динабург, Бобруйск, Киев, Бендеры, Измаил, Херсон, Ахтиар и Тифлис.

16

Назначение Николая Павловича командиром 2-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, в которую входили в то время полки лейб-гвардии Измайловский и Егерский, последовало 27 июля 1818 г., через год после его назначения генерал-инспектором по инженерной части. 11 мая 1821 г. командование над 1-й гвардейской дивизией принял Паскевич. Одновременно с этим, однако, командующий гвардейским корпусом кн. И.В. Васильчиков вышел в отставку, что стояло в связи с известным волнением в Семеновском полку, а гвардейский корпус получил повеление (еще 11 апреля т.г.) выступить в Вильну. Командиром корпуса был назначен ген.-ад. Ф.П. Уваров, но так как он оставался в Петербурге, то командование корпусом было возложено по старшинству на Паскевича. В свою очередь Паскевич передал командование своей дивизией великому князю Николаю Павловичу. В 1825 г. произошло перераспределение гвардейских полков по дивизиям. Л.-гв. Измайловский полк вместе с л.-гв. Павловским и л.-гв. Саперным батальоном составил 3-ю гвардейскую бригаду; в 4-ю бригаду вошли л.-гв. Егерский и л.-гв. Финляндский полки. Обе эти бригады составили теперь 2-ю гвардейскую дивизию, командование которой было поручено Николаю Павловичу.

17

В связи с деятельностью Николая Павловича как бригадного командира стоит, между прочим, учреждение Школы гвардейских подпрапорщиков. Эта школа, утвержденная императором Александром 9 мая 1823 г., возникла из частного опыта Николая Павловича, находившего, что молодые люди поступают в полки недостаточно подготовленными, и с этой целью организовавшего в 1822 г. под своим личным наблюдением обучение подпрапорщиков вверенной ему бригады.

18

30 августа 1822 г. у великого князя родилась вторая дочь – Ольга Николаевна.

19

Великокняжеская чета совершила на этот раз свой путь морем, выйдя 24 июля на корабле «Эмгейтен» («Amhiten») из Кронштадта и прибыв в Варнемюнде 10 августа.

20

Шильдер. Император Николай I. Т. I, с. 476, прим. 378.

21

Перевод

22

В эрмитажном собрании хранится медаль-жетон с надписью: «Г. Ц.В. К. Николай Павлович и «1810 г. Генваря 25 -го

23

По другим известиям, на присяге Константину особенно настаивал Милорадович.

24

Перевод

25

В этот же день поручик л.-гв. Егерского полка Я.И. Ростовцев предупредил Николая Павловича о существовании заговора, не называя имен участников.

Эти сведения и получил Николай Павлович 12 декабря от Дибича.

27

По дороге Панов, предполагая, что Зимний дворец уже в руках восставших, вошел было со своей частью на дворцовый двор. Его ввели в заблуждение фигуры солдат на дворе: это сменялся караул, ставились саперы в части, преданной Николаю. Заметив свою ошибку, Панов повернул обратно и присоединился к своим товарищам на площади.

28

Кроме названных частей, замешательство при принесении присяги произошло еще в Измайловском полку. Личное присутствие там великого князя Михаила Павловича и его решительные действия не дали, однако, этому замешательству разрастись в открытое волнение. Не совсем спокойно было и в Финляндском полку. Обе эти части были расположены в то время там же, где и теперь.

29

Известие о происшедшем в Московском полку было доставлено прибывшим во дворец начальником штаба гвардейского корпуса ген.-м. А.И. Нейдгардом.

30

Несколько позднее были заготовлены экипажи для отправления всего царского семейства под прикрытием кавалергардов в Царское Село.

31

Последним отзвуком движения было восстание, произведенное на юге, в Василькове, полковником Черниговского полка С.И. Муравьевым-Апостолом, членом Южного общества. Подняв 30 декабря 1825 г. свой полк, он повел его к Белой Церкви, надеясь соединиться с расположенными здесь войсками. Еще не доходя до Белой Церкви, он узнал, что войска оттуда уже вышли, и решил изменить направление. Между деревнями Устимовской и Королевской он был настигнут высланным против него отрядом гусар под начальством ген. Гейсмара, разбит и, раненый, захвачен вместе со своим братом Матвеем и другими офицерами.

Одновременно с этим особые военно-судные комиссии в Могилеве вели розыск над участниками мятежа в Черниговском полку, кроме главных зачинщиков, и в том числе Сергея Муравьева-Апостола и Михаила Бестужева-Рюмина, которые были доставлены в Петербург.

Есть известие, что в данном случае остался при особом мнении адм. Шишков.

Участь нижних чинов, участвовавших в восстании 14 декабря, была решена значительно раньше: из них был сформирован сводный гвардейский полк в составе двух батальонов, который и был отправлен уже в феврале месяце на Кавказ, на персидскую границу, где вскоре начались военные действия.

35

Еще задолго до окончания дела декабристов, 28 февраля прибыло в Царское Село тело императора Александра; 6 марта состоялось перевезение в Петербург, а 13 марта погребение. 4 мая того же года скончалась в Белеве и императрица Елизавета Алексеевна, остановившаяся в этом городе по пути из Таганрога в Москву. Погребение императрицы состоялось в Петербурге 21 июня.

36

А. Корнилов. Курс истории России XIX в. (М., 1912), ч. II, с. 24, 38 и 101.

При учреждении II отделения Сперанский не получил в нем никакого официального назначения. Фактически, однако, все дело сосредоточилось в его руках: он имел личные доклады по делам этого отделения у государя, и теперь же им были начаты те работы, которые позднее привели к изданию Свода законов.

38

Балашов, министр полиции при Александре I, с 1819 г. был назначен генерал-губернатором Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской и Воронежской губерний, что являлось пробной мерой перед предполагаемым общим введением в России генерал-губернаторского управления.

39

На юго-западном берегу Морейского полуострова.

Турки потеряли в этот день до 6000 человек, в том числе почти весь состав офицеров из организованной Мегметом-Али на европейский образец Александрийский военной школы, 3 линейных корабля, 21 фрегат и 24 корвета. Потери союзников исчислялись в 600 чел.; 4 их судна требовали серьезной починки.

41

Окончательное устройство Греческого королевства относится уже к тому времени, когда во Франции разразилась новая (Июльская) революция, в значительной степени изменившая общий характер европейских международных отношений. На положение дел на Востоке, и в частности на разрешение греческого вопроса, это событие оказало точно также немалое влияние.

42

«Поляки, как Российские подданные, так равномерно и австрийские и прусские, будут иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласные с тем образом политического существования, который каждым из вышеименованных правительств будет признан за полезнейший для них, в кругу Его владений» (статья 1 акта Венского конгресса).

43

Ш. Аскенази. Царство Польское 1815–1830 (русск. перев. – М., 1915). С. 26.

Николай Павлович в течение русско-турецкой войны вообще всячески старался оказать внимание полякам. Еще до коронации, после взятия Варны, он подарил польской армии двенадцать турецких пушек в память того, что «один из его предшественников, король Владислав, пал в славной борьбе». Когда был заключен Адрианопольский мир, часть военных трофеев была поставлена в Варшаве, в соборе св. Яна.

45

Перевод

46

В ночь с 14-го на 15-е июня от эпидемии в Витебске скончался и цесаревич Константин Павлович.

47

Перевод

48

Вступив за царским столом в спор с Чарторыйским по польскому вопросу, Долгорукий ему сказал: «Вы рассуждаете как польский князь, а я как русский князь».

Обрусительная политика императора Николая в Западном крае нашла свое как бы научное обоснование. Профессор русской истории в Петербургском университете Н.Г. Устрялов выступает в это время с новым взглядом на прошлое Литвы, подчеркивая роль русской народности в образовании Литовского княжества и доказывая его исконную особенность от Польши. Безусловно, заключавшие в себе значительную долю чисто научной истины, эти взгляды Устрялова в данный момент имели известное официозное значение. Они были встречены очень благосклонно тогдашним главой ведомства народного просвещения гр. С.С. Уваровым и Н.А. Протасовым, который, сперва в должности товарища министра народного просвещения, а несколько позднее – обер-прокурора св. Синода, и был одним из главных насадителей обрусительной политики на нашей западной окраине.

50

Его аллокуция в кардинальской коллегии 20-го июля 1842 г.

51

Русский поверенный в Париже с 30 окт. 1841 г. – Н.Д. Киселев, французский в Петербурге – Мерсье.

52

Холера появилась впервые в России в 1820 г.; в последующие годы она проявлялась спорадически на наших восточных и южных окраинах: в Сибири, Астрахани и на Кавказе. Болезнь не была до этого времени достаточно обследована, и даже сам вопрос о ее заразности и путях распространения заразы оставался открытым. Возникали поэтому сомнения в целесообразности применения против нее карантинной системы, и без того вызывавшей против себя нарекания, как стесняющей торговлю. Учрежденный для обсуждения этого вопроса в 1826 г. особый комитет высказался в том смысле, что карантинами надо пользоваться с большой осторожностью. Вследствие этого, при появлении в последующие годы холеры, карантинная система применялась в очень слабой степени. В то же время вследствие преобладающего мнения, что холера передается воздушными течениями, не обращалось достаточно внимания на санитарные мероприятия.

Отчасти в связи со всеми этими событиями последовали некоторые перемены в личном составе высшей администрации. Министр внутренних дел гр. А.А. Закревский, разошедшийся в 1830 г. с Комитетом министров по вопросу о мерах борьбы с холерой и считавший причиной петербургских беспорядков неумелые распоряжения полиции, получил 19-го ноября 1831 г. отставку. Министром внутренних дел был назначен статс-секр. Д.Н. Блудов, бывший до того времени товарищем министра народного просвещения и главноуправляющим духовными делами иностранных исповеданий. Занимаемый Закревским пост Финляндского генерал-губернатора получил пользовавшийся большим доверием государя ген.-ад. кн. А.С. Меншиков.

Перевод

55

«Подводя итоги этому замечательному тридцатилетию, мы должны признать, что правительственная система императора Николая была одной из самых последовательных попыток осуществления идей просвещенного абсолютизма» – А. Корнилов. Курс истории России XIX века (М., 1912), ч. 1, с. 119.

Эти записки цесаревича отмечены некоторой недосказанностью: в них как бы проскальзывает мысль, что такой манифест не может кого-нибудь удовлетворить и скорее лишь усилит горечь разочарования.

С небольшими изменениями оно было окончательно утверждено в 1852 г. и тогда же было распространено и на остзейские губернии.

58

В системе собственно министерского управления в николаевское царствование не было произведено каких-либо коренных преобразований. Наиболее крупным изменением в составе министерств, кроме упомянутого выше учреждения Министерства Двора и отделения от Министерства народного просвещения Главного управления иностранных исповеданий, было образование в 1832 г. Главного управления путей сообщения и учреждение к 1838 г. только что упомянутого Министерства государственных имуществ. Преобразование внутреннего устройства отдельных министерств (с 1832 по 1846 гг. – Министерства иностранных дел; в 1836 – Военного Министерства) преследовало цели введения большего единобразия в порядке управления, уничтожения остатков коллегиальности и усиления единоличной власти министров.

Весьма интересный материал для истории некоторых, главным образом по финансовому и крестьянскому вопросам, секретных комитетов николаевского времени представляют записки участника этих комитетов бар. М. Корфа: «Император Николай I в совещательных собраниях» (Сборник Имп. Русск. Истор. общ., т. 98). В этих записках обрисовывается, между прочим, личная роль в работах секретных комитетов самого Николая Павловича, далеко не ограничивавшегося ролью пассивного председателя, но обыкновенно произносившего большие речи, направлявшего прения и вообще принимавшего самое активное участие в комитетских работах.

Судьба, постигшая так называемую Археографическую экспедицию, весьма показательна для всей уваровской системы. Снаряженная в 1829 г. Академией наук, президентом которой состоял сам граф Уваров, эта экспедиция была всецело обязана своим возникновением и осуществлением неутомимой энергии молодого археографа П.М. Строева. По плану Строева экспедиция должна была обследовать и привести в известность всю письменную старину, какая могла быть найдена в провинциальных книгохранилищах, для чего предполагалось совершить в течение ряда лет три поездки по северной, средней и западной России. В течение пяти лет поставленный во главе экспедиции Строев и его помощник Я.И. Бередников, преодолевая самые крайние трудности и лишения, изъездили всю северную и среднюю Россию. Ими было осмотрено до 200 библиотек и архивов и собрано до 3000 документов огромной исторической важности. К Строеву обращались ученые исследователи во время его экспедиции за справками; его содействием пользовался Сперанский при составлении Полного собрания законов; сам император Николай прочитывал «от доски до доски» присылаемые Строевым в Академию копии собранных документов. Эти документы надолго составили основной фонд источников, на которых стали строиться отныне исторические исследования. 29 декабря 1834 г. Академия в торжественном собрании приветствовала отчет Строева, который готовился уже закончить свое дело и мечтал об обследовании архивов и библиотек Западной России, Литвы и Польши. И почти в тот же день приказанием министра народного просвещения гр. Уварова археографическая экспедиция была прекращена и для разбора и издания собранных ею документов при министерстве была учреждена Археографическая комиссия во главе с чиновником министерства кн. Ширинским-Шахматовым, не имевшим никакого отношения к истории и археографии. Строев и Бередников были назначены простыми членами комиссии. Сейчас же следует, конечно, оговориться: последующей своей деятельностью Археографическая комиссия сделала немало для русской исторической науки, но факт остается фактом. Возникшее по частной инициативе свободное научное предприятие после того, как пережило столько невзгод и близко было уже к торжеству того, кто был его душой, Министерство народного просвещения берет в свое ведение. Археографическая экспедиция прекращает свое существование, и дело собирания и

издания исторических документов переходит в правительственные руки в тот щекотливый момент, когда нескромный глаз ученого собирался было проникнуть в заповедную область русско-польских отношений, научное истолкование которой заранее предопределялось правительственными предначертаниями. Министр народного просвещения пожинает для правительства лавры беззаветного подвижника науки, которого он сам, как президент Академии наук, благословил на трудный научный подвиг.

61

Правом собственной цензуры в николаевское царствование пользовались: Министерство Двора, Финансов, Военное, Внутренних дел, II и III отделения Собственной Его Величества Канцелярии, Военно-топографическое депо, Шеф жандармов, Почтовый департамент, Комиссия по строению Исаакиевского собора, Кавказский комитет, Управление коннозаводства и мн. др.

Эти меры преследовали, главным образом, три цели: ограничение свободного и явного отправления раскольниками их богослужения, уменьшение численного состава раскола и ограничение гражданских прав лиц, официально числящихся в расколе. Раскольникам не разрешалось не только вновь строить общественные молитвенные здания, но и чинить приходившие в негодность. Частные моленные точно так же закрывались, равно как раскольничьи скиты и монастыри. Постепенно эти ограничительные меры были распространены и на раскольничьи больницы и другие богоугодные заведения. Духовные завещания и другие подобные акты в пользу раскольничьих молитвенных учреждений с 1837 г. в законном порядке не утверждались. С 1831 г. на открытие раскольничьих богоугодных заведений требовалось разрешение местных губернаторов, сносившихся по этому вопросу с Министерством внутренних дел. Ведение метрических книг до 1837 г. разрешалось только раскольникам-поповцам. С 1837 г. регистрация рождений и смертей среди раскольников, как беспоповцев, так и поповцев, была передана исключительно в ведение полиции. Дети раскольников, не признававших церковный брак, считались с 1838 г. незаконнорожденными; за их матерями, как за женщинами распутного поведения, не признавалось право распоряжаться своими детьми в вопросах религии. Таких детей крестили по православному обряду: мальчиков было предписано отдавать в военные кантонисты, а девочек пристраивать по распоряжению приказов общественного призрения. В 1839 г. по частному случаю, для разрешения недоумения, возникшего у рижского генерал-губернатора, было издано весьма характерное для николаевской политики Высочайшее повеление, следующим образом ограничивавшее и изъяснявшее предшествующее постановление: 1. На основании изданных о раскольниках постановлений они не преследуются за мнения их о вере и могут спокойно исполнять принятые ими обряды, следственно, и крещение рождающихся младенцев, лишь бы не было при сем публичного оказательства сих обрядов и учения раскольнического. 2. Таковые благостные постановления из снисхождения к заблудшим, в руководство местным начальствам преподанные, уже отстраняют всякое их толкование и не требуют нового положения. 3. Везде незаконнорожденными признаются дети, рожденные от лиц женского пола, не сожительствующих мужу по правилам своего верования, или подкинутые для

сокрытия виновников преступного рождения, на которых единственно и должно распространиться Высочайшее повеление 1838 г.4.Не следует возбуждать вопросов и желать точности в таких предметах, которые негласно допускаются, как изъятия из общих законов, единственно по снисхождению к заблуждениям раскольников или в надежде, что они, восчувствовав благость к ним правительства, обратятся на путь истины и воспользуются законными правами, всем вообще верноподданным дарованным. 5. Настоящее разрешение надлежит генерал-губернатору принять к собственному руководству, не делая по оному никакого объявления раскольникам.

63

Вновь учреждаемая кафедра русской истории, как и следовало ожидать, стала предметом особого внимания для правительства: надо было озаботиться подысканием лиц, которые, выгодно зарекомендовав себя или как самостоятельные ученые, или как талантливые лекторы, проводили бы в то же время в своих мнениях взгляды, соответствующие официальной концепции русской истории. Кафедру русской истории занял в Московском университете Погодин, в Петербургском – Устрялов. Первый успел уже зарекомендовать себя к этому времени как самостоятельный исследователь. Устрялов в первые годы своего профессорства, по отзывам слушавших его в то время, своей манерой читать лекции выгодно отличался от многих своих сотоварищей и сумел заинтересовать студентов своим предметом. Оба они, и Погодин, и Устрялов, были в то же время весьма определенными представителями так называемой «теории официальной народности». Вышедшая в свет в 1836 г. докторская диссертация Устрялова «О системе прагматической русской истории» была как бы приложением к русской истории тех взглядов на взаимоотношение между всемирным просвещением и русским, какие развивал в своей программе Уваров, и проводила взгляд на царствование Николая I как на время полного раскрытия самобытных начал русской народной и государственной жизни.

К. Зайцев. К вопросу о порядке престолонаследия в России. – «Право», 1912, № 12.

Кодификационные работы николаевского царствования, кроме практического значения, имели и чисто научное – для разработки вопросов русской исторической науки и истории русского права. Не говоря уже о Полном собрании законов и о Своде, здесь должен быть отмечен целый ряд изданий, попутно с этим возникших, как, например, издание разрядных книг, статейных списков (с 1474 г.), дворцовых разрядов (с 1612 г.), журналов Петра Великого и камер-фурьерских журналов (с 1734 г.).

Гр. Строгоновой – в 1831 г., кн. Голицыных – в 1833 и 1834 гг., гр. Бенкендорфа – в 1837 и 1844 гг., кн. Витгенштейна – в 1845 г., кн. Паскевича-Эриванского – в 1847 и 1849 гг. и др.

Всего при Николае I было куплено до 178 имений с 54.349 душами крестьян.

С 16 апреля 1841 г. – светлейший князь.

69

Перевод

70

Боевое снаряжение во французской армии в то время – 56 фунтов.

В 1835 г. – положение войска Донского, послужившее образцом и для других, в 1840 – для Оренбургского, в 1842 г. – для Черноморского, в 1844 г. – для вновь образованного в 1828 г. Дунайского, в 1845 г. – для Кавказского линейного и Астраханского, в 1846 – для Сибирского линейного.

До 26 авг. 1853 г.; после него – кн. Вас. Андр. Долгорукий.

73

Фрегат «Архимед», потерпевший крушение в 1850 г. в Балтийском море.

История «открытия» о. Сахалина и устья р. Амур весьма ярко иллюстрирует николаевскую правительственную систему. В правительственных сферах, и главным образом в дипломатическом ведомстве, боявшемся международных осложнений, было усвоено отрицательное отношение ко всякой мысли о возможности занятия устья Амура. После доклада академика Миддендорфа, указывавшего, что фактически Амур не занят Китаем, и статьи Полевого в «Северной пчеле», разбиравшего значение утраты Амура, Николай приказал снарядить экспедицию для исследования устья этой реки. Выполняя «нежелательное» для него поручение, министр финансов не преминул подчеркнуть, что экспедиция снаряжается с целью «удостовериться в справедливости сложившегося убеждения о недоступности устья р. Амура». Экспедиция исполнила поручение начальства и доложила о том, что прежнее мнение, что Сахалин – полуостров, правильно и что поэтому вход в Амур с севера невозможен. Нессельроде доложил государю, что «Сахалин – полуостров, почему р. Амур не имеет для России никакого значения». Николай положил резолюцию: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить». В 1847 г. капитан-лейтенант Невельской, отправляясь на транспорте «Байкал» из Гельсингфорса на Камчатку, просил Меншикова содействовать разрешению ему ознакомиться с юго-восточным берегом Охотского моря, указывая, что в устье Амура его «официально занесут и свежие ветры, и течение». Придя в Петропавловск и не получив здесь ответа на свою просьбу, Невельской на свой страх отправился к восточному берегу Сахалина и в сентябре 1849 г. обогнул остров с юга. За такое «открытие», не соответствующее «видам» начальства, Невельской был признан «подлежашим наказанию» и был лишен наград. Покровительствовавший Невельскому восточносибирский генерал-губернатор Муравьев выхлопотал ему разрешение основать зимовье для торга с гилякаи на юго-восточном берегу Охотского моря, с приказанием, однако, «ни под каким видом и предлогом не касаться лимана и р. Амур». 1 августа 1850 г. Невельской водрузил русский флаг на устьях Амура. За такие «в высшей степени дерзкие поступки» особый комитет под председательством Нессельроде постановил разжаловать его в матросы, и только новое заступничество Муравьева спасло его от беды.

К этому времени относится дело на р. Валерик 11 июля 1840 г., давшее тему Лермонтову в его известном стихотворении.

Перевод

77

Перевод